

И. Н. ИОНОВ

**КРИЗИС ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
И ЛОГИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗИГЗАГИ
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОНЦЕПЦИЙ***

В статье анализируются тенденции развития цивилизационного подхода, возникшие в условиях кризиса исторического сознания 1990-х гг.: от проблематизации и частичной релятивизации формационной картины исторического процесса в пионерских работах М. А. Барга, через создание аподиктических образов цивилизации, логоцентрических моделей истории в исследованиях российской цивилизации А. С. Ахиезера до современных исторических и историко-социологических исследований.

Ключевые слова: историческое сознание, дискурс, цивилизация, формация, предпосылочное знание, инверсия, логоцентрический, догматический, проблематизация, познавательный горизонт, универсальный, локальный, диалог.

Современный статус цивилизационных представлений крайне противоречив. С одной стороны, цивилизационные представления о России получили полуофициальный статус и играют большую роль в международном диалоге, в частности, с Индией¹. С другой стороны, после резкой критики этих представлений как высоко идеологизированных, часто националистических и даже расистских, высказанной Ю. Шерер, Г. И. Зверевой и В. А. Шнирельманом, все чаще их рассматривают как атрибут определенной политической системы, при помощи которого находятся «аргументы в пользу закрытости от мира (“особый путь”, “особая цивилизация”))», в пользу «блокировки модернизации страны»².

Анализ длинного пути, который прошли цивилизационные представления в современной России, демонстрирует наличие разнообразных тенденций, которые дают основу для прямо противоположных оценок и высказываний. Чтобы уяснить их необходимо различать содержа-

---

* Исследование выполнено по проекту «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов». Автор выражает искреннюю признательность философу С. П. Чернозуб за глубокие и квалифицированные замечания по поводу логических форм исторических теорий.

¹ Russian civilization... 2007.

² Гудков. 2009. С. 14.

ние тех или иных исторических, историко-социологических и философско-исторических исследований и те логико-лингвистические формы, которые они принимали на разных этапах. Важно понимать также, что эти формы зачастую определялись не только личными склонностями исследователей, но и характером актуальных для того момента форм исторического сознания и господствующего дискурса, из-за чего их оценки современниками могли быть очень необъективными. Зачастую эта ситуация сохраняется и по сей день.

От формации к цивилизации: проблематизация и денерархизация исторических образов

Изначально движение в сторону цивилизационного сознания в 1980-е гг. было по своей природе релятивизаторским и созвучным передовым идеям своего времени. Особенно ясно это видно на примере работ М. А. Барга, одного из основателей цивилизационных исследований в стране, создателя сборника статей «Цивилизации», которым выстраивалась модель «социально-экономического региона», будущей цивилизации. В ней ясно выражена тенденция с *специализации* историзма, к некоторой релятивизации прогрессизма и прогрессистски понятого эволюционизма, на основе которых исторические явления в марксизм-ленинизме выстраивались в единую универсальную иерархию. Более того, именно на путях специализации и регионализации исторического анализа М. А. Барг видел возможность проявить лучшие качества исторического знания, обращенные к анализу конкретного. Соответственно, в его работах большее внимание уделяется не прогрессу, а развитию; выстраиваются не детерминистские причинно-следственные последовательности, а вероятностные, часто уникальные модели межформационного и внутриформационного взаимодействия, «пестроты и неравномерности» включения различных регионов в данную формацию, производственно-технических и социально-культурных «разрывов» между ними, «перепада» исторических потенциалов, которые невозможно описать в рамках теоретических схем марксистской социологии.

Иногда такие модели трудно поддаются иерархизации. Например, это случай «взаимодействия регионов одних и тех же стадийных фаз, олицетворявших разновидности одной формации»³. Каким образом можно было описать подобное взаимодействие? Ведь в рамках марксизма найти «объективные» основания для предпочтения одной из сторон было бы трудновато, а с точки зрения историка — часто и не-

---

³ Барг. 1986б. С. 89.

возможно. Поэтому я бы рискнул предположить, что в решении подобной задачи Барг мог приближаться к модели симметричного, многостороннего описания исторической реальности, учитывающей разнообразие позиций и интересов различных заинтересованных сил, которую наиболее ясно охарактеризовал в 1973 г. К. Гирц в своей концепции насыщенного описания, учитывающего многообразные контексты, создававшиеся взаимодействующими точками зрения. Классически описанное Гирцем взаимодействие французских колонизаторов, берберских племен и еврейских купцов в Северной Африке отчасти напоминало межформационное взаимодействие, охарактеризованное М. А. Баргом⁴.

В результате проблематизировался принцип исторического детерминизма в его телеологических формах. «Само взаимодействие “социальных организмов” различной формационной принадлежности заставляет задуматься над вопросом, — пишет М. А. Барг, — что означает категория “историческая неизбежность?”». И ищет ответ в альтернативности исторического развития, актуализирующейся «в те периоды истории, в которые формационное взаимодействие становится влиятельным фактором в процессе межформационного перехода обществ»⁵. Для историка эта идея, учет роли капиталистической Европы как «внешней исторической среды» России оказывались основанием для пересмотра западнических и славянофильских подходов к истории нашей страны.

В свете дальнейшего развития цивилизационных идей особое значение имеет отношение М. А. Барга к инверсии, «переворачиванию» соотношения тех или иных элементов системы. В частности, он писал о таких формах, как «переворачивание» отношения «предпосылки и результата процесса, или, что то же, порядка соподчинения элементов генезиса данного явления, рассматриваемых в порядке исторического следования, в сравнении с логическим соподчинением тех же элементов в зрелом состоянии данного явления (то есть функционирующего уже на собственной основе»⁶ (речь шла о роли торгового, денежного капитала и земельной ренты). Здесь проблематизируется отношение между *историческим* и *логическим*. В результате *историческое* отчасти освобождается из-под власти *логического*, обретает собственную природу и сущность. И не случайно на той же странице М. А. Барг подчеркивает, что подобные явления могут быть выявлены «только на историческом уровне изучения действительности, но отнюдь не на социологическом

---

⁴ Гирц. 2006. С. 175-178.

⁵ Барг. 1986б. С. 90.

⁶ Там же. С. 91-92.

его уровне, то есть они невозможны на уровне закономерностей движения социально-экономической формации как целостности»⁷.

Конечно, последующее умозаключение может показаться крайне спорным, и все же я приведу его: а не играет ли инверсия у Барга в данном случае ту же роль инструмента проблематизации и, в конечном счете, деконструкции, как и в выдвинутом еще на рубеже 1960–70-х гг. проекте «двойной науки» Ж. Деррида? Конечно, М. А. Барг не подвергал критике гегелевскую логику снятия. Но разве сама по себе «фаза перевертывания» не была намеком на движение в эту сторону? Ведь недаром Деррида писал: «Я настаиваю много и постоянно на необходимости этой фазы перевертывания, которую, возможно, слишком быстро попытались дискредитировать»⁸. Ведь акт перевертывания противопоставляется «силовой иерархии» бинарной оппозиции, он выявляет и ломает ее заданность, а потому ее можно обозначить и деконструировать хотя бы на время акта перевертывания. «Пренебречь этой фазой переворачивания, — продолжает Деррида, — значит упустить из виду конфликтную и субординирующую структуру оппозиции»⁹. В данном случае Барг выступает на стороне исторического против «силовой иерархии» логического в марксизме, против догматической составляющей марксизма. Он хорошо чувствовал иерархичность бинарных оппозиций, используемых в гегелевской традиции философии истории (в том числе сохранившихся у К. Маркса) и пытался найти пути противодействия этой тенденции. Концепции «социально-экономического региона» и цивилизации создавались именно с этой целью.

Разумеется, представления М. А. Барга об истории были далеки от идеала множественности историй Ж. Деррида, от аналитической философии истории Л. О. Минка, от идиографического подхода, даже от конструктивизма концепции идеальных типов М. Вебера. В его взглядах на историю господствовал объективизм, и Барг считал, что социологи типа Вебера достигают преодоления «тупика идиографизма» «ценой отказа от элементарных требований историзма, так как в поисках “идеальных” черт явлений “конструктор” волен не замечать ни границ исторических эпох, ни системной сути вещей, от которых эти черты отвлекаются»¹⁰. Однако в его формировавшемся цивилизационном дискурсе, создаваемом внутри марксистского дискурса внутриформацион-

---

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Деррида. 2007. С. 49-50.

⁹ Там же. С. 50.

¹⁰ Барг. 1986а. С. 108.

ного *уподобления*, господствовал пафос внутрiformационного *различения*, при этом Барг вовсе не пытался в духе гегелевской логики трактовать различие как противоположность. Субстанционализм в его версии носил критический характер и избегал смешения со спекулятивным и субъективным подходом¹¹. Значение этой критической традиции в марксизме не отрицал и Деррида (хотя и указывал на ограниченность роли используемой в данном случае процедуры перевертывания)¹².

Все эти замечания о давно ушедших намерениях творчески преобразовать марксизм не имели бы большого смысла, если бы история цивилизационных представлений не повернула резко в другую сторону, не изменила решительно и надолго проблематизирующему дискурсу, ориентированному на различение. Многие более молодые ученые, работавшие с М. А. Баргом, понимали познавательную ситуацию по-иному. Они искали не путей движения внутри готовой формационной парадигмы к историческому конкретному, а новых (хотя и тоже часто марксистских) теоретических оснований для общих суждений об истории. Например, автора этих строк в 1987 г. исторические альтернативы интересовали как способ «обнажить тот “костяк”, на который нарастает “мясо” исторических вариантов»¹³. Поэтому на первый план выступала догматическая схема противопоставления устойчивого и изменчивого, с явным акцентом на последнее, хотя противопоставление традиции и инновации уже было к этому времени трансформировано Э. С. Маркаряном в довольно симметричное различение, поле взаимосвязи и взаимодействия этих сторон оппозиции¹⁴. В самом конце 1980-х гг. началось создание сциентистского варианта цивилизационной парадигмы¹⁵.

Образ российской цивилизации и его особенности

Политическая и познавательная ситуация радикально изменились в 1991 г., в мае которого М. А. Барга не стало. Крах коммунистической идеологии и тесно связанных с ней формационных представлений привели к глубокому кризису общественного и исторического сознания. В рамках марксистских представлений описать крах Советского Союза было невозможно. Возникла ситуация, которую И. Рюзен охарактеризовал как травму исторического сознания — «кризис, который разрушает

---

¹¹ Там же. С. 110.

¹² Деррида. 2007. С. 76-78.

¹³ Ионов. 1989. С. 55.

¹⁴ Маркарян. 1973.

¹⁵ Формации или цивилизации?.. 1989.

структуру порождения смысла». Этот кризис имел черты «критического» кризиса, когда «утверждаются новые модели значимости при интерпретации прошлого; историческое мышление создает новые парадигмы и следует им»¹⁶. Но одновременно проявились и черты «катастрофического кризиса», который «разрушает способность исторического сознания превращать последовательность событий в осмысленное и значимое повествование». Рюзен предлагал для преодоления такой травмы стратегию *повторной травматизации*, превращения бессмысленности в элемент, *созидающий сам смысл*. «Вместо “нормализации” истории, при которой исчезают разрушительные элементы, повествование должно служить опорой для памяти о том, что “исключения являются нормой”. Оно должно хранить память об ужасе, скрывающемся под тонкой поверхностью обыденной жизни... указывать на границы морали, а лучше — на ее внутреннюю уязвимость»¹⁷. «Критический» кризис касался, прежде всего, всемирной истории, теории формаций, кризис «катастрофический» — истории России, причем в качестве травмы выступали как советский опыт, так и опыт распада СССР.

При наличии готовых заготовок «цивилизационной парадигмы» задача историков и философов раздвоилась. С одной стороны, необходимо было создать картину вновь «нормализованной» истории человечества на базе истории цивилизаций. С другой стороны, необходимо было критически переосмыслить историю России таким образом, чтобы показать причины и закономерность развала СССР, несостоятельность коммунистического прошлого, и главное, — то, о чем писал Рюзен, — внутреннюю уязвимость моральных представлений российской культуры. Преодоление «критического» кризиса было важным, но не жизненно необходимым. От преодоления «катастрофического» кризиса, от обретения новой идентификации, свободной от доминирования советского опыта, как представлялось в то время, зависело будущее страны. Поэтому на место задачи создания цивилизационной теории, поставленной М. А. Баргом, встала задача создания критической истории российской цивилизации для целей «повторной травматизации».

Задачи сочетания стратегий детравматизации на путях метаисторической рефлексии¹⁸ и «повторной травматизации» выполнил философ А. С. Ахиезер, книга которого «Россия: критика исторического опыта», написанная еще в 1970-х гг., стала интеллектуальным бестселлером

¹⁶ Рюзен. 2005. С. 41-42.

¹⁷ Там же. С. 42, 62.

¹⁸ Там же. С. 58-59.

1991 года. В ней был создан нормативный образ цивилизации в двух ее вариантах: либеральной и традиционной, который сочетался с представлением о травмирующем «беспрецедентном пути России»¹⁹. Как и у Рюзена, в основе исторической картины мира Ахиезера лежали нормы морали (нравственный идеал), воплощенные в социокультурном законе, нарушение которого делает невозможным воспроизводственную деятельность и ведет к катастрофе, подобной той, которую пережил СССР²⁰. Совершенно не случайно (и не только из-за фамилии) образ Ахиезера и содержание его труда вызывают ассоциации с библейскими пророками и их инвективами в адрес собственного народа²¹. Это явления, принадлежащие одной традиции. Но у меня тут возникает ассоциация не столько с бегло описанным, хотя и впечатляющим образом Ахии Силомлянина, сколько с образами Исаяи и Иезекииля.

Не вдаваясь в конкретный анализ труда А. С. Ахиезера, я хотел бы отметить некоторые его логико-лингвистические особенности. Они не только разводят дискурсы и логику Барга и Ахиезера, но порой прямо противопоставляют их. Это касается, прежде всего, самой бинарной оппозиции, лежащей в центре книги: либерализм — традиционализм. Несмотря на заявленную симметричность этой оппозиции, она исходно мало напоминает классические симметричные версии идеалов правого либерализма, неоднократно рождавшиеся в российской культуре, в частности «охранительный» либерализм Б. Н. Чичерина и либеральный консерватизм П. Б. Струве²². Начать с того, что либерализму противопоставлен не консерватизм, который в 1980-е гг. в форме неоконсерватизма стал одним из либеральных идеалов, а традиционализм, что затрудняет выстраивание поля симметричного взаимодействия оппозиций. К тому же равной парой традиционализму был бы не либерализм, а модернизация, инновация (как у Э. С. Маркаряна). Однако этот вариант тоже почему-то не прошел. В результате при эксплицитной ориентации на диалог бинарная связка выстроена таким образом, что этот диалог затруднен. Либерализм выступает как доминирующая сторона, не просто различающаяся, а противостоящая как подлинный идеал — ложному идеалу. Образы традиционной цивилизации и традиционного нравственного идеала выстроены на основе жесткого дискурса уподобления, который возводит их истоки к вечевому строю и даже тотемным веро-

---

¹⁹ Ахиезер. 1991. Т. 1. С. 21.

²⁰ Там же. С. 32-33.

²¹ Пригожин. 2009. С. 99.

²² Матвеева. 1991. С. 16.

ваниям²³. Это идеал и анти-идеал, между которыми нет никакого заметного, годного для использования в целях диалога смыслового поля (кроме поля смыслов власти, диалога либерализма и авторитаризма)²⁴.

Поэтому у Ахиезера невозможен синтез «трезвого консерватизма» и «твердого либерализма», к которому призывал П. Б. Струве²⁵. Невозможно рассмотрение исторического процесса из разных ценностных перспектив, как у К. Гирца. «Либерально-почвенный идеал» может мыслиться только как проявление активности либерализма и тактическое средство внедрения «ценностей современной либеральной цивилизации в глубину почвы»²⁶. Традиционализму приписывается абсолютная неспособность к диалогу. Характерно, что «переворачивание», переплюсовка смыслов, инверсия в отличие от их позитивной оценки у М. А. Барга как инструмента борьбы с догматизмом, выступают как крайне негативное, разрушительное явление, приводящее к утрате накопленного культурного опыта и государственности («коса инверсии»)²⁷.

Не случайно, что подробно анализируя псевдо-явления, характеризующие российскую цивилизацию как экзотическую, «промежуточную», А. С. Ахиезер однозначно связывает их с деформацией проявлений либерализма, а никак не традиционализма²⁸. Здесь нет ни псевдо-коллективизма, ни псевдо-уравнительности, ни псевдо-сакральности, тех многочисленных особенностей советской культуры, на которые указывают другие авторы. Это характеризует теорию Ахиезера как догматическую схему, основанную не столько на противопоставлении либерализма и традиционализма, сколько на противопоставлении либерализма и всего остального содержания человеческой культуры. В рамках этого противопоставления, имеющего характер дихотомии, традиционализм деисторизируется, лишается исторического измерения, и только потому при помощи этого понятия можно характеризовать как тотемные обряды, так и культуру советского общества. Антиисторический дискурс уподобления здесь становится господствующим и подавляющим. Это отмечала Г. И. Зверева, указывая, что названия конкретных исторических явлений систематически используются как трансисторические метафоры (раскол, манихейство, Орда, смута)²⁹. Возникает резко

²³ Ахиезер. Т. 3. 1991. С. 33-35; 395.

²⁴ См. об этом: Ионов. 2009. С. 148-149.

²⁵ Гайдено. 1992.

²⁶ Ахиезер. Т. 3. 1991. С. XXI, 162-163.

²⁷ Там же. С. 152-153.

²⁸ Там же. С. 266-284.

²⁹ Зверева. 2003. С. 103.

асимметричная дуальная оппозиция, являющаяся основанием для логоцентрической схемы, выстроенной по образцу аподиктического знания.

Фактически мы имеем здесь линейно-стадиальную схему, подобную формационной, в которой позитивные коннотации сдвинуты в идеологизированное будущее (либерализм), а негативные — в плохо различимое прошлое (традиционализм). Однако эта «двучленка» существенно примитивнее марксистской «пятичленки». К тому же в ней негативно трансформирована роль синкретических и переходных феноменов. Сама «промежуточность» российской цивилизации, которая вызвала бы у Барга здоровый научный интерес (межформационное взаимодействие!) здесь является предметом критики. На этот образ переносятся представления, подобные травматическим впечатлениям Рюзена о мире, где «исключения становятся нормой», память об ужасе, пережитом в СССР (Ахиезер работал в молодости экономистом в колхозе).

Логические предпочтения Ахиезера хорошо характеризует то, что свои поиски идеала «среднего пути» он связывает с именем одного из основателей схоластики, средневекового неоплатоника Маймонида, а также с именем Гегеля, который трактовал различие прежде всего как противоположность и искал путь взаимодействия ее полюсов через снятие и синтез³⁰. Это характеризует его принципиальный логоцентризм, представление о том, что логические принципы действуют независимо от предмета спора. В этом плане особую роль приобретало спекулятивное различение «гиперцентра» как позитивной стороны оппозиции и «гипоцентра», который прямо характеризуется как «нежелательное состояние». Именно они определяют «конструктивную напряженность» культуры, соотношение противоположностей³¹. И хотя Ахиезер параллельно выдвигает идеалы диалога, срединной культуры как формы медиации, взаимодействия этих неравных смыслов³², сами представления о диалоге и трактовка бахтинских и библеровских идей о рождении смысла между смыслами являются специфически логоцентрическими. Как носитель «нежелательных» смыслов простец должен стать объектом обучения, дать себя «перелопатить». Результат диалога осуществляется в снятии смыслов «гипоцентра» при развитии смыслов «гиперцентра»³³.

³⁰ Ахиезер. 1991. Т. 1. С. 53.

³¹ Там же. С. 40-41.

³² Ахиезер. 2006. С. 431-446.

³³ Этот подход кажется ему столь естественным, что он приписывает его даже А. Я. Гуревичу, для которого признание права личности за средневековым простецом было важным элементом исторического сознания Там же. С. 50-51; Гуревич. 1990.

Перед Ахиезером не встают проблемы, которые были главными для одного из создателей философии диалога Э. Левинаса — проблема ответственности перед Иным, возможность и значимость освобождения, отказа от себя, от собственной идентичности ради Иного, проблема постановки вопроса перед Иным. То есть большая часть диалогии как философии диалога им вообще игнорируется, несмотря на то, что в ее основе лежит тот же самый травмирующий опыт XX века, в том числе опыт СССР, который параллельно осмысливают Ахиезер и Левинас — прежде всего опыт Холокоста и Гулага³⁴.

Единственной формой диалога, которую реально признает А. С. Ахиезер, является сократовский диалог, предполагающий наведение профана на истину, а никак не диалог равных, которому посвящены работы по риторике и топике Аристотеля. Фактически эта форма диалога при столкновении с людьми других убеждений вырождается в идентификационистский или отрицательный тип диалога, при котором одна сторона полностью отрицает позицию другой. Невозможно (и теоретически, и практически) движение в сторону синтетического, синтезного, феноменологического диалога, при котором стороны стремятся к соглашению³⁵.

Это связано с тем, что история «выводится» из универсального метода логики (инверсионного или медиационного), «задается» им, а потому приобретает логическую прозрачность. Перед ролью логики отступает роль фактических знаний, материального содержания логических построений. В этом можно видеть наследие неоплатонизма, для которого сущность явлений заключена в идеальных формах эйдосов. Вопреки этой тенденции Аристотель мыслил диалог равных не как способ достижения точного знания, а как способ движения к правдоподобию знанию в рамках специфической логики *энтимемы*. Важнейшую роль в этом случае играют топосы, неожиданные повороты событий и мысли «местного и единичного значения», которые нарушают строгость логической формы. Роль логической формы уравнивается в данном случае ролью предмета спора, конкретно-исторического содержания высказывания. Отсюда, в частности, представление Аристотеля об истории, которую он считал менее способной к обобщениям, чем поэзия³⁶.

Из этого замечания следует, что невозможно сделать правдоподобный сквозной вывод для истории цивилизации, не учитывая кон-

³⁴ Последний обсуждается Левинасом, в частности, в связи с содержанием книги В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба». *Левинас*. 2006. С. 177-178, 191.

³⁵ *Кошмиле*. 2006. С. 160; *Западники и националисты...* 2003.

³⁶ *Лосев*. 1975. С. 699, 716-717.

кретно-исторического содержания высказывания, характера дискурса и воздействия вторгающихся в него топосов, которые и отделяют логику исторической действительности от логики чистого разума. А. Ф. Лосев определял специфику этой «диалектической», «риторической», «энтимемной», «топологической» логики как «искание истины, которое по-сильно человеку, не способному на осуществление одних только велений чистого разума»³⁷. В сущности, это инструмент проблематизации догматических схем исторической схоластики, которому Лосев придавал большое значение в рамках современных философских представлений.

В XVII в. «Толика» Аристотеля и вся традиция логики энтимемы была радикально отвергнута рационалистической картезианской традицией, которая опиралась на дедуктивные выводы из интуитивно достоверных аксиом и возводила самоочевидность идеи в ранг формы ее верификации. Однако гарантом такого рода верификации могли выступать только существование и совершенство Бога, от которого идут все ясные, внутренне прозрачные идеи. Только в силу его существования они объективно-истинны³⁸. Поиски правдоподобия отдавались картезианством на откуп искусству. В XX в. эта теологическая форма верификации неизбежно теряет свою роль, но в кругу сторонников Ахиезера интеллектуальная интуиция и самоочевидность ценились очень высоко. Недаром И. Г. Яковенко, вспоминая о первом впечатлении о книге Ахиезера, подчеркивает глубочайшую роль интуитивного подтверждения истинности всего прочитанного: «Читатель открывает... истину, встреча с которой удостоверяется экзистенциально, всей целостностью личности. Книга Ахиезера потрясала»³⁹. Однако вспомним, что подобные эмоции у сторонников вызвала и работа А. Г. Дугина, выдвинувшего сходную с идеей «промежуточной цивилизации» идею «археомодерна» как свойства русской культуры, но расценивавшего эту «болезнь» позитивно, как признак очищения для будущих свершений⁴⁰.

Подчеркну, что подобные догматические и порой просто схоластические теории истории, являясь архаичными для мировой науки, имели определенное положительное значение в период обострения кризиса исторического сознания в России. При их помощи создавались новые контуры или горизонты исторического знания. Опираясь на представление Э. Гуссерля о предпосылочном знании как априорной интуи-

---

³⁷ Там же. С. 719.

³⁸ Декарт. 1953.

³⁹ Яковенко. 2009. С. 106.

⁴⁰ Дугин. 2008.

ции, пред-структурах знания, его потенциальности Д. Капуто писал, что хотя они позволяют схватывать только фасад объекта, не его сущность, существуют на границе актуального и потенциального, их роль является положительной, ибо они представляют собой хотя и плохо определенный, не верифицируемый и даже не фальсифицируемый, но в принципе поддающийся определению горизонт возможного опыта⁴¹. Они подготавливают нас к восприятию нового. «Воспринимаемый объект не воспринимается непосредственно, а только параллельно с соположенным ему окаймлением внутренних и внешних горизонтов»⁴². Они становятся основой для новых национальных стереотипов, которые превращаются в базу массового исторического сознания⁴³.

Однако задача формирования догматического и логоцентрического предпосылочного знания актуальна лишь в короткие сроки обострения кризиса исторического сознания. По мере того, как история вновь обретает смысл, а новый круг проблем становится привычным, его роль заметно уменьшается, а субъективизм и неисторичность трактовок выходят на первый план. Этот рубеж был пройден в 2002–2003 гг., когда появился целый ряд критических работ о теориях российской цивилизации⁴⁴. Но это был не формальный переход. Именно за этим рубежом дискурс догматического, нормативного знания стал усиленно работать против приращения исторического знания, а уверенность авторов в возможности чисто логическим путем «вычислить» исторические закономерности проявилась в произвольности их умозаключений, заведомо не ориентированных на диалог. В частности, стали смешиваться такие совершенно разнородные явления как локализм и индивидуализм, русской литературе стал уверенно приписываться антидемократизм, а интеллигенции — роль транслятора архаических и манихейских взглядов, образ сталинских репрессий против крестьянства был позитивно нормализован и т. п.⁴⁵ На этом фоне критикам стало все труднее различать либералов и консерваторов, так как методологическая основа их построений была очень схожей. Особенно странно смотрятся такие труды в ряду сравнительных исследований специалистов по истории мировых цивилизаций⁴⁶. Эти работы, на мой взгляд, сейчас нельзя рассматривать иначе, кроме как экзоти-

⁴¹ Caputo. 1984. С. 164-165.

⁴² Ibid. С. 160.

⁴³ Вжосек. 2010. С. 5-13.

⁴⁴ Scherrer. 2003; Зверева. 2003; Национализм в мировой истории... 2007.

⁴⁵ Ахиезер и др. 2002. С. 251-252, 260; Яковенко. 2007. С. 179-180; Пелипенко. 2007. С. 69-70.

⁴⁶ Цивилизации в глобализирующемся мире... 2009. С. 24-34.

ческую попытку выстроить образ мировой истории из отжившей, архаичной и внутренне противоречивой познавательной перспективы. Но они имеют свое ментальное обоснование. Травма исторического сознания, признание исключения нормой были в них универсализированы и логизированы, расплзлись на образ всей мировой истории.

Вторичная проблематизация поля цивилизационных исследований

Однако параллельно с этим происходит активный процесс нормализации образа России, а также проблематизации первоначальных догматических концепций, важнейшую роль в которых, как во времена М. А. Барга, играет инверсия. Феномены «межцивилизационности» (и в локальном, и в стадиальном смысле), как четверть века назад феномены «межформационности» становятся предметами интереса создателей цивилизационных представлений о России. Старые иерархии рушатся, а метафизические элементы парадигмы размываются. На передний план выходят не логические формы, а конкретно-исторический предмет диалога. Субъект-объектные отношения не задаются изначально как необходимые, а конструируются в соответствии с исследовательскими задачами.

Такую процедуру проводит Я. Г. Шемякин в статье, посвященной памяти А. С. Ахиезера и ориентированной на анализ представлений о межцивилизационной границе и процессе ее перехода. Традиционализм в ней переосмысливается и из образа «гипоцентра» цивилизационной связки превращается в один из топосов исторического нарратива. В соответствии со взглядами Ш. Н. Айзенштадта образ традиционализма подвергается процедуре нормализации и позитивного переосмысления в качестве эпохи Осевого времени, соотносимой с эпохой создания современного научного знания — Вторым Осевым временем. Присутствующие в культуре России манихейские тенденции соотносятся с манихейскими составляющими других модернизирующихся культур. Они интерпретируются как свойство плюральных модерностей⁴⁷.

Подобным же образом негативный образ российского крестьянства как оплота локализма и противника создания большого, гражданского общества, как исконного носителя общинных, антигосударственных идеалов, в конце концов как деисторизированного «*неолитического крестьянства*»⁴⁸, вызвал мощную реакцию крестьяноведов, которые противопоставили этой схеме представление о крестьянстве как универсаль-

---

⁴⁷ Шемякин. 2009. С. 112-124.

⁴⁸ Пелипенко. 2007. С. 67.

ной социальной силе, построившей собственный тип экономики. Эта инверсия дала мощный толчок стратегии специализации⁴⁹, макроисторическим и клиометрическим исследованиям русского крестьянства.

Прямым ответом на «повторную травматизацию» А. С. Ахиезера стала стратегия нормализации, воплощенная в «клиотерапии» Б. Н. Миронова и апологии русского крестьянства Л. В. Милова. Они ориентированы на уточнение локализации исторической травмы и конкретных причин ее появления, позитивной и негативной роли конкретных форм осуществления модернизации, роли крестьянской этики в жизни страны⁵⁰. Эти подходы также оказались спорными и вызвали отпор специалистов. На этой основе завязалась профессиональная дискуссия между историками, в которую были вовлечены как проблемы социально-демографической теории (в частности, теории неомальтузианства), так и проблемы источниковедения. Образ общинной деревни, который ранее однозначно соотносился философами с «неолитической» сущностью русского крестьянина, теперь все чаще соотносится со спецификой российской модернизации, в частности, со способами проведения Александром II крестьянской реформы, отдавшей землю общине, и с «голодным экспортом» зерна за границу⁵¹.

Параллельно в ходе этих дискуссий, привлечших специалистов разных профессий, происходит переосмысление теоретических основ цивилизационной проблематики России с позиций мир-системного подхода, в результате чего проблематизация становится радикальной, а логико-семантическое пространство «критической историософии» России подвергается сплошной перепашке⁵².

Культурологические схемы с их заданной логикой отвергаются современной социологией культуры, которая переносит взгляд со структуры цивилизации на взаимодействие цивилизационных укладов российской культуры. В частности, Б. В. Дубин выделяет в российской культуре различные смысловые миры (цивилизационные уклады), такие как рассеивающе-собирающий, массовый, ориентированный на телевидение; дегустирующую слоевую группировку, ориентированную на массовый глянецовый журнал; точечные или эфирные сообщества, ориентированные на клуб, салон, кружок, малый журнал или альманах. Они постепенно отдаляются друг от друга, что затрудняет их обобщающую характе-

⁴⁹ Рюзен. 2005. С. 59.

⁵⁰ Миронов. 2003. Т.2. С. 291-359; Милов. 1998.

⁵¹ Нефедов. 2005. С. 242-284; Кульпин-Губайдуллин. 2010. С. 106-109.

⁵² О причинах Русской революции... 2010.

ристику. Стереотипы, культивируемые догматическими цивилизационными схемами (центр-периферия, низы-верхи, здешнее и потустороннее) рассматриваются Дубиным как архаика, проявление мифологии особого пути и особого характера русского человека⁵³.

***

Таким образом, теоретическое осмысление истории в России за последние четверть века неоднократно меняло логику и язык, выстраивая на чисто логических основаниях догматические схемы аподиктического знания и разрушая их. Большую роль в этом играла стратегия, которую М. А. Барг называл «переворачивание», инверсия. Она помогает обнажить роль конкретно-исторического содержания в историко-теоретических построениях, проблематизировать их. Сейчас — время пробовать парадигмы на прочность. И опыт «творческого марксизма» 1980-х гг. может в этом очень пригодиться.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахиезер А. С., Давыдов А. П., Шуровский М. А., Яковенко И. Г., Яркова Е. Н.* Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 610 с.
- Ахиезер А. С.* Об особенностях современного философствования. Взгляд из России // *Ахиезер А. С.* Труды. В 2 т. Т. 1. М.: Новый хронограф, 2006. С. 333-479.
- Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. В 3 т. Т. 1. М.: Издательство ФО СССР, 1991. 318 с.
- Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. В 3 т. Т. 3. (Социокультурный словарь). М.: Издательство ФО СССР, 1991. XXXIX+470 с.
- Барг М. А.* «Идеальные типы» Макса Вебера и категория «классическое» в марксистском историзме // *Вопросы философии.* 1986а. № 7. С. 100-111.
- Барг М. А.* Категория «развитие» в историческом исследовании (Опыт системного анализа) // *История СССР.* 1986б. № 1. С. 77-94.
- Вжосек В.* Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // *Диалог со временем.* 2010. Вып. 30. С. 5-13.
- Гайденок П. П.* Под знаком меры (либеральный консерватизм П. Б. Струве) // *Вопросы философии.* 1991. № 12. С. 54-64.
- Гириц К.* «Насыщенное описание»: В поисках интерпретативной истории культуры. Пер. с англ. Е. М. Лазаревой // *Антология исследований культуры. Интерпретации культуры.* Глав. ред. С. Я. Левит. 2-е издание. М.-СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 171-202.
- Гудков Л.* Природа «путинизма» // *Вестник общественного мнения.* 2009. № 3 (101) июль-сентябрь. С. 6-21.
- Гуревич А. Я.* Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 395 с.

---

⁵³ *Дубин.* 2008. С. 80.

- Декарт Р.* Рассуждение о методе с приложениями: Диоптрика, Метеоры, Геометрия. М.: Издательство АН СССР, 1953. 655 с.
- Деррида Ж.* Позиции. Беседы с Анри Ронсом, Юлией Кристевой, Жаном-Луи Удбином, Ги Скарпетта. Пер. с франц. В. В. Бибикина. М.: Академический проект. 2007. 160 с.
- Дубин Б. В.* Формы социальности и типы культур в современной России // Вестник общественного мнения. 2008. № 5 (97) сентябрь-октябрь. С. 79-80.
- Дугин А. Г.* Археомодерн. В поисках точки, где и модерн, и архаика ясны как парадигмы. <http://texts.pp.ru/archeomodern.html> Дата размещения 10.04.2008.
- Западники и националисты: возможен ли диалог? Ред. и сост. А. Трапкова. М.: ОГИ, 2003. 480 с.
- Зверева Г. И.* Цивилизационная специфика России: дискурсивный анализ новой «историософии» // Общественные науки и современность. 2003. № 4. С. 98-112.
- Ионов И. Н.* Исторический процесс: варианты и альтернативы // Вариантность прошлого: методологические аспекты (материалы конференции 27-29 апреля 1987 г. в Болшево). Ред. коллегия: А. Бицадзе, И. Шамшин. М.: МГУ, 1989. С. 52-77.
- Ионов И. Н.* Цивилизационные образы России и пути их оптимизации // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 143-157.
- Коимило О. К.* Бахтин и Левинас: Высказывание. Диалог. Коммуникация // Эмманюэль Левинас: путь к другому. Сборник статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 147-176.
- Кульпин-Губайдуллин Э. С.* Василий Докучаев как предтеча биосферно-космического историзма: судьба ученого и судьбы России // Общественные науки и современность. 2010. № 2. С. 103-113.
- Левинас Э.* Забота о добре. Пер. с франц. Л. Ю. Соколовой // Эмманюэль Левинас: путь к другому. Сборник статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 177-180.
- Левинас Э.* По-другому чем быть, или по другую сторону сущности. Пер. с франц. И. Полищук // Эмманюэль Левинас: путь к другому. Сборник статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 181-194.
- Посев А. Ф.* История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.
- Маркарян Э. С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1973. 146 с.
- Матвеева С.* Философский анализ социокультурной динамики России // Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3 т. Т. 1. М., ФО СССР, 1991. С. 3-20.
- Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового

- государства. В 2 т. Третье издание, исправленное и дополненное. СПб: «Дмитрий Буланин», 2003.
- Национализм в мировой истории. Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. 601 с.
- Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX веков. Екатеринбург: Издательство УРГУ, 2005. 543 с.
- О причинах Русской революции. Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 432 с.
- Пелипенко А. А. Печальная диалектика российской цивилизации // Россия как цивилизация. Устойчивое и изменчивое. Отв. ред. И. Г. Яковенко. М.: Наука, 2007. С. 48-72.
- Пригожин А. И. Феномен Ахиезера // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 99-104.
- Рюзен Й. Кризис, травмы и идентичность // Цепь времен. Проблемы исторического сознания. Сборник статей памяти проф. М. А. Барга. Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 38-62.
- Формации или цивилизации? (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34-59.
- Цивилизации в глобализирующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта. По материалам научной конференции. Отв. ред. В. Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 162 с.
- Шемякин Я. Г. Граница. (Процесс перехода и тип системности) // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 112-124.
- Яковенко И. Г. Александр Ахиезер: человек и мыслитель // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 105-111.
- Яковенко И. Г. Манихео-гностический комплекс русской культуры // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М.: Наука, 2007. С. 73-194.
- Caputo J. D. Husserl, Heidegger and the Question of «hermeneutic» phenomenology // Husserl Studies. 1984. № 1. P. 158-178.
- Russian Civilization. Dedicated to the Official Visit of Russian President V. V. Putin to India in January, 2007. Editors A. Patnaik, A. Mohanty, N. S. Kirabaev, M. M. Mchedlova. New Delhi: FK Publications, 2007. 240 с.
- Scherrer J. Kulturologie: Russland auf der Suche nach einer zivilisatorischen Identität. Göttingen: Wallstein Verlag, 2003. 192 p.

Ионов Игорь Николаевич, к.и.н., старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; ionov@mail333.com.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DANIELLE JACQUART

ТРУДНОСТИ ЛЕТАЛЬНОГО ПРОГНОЗА¹

Совет не пытаться лечить безнадежные случаи, присутствующий уже в некоторых текстах Гиппократова сборника, вновь повторяется средневековыми авторами хирургических трактатов. Но как обстояло дело у врачей-терапевтов? В данной статье анализируются высказывания двух авторов: Бернара де Гордона (к. XIII – н. XIV в.) и Жака Депара (ум. 1458), и их умолчание касается не столько летального прогноза, сколько лечения безнадежных случаев. Признаки смертельных случаев было действительно нелегко распознать, кроме тех случаев, когда кончина была совсем близка, и, по мнению врача, было менее позорно дать неверный летальный прогноз. В Позднее средневековье повторяющиеся вспышки чумы еще усилили сдержанность врачей и заставили многих из них чаще давать тот прогноз, к которому они испытывали отвращение.

Ключевые слова: медицина, прогноз, смерть, болезнь, признаки.

В монографии «Гиппократ», вышедшей в 1992 г., Жак Жоанна посвящает несколько страниц проблеме прогноза в неизлечимых случаях: в некоторых текстах Гиппократова сборника предлагается отказаться от их лечения². Эти страницы логически продолжают изложение другой темы: прогноз на расстоянии. Одновременно в хирургическом трактате «О ранах головы» и в «Прогностике» врачу рекомендуется, прежде чем прикоснуться к больному и провести детальное обследование, пронаблюдать видимые знаки на расстоянии, чтобы сделать предварительный прогноз. Этот прогноз должен был побудить врача принять решение не лечить больного, если его состояние сочтено безнадежным. Трактат из Гиппократова сборника под названием «Об искусстве», написанный в последней четверти V века до н.э., отвечает хулителям медицины, которые упрекают врачей, что «те болезни, которые врачи решаются лечить, могут быть излечены и сами по себе, а вот тех именно, которые нуждаются в помощи, врачи

---

¹ Jacquart D. Le difficile pronostic de mort (XIVe-XVe siècles) // *Médiévales*. 46 (2004) — <http://medievales.revues.org/document782.html>; Jacquart D. Le difficile pronostic de mort (XIVe-XVe siècles) // *Médiévales*. n°46. Paris, PUV, printemps 2004. P. 11-22.

² Jouanna. 1992. P. 153-159. Ссылки на это издание см. ниже.

совсем не касаются»³. Автор трактата «Об искусстве» отвечает резко, обвиняя этих противников медицины в невежестве и безумии: «Если кто будет думать, что искусство властно в том, что не есть искусство, или природа в том, что не есть природа, тот обнаружит незнание, граничащее скорее с безумием, чем с невежеством»⁴. Установление неизлечимых случаев и отказ от их лечения — неотъемлемая часть медицинского искусства, которое этот гиппократический автор определяет в начале своего трактата следующим образом: «Она (медицина) совершенно освобождает больных от болезней, притупляет силу болезней, но к тем, которые уже побеждены болезнью, она не протягивает своей руки, когда достаточно известно, что в данном случае медицина не может помочь»⁵. Ж. Жоанна связывает эту позицию автора-гиппократика с тем, что говорит Платон в «Республике» (II, 360e-361a): «Люди, сведущие в искусстве, например опытный кормчий или врач, умеют отличать в своем искусстве невозможное от возможного и предпринимают возможное, но оставляют невозможное». Перед тем, как перейти к нашей теме и обратиться к эпохе Средневековья, отметим, что Арнольд из Виллановы (ум. 1311) в *Repetitio* на первый афоризм Гиппократова снова приводит эту аналогию, но не для того чтобы отказаться от неизлечимых случаев и не для того чтобы разграничить возможное и невозможное, а чтобы указать, что врач должен уметь переориентировать лечение в соответствии с обстоятельствами, подобно тому, как кормчий изменяет маршрут в соответствии с переменной ветра.⁶ Аналогия имеет совсем другой смысл, поскольку речь не идет об отказе действовать. Если вернуться к позиции древнегреческих врачей по вопросу о неизлечимых болезнях, Ж. Жоанна предполагает (указав, что Гален в комментариях к «Афоризмам» Гиппократова воспроизводит те же термины из гиппократического трактата «Об искусстве»), что речь шла о своего рода табу: «Этот запрет лечить случаи, считавшиеся неизлечимыми, основан на теоретических предпосылках, которые кажутся чуждыми современному мышлению. Тогда господствовало убеждение, что медицинское искусство постигнуто полностью и что его сфера действия ограничена раз и навсегда, как будто бы дальнейший прогресс в

³ Русский перевод в кн.: *Гиппократ*. Избранные книги. М.: Сварог, 1994 (репринт издания 1936 г.). С. 134.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 130.

⁶ *McVaugh*. 1997. P. 201-223. – P. 210. Об этой аналогии у Арнольда де Виллановы см. также: *Idem*. 1993. P. 167.

терапевтических средствах не мог расширить пределы излечимого. Сфера неизлечимого, будучи вне искусства, становится некоторым табу, оправданным соображениями разума. Надо ли видеть в этом объяснение древнего представления, согласно которому запрет на лечение мог объясняться верой, что больной проклят божеством? Трудно сказать, поскольку контексты различны»⁷. Авторы «Гиппократова сборника», например автор трактата «О местах в человеке» (IV в. до н.э.), напротив, дерзко настаивают: «В самых рискованных болезнях нужно идти на риск; ибо если исход будет удачным, то здоровье возвратится, а если постигнет неудача, исход будет таким, каков он должен быть».

В Средние века мысль не вмешиваться в безнадежных случаях наиболее четко выражена в хирургических трудах. Лафранко из Милана в последние годы XIII в. объяснял это в советах хирургу: «пусть он не стремится к трудным случаям и никоим образом не вмешивается в случаях безнадежных» (*curas difficiles non diligit et de desperatis nullatenus se intromittat*)⁸. В свою очередь, Анри де Мондевилль подчеркивал различие между действием врача и действием хирурга. В первом случае врачи защищены невидимостью процесса, который происходит внутри тела; напротив, во втором случае ответственность трудно скрыть: «Ошибка оперирующего хирурга, например, когда он надрезает ладонь или предплечье, ясно видна каждому наблюдателю, и он не может обвинить природу или жизненную силу больного, ни оправдать себя, ни обвинить другого»⁹. Несмотря на эту важную разницу между двумя практиками, врачи и хирурги единодушно подчеркивают, что доверие больного играет целебную роль. Необходимо скрывать возможность фатального исхода, а прогноз нужно объявлять осторожно и уклончиво, учитывая окружение больного. Именно в этом контексте надо рассматривать соперничество врачей и священников у постели больного, которое частично объясняет обычное молчание врачей о том, что их долг — предписать близким позвать священника при приближении последних мгновений¹⁰. Во всяком случае, этот довод, прочно основанный на медицинской теории, учитывает, что простые профессиональные конфликты или алчность ведут к бесполезному продолжению уже ненужного лечения.

При чтении медицинских текстов оказывается проще обнаружить, как врач снимает с себя ответственность в ожидании фатального исхода,

⁷ Jouanna. Op. cit. P. 156-157.

⁸ Lafranc de Milan. 1498. f°166.

⁹ Издание латинского текста: Pagel. 1892. P. 79.

¹⁰ По этому вопросу см.: Ziegler. 1998. P. 250-258; McVaugh. Op. cit. P. 217.

чем провести точное разграничение между излечимым и неизлечимым, между возможным и невозможным. И я бы хотела более подробно остановиться на этом определении, или, скорее, неопределенности. Вопрос, который я ставлю, — удовлетворюсь только постановкой вопроса, не дав ответа, ибо проблема очень обширна, — узнать, какие болезни (если не говорить о ранениях и хирургии) определялись как смертельные. Искусство прогноза, которое в целом считалось самым трудным и ненадежным, оказывалось в этих случаях еще более сложным, что объясняет успех маленького псевдо-гиппократического труда, известного в разных версиях под названиями *Secreta Hippocratis*, *Capsula eburnea*, но также и *Prognostica vitae et mortis*, или *Prognostica mortis vel salutis*, или еще *De morte festina*¹¹. Изречения, приведенные в этом труде, перечисляют с уверенностью признаки, прежде всего появление различных типов пустул, предвещающих или не предвещающих смерть. Именно в этом трудном искусстве предвидеть смерть, больше, чем в терапевтической неудаче, проявляется ответственность врача, особенно когда на его долю выпадает совет без промедления позвать священника. Медицинские труды редко так ясно проводят различие между излечимым и неизлечимым, как в псевдогиппократическом труде *Prognostica vitae et mortis*; нужно, однако, уточнить, что речь идет главным образом о знаках близкой смерти, а не смерти, которая должна наступить через некоторое время. В книге *Liber prognosticorum*, написанной в 1295 г., Бернар де Гордон помещает в конце IV части главу о способе прогнозировать день и час смерти, когда она кажется близкой. Этот вопрос, один из самых сложных, затрагивает множество параметров, и врач часто рискует ошибиться в предсказаниях. В этой небольшой статье я выделю три замечания медика из Монпелье¹².

1. Хотя определение фазы стабилизации («статуса»)¹³ болезни является главным для предсказания исхода, первый критерий, которым надо руководствоваться, — оценка *virtus*, жизненной силы больного. Вспомним здесь, что эволюция острых болезней (так же как и их приступов) определялась согласно делению на четыре фазы: *principium*,

¹¹ Об этом тексте см.: Kibre. 1985.

¹² Gordon. 1551(a). P. 769-770, 771, 773. Об этом авторе и хронологии его трудов можно обратиться к фундаментальной монографии: Demaitre. 1980.

¹³ Вспомним, что эволюция острых болезней (так же как и их приступов) определялась по разделению на четыре фазы: *principium* (или *initium*, начало), *augmentum* (высшая точка), *status* («стабилизация», момент стабилизации болезненных симптомов), *declinatio* («спад»). Фаза «статуса» могла (но не обязательно) заканчиваться кризисом, спасительным или нет.

или *initium* (начало), *augmentum* (высшая точка), *status* (момент стабилизации болезненных симптомов), *declinatio* (спад). Фаза «стабилизации» могла (но не обязательно) закончиться кризисом, после которого наступало выздоровление или смерть. Бернар де Гордон использует сравнение с носильщиком, который должен нести груз до конца. Нужно учесть, насколько сильна или слаба жизненная сила в ее устойчивости к болезни. Это сравнимо с носильщиком, который должен донести груз до конца. Никто не может знать, донес ли носильщик груз до конца, если неизвестна сила носильщика, тяжесть груза и длина дороги: жизненная сила подобна носильщику, болезнь — грузу, фаза «стабилизации» — длине дороги¹⁴.

2. После сложного определения момента фазы «стабилизации» идет оценка происходящих изменений, *ad bonum vel ad malum*. Врача подстерегают здесь самые ужасные ловушки. Даже когда все предвещает улучшение, врач может ошибиться по причине эпидемии (*tempus pestilentiae*), или если присутствует ядовитая материя, которая до этого была скрыта, или по причине неблагоприятной небесной конфигурации, вмешавшейся при начале болезни, или еще из-за какой-либо ошибки.

3. Так до конца главы идет установление общего порядка. Нужно понять, однако, что смертельный исход не так достоверен, как благоприятный исход, ибо движения природы упорядочены, они следуют единому пути и подчиняются единому порядку. Движения же болезни неупорядочены, и из них движение смерти не так очевидно, как движение жизни¹⁵.

Итак, можно констатировать, что рекомендуемая осторожность при возвещении фатального исхода оправдана не только соображениями психологического порядка, но и трудно предсказуемым характером смерти. Врачу легче распознавать благоприятные признаки, признаки жизни, поскольку они упорядочены и единообразны. Но когда он обнаруживает эти хорошие признаки, может вмешаться хаос болезни и смерти и заставить его ошибиться.

¹⁴ «Virtus enim est consideranda, utrum sit fortis vel debilis quod possit morbum tolerare. Et est simile de portitore portante onus usque ad terminum. Nullus potest scire utrum portitor portet onus usque ad terminum, nisi sciat quantitatem portitoris fortitudinis, quantitatem ponderis et longitudinem vie: virtus est sicut portitor, morbus sicut onus, status est sicut terminus».

¹⁵ «Et tamen intelligendum est, quod terminatio ad malum non est ita certa sicut terminatio ad bonum, quia motus nature sunt ordinati adherentes vie uni et ordini uni. Motus autem morbi sunt inordinatissimi, ideo non ita certus mortis sicut vite».

Неудивительно поэтому, что в медицинских трудах можно видеть так мало указаний, или, по крайней мере в очень неясной манере, на болезни, считавшиеся смертельными. Тщательно рассматривают в сфере гиппократических и псевдогиппократических прогнозов только отличительные черты умирающего и агонизирующего. Обратимся вновь к Бернару де Гордону, на этот раз к его *Lilium medicinae*, которую он закончил в 1305 . По поводу чахотки — которую он определяет как «изъязвление легкого, сопровождающееся порчей всего тела» (*Phtisis est ulcus pulmonis cum consumptione totius corporis*) — он указывает на неизлечимость двух типов случаев: когда изъязвление локализовано в одном из хрящевых колец трахеи и когда налицо застарелый туберкулез (*Phtisis antiquate non recipit curationem*). В любом случае «неизлечимая болезнь» — не синоним «смертельной болезни», во всяком случае остается неясность. Перечислив знаки смертельного исхода, подчеркнув, впрочем, их сомнительный характер, Бернар де Гордон перечисляет черты близкой смерти: выпадение волос, искривление ногтей, отсутствие аппетита, затрудненное дыхание, задержка мокроты, понос и опухшие ноги. Затем он добавляет предостережение: *Ut plurimum phtisici expediuntur cum folia cadunt ab arboris. Cavendum est igitur diligenter in prognosticatione phtisicorum, quia loquendo moriuntur et moriendo loquuntur*¹⁶. Чаще всего чахоточные знали, что умрут в течение осени («когда листва падает с деревьев»), и нужно особенно быть внимательным в прогнозе, поскольку их смерть может наступить внезапно («они умирают, разговаривая, и разговаривают, умирая»). Следует быть тем внимательнее, что если при чахотке применять лечение, это не всегда смертельная болезнь: она может давать длительные улучшения у детей и у стариков полных и упитанных; Бернар де Гордон цитирует Авиценну, сообщавшего, что он видел женщину, которая прожила еще целых двадцать четыре года. С учетом этих факторов, которые могут надолго отсрочить смерть, врач не застрахован от ошибки в диагнозе. А в главе об эмпиеме Бернар де Гордон заявляет: «Нужно понимать, что гной, присутствующий в грудной полости, часто вводит врачей в заблуждение, ибо чаще всего они считают больных туберкулезными и неизлечимыми, но если гной очистится, они выздоравливают, что вызывает стыд у врача (*quod est medico ignominosum*)»¹⁷. Эти замечания среди прочих утверждают нас в мысли, что для средневекового врача было более постыдным провозгласить

---

¹⁶ Gordon. 1551(6). P. 360.

¹⁷ Ibid. IV.7. P. 374.

смерть, которая не последует, чем пообещать несостоявшееся выздоровление. Врача может ввести в заблуждение болезнь и смерть — это часть его повседневной битвы; но не распознать знаки жизни для него — бесчестие.

Вне перечня характерных знаков умирающих и прогнозов неизлечимости, концепция смертельной болезни достаточно скрыта и летуча. В попытках их точнее распознать я обратилась к своему любимому чтению: монументальному комментарию, который составил в первой половине XV века Жак Депар на Канон Авиценны (книги I, III, IV.1)¹⁸. Вводная глава к части 3 книги 1, где речь идет о здоровом образе жизни, посвящена причинам здоровья, болезни и неизбежности смерти¹⁹. В этой главе Авиценна называет два вида опасностей, которым подвержено человеческое тело: они происходят от причин внутренних или внешних. В самом деле, человеческое тело вынуждено испытывать, как сочетание элементов, из которых оно составлено, распадается из-за уменьшения основной жидкости (или природного клея, *gluten*), или из-за повреждения питательной влаги, обеспечивающей его восстановление. Как уточняет Жак Депар, «повреждение, о котором идет речь, — не то, что порождает лихорадки или опухоли, но то, которое естественным образом происходит с жидкостями в старческом возрасте (*senium*)»: *Attende quod princeps [Avicenna] non loquitur hic de putredine febrium aut apostematum, sed de putredine naturaliter adveniente nostris humoribus in fine senii*. Итак, вопрос рассматривается не в контексте болезни, а в контексте старости и естественного конца жизни²⁰; по этому поводу Жак Депар придерживается мнения, что хотя человек смертен по своей природе ввиду противоположности элементов, его составляющих, он мог и может стать бессмертным по милости божьей, если деятельность элементов будет приостановлена по божьему повелению. Так сохраняется божественное всемогущество, и Жак Депар предоставляет решение этого вопроса теологам (если только не алхимикам).²¹ Два типа опасностей: ослабление и повреждение, которые происходят от естественных процессов, надо, уточняет Жак Депар, отличать от опасностей, которые

¹⁸ По поводу этих комментариев и его автора, магистра медицинского факультета в Париже, я отсылаю читателя к моим прежним работам: *Jacquart*. 1980. P. 35-86 (réimpr. dans: *Jacquart*. 1997. n XIV); *Jacquart*. 1998. P. 204-227 et passim.

¹⁹ Я основываюсь на инкунабуле (в трех или четырех томах in-folio), Lyon 1498. Это издание, в котором нет ни пагинации, ни сигнатур, а только указание на главы «Канона» может случить для поиска в тексте процитированных пассажей.

²⁰ См. статью: *Bagliani*. 2003.

²¹ Ср.: *Jacquart*. 2001. P. 35-45.

являются *casualiter* (внезапно, неожиданно). Это случай для нас отметить то, что считалось смертельным помимо естественного процесса перерождения: замерзание, происходящее от очень сильного холода, яд, приходящий извне тела, например укус василиска или бешеной собаки, или действующий внутри тела «как проглоченный аконит или мышьяк» (*ut nappelli comesti vel arsenici*). Перечислены также опасные ранения (*vulnera pernicioso*) сердца, печени, мозга или желудка. В конце названы опасные болезни (*relique egritudines perniciose*), такие как чума, апоплексия, проказа, водянка. Эти четыре болезни, наряду с отравлениями, с наибольшей вероятностью приводят к смерти. Несколько ниже Авиценна более ясно формулирует различие между природным пределом жизни человека и случайными смертями, которые Жак Депар предпочитает называть «кончинами внезапными, скоропостижными» (*termini abbreviati*). Среди причин скоропостижной смерти названы холодные яды, чрезмерная прожорливость и пьянство. В числе факторов, которые делают медицинское искусство неспособным привести человека к его естественной кончине, названы также падения, удары, молнии, бури «и прочие подобные вещи».

Разграничение между естественной кончиной и кончиной случайной, или скоропостижной, было заявлено с параграфа 1 первой книги «Канона» (доктрина 3, глава 3), где речь идет о телосложении у людей разного возраста. Жак Депар ставил вопрос, как узнать «только ли естественная смерть происходит от того, что естественный жар иссушает влажность и природная сила не может противостоять этому иссушению» (*utrum mors naturalis sit illa solum, que procedit a calore innato desiccante humidum et ab impotentia virtutis ad resistendum illi desiccationi*). Следуя Авиценне, он напоминает, что и естественная смерть, и смерть скоропостижная (*mors abbreviate*) в любом случае являются *divino precepto* («с божьего соизволения»). Жак Депар вновь возвращается к этой проблеме немного дальше, спрашивая конкретно, «происходят ли скоропостижные кончины людей с божественного изволения» (*utrum termini abbreviati individuorum divino proveniant precepto*). Мы ожидаем, конечно, положительного ответа, но нам интересно узнать, что Жак Депар понимает под скоропостижной кончиной. Причины ее — предательства, отравления, безнадежность, самоубийства, разврат и оргия. Комментатор ставит здесь в сущности проблемы зла, которое Бог допускает, не будучи его причиной, и предопределения, уточняя, что эти вопросы наиболее трудны и он предоставляет их теологам. Решение вопросов, прямо связанных с причиной смерти, почти не позволяет появиться такому понятию, как

смертельная болезнь. Дать фатальный прогноз, следовательно, не так просто; даже поставлен дополнительный вопрос: кроме двух кончин, свойственных человеку, кончины естественной и кончины скоропостижной, можно ли еще определить третью, которая наступила бы позже, чем допускают пределы природы? По поводу возможности искусственного продления жизни Жак Депар напоминает о чудесном исцелении, приводя пассаж из Авензоара, который, в свою очередь, ссылается на Галена: «Хорошо известно всем, всегда и повсюду, что невозможно жить, когда разорвана мембрана мозга. Однако Гален видел человека, у которого эта мембрана была разорвана, но он выжил. Он говорит, что этот больной был спасен Богом в его всемогуществе и мудрости»²². Таким образом, нет никакой уверенности, какой случай смертелен, а какой нет.

Я продолжила свое исследование на материале первого параграфа книги IV, посвященной лихорадкам. В первой главе перечислены различные типы лихорадок, согласно разным критериям классификации. Если нет отдельной категории, которую можно было бы определить как «смертельную», отмечается различие между лихорадками *salubres recte* («совершенно излечимых») и лихорадками, сопровождающимися *accidentia horribilia* («с тревожными симптомами»). В числе лихорадок *salubres recte* Жак Депар называет однодневные лихорадки, трехдневные прерывистые лихорадки. Что касается примеров лихорадок, сопровождающихся тревожными и опасными симптомами, то это лихорадки заразные и обморочные, характеризующиеся упадком сил, потерей аппетита и возбуждением. Жак Депар дополняет это перечисление всеми гуморальными продолжительными лихорадками и изнуряющими лихорадками, относящимися ко второму виду, которые истощают питательную влажность до последней стадии выработки (*cambium*, «обмен») и особенно к третьему виду, которые истощают основную влажность и угрожают тем, что «медицинская школа называет распадом». В главе 3 первого трактата ставится вопрос, возможно ли умереть от такой лихорадки во время фазы спада болезни. Как говорит Авиценна, надо

---

²² «Dic quod decens est omni artifici interdum memorari et humiliter recognoscere mirabilia opera sui creatoris. Id patronus medicorum facere non erubuit, ut de eo refert magnus Avenzoar dicens: “Et quam nobile est dictum Galieni cum tractavit de fractura panniculi cerebri. Nam notum est apud omnes et semper et ubique quod impossibile est vivere illum, cuius panniculus fractus est. Et videns Galienus quemdam cuius panniculus fractus fuit et exinde liberatus est, dixit ipsum a deo liberari summa potentia atque sapientia”: hec Avenzoar tractatu 19 *theisir* » (Lyon, 1498, I.1.3.3).

бояться трех первых фаз (начало, акме, статус), но если наступает смерть во время спада болезни, то не из-за самой лихорадки, что кажется, собственно, вполне логичным. Бернар де Гордон, со своей стороны, утверждал, что есть некоторая возможность умереть во время спада одного пароксизма, а не «подлинного спада всей болезни» (*vera totius morbi declinatione*), по крайней мере если не допустил ошибку больной или врач²³. Жак Депар напоминает прежде всего, что смертельные лихорадки по существу лишены фазы спада и что есть повреждение, ведущее к смерти, которое может наступить во время акме или фазы «стабилизации»; примером могут служить эпидемии. Есть также случаи внезапной смерти: апоплексия, удушье, отсечение головы, ранение сердца. Но Жак Депар особенно отмечает некоторые случаи, когда смерть наступала в фазе спада болезни, хотя лихорадка не была непременно смертельной. Возражая величайшим медицинским авторитетам, он категоричен в этом пункте и, опровергая своих потенциальных оппонентов, решительно провозглашает: «возможно умереть во время общего спада болезни, по причине ослабления природной силы, если и не случается внешнего повреждения». Смерть происходит и при общем спаде болезни, и в спаде одного из ее пароксизмов²⁴. Перед тем как привести ряд примеров, взятых из его лекций или из собственного опыта, Жак Депар делает два сравнения. Природа и болезнь — как два борца: один из борцов может полностью победить другого и убить его, но при этом получит смертельную рану, от которой сам погибнет. Так же некто может сражаться со змеей, убить ее, но при этом отравиться ее ядом и умереть.

Длинная дискуссия о возможности смерти в фазе спада болезни еще более выводит за пределы средневековой медицины понятие болезни неизлечимой или смертельной. Попробуем поискать его в описаниях той или иной болезни. Изнуряющая лихорадка второго рода, которая приводит к нарастающему иссушению тела и в дальнейшем к лихорадке третьего рода, болезнь, достигшая фазы «стабилизации», не может быть излечена никакими средствами, кроме божьего чуда. Изнуряющая лихорадка заканчивается в сущности тем распадом элементов, который входит в определение естественной смерти. Но чтобы избежать

---

²³ *Gordon*. IV.14(a). P. 712.

²⁴ «Et licet tantis contradicere auctoribus temerarium et presumptuosum videatur, ad excitandum animos iuvenum super inquisitione veritatis ponitur conclusio quod possibile est aliquem mori in declinatione universali egritudinis ex debilitate virtutis, nullo interveniente errore extrinseco, ut in declinatione particulari alicuius paroxismi» (Jacques Despars, comm. *Canon*, Op. cit. IV.1.1.3).

наступления последней стадии и необратимого распада, применялся весь терапевтический арсенал. Как указал Авиценна, который воспринял идею, уже выраженную Галеном (*Methodus medendi IX*), одна из терапевтических стратегий состоит в превращении болезненного изнурения в старческое (*ethica senectutis, ethica senii*). Это позволило бы больному продолжать жить, конечно, как старику, тогда как оставить его в состоянии лихорадки означало бы лишить его всякой надежды на спасение. Есть предположение, что это должно было происходить с согласия больного, готового до срока начать жизнь старика²⁵. Чумная лихорадка, как мы видели, самый частый пример смертельной болезни. Описывая эту болезнь, Жак Депар прямо заявляет, что эта лихорадка убивает обычно всех, кого охватывает, особенно когда эпидемия на подъеме. В середине или в конце эпидемии некоторые этого избегают, но за редкими исключениями правило таково, что тот, кто заболел, от этого умирает: «Не обещай никому выздоровления, если у него эта лихорадка, даже если тебя позвали с самого начала, если твой пациент совсем послушен, помощники ему преданы, аптекарь надежный, знающий и хорошо снабженный: но в этих болезнях прогноз всегда неясен» (*in eis dubie prognostica semper*)²⁶. Опыт эпидемий приводит, таким образом, к решительному утверждению фатального прогноза, без поиска тонких различий. Чума стала болезнью смертельной по преимуществу. Другие болезни, такие как оспа, помещаются в категорию опасных болезней, но фатальный прогноз дается, только когда наблюдается ряд специфических признаков²⁷.

Этот анализ, хоть и не систематический, показывает, что если средневековый врач избегает неизлечимых болезней, то причина этому — его колебание или невозможность объявить смертельный прогноз. Осмотрительность, неспособность, но особенно концепция патологии, которая растворяет причины смерти в сложной ткани факторов, в недрах которых ответственность врача, в отличие от хирурга, не определена и не видна. Идет ли речь о «табу», используя выражение Ж. Жоанна? Отказ лечить неизлечимые случаи, что, конечно,

²⁵ Ibid. IV.1.3.5.

²⁶ Comm. *Canon*. Op. cit. IV.1.4.1.

²⁷ Среди смертельных признаков «черной оспы» (этот термин применялся по отношению к различным тяжелым инфекционным заболеваниям с появлением сыпей) названы, например: «si morbilli et variole virides fuerint, et sitis vehemens, et angustia fortis cum frigore extremitatum significant calorem extraneum iam vincere innatum et humores corruptos virtuti predominari. Et mors festinat huic egro accidere si variole de illis fuerint que vix exeunt et tarde apparent. Illud enim indicat plurimum materie intus retineri cui virtus succumbit» (Ibid. IV.1.4.5).

считалось недопустимым, должен был смениться уклонением от объявления смертельного прогноза, диктовалось ли это уклонение научной невозможностью рубить сплеча, или страха вынести решение, которое принадлежит только божьему всемогуществу, или и тем, и другим. Опыт эпидемий чумы, начиная со второй половины XIV в., мог избавить от колебаний: с одной стороны, повторяемость болезни позволяла с уверенностью распознать ее признаки и предвидеть динамику, с другой стороны, теологи освобождали слово врача, помещая эту болезнь среди божественных кар.

Перевод Е. Е. Бергер

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bagliani Agostino Paravicini.* Ruggero Bacone e la *prolongatio vitae*. Per una nuova analisi dei testi» // *Alchimia e medicina nel Medioevo* / C. Crisciani et A. Paravicini Bagliani éd. Florence, 2003 (Micrologus' Library 9).
- Demaitre L.* Doctor Bernard de Gordon: Professor and Practitioner. Toronto, 1980 (Pontifical Institute of Medieval Studies, 51).
- Gordon Bernard de.* De Prognosticis. IV.14. Lyon, 1551(a).
- Gordon Bernard de.* Lilium medicinae. IV.5. Lyon, 1551(б).
- Jacquart D.* La médecine médiévale dans le cadre parisien, XIVe –XVe siècles, Paris, 1998.
- Jacquart D.* La science médicale occidentale entre deux renaissances, XIIe – XVe siècles, Aldershot, 1997 [Variorum Collected Studies].
- Jacquart D.* Le regard d'un médecin sur son temps: Jacques Despars (1380?–1458) // *Bibliothèque de l'École des chartes*. T. 138. 1980. P. 35-86
- Jacquart D.* Moses, Galen and Jacques Despars: Religious Orthodoxy as a Path to Unorthodox Medical Views // *Religion and Medicine in the Middle Ages* / P. Biller et J. Ziegler éd. York, 2001. P. 35-45.
- Jouanna J.* Hippocrate. Paris, 1992.
- Kibre P.* A Repertorium of Hippocratic Writings in the Latin Middle Ages. New York, 1985.
- Lafranc de Milan.* Ars completa totius cyrurgiae. Venise, 1498.
- McVaugh M. R.* Bedside Manners in the Middle Ages // *Bulletin of the History of Medicine*. T. 71. 1997. P. 201-223.
- McVaugh M. R.* *Medicine before the Plague, Practitioners and their Patients in the Crown of Aragon, 1285-1345*. Cambridge, 1993.
- Pagel J.-L.* Die Chirurgie des Heinrich von Mondeville. Berlin, 1892.
- Ziegler J.* *Medicine and Religion c. 1300, The case of Arnau de Vilanova*. Oxford, 1998.
- Жаккар Даниэль**, профессор Практической Школы научных исследований, Париж; danielle.jacquart@ephe.sorbonne.fr.

ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВВ.

В фокусе внимания автора находятся репрезентации дружеских отношений в медицинских и естественно-философских трактатах Раннего Нового времени и способы медицинского рассмотрения дружбы. В статье анализируются особенности репрезентации дружбы в медицинском дискурсе и исторические условия, способствовавшие появлению и исчезновению такого способа репрезентации.

Ключевые слова: дружба, история медицины, история естественной философии, Фрэнсис Бэкон, Роберт Бёртон.

В Раннее Новое время тело человека не рассматривалось как нечто совершенно автономное, оно постоянно изменялось от внешних воздействий, что-то потребляло или источало. И в организме деятельность всех органов зависела от разнообразных внутренних потоков. Болезнь зачастую определялась не столько поражением какого-либо органа, сколько дисбалансом внешних и внутренних воздействий на него. Соответственно, и лечение предусматривало прежде всего компенсацию/нейтрализацию внешних влияний и устранение дисбаланса внутри организма. Отсюда — такая популярность кровопускания, ведь и после открытия У. Гарвея еще довольно длительное время большинство врачей и пациентов продолжали считать, что кровь постоянно производится организмом и периодически необходимо избавляться от ее излишков.

Аналогичный подход был и к душевным и сердечным болезням, лечение которых, с одной стороны, должно было быть сходным тому, что применялось при борьбе с телесными недугами, а с другой — предполагалось, что лечить их гораздо сложнее, поскольку необходимо воздействовать сразу на два объекта — тело и душу.

Такое отношение было связано с представлением о непосредственном влиянии души на тело и наоборот. Со времен Античности эмоции тоже рассматривались как потоки, движения души, возникающие под влиянием социальной жизни человека и связанные с животными духами сердца, а следовательно и со всем организмом¹. В силу этого традиционно считалось, что избыток определенных эмоций порождает нарушение равновесия в выработке гуморов и духов, что представляет

---

¹ *Radel*. 1992. Chapt. 4 “The Flux of Feeling”. P. 78-98.

опасность для физического здоровья. Как писал автор медицинского трактата XVII в. о правильной жизни, Тобиас Веннер, страсти, «когда они чрезмерны и необузданны», становятся болезнетворными². Своим сильным движением они нарушают обычную работу органов. Так, например, избыток страха приводит к осушению организма, а также непосредственно воздействует на работу сердца.

В связи с этим эмоции и страсти могли отнюдь не метафорически рассматриваться как причина заболеваний, поражающих человеческий организм. Лечить такие недуги следовало, выпуская излишек одних эмоций и/или компенсируя недостаток других³, чего можно было достигнуть «направляя, упорядочивая и корректируя мышление больного»⁴. Причем в медицинской практике это можно было осуществить как хирургическими или фармацевтическими способами, так и путем эмоционального воздействия или увещевания. Как отмечал М. Фуко, «по своей природе лечение страстями ничем не отличается от лечения по рецептам фармакопеи; это два различных способа воздействовать на механизмы, общие для души и для тела»⁵.

Все это отражало принципиально иное представление о медицине, о котором в 1980-е гг. известный исследователь Рой Портер писал: «Это только современная медицина заиклена на лечении. В прошлом же фармацевтические вмешательства были направлены в значительной мере на ослабление боли, на укрепление тела больного, на изменение всей его конституции. И лечебные действия включали в себя отнюдь не только прием медикаментов, но и сложные ритуалы утешения и соблезнования, философские медитации и стойкость при перенесении страданий»⁶.

Представления людей XVI–XVII вв. о «болезнях», «здоровье» и «лечении» были гораздо более широкими, нежели сейчас. И сама медицина рассматривалась и как наука (зависящая от логических рассуждений, суммирующих накопленные учеными знания — то есть в ее схоластическом понимании), и как искусство (таковым признавалась сама медицинская практика, в которой значительную роль имело непосредственное наблюдение и опыт врача). Известный французский анатом и врач Андре дю Лоран после перечисления необходимой больному диеты и упражнений говорит о следующем:

---

² *Venner*. 1637. P. 302.

³ См. об этом: *Gowland*. 2006. P. 33-49.

⁴ *Schmidt*. 2004. V. 65. № 4. P. 584.

⁵ *Фуко*. 1997. С. 326.

⁶ *Портер*. 2008. С. 70.

Меланхолики никогда не должны оставаться одни, их всегда следует оставлять в приятной им компании, им следует иногда льстить и соглашаться с частью того, чего они желают, из опасения, чтобы этот дух, который имеет природу мятежную и упрямую, не восстал; иногда следует их бранить за их безумные фантазии, упрекать их и стыдить за их трусость, часто припоминать им, занимать приятными историями: не следует давать им никакого повода для опасений, или приносить им печальные новости. Короче говоря, их следует развлекать как только можно, и изгонять из их рассудка любые страсти ума, особенно гнев, страх и грусть»⁷.

Причем такого рода деятельность для него является обязанностью именно врача. Как раз к искусству медика относилось умение стимулировать в пациенте определенные страсти и эмоции и подавлять другие. Рассуждая о любовной меланхолии, дю Лоран, как и многие другие авторы той эпохи, выделяет два средства ее излечения: наслаждение объектом любви (естественное) и собственно врачебное воздействие (искусственное), зависящее исключительно от искусства врачевателя.

Итак, если случится, что медик встретит какого-либо из этих меланхоликов, возбужденных и одержимых любовью, ему следует первым делом постараться отвлечь его приятными словами от его безумных фантазий, показать ему, какой опасности он подвергается, предложить ему примеры тех, которые себя погубили и, потеряв жизнь, теряли также и душу. Если все это не помогает, следует прибегнуть к другой хитрости и при помощи других людей заставить его ненавидеть то, что вынудило его терзаться, оговаривая, называя возлюбленную легкомысленной, непостоянной, безумной, любящей только непостоянство, только и смеющейся да насмехающейся над его страстью, не ценящей его достоинств, предпочитающей слугу для удовлетворения своего скотского желания, нежели сохранение достойной любви. И в той же мере, в какой хулят его возлюбленную, следует хвалить самого меланхолика, обнаруживая превосходство его рассудка и ценность его достоинств. Если слова не обладают достаточной силой, чтобы излечить от этих чар, ибо по правде, они могут немного в отношении упрямых меланхоликов, следует придумать другие способы. Бегство, то есть смена воздуха, это одно из необычных средств, его [меланхолика. — А. С.] следует удалить и отправить прочь от всего, ибо вид его возлюбленной всегда разжигает его желание, одно упоминание ее имени служит воспламенителем его пыла. Его следует поселить в полях или в каком-то приятном доме, часто его прогуливать, занимать его всякий час какой-то приятной игрой, предлагать ему сотни и сотни различных объектов, дабы он не имел свободного времени думать о своей любви, возить его на охоту, на фехтование, занимать порой забавными и серьезными историями,

---

⁷ *du Laurens*. 1600. P. 147-148.

приятными баснями, иметь радостную музыку. Не следует кормить его слишком обильно, из опасения, что кровь, разгорячившись не возбудила бы пыл и не возобновила бы его пламя⁸.

Особенно часто такого рода лечение упоминается в случаях «самого сердечного заболевания» — любовной меланхолии. Другой известный французский медик — Жак Ферран — в своем трактате об этом недуге помимо разнообразных диетических, хирургических и прочих вполне «медицинских», с нашей точки зрения, мер упоминает и такие способы лечения любовной меланхолии как путешествие или охота:

Те же, кто не находят удовольствие в охоте, могут заменить ее другими упражнениями тела и ума, которые являются наиболее целесообразными средствами от этого заболевания по общему согласию всех наших докторов, принимая во внимание, что они могут развлечь мысли влюбленного, подавить воспоминания об ушедшем удовольствии, растратить избыток семени, возродить больных, восстановить их, если они изнурены, в особенности прогулки, беседы, достойные игры, банкеты, музыка и подобные увеселительные упражнения⁹.

Вполне вероятно, что с таким аспектом медицинской практики, становившимся более значимым по мере того, как различные социальные и научные трансформации привлекали все больше внимания к душевным заболеваниям, связан распространявшийся в XVI – начале XVII в. тип репрезентации анатомии сердца, который исследователи называют «анатомированный анатом». Такой способ репрезентации относится только к сердцу, которое продолжало считатьсяместилищем души. Тому, кто пытается в разобраться в сердце другого, необходимо открывать свое, то есть со-участвовать, со-чувствовать (см. рис. 1).

Такое лечение, осуществляется ли оно самим врачом или при помощи друзей и родных больного, по сути дела сводится к дружескому общению и времяпрепровождению. Что касается лечения любовной меланхолии одиночеством, Ферран высказывается против, утверждая, что это может вызвать прямо противоположный эффект — больной будет думать только о своей любви, что может привести даже к смерти. Он высказывается в пользу компаний и общения, поскольку они развлекают ум, увеселяют и помогают осознать ошибку. В подтверждение этого мнения он приводит «научный эксперимент», проведенный другим известным медиком:

---

⁸ Ibid. P. 171-173.

⁹ Ferrand. 1623. P. 242.

Франсуа Валериола в своих медицинских наблюдениях говорит, что он испытал это вредное средство [то есть одиночество. — *A. C.*] при лечении богатого торговца из Арля, безумного от любви, друзей, родных и сторонников которого он заставил постоянно его посещать. Я скажу даже больше, что если больной желчного характера, стоит опасаться оставлять его одного, чтобы он себя не убил, как делают многие, или не сделался бы нелюдимым, как нас предупреждает Авиценна в конце раздела о влюбленных. Тем не менее, я весьма одобряю одиночество для профилактики этого заболевания¹⁰.

Лечение, в основе которого лежат дружеские услуги самого врача или же других людей, имело давнюю традицию. Роберт Бёртон, описывая данный способ в отношении меланхолии, ссылается на многих предшествующих авторов, начиная с Гиппократов. Связано это было с тем, что пространство, подпадавшее под юрисдикцию медицины, пересекалось со многими другими, прежде всего с религиозным опытом, а также со сферами компетенции друзей, предков и т.д. В силу этого, составляющие дружеского общения оказывались не только способом врачевания, но и частью компетенции врача. Как писал Мишель де Монтень, «мне совершенно безразлично, каких религиозных взглядов придерживается мой врач или адвокат. Это обстоятельство не имеет никакой связи с теми дружескими услугами, которые они обязаны мне оказывать»¹¹.

Кроме того (а вернее, именно в силу этого), по мнению Р. Портера, медик не имел никакой монополии на лечение. Да и вообще разнообразные эго-документы того времени свидетельствуют о том, что люди предпочитали вовсе не обращаться за помощью и советом, самостоятельно ставя себе диагноз и выбирая лечение. Более того, такое отношение к собственному здоровью даже поощрялось, так как оказывалось близко ренессансному стремлению к самопознанию. Фрэнсис Бэкон писал: «В этом деле есть мудрость, выходящая за рамки предписаний медицины: собственные наблюдения человека за тем, что ему хорошо, а что вредно, есть самая лучшая медицина для сохранения здоровья»¹².

Р. Портер приводит в числе других примеров сведения, почерпнутые из дневника Сэмюэля Пипса¹³. Пипс, согласно этим данным, из 489 зафиксированных случаев заболевания только 42 раза обращался за советом к другим людям. Из них 4 раза к родственникам и друзьям, 5 раз к аптекарям и 22 раза к врачам или хирургам, хотя со многими медиками

¹⁰ Ibid. P. 241.

¹¹ *де Монтень М.* 1960. Т. 1. С. 244.

¹² *Бэкон.* 1978. Т. 2. С. 421.

¹³ Пипса в транскрипции переводчика.

был близко знаком и весьма уважал их знания¹⁴. Невозможно не привести здесь совет из текста Ричарда Бакстера, рассматривавшего меланхолию в ином, религиозном аспекте: «Если другие средства не помогли, не пренебрегайте медициной»¹⁵.

Безусловно, распространению такой культуры болезни содействовали и те многочисленные медицинские и философские трактаты, о которых идет речь, ибо написаны они были не по-латыни, и рассчитаны на массового читателя, который мог пользоваться содержащимися в них сведениями и советами для диагностики своего состояния и выбора наиболее подходящего способа борьбы с недугами. Такая практика способствовала распространению медицинского дискурса в повседневной жизни, а также при рассмотрении вопросов естественной философии.

Упомянутый трактат пуританина Ричарда Бакстера «Излечение меланхолии и чрезмерной скорби при помощи веры» показателен и с точки зрения сохранявшейся традиции религиозного «врачевания», которое, прежде всего, касалось именно всякого рода душевных заболеваний в силу того, что душа оставалась полем соперничества Бога и дьявола, а болезни продолжали рассматриваться как кара Господня. Особенно это касалось кальвинистской теологии, озабоченной внутренним душевным благополучием каждого индивида. Хотя постепенно в течение XVII столетия эта традиция теряет свое значение, «душевные» болезни все больше становятся уделом врача, а не пастыря. Интересно, что дружеские услуги были в такой же мере обязанностью пастора, как и медика. Бакстер постоянно сближает роль и действия друга с действиями священника, если речь идет об определенных поступках, и даже с влиянием самого Господа, когда речь заходит о воздействии на душу.

Если бы мы могли доверять Господу так же как самим себе, или как мы можем довериться верному другу, или как ребенок может верить своему отцу, какими спокойными были бы наши умы в ощущении его мудрости, самодостаточности и любви¹⁶!

В связи с этим он посвящает особый раздел обязанностям друзей и родных людей, находящихся в депрессии. Причем здесь медицина опять же не отделяется как нечто совершенно противостоящее религиозному рассмотрению меланхолии. Трактат был написан уже во второй половине XVII в. и медицинский дискурс присутствует даже здесь. По сути дела,

---

¹⁴ *Портнер Р.* Указ. соч. С. 47.

¹⁵ *Baxter.* URL: <http://www.puritansermons.com/baxter/baxter25.htm> (время доступа 04.02.2010).

¹⁶ *Ibidem.*

Бакстер вовсе не игнорирует медицинский способ излечения, уточняя лишь, что начальной причиной таких заболеваний является дьявол, и поэтому первым и основным средством борьбы с ними должна быть вера. Но нам особенно интересно, что медицинское воздействие Бакстер относит к компетенции друзей. Говоря об обязанностях последних, он делит их на два вида: 1. разумный уход за больными и 2. медицина и диеты¹⁷.

Здесь следует отметить одну особенность дружеского медицинского дискурса. Дело в том, что столь четкая ассоциация между дружбой и медициной была характерна именно для английских авторов. Скажем, во Франции прописываемые медиками рецепты лечения общением не увязывались непосредственно с дружбой. Вероятно, отличие английских текстов в этом аспекте связано с тем, что, естественная философия, в рамках которой в XVI–XVII вв. в основном велись рассуждения о дружбе, в Англии оказалась очень тесно связана с медициной.

Предпосылки для этого существовали. Как я отмечала, внимание к страстям и вреду, который они могут нанести здоровью, резко возросло в эпоху Возрождения. Это выразилось в большом числе разнообразных трактатов, посвященных анализу и различным способам умиротворения страстей и эмоций. Джереми Шмидт, следуя логике Н. Элиаса, объясняет повышенное внимание к медицинскому аспекту проблемы эмоций с конца XVI в. тем, что условия социальной жизни требовали все большего самоконтроля над эмоциями, что шло вразрез с традиционными представлениями о здоровом образе жизни, связанном с необходимостью выпускать все «излишки» из организма¹⁸. Именно в связи с этим стали актуальными такие способы эмоциональной разрядки, которые не вредили бы социальной жизни. Дружеское содействие оказывалась наиболее удачным, с точки зрения социальных норм и ценностей, выходом из положения. Другая исследовательница, Улинка Рублак тоже ставит это явление в контекст трансформации социальных норм. Рассматривая философию Бэкона, она отмечает, что тот связывал «эмоциональное здоровье» не столько с самоконтролем эмоций, сколько с их вербальным «вытеканием». Именно по этой причине «открытость для обмена является предпосылкой социальной жизни»¹⁹. При этом она подчеркивает, что именно связь с ренессансным идеалом здорового человека, в организме которого все гармонично и сбалансировано, делало столь значимым идеал дружбы.

---

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Schmidt J. Op. cit. P. 586.

¹⁹ Rublack. 2002. V. 53. P. 3.

С другой стороны, интерес к телу, к его внутреннему устройству и функционированию к концу XVI в. превращается во всеобщее поветрие. С точки зрения ученой культуры, период примерно с 1540 по 1640 гг. определяется исследователями как время открытия, «узнавания тела», который довольно резко противостоит следующему периоду «изобретения тела» — времени новых концепций телесности, прежде всего У. Гарвея и Р. Декарта²⁰. С точки зрения более общей культуры, это время повышенного интереса к проблемам собственной телесности, которые до тех пор находились под жестким контролем церкви.

Не случайно анатомический театр становится в XVI–XVII вв. все более публичным и даже модным местом, где можно было удовлетворить свой интерес к строению человеческого тела (см. рис. 2). И все большее число трактатов по медицинским вопросам или анатомии публикуется на разговорных языках, а не на ученой латыни. Анатомический дискурс очень прочно проникает в сферу этики. Свое влияние на это оказал тот факт что анатомия сама по себе была в значительной мере морализаторской, демонстрирующей величие и хитроумность божественного творения²¹. Это позволяло ей существовать в условиях религиозного общества. Близость же анатомии и этики позволила в XVI в. появиться, а в XVII — развиться «моральной анатомии» самого разного толка, где страсти, эмоции, пороки и добродетели препарировались, объяснялись, и им отыскивались средства для исправления. И в Англии приблизительно в одно и то же время появляются два текста, которые самым непосредственным образом связывают рассмотрение дружбы с медициной.

Фрэнсис Бэкон, внимательно изучавший проблему достижения долголетия, переводит душевные и умственные опыты в медицинскую плоскость, позволявшую рассуждать о поддержании здоровья. И именно «Опыты» Бэкона, получившие большую популярность в Англии, способствовали сближению дружеского и медицинского дискурсов²².

---

²⁰ Sawday. 1995. P. 23.

²¹ См. об этом: *van Delft*. 1993. P. 193-216.

²² Интересно отметить, что Бэкон был одним из современных философов, наиболее почитаемых либертенами, ибо, как отмечает Марта Фаттори, в его сочинениях присутствовали все основные темы, значимые для культуры французских либертенов-эрудитов. — *Fattori*. 2005. P. 100. Медицина и сама по себе имела несколько сомнительный статус, поскольку материалистическая естественная философия и Аристотеля, и Галена ассоциировалась с атеизмом, но этот зазор никогда не был угрожающим. По словам А. Гоулэнда, медицина рассматривалась как дар Божий, и существовали теоретические параллели между галенизмом и христианством. Кроме того к XVII в. появилось множество работ, примиряющих медицинскую теорию Галена с догматами христианства. — *Gowland*. Op. cit. P. 40-43.

Кстати, второй текст, о котором пойдет речь ниже, — «Анатомия меланхолии» Р. Бёртона, по словам специалистов, также был настольной книгой любого, желающего прослыть джентльменом. Его цитировали в светских беседах, дабы продемонстрировать свою начитанность²³.

Во Франции к тому времени уже был свой, иной «опыт» рассмотрения дружеских отношений М. де Монтенем, который также определил судьбу дружеского дискурса. Монтень категорически исключал из совершенной дружбы всякого рода практические интересы:

«Ибо, вообще говоря, всякая дружба, которую порождают или питают наслаждение или выгода, нужды частные или общественные, тем менее прекрасна и благородна и тем менее является истинной дружбой, чем больше посторонних дружбе причин, соображений и целей примешивают к ней»²⁴.

Его авторитет надолго определил эстетику возвышенной, незаинтересованной дружбы во французской традиции, что делало невозможным рассмотрение дружбы в таком практическом аспекте, как медицина, и уж тем более с точки зрения выгоды использования дружбы для поддержания душевного здоровья.

Напротив, эссе Фрэнсиса Бэкона «О дружбе», написанное в период между 1610 и 1625 годами, из всех «опытов», которые Бэкон посвятил различным состояниям души — страстям, характерам и т.п., в наибольшей мере задействует медицинский дискурс.

Гласный плод дружбы, — писал Бэкон, — заключается в облегчении и освобождении сердца от переполненности и надрыва, которые вызывают и причиняют всякого рода страсти. Мы знаем, что болезни закупорки и удушья являются самыми опасными для тела; не иначе это и в отношении духа. Вы можете принять сарсапарельный корень, чтобы освободить печень, железо — чтобы освободить селезенку, серный цвет — для легких, бобровую струю — для мозга; однако ни одно средство так не облегчает сердца, как истинный друг, с которым можно поделиться горем, радостью, опасностями, надеждами, подозрениями, намерениями и всем, что лежит па сердце и угнетает его, в своего рода гражданской исповеди или признании²⁵.

Как писал в 1623 г. один из самых известных меланхоликов XVII в. Джон Донн, «одиночество — мука, которой не грозят нам и глубины Преисподней»²⁶. Дружеские отношения, в интерпретации Бэкона, пред-

---

²³ Ингер. 2005. С. 17-18.

²⁴ де Монтень М. Указ. соч. С. 233-234.

²⁵ Бэкон Ф. Указ. соч. С. 407-408.

²⁶ Донн. 2004. С. 75.

стают таким же необходимым средством избавления от этой муки для поддержания жизненно необходимого баланса соков и духов в несовершенном человеческом организме, как кровопускание или клистир. Его аналогии с сарсапарельным корнем или железом делают механизм дружеского влияния предельно физиологичным. И такой научный ракурс рассмотрения дружеских отношений будет иметь определенное влияние. К примеру, Фрэнсис Финч, автор небольшого трактата о дружбе, изданного в 1654 г., описывая возможности визуального опыта в выборе друзей, объясняет их следующим образом: «Любое движение, страсть, эмоция и перемена в духе, конечно, прежде всего воспринимаются глазом, движения которого более проворны, нежели у любой другой части». Именно «наш взгляд фиксирует и отличает того или иного человека как более желанный объект дружбы»²⁷. Он упоминает и сходное воздействие дружеских отношений, которое медики того времени называли бы «эвакуационным лечением»:

И коль скоро страсти должны либо найти выход, либо они разорвут нас, то это не только необходимо искать единственного подходящего облегчения, друга, но и весьма целесообразно, покуда мы найдем его, воспользоваться снова методом, которым Демосфен лечил свое заикание, и подобно ему, произносить речи в лесу²⁸.

При этом дружба, согласно Бэкону, не только помогала выводить излишек одних эмоций, но и компенсировала недостаток других:

Изречение Пифагора «*Cog ne edito*» — «Не грызи сердце» — несколько темно, но по смыслу правильно. Конечно же, если выразиться резко, те, у кого нет друзей, которым они могли бы открыться, являются каннибалами своих собственных сердец. Но одно совершенно замечательно (и этим я закончу рассмотрение первого плода дружбы), а именно, что это раскрытие своего «Я» другу производит два противоположных действия, ибо оно удваивает радости и делит горести пополам. Потому что нет такого человека, который, поделившись своими радостями с другом, еще более не возрадовался бы; и нет такого человека, который, поделившись своими печалью с другом, не стал бы меньше печалиться. Итак, в том, что касается воздействия на дух человека, дружба обладает таким же достоинством, какое алхимики раньше приписывали своему камню в воздействии на человеческое тело — она производит все противоположные действия, однако, на пользу и на благо природе. Но даже если не прибегать к помощи алхимиков, в обычном течении природы есть явный образец этого, ибо в телах соединение усиливает и поддерживает любое естественное действие и, с

---

²⁷ *Finch*. 1654. P. 15, 16.

²⁸ *Ibid*. P. 12.

другой стороны, ослабляет и притупляет любое бурное впечатление; так же обстоит дело и в отношении Духа²⁹.

Больной компенсирует нехватку положительных эмоций не только «делясь своими радостями», но и выслушивая утешения и наставления от друга. Как писал еще один английский автор начала XVII в. Джозеф Халл, для борьбы с воображаемыми страданиями «дай телу чемерицу, уму — добрый совет, подставь ухо своему другу, и эти фантастические демоны исчезнут как будто сами собой»³⁰.

Переполнение разума, согласно Бэкону, также порождает дисбаланс в организме, который нарушает его работу. Мысли, как и любой другой продукт жизнедеятельности организма должны находить себе выход. И если человек не в состоянии справиться с этим сам, ему, как и в случае телесного заболевания, необходимо прибегнуть к лекарствам — то есть помощи извне:

Второй плод дружбы так же целебен и превосходит для разума, как первый — для чувств. Ведь дружба из штормов и бурь страстей действительно делает хорошую погоду, а разум она как бы выводит из тьмы и путаницы мыслей на ясный свет. Не следует понимать, что это справедливо только в отношении верного совета, который человек получает от своего друга, о чем мы будем говорить ниже; но совершенно очевидно, что если у кого-то ум занят множеством мыслей, то его разум и понимание действительно проясняются и раскрываются в беседах и рассуждениях с другим человеком; он легче разбирает свои мысли; он располагает их в более стройном порядке; он видит, как они выглядят, когда превращаются в слова; наконец, он становится мудрее самого себя и за один час рассуждения вслух достигает большего, чем за целый день размышлений. Фемистокл хорошо сказал персидскому царю: «Речь подобна аррасскому ковру, развернутому и полностью открытому для обозрения; тем самым образы появляются в виде конкретных фигур; в то время как если они остаются только в мыслях, они подобны скатанному и свернутому ковру». И этот второй плод дружбы, заключающийся в раскрытии разума, может быть получен не только от таких друзей, которые в состоянии дать совет (они не есть самые лучшие друзья); но даже без таковых человек познает себя, прояснит свои собственные мысли и заострит свой ум как бы о камень, который сам по себе не режет. Одним словом, человеку лучше обратиться с речью к статуе или картине, чем позволить своим мыслям тесниться в голове, не находя выхода³¹.

---

²⁹ Бэкон. Указ. соч. С. 410.

³⁰ Hall. 1606. P. 74.

³¹ Бэкон. Указ. соч. С. 410-411.

Речь здесь идет не только о выпускании мыслей, но и об их упорядочении, в чем также видна аналогия с потоками в организме, хаотичность или нерегулярность которых является одним из нарушений здоровой работы организма. И обращение к другу — в данном случае дружеский совет — также признается Бэконом наилучшим лекарством:

Совет бывает двух видов: один относительно нравов, другой относительно дела. Что касается первого, то самым лучшим средством сохранения душевного здоровья является справедливое предупреждение друга. Призвать самого себя к ответу — это порой слишком сильнодействующее и разрушительное лекарство. Чтение хороших книг по морали — несколько скучновато и безжизненно. Замечать свои ошибки в других — не всегда подходит для нашего случая. Самое же лучшее лекарство (по-моему, лучше всего действующее и лучше всего воспринимаемое) — предупреждение друга³².

Манера, в которой Бэкон вел свои рассуждения, его «препарирование дружбы» повлияли на разные аспекты репрезентации дружеских отношений и их роли в приспособлении индивида к непростым условиям существования в социуме открытого внешним воздействиям организма. Второй значимый в этом отношении текст, — «Анатомия меланхолии» Роберта Бёртона, впервые вышедшая в свет в 1621 г. Бёртон делит все способы лечения меланхолии на запретные (обращение к дьяволу, колдунам, ведьмам и т. п.) и законные. Среди законных можно назвать те, которые происходят от Бога или же от мощей святых непосредственно, и те, что проявляются опосредованно, через воздействие природы. Последние реализуются при помощи мудрого, знающего врача и покорного, спокойного, доверяющего пациента. Такое лечение может быть трех видов: диетическое, фармацевтическое и хирургическое. Диетическое лечение сводится к шести подвидам: 1. собственно диеты в обычном значении слова; 2. исправление задержек и испражнений, таких как запор, половой акт, носовое кровотечение и т. п.; 3. смена воздуха, связанная с отъездом; 4. упражнения тела и ума; 5. исправления бессонницы и кошмарных снов; и 6. исправления страстей и расстройств ума. Именно последний вид диетического лечения опирается на пользу дружеских отношений. Ниже представлена схема, поясняющая их действие.

У Бёртона, как и у Бэкона, человек предстает неспособным управлять с самим собой в одиночку, ибо разум человека «поражен» страстями и не в состоянии адекватно мыслить. В этом смысле человеческий организм тоже не является автономным, он не может существовать без посторонней помощи:

---

³² Там же. С. 412.

Это естественная слабость, самый влиятельный советчик; все люди подвержены страстям и меланхолии более всего, ибо их рассудок помутнен природными гуморами, избытком черной желчи, слабостью членов, внешними обстоятельствами; и как же этого избежать? Мудрейшие мужи, величайшие философы, превосходнейшего ума, здравомыслия, рассудительности, божественного духа не в состоянии умерить себя в этом отношении; так же, как безупречные духом и телом стоики, герои, Гомеровские боги — все страстны, порой ведут себя неистово. И как же можем сопротивляться [ей] мы, уже безумные, *fracti animis* [сломленные духом], слабые телом, слабые душой? Мы не в состоянии этого сделать³³.

Безусловно, прежде всего, человек должен стараться контролировать свои страсти, без стремления пациента выздороветь эффективное лечение невозможно, он должен бороться сам с собой, даже понимая, что успех маловероятен. Но чтобы он мог преуспеть в этом, чтобы обеспечить возможность его выздоровления, необходим друг. С одной стороны, это «внешний» ум, не «зараженный», как ум больного, и сохранивший возможность ясно мыслить и принимать трезвые решения. С другой стороны, друг максимально близок и максимально точно настроен на потребности и интересы больного, как резонирующий музыкальный инструмент. Это, если обратиться к современной аналогии, своего рода приспособленный под особенности данного организма аппарат искусственного дыхания, который поддерживает его жизнедеятельность и обеспечивает возможность последующего самостоятельного функционирования. Задача друга не просто давать подходящие советы, это может каждый. Хотя и в этом у друга есть неоспоримые преимущества: в силу своей внеположенности его оценки и советы более точны и разумны, чем у больного, а в силу необычайной близости — наиболее адекватны и полезны именно данному человеку. Но кроме этого друг должен любыми средствами (будь то даже мелкий обман или инсценировка)³⁴ добиваться излечения больного, основываясь на столь же точном знании его ума и духа, как врач знаком с любыми особенностями организма пациента.

Деятельность друга максимально сближается Бёртоном с деятельностью врача, что он подчеркивает, приводя слова Сократа: «это твой врач и главнейший друг, делающий тебя хорошим человеком, здоро-

³³ Burton. 2001. Pt. 2. Sect. 2. Mem. 6. Sub. 1. P. 104.

³⁴ В 1670-е гг. другой английский автор, пишущий об излечении меланхолии Ричард Бакстон, будет говорить об «обязанностях друзей и родственников подавленных людей». Он в частности писал, что «если вы не будете убеждены делами, ваши друзья, если они в состоянии, должны принудить вас». — *Baxter. Op. cit.*

вым, крепким, добродетельным, честным и счастливым человеком»³⁵. В сущности, Бёртон отводит дружескому участию функцию врачевания души больного, которая обретает наибольшее сходство с задачей медика в той своеобразной процедуре «мыслепускания» и «чувствопускания», о которой говорил и Бэкон. Бёртон излагает это так:

Если же наш собственный рассудок столь поврежден, наш разум побежден, воля безрассудна, что мы не в состоянии стремиться к собственному благу или усмирять самих себя, как это обычно бывает при таком диагнозе, лучший способ облегчения это поведать наши страдания какому-нибудь другу, а не скрывать их в собственной груди...³⁶

Он делает акцент на сладостности дружбы, и она становится свидетельством того, что дружба необходима человеку. Дружеское содействие столь же благотворно и приятно для души, как телу полезно и приятно то, что ему необходимо:

Дружеские беседы приятны в любое время, как огонь зимой, как тень летом, *quale spoor fessis in gramine* [как сон на траве утомленному], мясо и питьё голодному или жаждущему³⁷.

Таким образом монтеневское «второе я» обретает в Англии медицинское обоснование. Причем Бёртон отнюдь не ограничивает этими традиционными функциями дружеское участие, не менее важное место он отводит всякого рода дружеским увеселениям, особо выделяя музыку и веселые компании. Поскольку Бёртон следует в общей концепции книги основному принципу лечения тогдашней медицины исцелять противоположностями, то все предлагаемые методы, по сути, сводятся к компенсации холодных и сухих духов, избыточных при меланхолии, теплыми и влажными³⁸. И сравнение дружеских бесед с огнем и питьем носит отнюдь не метафорический смысл, но описывает физиологическое воздействие дружбы на организм через активизацию теплых и влажных эмоций, к которым относятся радость и веселье³⁹.

В представленном фрагменте (см. рис. 3) синопсиса видно, что эти «медицинские» функции друзей отделены от прочих и носят своего рода «деятельный» характер. Недаром они объединены автором с теми действиями, которые должен предпринимать сам пациент. В другую

³⁵ *Burton. Op. cit. Pt. 2. Sect. 3. Mem. 3. P. 158.*

³⁶ *Ibid. Pt. 2. Sect. 2. Mem. 6. Sub. 1. P. 107.*

³⁷ *Ibid. Pt. 2. Sect. 2. Mem. 6. Sub. 1. P. 107-108.*

³⁸ *Gowland. Op. cit. P. 79.*

³⁹ «В радости приток теплого и влажного кровяного гумора к сердцу начинает и увеличивает производство жизненных духов, которые затем распространяются во все части тела для улучшения их деятельности». — *Gowland. Op. cit. P. 49.*

группу объединены меры, представляющие собой «решительное уклонение» от всякого рода невзгод, служащих причиной меланхолии.

Причем в соответствии с ренессансной эпистемой, охарактеризованной М. Фуко, соподчинение представляемых сведений очень сложно соотносится с соподчинением отдельных элементов текста.

Главы, объединенные в раздел о «решительном уклонении» (они логически оказываются отнесены к последней главе предыдущего раздела), представляют собой «философские медитации», призванные наставить больного, дабы он стойко переносил страдания, ниспосланные ему судьбой. По сути дела, это прямое обращение к читателю (то есть к больному) с изложением аргументов в пользу более спокойного отношения к тем явлениям, что породили меланхолию, призванных принизить их значимость в глазах пораженного недугом. Их прочтение уже есть лечение, а равно представленные рассуждения суть проявления дружеского участия автора. Здесь мы имеем дело не только с иным представлением о сфере компетенции медицины. Согласно Д. Шмидту, моралисты Раннего Нового времени активно разрабатывали язык описания страстей как душевных болезней, которые могут, соответственно, излечиваться и даже предупреждаться преимущественно философскими размышлениями и наставлениями⁴⁰.

Современный автор отнес бы эти наставления в тот раздел, который посвящен необходимым усилиям самого пациента по обузданию своих страстей, исправлению образа мыслей и т. п., ибо никто кроме самого больного не способен настроить свой разум на неизбежное в описываемых ситуациях смирение. Однако же, Бёртон относит эти наставления к тем средствам лечения, которые зависят от друзей. Не потому ли, что необходимая для убеждения работа ума проделана не самим больным, а другим человеком, выстроившим логику рассуждений, приведшему необходимые аргументы и примеры? Пациенту остается лишь усвоить эти наставления, принять их, как он принимает отвар или порошок, и ждать, пока они окажут необходимое воздействие на ум. И скорее всего, для этого придется принимать такого рода лекарство регулярно и в определенной дозировке. Вот почему «уклонительные» меры, которые на первый взгляд могут показаться пассивным методом борьбы с болезнью, оказываются столь же активными действиями друга/врача.

Но такого рода лечение связано и с другими представлениями о дружбе. Наставительная функция дружеских отношений была тесно связана с иерархизированной формой дружбы, унаследованной от сред-

---

⁴⁰ *Schmidt. Op. cit. P. 587.*

невековья, когда один из друзей превосходил другого по социальному положению, возрасту и т. п. Именно это различие делало дружбу взаимопользительной и столь социально значимой. Но в то же время, это было своеобразное приспособление этой формы дружеских отношений к новым идеалам дружбы как духовного общения.

Интересно, что в данном случае в роли друга выступает сам автор (=врач, который одновременно посягает и на роль священника), поскольку эти главы представляют собой прямое обращение к читателю: и аргументы, и примеры уже подобраны и представлены его вниманию. Такое взаимопретекание социальных ролей отнюдь не было удивительно для читателей, его очень образное выражение можно найти и в тексте современника Бёртона и Бэкона — Джона Донна: «Но сказано: верный друг — врачество для жизни, и боящиеся Господа найдут его. И вот Бог является мне в облике врача, который есть верный друг мне»⁴¹.

Выше я уже отмечала схожие мотивы в тексте проповедника Ричарда Бакстера, для которого Бог — самый лучший врачеватель и самый верный друг, ибо все смертные несовершенны. И при этом друг и пастырь помогают Богу в лечении больного, выполняя в меру сил, по сути дела, одинаковые обязанности:

Ответь мне на вопрос, знаешь ли ты какого либо министра или друга, который мудрее тебя самого? Если ты говоришь «нет», насколько же глупо твое самодовольство? Если ты говоришь «да», тогда спроси министра или друга, что они думают о твоём положении, и верь им, и пусть лучше они руководят тобой, нежели ты сам⁴².

Состояние человеческого духа и способы влияния на него есть проблема, которая описывается в XVII в. в рамках медицинского, религиозного и дружеского дискурса, которые оказываются неотличимыми друг от друга, так же как обязанности врача, священника и друга. Эта ситуация порождена одновременно изменением идеалов дружеского общения, развитием медицины и распространением медицинского дискурса, определенной трансформацией роли священника и отношения к некоторым светским жизненным ценностям в протестантской церкви и, конечно, активным развитием светской культуры.

В своих наставлениях, которые современный читатель приписал бы скорее пастору, Бёртон ссылается в основном не на христианские, а на античные авторитеты. Р. Портер пишет, что уже у Бёртона, а затем в эпоху Реставрации религия постепенно перестает быть средством лече-

⁴¹ *Донн*. Указ. соч. С. 82.

⁴² *Baxter*. Op. cit.

ния душевных заболеваний, и только пуритане продолжали практиковать религиозное излечение⁴³. Однако методы увещевания и наставления, советов и «гражданской исповеди» сохраняются в медицине в силу того, что дружеский, медицинский и религиозный дискурсы в этот период были очень близки. Такое «пастырское лечение» предписывается Бёртоном прежде всего в тех случаях, когда меланхолию вызывают внешние причины, над которыми человек не имеет никакой власти — увечья, бедность, зависимость, смерть близких и т.п. (главы I-III первой части). В этих случаях единственный способ предотвратить или ослабить меланхолию — смирение, традиционная христианская добродетель, и вполне логично, что главным аргументом автора становится будущая загробная жизнь и, соответственно, бренность и суетность всего земного. Тем самым Бёртон стремится и снизить уровень негативных эмоций, вызывающих меланхолию, и культивировать противоположные им в соответствии с медицинскими требованиями лечения.

Логично предположить, что дружба, как почти любое лекарство, может превратиться в яд, стоит только отступить от предписаний по его применению. Однако, надо отметить, что это не так, поскольку ее применение почти всегда осуществляется под присмотром друга-лекаря. Все те меры, которые принимает друг для излечения больного, сами по себе могут оказаться вредны в случае их чрезмерности — веселье и праздность или, напротив, чрезмерные упражнения, похвалы или упреки и т. п. Но поскольку в тексте Бёртона друг и врач практически уподоблены друг другу, то дружба является не лекарством, а лечением — всегда правильным и точно дозированным.

Единственный случай, когда дружба может служить причиной меланхолии в интерпретации Бёртона, это когда друг как Другой, как врач, могущий осуществить это лечение, исчезает. Оговаривая в начале каждой главы влияние тех или иных невзгод на человека, Бёртон дает и краткую характеристику обычной реакции, то есть тех или иных проявлений меланхолии, вызванной данной причиной. Среди таких описаний выделяется меланхолия, вызванная смертью друзей (в их число Бёртон включает и близких родственников), в силу крайней экспрессивности ее проявлений. Описывая «естественную» реакцию на смерть друзей, Бёртон рисует картину необычного, аномального поведения:

<...> многие благородные умы, степенные уравновешенные во всем прочем люди столь впечатлительны к этому, что при потере своих дорогих друзей они кричат, режут и рвут на себе волосы, стеля в те-

---

⁴³ Porter. 2003. P. 57.

чение нескольких месяцев, завывая «Увы!», как ирландские женщины и греки на своих могилах, совершают множество нескромных поступков и почти выходят из себя⁴⁴.

Естественная чрезмерность горя при потере близких подчеркивается Бёртоном примерами из античной литературы, служащими образцом такого рода поведения. Он рассматривает такое поведение как естественное равно для мужчин и для женщин, тем более, что его книга ориентирована, прежде всего, на мужчин как норму и как читателя.

Пытаясь убедить в необоснованности столь сильных переживаний, Бёртон сводит утрату друзей к вечной разлуке, а сами дружеские отношения к обычной земной суетности:

Но как бы эта скорбная страсть ни была жестока, горька, легко охватывая мудрых, отважных, рассудительных людей, все же ей безусловно можно противостоять, от нее можно отвлечься. Ибо что такого есть в этой жизни, что должно быть так дорого для нас? Или из-за чего мы должны так оплакивать уход друга? Величайшие удовольствия это совместное общество для наслаждения присутствием друг друга, пирами, болтовней, охотой, ручьями, деревьями, холмами, музыкой, танцами и т.д.; и, как я уже довольно продемонстрировал, все это лишь суета и трата времени⁴⁵.

Однако это заставляет предположить, что временная разлука, лишаящая все тех же удовольствий, которые хоть и являются суетой, однако признаются одним из высших благ самыми именитыми философами, также может являться причиной менее бурной, но достаточно сильной и эмоционально экспрессивной меланхолии. Бёртон не выделяет разлуку с друзьями как отдельную причину меланхолии, но не стоит забывать, что дружеское участие в его трактовке необходимо для поддержания душевного здоровья.

Поскольку это поддержание заключается в том, чтобы восстанавливать баланс мыслей и чувств, выплескивая наружу их «избыток», то несдержанное оплакивание отсутствия друга предстает как своего рода обращение к нему с целью продолжения дружеского участия. Умерший / отсутствующий друг является одновременно и причиной переизбытка переживаний и средством его «излечения». В этом смысле друг отличается от врача, будучи нужен постоянно, как дополнительная часть организма. Отсутствующий друг, как и врач в тексте Бёртона, может быть заменен воображаемым Другим, к которому можно обратиться, но в данном

---

⁴⁴ *Burton*. Op. cit. Pt. 2. Sect. 3. Mem. 5. P. 176.

⁴⁵ *Ibid*. Pt. 2. Sect. 3. Mem. 5. P. 177.

случае уже сам факт вербального обращения (мысле- и чувствопускания) есть часть лечения, связанная опять же, с дружескими отношениями.

Именно потому, что выражение скорби может рассматриваться как обращение к другу, эта «естественная страсть оплакивать наших друзей, неодолимая страсть горевать и убиваться»⁴⁶ предстает как естественная потребность организма в беседе с другом, предполагающая необходимое для восстановления душевного равновесия дружеское участие, хотя и со стороны уже умершего друга. Опасность, однако, заключается, как и во всех прочих случаях, в «чрезмерности», которую уже некому корректировать, ибо больной разум неспособен на это в одиночку, и которая может приводить к новому дисбалансу жизненных соков в организме.

Такая традиция теоретического рассмотрения дружеских отношений с медицинской точки зрения не имела продолжения, несмотря на огромное влияние, которое имели тексты Бэкона и Бёртона в культуре XVII века. Почему? Уильям Гарвей, открыв кровообращение, изменил представление о функционировании тела, превратив его в автономный субъект. Сердце из вместилища души превратилось в мышцу. Его первый текст о кровообращении появился в 1628 г., а к концу столетия большая часть теоретиков в Англии разделяли гарвеевскую модель человека⁴⁷. Затем появляется и знаменитая картезианская концепция «человека-машины». В 1649 г. был опубликован трактат Декарта «Страсти души». Теперь уже не страсти рассматривались как активная сила, воздействующая на тела. Активным становится само тело, порождающее страсти. Так что целительность дружеских отношений очень быстро потеряла свое научное обоснование.

Однако отношение к дружескому общению, будь оно непосредственным или воображаемым, как к полезному лекарству, распространяется и постоянно проявляется в самых различных текстах. Возможно наибольшее значение имело закрепление ассоциации между потребностью вербального выражения внутренних переживаний и метаний с целительной функцией дружеских взаимоотношений. Джеффри Сил обозначил и еще одну значимую особенность «уклонительного лечения». Сопоставляя трактат Бёртона с упомянутым выше сочинением Тобиаса Веннера, он пишет, что в обоих случаях личные отношения между доктором и пациентом нарушены: у Бёртона отсутствующий врач заменен текстом, который посвящен абстрактному, возможно мифическому доктору; у Веннера

⁴⁶ Ibid. Pt. 2. Sect. 3. Mem. 5. P. 179-180.

⁴⁷ Как я уже отмечала в начале статьи, практикующие врачи еще долгое время продолжали лечить «по старинке».

отсутствует пациент, замененный текстом, в котором подразумевается множество пациентов. В каждом случае текст превращает доктора или пациента в абстрактного или подразумеваемого Другого⁴⁸.

С этой медиальной ролью текста Д. Сил связывает появление в конце XVII – начале XVIII в. английского романа. Он упоминает и героя одного из первых романов — Робинзона Крузо, который противостоял душевным болезням при помощи двух текстов: читаемого (Библия) и создаваемого (журнал). Следует добавить, что в этом случае чтение и написание предстают аналогами двух основных методов лечения — компенсации недостаточных эмоций при помощи чтения и выплескивания избыточных написанием собственного текста. Как здесь не вспомнить интерпретацию творчества Монтеня Ж. Старобинским, в которой написание «Опытов» предстает как попытка обрести самоконтроль, потерянный вследствие «вторжения» меланхолии⁴⁹.

Но существуют и другие интерпретации соотношения меланхолии и творчества. Современник Бёртона Джон Донн рассматривал свои тексты как самоанализ, который лишь придает меланхолии новые силы⁵⁰. Текст, репрезентирующий собственные переживания, волнения и метания был в определенной мере анатомией страстей, его написание служило своего рода фиксацией научного опыта, проводимого на самом себе. Как пишет Д. Тревор, Донн «относился к своей поэтической продукции так же, как к своим ученым проектам»⁵¹. В этом смысле (с точки зрения медицинского знания) его опыт описания собственных эмоций, был не способом выплеснуть их, поведав Другому, а способом (само)познания, то есть впитывания еще большего их числа, что и приводило к еще большему дисбалансу.

Отличие коренится в самом отношении к тексту. Текст может заменять не только врача или пациента, но и друга или коллегу-единомышленника — любого отсутствующего слушателя. Значимым оказывается сам текст и отношение к нему, с изменением культуры чтения и культуры письма, которое происходит в Раннее Новое время, и чтение, и, отчасти, написание текстов воспринимается как диалог или беседа, то есть как элемент дружеского, а равно и медицинского участия. В этой связи интересны рассуждения Дугласа Тревора об особом статусе цитаты в текстах Д. Донна: «цитаты... могут компенсировать

---

⁴⁸ Sill. 2006. P. 46.

⁴⁹ Старобинский. 2002. Т. 2. С. 38.

⁵⁰ Об этом подробно пишет Дуглас Тревор: Trevor. 2004. P. 87-105.

⁵¹ Ibid. P. 96.

собственную неадекватность, превращая одинокий голос в хор, который может в свою очередь обеспечить индивидуальную поддержку ученому страдальцу, такому как Донн...». Таким образом, цитата как диалог также становится способом дружеского участия: «Донн... убеждает себя, что, в том случае, если он по прежнему будет окружен книгами и перьями, он никогда не останется одинок»⁵².

Особенно это касается написания определенного жанра текстов, которое в Раннее Новое время становится как раз тем актом чувство- и мыслепускания, необходимого для замены отсутствующего друга/врача/исповедника. Речь идет о распространившихся в английской культуре дневниках, отчасти — мемуарах, частных письмах и лирической поэзии, которая начинает ассоциироваться с выражением авторских переживаний. Процесс создания такого рода текстов сам становится дружеским актом в силу того, что терапевтический характер вербального излияния эмоций ассоциируется именно с дружескими отношениями. В этом отношении очень показательны строки малоизвестной ныне поэтессы XVII века Хизер Уайатт из стихотворения, озаглавленного «Поэма, написанная моей подругой, в ответ на вопрос, почему она пишет»: «Когда в уединении дни провожу свои, бумагу делаю своей подругой я и зеркалом умов, которой изливаю душу, свободная от страхов...»⁵³.

Во Франции этот процесс происходит несколько иначе, отчасти опять же в силу влияния Монтеня, хотя он и превозносил духовную составляющую дружеского общения. В какой-то мере, восхваляя бескорыстность дружбы, он тем самым сделал ее бесполезной, во всяком случае, его дружеский пафос на определенное время лишил эту новую потребность человека в вербальном самовыражении ассоциации с дружеским общением. Как блестяще продемонстрировал в своем исследовании Н. Пейдж⁵⁴, внутренние сомнения, борьба и переживания находят свое выражение в XVII в. в религиозных текстах — адресованных Богу исповедях, а отнюдь не в мемуарах, не говоря уже о дневниках, вовсе не получивших в этот период распространения во французской культуре⁵⁵.

---

⁵² Ibid. P. 112, 115.

⁵³ Wyatt. 2001. P. 153.

⁵⁴ Paige. 2001.

⁵⁵ Сравните и иную, нежели у Донна роль цитаты в творчестве Монтеня, которую исследовал Ж. Старобинский в упомянутом выше тексте, а вслед за ним — С. Н. Зенкин. См.: Зенкин. URL: <http://ivgi.rsuh.ru/article.html?id=58402> (время доступа 09.02.2010).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Baxter R.* The Cure of Melancholy and Overmuch Sorrow, by Faith. L., 1673 // Сайт: Fire and Ice: Puritan and Reformed Writings. URL: <http://www.puritansermons.com/baxter/baxter25.htm> (время доступа 04.02.2010).
- Burton R.* The Anatomy of Melancholy. N.Y.: New York Review Books, 2001.
- du Laurens A.* Discovrs de la conservation de la veve: des maladies melancoliques des catarrhes, & de la vieillesse. Roven: Chez Clavde le Villain, 1600.
- Fattori M.* Le commerce épistolaire, institution de la République des Lettres // Les premiers siècles de la République européenne des Lettres / Sous dir. de M. Fumaroli. P., 2005. P. 90-110.
- Ferrand J.* De la maladie d'amovr ov melancholie erotiqve. P.: Chez Denis Mereav, 1623.
- Finch F.* A friendship. L.: [...], 1654.
- Gowland A.* The Worlds of Renaissance Melancholy. Robert Burton in Context. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Hall J.* Heaven upon Earth, or, Of True Peace and Tranquilitie of Minde. L.: J. Windet for J. Porter, 1606.
- Paige N. D.* Being Interior. Autobiography and the Contradictions of Modernity in Seventeenth-Century France. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001.
- Porter R.* Patients and Practitioners: Lay Perceptions of Medicine in Pre-industrial Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Radel R.* In and Out of the Mind: Greek Images of the Tragic Self. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- Rublack U.* Fluxes: the Early Modern Body and emotions // History Workshop Journal. 2002. V. 53. P. 1-16.
- Sawday J.* The Body emblazoned: Dissection and the human Body in Renaissance culture. L.: Routledge, 1995.
- Schmidt J.* Melancholy and the Therapeutic Language of Moral Philosophy in Seventeenth-Century Thought // Journal of the History of Ideas. 2004. V. 65. № 4. P. 583-601.
- Sill J.* The Cure of the Passions and the Origins of the English Novel. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Trevor D.* The Poetics of Melancholy in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- van Delft L.* Littérature et anthropologie. Nature humaine et caractère à l'âge classique. P., 1993.
- Venner T.* Via Recta ad Vitam Longam Or, A plain Philosophicall Demonstration of the Nature, Faculties, and Effects of all such things as by way of nourishments make for the preservation of health, with divers necessary dieteticall observations; as also of the true use and effects of Sleep, Exercise, Excretions, and Perturbations, with just applications to every age, constitution of body, and time of yeere... L.: J. Flesher for H. Hood, 1637.
- Wyatt H.* A Poem made by a Friend of Mine in Answere to One who Ask't why She wrote // Early Modern Women Poets (1520–1700): An Anthology / Ed. by J. Stevenson and P. Davidson. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 153.
- Бёртон Р.* Анатомия меланхолии. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

- Бэкон Ф.* Опыты или наставления нравственные и политические // *Бэкон Ф.* Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 347-486.
- де Монтень М.* Опыты: В 3 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Донн Д.* Обращения к Господу в час нужды и бедствий // *Донн Д.* По ком звонит колокол: Обращения к Господу в час нужды и бедствий; Схватка смерти, или утешение душе, ввиду смертельной жизни и живой смерти нашего тела. М.: Энигма, 2004.
- Зенкин С. Н.* Неуютность цитаты // Сайт Института высших гуманитарных исследований. URL: <http://ivgi.rsu.ru/article.html?id=58402> (время доступа 09.02.2010).
- Портер Р.* Взгляд пациента. История медицины «снизу» // *Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / Под общ. ред. Ю. Шлюмбама, М. Хагнера, И. Сироткиной.* СПб.: Алетейя, 2008. С. 41-73.
- Старобинский Ж.* Монтень в движении // *Старобинский Ж.* Поэзия и знание. История литературы и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 2. С. 7-356.
- Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. М.: Университетская книга, 1997.

Стогова Анна Вячеславовна, к.и.н., научный сотрудник Центра гендерной истории ИВИ РАН; genderhistory@gmail.com.

Рис. 1. Иллюстрация из книги Хуана Вальверде де Амуско «Анатомия человеческого тела». Рим, 1560 г.

Рис. 2. Анатомический театр. Гравюра Бартолема Делендо. Лейден, 1597 г.

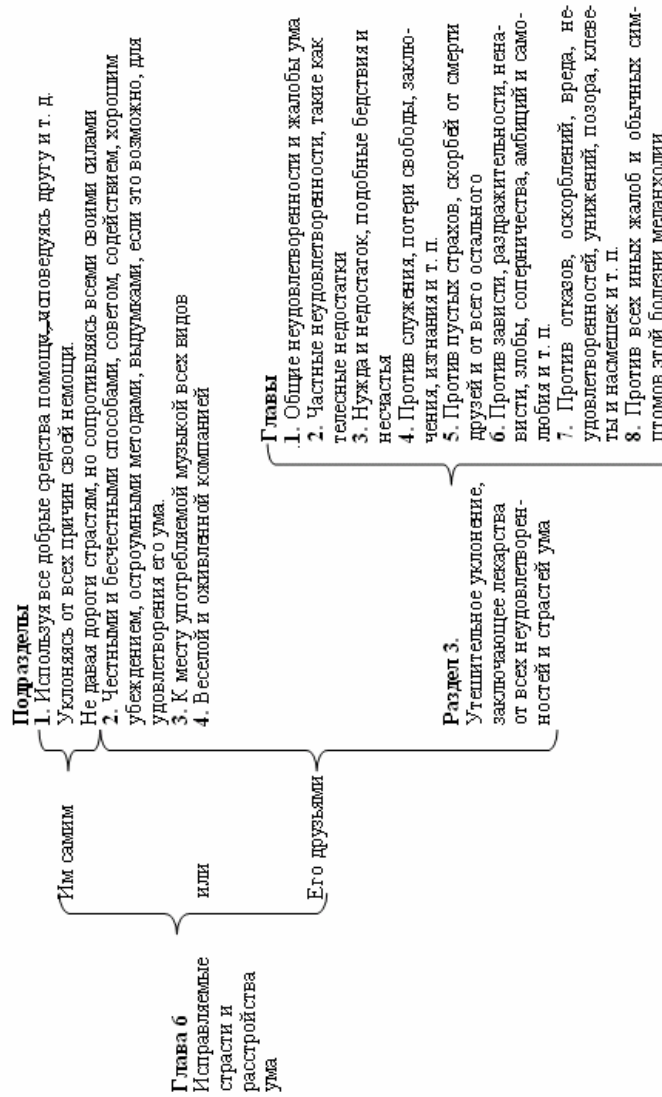

Рис. 3. Фрагмент синопсиса второй части «Анатомии меланхолии» Роберта Бертона

В. П. КОРЗУН, Д. М. КОЛЕВАТОВ

ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ КООРДИНАТ*

Статья посвящена проблеме трансформации образа исторической науки в 1945–1953 гг. в отечественной историографии. Рассматривается процесс смены историографических координат (1980–2000-е гг.), разворачивавшийся в нескольких направлениях: 1) актуализация проблемы социального контекста развития науки, взаимоотношения ученых и власти; 2) антропологизация историографии; 3) рассмотрение когнитивных принципов организации науки, выход на закономерности ее развития; 4) соотнесение историографических интерпретаций с глубинными основаниями национальной культурной традиции, «мозаикой символов культурной идентичности».

Ключевые слова: образ исторической науки, антропологическая парадигма, социальный заказ, послевоенный период, космополитизм.

Историография последних десятилетий характеризуется заметным интересом к позднему сталинизму. Мы полностью солидарны с оценкой историографической ситуации, данной Г. А. Янковской: «ранее один из наименее изученных периодов в истории СССР, пожалуй, впервые стал объектом пристального внимания гуманитариев разных специальностей. Наряду со “сталиноведением” и “кремлинологией” внимание исследователей привлек весь спектр социальных процессов, характерных для советского послевоенного общества: повседневные практики, механизмы выражения общественного мнения, качество жизни разных слоев населения, идеологические кампании и национальные отношения»¹. Добавим к этому перечню и возрастающее внимание к истории науки и к корпорации историков. Интерес к последним сюжетам объясняется не только потребностью в полноте представления об исчезнувшей социальной реальности, но и особым значением периода в развитии отечественной гуманитаристики. В литературе утверждается оценка середины XX в. не только как времени политических и идеологических транс-

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 02.740.11.0350.

¹ Янковская. 2007. С. 20.

формаций, но и интеллектуальной стереотипизации — «закрепления схем и образов исторического мышления, которые и после всех постмодернистских перемен кажутся определяющими глубинные уровни исторического мышления как авторов самых разножанровых книг о прошлом, так и их читателей»². Такая устойчивость образов мышления, культурных кодов, правил игры заслуживает изучения. В этой связи нельзя не обратить внимание и на каналы трансляции исторических образов и образа самой исторической науки, на его трансформацию.

В общеметодологическом плане артикуляция такого рода тематики в научном дискурсе отражает нарастающий интерес современных гуманитариев к исследованию так называемой «второй» реальности — истории коллективных представлений, отображению исторических личностей, процессов, событий в массовом и индивидуальном сознании, социокультурному мифотворчеству³. Причем при исследовании реалий подобного рода современная историко-научная мысль все более ориентируется на сам процесс продуцирования исторических знаний и представлений, в том числе и представлений научного сообщества о своей науке (образ науки) и поиск самих себя в изменяющемся пространстве науки. Такой исследовательский ракурс явился следствием и одновременно отражением нескольких тесно связанных процессов, разворачивавшихся в историографии последней трети XX в., кажущихся на первый взгляд антагонистическими — сциентизации (с ярко выраженной науковедческой составляющей) и антропологическим поворотом, поставившим в центр исследовательского интереса человека.

На перекрестке этих поисков актуализируется категория «образ науки». Принципиально значимым для нас в прояснении ее сути является подход, согласно которому образ науки существует лишь в процессе непрерывного превращения полученного знания о науке в деятельность по изучению науки, лишь как единство этих взаимосвязанных сторон⁴. В сжато-структурированном виде образ науки может быть представлен как культивируемое в обществе, носящее конвенциальный характер представление: 1) о научном знании, своего рода модель науки; 2) о науке как социальном институте; 3) о закономерностях развития научного знания и генезисе науки как таковой; 4) об идеале научного знания

---

² Дмитриев. 2007. Ранее на это же обстоятельство указывали и авторы данной статьи, рассматривая историографические последствия разносной критики, которой подверглась работа Н. Л. Рубинштейна «Русская историография». См.: Корзун, Колеватов. 2006б. С. 430-434; Корзун, Колеватов. 2007. С. 62.

³ Родигина. 2006. С. 41.

⁴ Юлина. 1982б. С. 259-260; Юлина. 1982а. С. 79.

и базовых ценностях научного сообщества⁵. С нашей точки зрения, данная категория несет в себе важную функциональную заданность интегративного и адаптивного механизма в рамках научного сообщества, закрепляя определенные нормы и ценности, разделяемые, но, как правило, не проговариваемые «мы-группой». В то же время обратим внимание на то, что образ науки, как и любой другой, является интеллектуальным конструктом и отмечен печатью индивидуальности, несмотря на наличие общих культурных доминант, общего социального пространства, общей мифологии, маркирующей причастность к ученому сообществу и т.д. Он, разумеется, не является простой совокупностью индивидуальных представлений ученых, но интегрирующим, синтетическим их единством — целое больше суммы его частей.

Проблема трансформации образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие до самого последнего времени не была предметом специального исследования. Причины такого невнимания находятся не только в политической и идеологической сферах, но и в природе самого предмета исследования — в объективной сложности выделения постоянно создаваемого в процессе историографической практики образа науки из общего поля историографических представлений.

Тем не менее, многие аспекты интересующей нас проблемы получили отражение в литературе. В последнее время особенно оживился интерес к корпорации советских историков в первое послевоенное десятилетие и в том числе, используя метафору В. Рыжковского, к *Beyond* у советской историографии, к которому автор относит не только и не столько «перечисление успехов и достижений, не чествование заслуженных деятелей и подведение успешных итогов, но повествование о многих фигурах умолчания, о сделках с совестью, о не всегда оправданных и зачастую конформистских решениях — о тех словах и действиях, на которые была богата история советской науки»⁶.

Анализируя исследовательскую литературу, мы за точку отсчета взяли 1980-е гг., когда были предприняты попытки создания обобщающей концепции советской историографии и почти одновременно — ее переосмысления и жесткой критики; это были годы резкого противостояния историографических координат, а полемики напоминали больше дуэли, чем интеллектуальные диалоги. И далее более пристально мы намерены остановиться на литературе конца 1990-х – начала 2000-х гг., когда декларации и гипотезы, высказанные в предшествующий период,

⁵ См.: Кузнецов. 1985. С. 138; Корзун. 2000.

⁶ Рыжковский. 2009. С. 58.

стали обретать статус конкретных исследований, изменилось не только проблемное поле историографии, но и парадигмы историографического осмысления, пересматриваются базовые основания дисциплины. Авторы дают себе отчет в уязвимости подобной стратегии, хотя в свое оправдание заметим, что она продиктована не только ограниченностью объема статьи, но и стремлением выйти из поля «консервирующей» в поле проблемно-провоцирующей историографии.

В огромном массиве литературы мы выделили несколько проблемных узлов и попытались показать неизбежно происходящий разброс исследовательских интересов, познавательных интенций, и как следствие — высокую степень фрагментарности, мозаичности нынешнего состояния проблемы. Начнем с работ, в которых речь пойдет преимущественно об оценке феномена советской историографии.

Если обратиться к интересующим нас хронологическим границам (вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.), то вплоть до конца 1980-х гг. историческая наука этого периода рассматривалась как поступательное развитие советской исторической мысли, сопровождаемое борьбой с буржуазным объективизмом и космополитизмом. В целом модель взаимоотношений между учеными и властью, когда власть выступала в качестве организатора и контролера научного знания, принималась и оценивалась как естественная, хотя, безусловно, авторы в духе времени говорили о влиянии культа личности Сталина. Такая концепция характерна для ряда обобщающих работ 1980-х гг.: учебника «Историография истории СССР (эпоха социализма)»⁷, пятого тома «Очерков истории исторической науки в СССР»⁸, а также монографии А. С. Барсенкова «Советская историческая наука в послевоенные годы (1945–1955)»⁹. Все указанные работы выдержаны в духе официального оптимизма, и стержнем интересующего нас периода называется неуклонно-поступательное развитие советской исторической науки, происходящее в общем благоприятных исторических условиях. В данных изданиях позитивно оценивается и процесс приращения нового знания, и тенденции и закономерности развития науки, и дальнейшее институциональное ее оформление. Эта повторяемость дает нам основания сосредоточиться на наиболее масштабном из перечисленных изданий — «Очерках истории исторической науки в СССР». В современной историографической литературе данное сочинение рассматривается в нега-

⁷ Историография истории СССР...

⁸ Очерки истории исторической науки...

⁹ Барсенков. 1988.

тивно-пренебрежительном ключе, как «явно задержавшийся реликт раннезастойной историографии, осколок проекта, первый том которого начал готовиться еще при Сталине <...> содержал тщательно отутюженную множеством редакторов и бдящих инстанций, коллективную, выверенную и взвешенную мысль цеха историков о самих себе. Этот солидный труд через пару лет станет восприниматься как образцовый свод полуправды и фигур умолчания, а вскоре и вовсе канет в Лету»¹⁰.

В общем, разделяя указанные оценки «Очерков» в плане высокой научности, мы не склонны к уничижительной риторике, для нас это, прежде всего, значимый историографический источник. Отраженный в нем официальный образ науки оказался итоговым для всего периода развития советской историографии. В рамках его, как отмечает автор цитируемой нами рецензии, «с набором руководящих и при этом весьма переменчивых идеологических догм были прочно сплавлены профессиональные принципы»¹¹, пригодные, стало быть, заметим мы, для критической рефлексии. Такая задача представляется актуальной, так как в настоящее время отечественная историография переживает процесс затнувшегося реформирования этого образа.

Акцентируя поступательность развития советской исторической науки, авторы «Очерков» в качестве положительных характеристик этапа, как и всего периода 1930–60-х гг., называют «творческое освоение теоретического, методологического и конкретно-исторического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, последовательную борьбу против буржуазных и ревизионистских доктрин, освобождение от волюнтаристско-догматических наслоений и ошибок»¹². В рамках такой официальной модели развития науки в целом позитивную оценку получают направленные «против аполитичности и безыдейности» партийные постановления 1940-х гг., которые «противопоставляли марксистско-ленинские принципы пролетарского интернационализма идеям буржуазного космополитизма и национализма»¹³ и ориентировали историков на решение важных задач. «Проработочные компании» 1947–48 гг. оцениваются как «широкий обмен мнениями по вопросам теории и идеологии повышения идейного уровня исторических трудов, в ходе которого и определились основные направления дальнейших исторических исследований»¹⁴. В качестве новой черты исторической науки от-

¹⁰ Дмитриев. 2007.

¹¹ Там же.

¹² Очерки исторической науки... С. 41.

¹³ Там же. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 13.

мечено появление ряда крупных монографических исследований, распределявшихся, однако, неравномерно по периодам: изучались главным образом вопросы древней истории, проблемы феодализма, частично капитализма, значительно меньше было сделано в области разработки проблем истории советского общества¹⁵. Авторы «Очерков», по сути дела, осуществили смену жанра (библиография вместо историографии), ограничившись главным образом фиксацией работ, проблем, имен и достижений, и закрепили тем самым специфический стиль «историографического мышления» и, соответствующий образ историографии.

Тем не менее, определенные элементы критической аналитики присутствуют и при оценке интересующего нас периода, в частности реалий борьбы с космополитизмом: «Иногда важная задача раскрытия самостоятельного пути культурного развития русского народа на практике извращалась, что вело к умалению воздействия на русский народ прогрессивных идей, выработанных другими народами¹⁶.

Бегло упоминая «широкое обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография», авторы «Очерков» констатируют, что в критике «не всегда сохранялась должная научная объективность»¹⁷. Серия разгромно-обличительных статей, посвященных творчеству выдающихся дореволюционных исследователей А. С. Лаппо-Данилевского, М. Д. Приселкова, А. А. Шахматова и др., оценивается как попытка преодоления буржуазного объективизма, но в то же время отмечается, что авторы статей не осветили позитивный вклад названных историков в изучение различных конкретных проблем, расширение источниковой базы, введение в оборот новых фактов т.п.¹⁸

В предложенном варианте проблемной историографии (а именно так выстроено основное пространство «Очерков») мы не найдем инвектив в адрес дореволюционных историков, они, наконец, вписаны в общее движение исторической мысли. Аналогичная процедура проделывается и в отношении произведений и авторов, относившихся в рассматриваемый период к так называемой «скрытой культуре», невостребованной наукой. К примеру, труды С. Б. Веселовского, подвергавшиеся, как немарксистские, ожесточенным критическим атакам и опубликованные в значительной степени уже после XX съезда КПСС и

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 20.

¹⁸ Там же. С. 21. Стоит отметить, что автору цитируемого раздела «Очерков» Л. В. Черепнину принадлежала и упоминаемая им статья об А. С. Лаппо-Данилевском. — *Черепнин*. 1949. С. 30-51.

кончины самого историка, теперь расцениваются в позитивном плане и встраиваются в советский историографический *mainstream*. Они рассматриваются как «позволяющие более глубоко осветить аграрные отношения XIV–XVI вв., природу опричнины», хотя и отмечается в общем плане несоответствие концептуальных подходов Веселовского («существенно иные») и современной ему (а во многом и последующей) советской историографии¹⁹. При характеристике наиболее спорного для советской историографической традиции, момента — концептуального подхода Веселовского к изучению опричнины в «Очерках» избирается академически-дипломатическая риторика: «в целом концепция Веселовского не была принята советскими историками, но она оказала значительное влияние на последующие исследования»²⁰.

Развитие науки на страницах «Очерков» выглядит спрямленно-логичным, не соответствующим историческому пути (несоответствие логического и исторического). Логика развития науки, на наш взгляд, подменена академическим техницизмом, проигнорирован, попал в зону умолчания поворот к новому образу науки, характерному для эпохи позднего сталинизма, в котором акцентировались исключительность, самодостаточность, превосходство советской исторической науки относительно как мировой, так и дореволюционной. Трагический экзистенциальный опыт повседневной жизни научного сообщества оказался за пределами анализируемого нами текста. Естественным отражением такого подхода явилась по существу «обезлюдившая история науки», хотя заметим, что сам жанр научной биографии не отрицался в советской историографической традиции, но развивался по своим правилам, если не сказать, канонам. Итак, подготовленное издание уже в момент своего появления «не вмещало многие индивидуальные поиски и находки советских историков»²¹. В научном сообществе послевоенных лет возникает некий круг посвященных в реальную историю науки (от студента до профессора), позицию которых по отношению к официальному образу можно охарактеризовать как «герменевтику подозрения». Очевиден разрыв между представлениями «историографически озабоченной» части научного сообщества и образом науки в анализируемом коллективном проекте (несоответствие образов науки).

Для реконструкции образа науки чрезвычайно значимы представления о ее инфраструктуре, во многом определяющей характер и спе-

¹⁹ Очерки исторической науки... С. 13, 131, 140-141.

²⁰ Там же. С. 141.

²¹ Очерки истории отечественной исторической науки... С. 6-7.

цифику научных коммуникаций. Именно в коммуникативном пространстве укореняются, принимаются или опровергаются те или иные образы науки. В главе «Очерков» «Организация исторической науки и исторического образования. Историческая периодика» выразился интерес к инфраструктуре исторической науки, который был связан с возрастающим влиянием науковедения и социологии и в общем разворачивался в русле мировой тенденции сциентизации историографии. Представленная в «Очерках» инфраструктура науки (академические центры изучения истории, Институт марксизма-ленинизма, архивные учреждения, вузовская наука) отражала не только ее ведомственное деление, но и явно выраженную иерархию, которая в тексте не подвергается анализу. Не нашел отражения и такой процесс (уже зафиксированный ко времени выхода в свет «Очерков») как развертывание партийного образования и новый виток его институционализации, который приходится на послевоенный период²². Отталкиваясь от сложности инфраструктуры исторической науки и учитывая особенности корпоративной культуры, логично предположить, что различные ведомственные подразделения редуцировали и несколько различающиеся образы науки (в этом плане симптоматично выделение в особый раздел историко-партийной науки).

«Очерки» добросовестно воспроизводят и подкрепляют конкретным историографическим материалом системообразующие основания советского образа науки, которые для современного историографа выглядят, скорее всего, как дуальные оппозиции (партийность/научность, классовость/национальность, использование старой науки/борьба с буржуазной идеологией). В то же время историографическая специфика рассматриваемого периода растворяется в созданной авторами общей картине поступательного развития советской исторической науки.

Почти сразу данная концепция в период перестройки попадает в зону инкриминации. Наиболее радикальный проект осмысления советской историографии был выдвинут Ю. Н. Афанасьевым. Историческая наука всего советского периода, по Афанасьеву, это «особый политический феномен», идеологически связанный с партийной системой и выполняющий ее потребности, в котором очень мало научных элементов, а если они присутствуют, то только вопреки, а не благодаря системе²³. Историческая наука, в таком прочтении, выступает как гармоничный элемент тоталитарного общества, образ ее задается властью, соответственно проблема закономерности ее развития сводится к экстерналистическим

²² См.: Историография истории СССР... 1982. С. 133-146.

²³ Подробный анализ концепции см.: Бычков, Свешников. 2005. С. 299-304.

факторам. Во второй половине 1980-х гг. намечались и иные подходы, ориентирующие на изучение автономного пространства советской науки (Е. И. Голубев, А. И. Зевелев, Е. В. Чистякова). Этот подход обретет концептуальную определенность к середине 1990-х гг. Имеется в виду концепция «академического марксизма» А. Н. Дмитриева и концепция особенностей социализации молодого поколения историков-археологов (А. А. Формозов) — «чиновники от науки» как генераторы и трансляторы «главных теоретических положений, ставших ядром официальной схемы мировой истории (формационной теории)»²⁴. Применительно к нашему исследованию — это взгляд на сообщество советских историков середины XX в. как представителей различных генераций, наиболее систематически представленный в работах Л. А. Сидоровой. В них историческая наука предстает как сложный социокультурный феномен, который не может быть сведен только к обслуживающей роли корпорации историков политики советского руководства. Автор констатирует зависимость исторической науки от внешних факторов, определяющую роль среди которых играл контроль партийных органов, прямо вторгавшихся в исследовательскую деятельность историков, но при этом акцентирует внимание и на взаимодействии внешних и внутренних факторов развития исторической науки, обращаясь к корпорации историков с ее правилами «игры» и ценностям. Через генерации историков автор выходит на проблему образа науки, который транслируется как через исследовательские практики историков, так и через коммуникации в их различных формах, в том числе и на уровне личного общения.

Многолетние исследования Л. А. Сидоровой обобщены в недавно вышедшей монографии «Советская историческая наука середины XX в.: Синтез трех поколений историков»²⁵. Работая, по существу, в русле интеллектуальной истории, Л. А. Сидорова обращается к реконструкции мыслительных кодов эпохи, к механизмам влияния «большой социальности» на содержательную сторону науки, ее образ. Начало 1949 года, указывает она, было отмечено последним всплеском борьбы с космополитизмом, ее сменяет новая идеологическая кампания, связанная с работой И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»:

После нескольких лет нагнетания атмосферы борьбы с буржуазным объективизмом и космополитизмом, приведшей к негативным трактовкам достижений русской дореволюционной исторической науки, некоторые тезисы этой дискуссии возвращали ситуацию в отечественной историографии в бо-

---

²⁴ Там же. С. 305-306.

²⁵ *Она же*. 2008.

лее благоприятное русло, которое было проложено в конце 1930-х гг. в результате критики школы Покровского... советские историки вновь получили доступ к традициям своей науки²⁶.

Автор показывает, что «доступ к традициям» носил неизбежно ограниченный характер, одним из важнейших вопросов, разделявших старую дореволюционную и новую советскую («марксистскую») науку, был вопрос об отношении к историческому источнику и историческому факту — исключение из исследовательской практики источников, не прошедших тест на идеологическую выдержанность, не рассматривалось как нарушение принципа историзма. Таким образом, концептуальное могло не вытекать из фактологического, напротив, факты подгонялись под идеологически приемлемую, официально признанную концепцию. Такая позиция требовала непростой исследовательской переориентации историков «старой школы» (она была совершенно неприемлемой для многих ее представителей, показательна в этом плане ссылка на С. Б. Веселовского) и, в то же время, оказывалась гораздо более органична для поколения «красных профессоров»²⁷.

Как нам представляется, автор подходит к новой проблеме — «усредненной депрофессионализации» официально признанной науки и неизбежной индивидуализации и маргинализации противостоящих ей вариантов. Признание правил игры, декларирование своей приверженности к марксистской методологии вовсе не означало притяжения ее по существу. Автор выделяет три модели использования такой методологии — творческую, догматическую и формальную, хотя обращает внимание и на различные их сочетания.

В массиве литературы общего плана выделим в отдельную группу науковедческие и историко-научные исследования, написанные в рамках социальной парадигмы, с привлечением науковедческих методик²⁸. Обратим внимание на сделанный в коллективной монографии «Наука и кризисы...» вывод, который диссонирует с закрепившимися в историографии оценками взаимоотношений советской науки и власти:

«фактически наука всегда находится в симбиотических отношениях с государством, а ученые при любых режимах находят способ служить ее интересам. И хотя советская наука действительно контролировалась сильнее, чем это могли себе представить критики тоталитаризма, научному сообществу в этих условиях удалось мобилизовать намного больше материально-

²⁶ Там же. С. 73.

²⁷ Там же. С. 111.

²⁸ Булыгина. 2000; Грэхэм. 1991; 1998; «За «железным занавесом»...; Наука и кризисы... и др.

финансовых ресурсов, чем могли надеяться самые убежденные сторонники академических свобод» и «поведение ученых, их взаимоотношения с властями, с государством и обществом очень схожи и при фашизме, и при коммунизме, и при либерализме»²⁹.

Историками науки, в основном естественниками, была обозначена и проблема феномена «сталинской науки».

Самой разрабатываемой в интересующем нас поле была и остается проблематика взаимоотношений власти и корпорации историков. Для второй половины 1980-х – 1990-х гг. была характерна акцентировка на давлении со стороны власти (что нашло отражение и в названиях работ, например, «Репрессированная наука») ³⁰. Эти работы демонстрируют чаще всего историографическую модель, где власть — олицетворение зла, а историк — жертва. К началу 2000-х гг. исследователи начинают выстраивать более сложную и детальную картину взаимоотношений историков и власти ³¹. Заметна тенденция к постановке проблемы ответственности историка, к рассмотрению взаимоотношений между властью и корпорацией историков как возможного «диалога», а не только одностороннего диктата со стороны власти. Как плодотворную, можно отметить попытку выявить точки пересечения социального заказа власти и внутренних тенденций развития самой науки и научных сообществ.

В работах отечественных (А. Н. Дмитриев, А. М. Дубровский, Д. М. Колеватов, А. В. Свешников, М. А. Мамонтова и др.) и зарубежных (К. М. Ф. Платт, Ф. Б. Шенк) исследователей ³² ставится проблема культурных и интеллектуальных предпосылок происходивших процессов и событий в послевоенном советском обществе и в корпорации историков, проясняются основания для сближения власти и ученых.

Проиллюстрируем этот процесс, обратившись к трудам Ф. Б. Шенка и К. М. Ф. Платта ³³. В фокусе нашего внимания оказались эти исследования, получившие широкую известность в последнее время, благодаря не только переводу на русский язык, но прежде всего тем новым подходам, которые авторы реализовали применительно к исследованию советской исторической науки и исторического сознания.

²⁹ См.: Наука и кризисы... С. 999-1000.

³⁰ Волобуев, Кулешов. 1989. С. 312-333; Маслов. 1989. С. 344-352; Репрессированная наука...; Бордюгов, Козлов. 1992; Балакин. 1997; Советская историография...

³¹ Корзун, Колеватов. 2006а. С. 199-224; Свешников. 2006. С. 78-111.

³² Дубровский. 2005б; Дмитриев. 2007а; 2007б. С. 32-56; Шенк. 2007; Платт. 2008; Колеватов. 2008. С. 26-33; Мамонтова. 2008. С. 20-25; Свешников. 2006. С. 78-111.

³³ Платт. Указ. соч.; Шенк. Указ. соч.

Работа Шенка проблематизирует связь исторической памяти с рамочными условиями — социально-политической и социокультурной контекстуальностью советского общества. Обратим внимание на то, что историческая наука не является предметом специального рассмотрения автора, она анализируется им как часть социокультурной характеристики эпохи. Автор показывает место производства текстов и образов об Александре Невском в советском дискурсе памяти, значение образа «князя-героя» для создания героического нарратива, посвященного победе советского народа в Великой Отечественной войне, роль историков в этих процессах. Что особенно важно для нашего исследования, автор ставит вопрос о трансформации образа Александра Невского в послевоенный период в культурной памяти и профессиональной науке, о неполном совпадении этих процессов. С одной стороны, историческая наука активно участвует в процессе «воспроизводства и трансформации» героического нарратива. Причем, как отмечает Шенк, исторический *mainstream* все в большей мере зависел от сложившихся стереотипов, культурных доминант: цитаты из публицистики и художественной литературы (а также фильма С. Эйзенштейна), выполнявших формирующую роль в «героической мифологизации» образа Александра Невского, включаются в «источниковую базу» в сочинениях известных профессиональных историков. С другой стороны, появляются историки, пытающиеся «поверить алгеброй гармонию», с профессиональных позиций отделить мифологическое от реального в образе выдающегося деятеля. Автор справедливо замечает, что такого рода публикации носят периферийный характер и практически не влияют на восприятие образа Невского в массовом историческом сознании.

Шенк отмечает функциональную устойчивость героического нарратива, посвященного князю: он используется как способ достижения внутренней сплоченности общества («мы-группы»), мобилизации его на борьбу с внешним врагом. Образ Александра Невского, по Шенку, даже в послевоенное время не может рассматриваться отдельно от дискурса о Великой Отечественной, и функциональная, сакральная значимость последнего приводит к тому, что даже в последующем, в процессе десталинизации образы организаторов-предводителей патриотической борьбы остаются неприкосновенными. В то же время Шенк отмечает трансформацию образа под влиянием «холодной войны», обращая внимание на изменение исторической акцентировки в этот период. В отличие от военного времени, когда подчеркивалось национальное противостояние, усиливается социально-классовая направленность: Александр

Невский выступает как руководитель общенародной борьбы с иноземными (немецкими, шведскими и т.д.) феодалами, причем решающая роль в этой борьбе отводится социальным низам.

Несмотря на то, что работа американского исследователя Кевина Платта посвящена периоду 1930-х гг., она особо значима в силу предлагаемых методологических ходов. Автор сосредоточивает внимание на природе сталинской реабилитации Ивана Грозного и Петра I, героически знаковых фигур и для интересующего нас послевоенного десятилетия. Он подчеркивает «пороговость или лиминальность культурных значений, им придаваемых»³⁴, это своего рода «фигуры, размечающие границы территории культурной идентичности»³⁵. Автор задается вопросом: почему именно эти фигуры российского прошлого стараются использовать для демаркации пространства национальной идентичности? В какой мере национальный исторический контекст, частью которого они являлись, влиял на решения партийного руководства в «вопросах исторического ревизионизма или идеологического дискурса в целом»³⁶. Помимо пороговой значимости указанных фигур, Платт указывает «на невозможность отказаться вовлекать их в переживаемый исторический опыт — национальная история была уже расчерчена на карте настоящего»³⁷. Востребованность «великих и героических царей-преобразователей» автор объясняет, в конечном счете, схожестью исторических ситуаций — экстатическое превознесение государственных успехов и государственной справедливости на переднем плане и устойчивая память о репрессиях и беззакониях характеризует перекликающиеся эпохи (повторяющаяся, репродуцируемая травма). Утверждение общности эпох, по Платту, должно было подкреплять тезис о неизменной основе государственной идентичности: «Не руководство партии придумало мифологизирующую перекличку Ивана Грозного и Петра I с собственно большевистской революцией — оно просто поставило ее на службу»³⁸. Автор указывает на разнящиеся дискурсивные практики и состязания между различными эшелонами партийного руководства, писателями, публицистами, историками и советским обществом в целом в присвоении прошлого, при этом им справедливо подчеркивается противоречивость как самих исторических фигур, так и прошлого в целом.

³⁴ Платт. Указ. соч. С. 75.

³⁵ В данном случае автор, как он сам указывает, следует определению Петера Сталлибраса и Аллона Уайта. См.: Платт. Указ. соч. С. 80.

³⁶ Там же. С. 64.

³⁷ Там же. С. 70-71.

³⁸ Там же. С. 70.

В то же время Платт отмечает: гуманитариев, профессионально занимавшихся «пороговыми самодержцами», объединяло «аксиоматическое единодушие», неизменная вера в наличие единственно верной интерпретации российского прошлого. Искомый таким образом синтез Платт определяет как химерический³⁹. Как видим, историк обозначил, правда, достаточно бегло, еще одну важную проблему — зависимость властных попыток присвоения прошлого от особенностей национальной истории и наличного опыта ее интерпретации. Сам Платт считает, что его подход нацелен в первую очередь на проблемы герменевтические: «В общем, помимо рассказа о том, что Сталин сделал с образами Ивана Грозного и Петра I, я хотел бы рассказать еще и о том, что эти двое сделали с самим Сталиным»⁴⁰. Поставленный вопрос, к сожалению, остался без ответа. Но непроясненность данного сюжета не снимает проблему стереотипизации исторического мышления, скорее подтверждает ее актуальность и сложность. Сталинское видение истории, полагает автор, отличалось своеобразной содержательной объемностью, в нем сочетались «элементы, заимствованные из прежних официально одобренных положений Покровского со сменовеховством Устрялова», а «оба эти момента (хотя и противоположным образом) были связаны с дореволюционными традициями русской исторической мысли»⁴¹. «Радикальный характер сталинского ревизионизма состоял не столько в интерпретативных нововведениях как таковых, сколько в алхимическом сочетании казалось бы диаметрально противоположных позиций»⁴².

Такая трактовка отличается от взглядов отечественных историков, для которых характерно (в большей или меньшей мере) спрямление процесса — революционная традиция в историческом сознании сменяется новоимперской. Да и в определении тенденций в отношении власти к науке и научным сообществам американские историки, пожалуй, более историчны. В частности, Давид Джоравски обращает внимание на их зигзагообразную схему: «броски (власти — В. К., Д. К.) от политической поддержки независимых научных исследований к резкому их неприятию, а затем вновь к политике ограниченной поддержки»⁴³.

Публикации зарубежных авторов отличаются нацеленностью на пересмотр долговременных предпочтений российской культурной традиции, ее героической персонификации, актуализированной в первое

³⁹ Там же. С. 78.

⁴⁰ Там же. С. 65.

⁴¹ Там же. С. 45, 57.

⁴² Там же. С. 65.

⁴³ Джоравски. 2001. С. 239.

послевоенное десятилетие. Взгляд со стороны, вневхождение по отношению к культурной традиции, создают эффект остранения, и авторы находят нетривиальные характеристики как для отечественной культурной и историографической традиции в целом, так и для места в этой традиции складывающегося образа исторической науки.

В рамках второго проблемного узла («историк и власть») отметим поворот к более конкретному изучению советской исторической науки рассматриваемого периода. Усиливается интерес, прежде всего, к социальной истории науки, к ее трагическим страницам, что естественно, поскольку ранее эти сюжеты чаще всего просто замалчивались. Расширение источниковой базы⁴⁴ позволило взглянуть на многие события в ином ракурсе: детально прописываются идеологические кампании, в частности «борьба с космополитизмом»⁴⁵, «суды чести»⁴⁶, научные дискуссии и их специфические формы в научном сообществе второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. Тем самым обозначаются проблемы типов коммуникаций и механизма контроля за наукой, что проясняет не только бытование образа науки, но и коррелирующих его факторов.

Акцентируя внимание на социальном контексте, авторы указанных публикаций специально не останавливаются на внутринаучных факторах развития, взаимосвязи и возможного единства внешней и внутренней социальности науки. Исключение — работа А. М. Дубровского⁴⁷, в которой властное давление рассматривается в плане его взаимодействия с внутринаучными факторами, намечаются индивидуальные стратегии историков, ставится вопрос о зависимости научных стратегий и исследовательских практик от контекста. По сути, в книге Дубровского речь идет об образе исторической науки, хотя автор специально не озабочен этой проблемой. В работе выделяются основные тенденции развития историографии в 1940–50-е гг., трансформация образа советской исторической науки вписывается в общественно-политический, идеологиче-

---

⁴⁴ Публикации многочисленных документов по истории исторической науки: Академия наук в решениях Политбюро...; Власть и художественная интеллигенция...; Цензура в Советском Союзе...; Аппарат ЦК КПСС и культура...; Москва послевоенная...; Советская повседневность и массовое сознание...; Советская жизнь...; Сталин и космополитизм...; И. В. Сталин. Историческая идеология в СССР... и др.

⁴⁵ Пыстина. 1993; Давидсон. 2007; История как игра метафор...; Панях. 1996. С. 686–696; Костырченко. 1997. С. 90–149; Сизов. 2001; Кемеровский государственный университет...; Костырченко. 2003; Елизаров. 2004. С. 179–213; Еремеева. 2004. С. 71–73; Матвеева. 2004. С. 283–288; Сизов. 2004. С. 95–103; Кефнер. 2006. С. 225–247; Колеватов. 2006. С. 121–141; Люстигер. 2008; Костырченко. 2009 и др.

⁴⁶ Есаков, Левина. 2005; Кременцов. 2004; Кременцов. [Электронный ресурс].

⁴⁷ Дубровский. 2005б.

ский контекст эпохи, прописанный подробно, с привлечением ранее не использовавшихся источников. Автор показывает изменения в концептуальном поле советского патриотизма: «с 1943 года взяло начало политико-идеологическое наступление внутри СССР, широко развернувшееся в стране после войны. Коренной перелом в войне дал импульс для эволюции партийно-государственной идеологии в сторону непросвещенного патриотизма, руссоцентризма и великодержавия»⁴⁸. В концепции истории, оформляющейся во второй половине 1930-х гг. и сочетающей «революционно-классовую и национально-патриотическую, в чем-то великодержавную стороны»⁴⁹, усилилась вторая ее составляющая.

Отметим, что для отечественной исторической науки отмеченную трансформацию нельзя рассматривать однозначно негативно, идеологическое переходило в научное отнюдь не автоматически (происходил сложный процесс принятия/интерпретации/реализации идеологических новаций). Само содержание рассматриваемой монографии свидетельствует, что в эти годы закрепляется тенденция преодоления национально-нигилизма в отечественной историографии, происходит возрождение некоторых идей дореволюционной историографии (например, о роли государства в российской истории). Этот тезис раскрывается автором в главе «Тенденции в исторической науке в 1940–1950-е гг.». Модель науки, задаваемая властью, поддерживаемая в целом научным сообществом, укореняется в виде транслируемых образов в публицистике и в учебной литературе. Закрепляется героический, возвышающий образ отечественной истории. Проявлением указанных тенденций Дубровский считает новый подход к освещению темы присоединения народов к России (формула «наименьшего зла преобразуется в формулу «абсолютного блага»). В конце войны и в первые послевоенные годы «расцвета достигли культ сильного централизованного государства, вождизм, идея исторической преемственности СССР и дореволюционной России. В это же время акцентируется классовое содержание указанных процессов, свертываются политико-идеологические послабления, которые были допущены в годы войны»⁵⁰, а советская современность рассматривается «как вершина всечеловеческого развития»⁵¹.

А. М. Дубровский подошел к чрезвычайно важной проблеме об аксиологических установках: он подчеркивает стремление всех советских историков к получению конечного, единственно верного знания об исто-

---

⁴⁸ Там же. С. 424.

⁴⁹ Там же. С. 360.

⁵⁰ Там же. С. 519.

⁵¹ Там же. С. 499.

рическом прошлом России. Однако автор сосредоточил внимание скорее на последствиях указанных мыслительных кодов, чем на их прояснении. Он размышляет о концептуальной стагнации советской историографии (на примерах дискуссии о критериях периодизации отечественной истории, проблемы специфики русской истории, предпосылок образования Российского государства и т.д.). С его точки зрения, «на концептуальном уровне резервы были исчерпаны или почти исчерпаны, что, впрочем, не закрывало пути к решению множества частных вопросов и разработке тех или иных тем»⁵². Эти ремарки весьма показательны: намечается изменение в проблемном поле самой историографии как дисциплины — дисциплинарная рефлексия (о проблемном поле истории и её эпистемологических основаниях) становится предметом интереса историографа).

К достоинствам книги мы относим и попытку связать образ науки с образом ученого-историка. При этом автор избежал излюбленного в последнее время противопоставления дореволюционных (хороших) и советских «красных профессоров» (плохих, по определению). Реально, отечественные историки в 1930–50-е гг. «пережили нивелировку под напором тех жизненных обстоятельств, которые создала для них государственная власть». Происходила профессионализация красных профессоров, трансформация их из интернационалистов в патриотов, воспевающих достижения дореволюционной России. В то же время происходила «марксизация» старых историков — они приучаются использовать цитаты и концептуальные идеи, почерпнутые из трудов «классиков марксизма». Для характеристики итогов процесса трансформации «старых специалистов» Дубровский вводит понятие «марксизированные либералы»⁵³. Представляет интерес и постановка вопроса о «скрытой культуре», «несистемных элементах» советской историографии, вольно или невольно противостоящих официальной науке. Именно в этом ракурсе представлено творчество А. П. Спундэ и С. Я. Лурье, теоретические поиски П. П. Смирнова и В. Г. Карцева, отвергнутые властью работы С. В. Бахрушина и С. Б. Веселовского.

Антропологический ракурс рассмотрения истории исторической науки с несколько иными вариантами проблематики характерен также для авторского коллектива монографии «Историк и власть: советские историки сталинской эпохи». Рассматривая советскую историографию в «контексте задаваемой властью модели, авторы обратили внимание на различные поведенческие стратегии историков, на различие их позиций

---

⁵² Там же. С. 651, 787.

⁵³ Там же. С. 782-783.

в «боях за историю»; предпринята также попытка построить типологию личности историка. В плане реконструкции образа науки представляет интерес опыт осмысления различного отношения ученых-историков к своей науке, зависимость этого отношения от личностных особенностей, социального позиционирования, превратностей судьбы. Обращаясь к биографиям, статусным позициям и творческим судьбам В. П. Волгина, Н. М. Лукина, П. Г. Любомирова, исследователи обозначают возможные поведенческие стратегии соответственно: «историк руководящий», «историк воюющий» и «историк страдающий».

Особый интерес представляет написанная А. В. Гордоном глава «Революционная традиция и имперские модели: историческая наука последнего сталинского десятилетия», определяющая программу монографии в целом. Интересующий нас период охарактеризован в общих чертах (автор сосредоточил внимание на предвоенном и военном времени): отмечена тенденция развития историографических представлений в сторону имперских моделей, «отчетливая идентификация Российской империи прямо со сталинским режимом»⁵⁴, доминирование изоляционистских установок, утвердившихся в ходе кампаний по борьбе с космополитизмом. Такую коррекцию в образе исторической науки автор объясняет, с одной стороны, трансформацией общей социальности — «соединением политических задач государственного руководства с естественными устремлениями миллионов людей, нуждавшихся в духовной поддержке своих беспримерных жертвенных усилий» в годы Великой Отечественной войны⁵⁵. В годы войны история становится «мобилизованной, военнообязанной». С другой стороны, автор фиксирует изменения настроений в сообществе историков: «был установлен новый прожектор истории», высвечивающий сцепление истории с современностью. Этот тезис иллюстрируется творчеством как историков, сформировавшихся в дореволюционный период, так и историков новой генерации. К несомненным достоинствам текста А. В. Гордона следует отнести попытку показать процесс «концептуального перевооружения» историков в контекстуальности развития советской гуманитаристики, в частности, в сопоставлении с историческим моделированием деятелей литературы. Эта линия исследования представляется плодотворной и перспективной. По существу, речь идёт о смене парадигм исследования советской историографии — повороте к социокультурному её видению. Но, тем не менее, отметим, что имперский нарратив представлен в дан-

---

⁵⁴ Там же. С. 98.

⁵⁵ Там же. С. 97.

ном разделе монографии несколько спрямленно и односторонне в плане радикального разрыва с предшествующей советской историографической традицией. Естественно, возникает вопрос: какова же судьба революционной традиции (доминантной в предшествующий период развития историографии). Ответ, который дает автор, представляется несколько упрощенным: происходило ее преодоление, хотя «революционную традицию было не так-то легко упразднить»⁵⁶.

Заметным явлением стал нарастающий интерес к биографиям историков прошлых времен и к автобиографическому самовыражению историков, практикующих «здесь и сейчас»⁵⁷. В этих работах ставится вопрос о пределах свободы историка от официальной идеологии и политики. Попытки приоткрыть творческую лабораторию историков, обратиться к вопросам преемственности научной традиции, к проблеме формирования школы в науке были предприняты авторами многотомных очерков «Портреты историков: Время и судьбы» и коллективной работы «Историки России. Послевоенное поколение»⁵⁸.

Среди историков, вызвавших особый интерес в историографии, выделяется фигура Н. Л. Рубинштейна, знаковая для этого периода — он стал мишенью в идеологических кампаниях, а его «Русская историография» была подвергнута обсуждению по всем «нормам» сталинских дискуссий⁵⁹. События, происходящие в советской исторической науке, отразились на его судьбе и творчестве, что дает материал для размышлений о взаимодействии науки и политики, науки и нравственности. Применительно к образу науки отнесены следующие вопросы, затрагиваемые современными исследователями: насколько концепция развития отечественной исторической науки, отрефлексированная в «Русской историографии», отражала парадигмальные изменения в связи с утверждением марксистской методологии, насколько она была связана с предшествующей культурной традицией, как происходит «сброс» историографических наработок под воздействием социальных факторов. Авторами данной статьи был сделан вывод о том, что в результате критической атаки на Н. Л. Рубинштейна на смену концептуальному виде-

---

⁵⁶ Там же. С. 104.

⁵⁷ *Историки России...*; *Историческая наука в России...*; *Каганович*. 1995; *Жуковская*. 1999; *Панях*. 2000; 2005; *Твардовская*, 2003; *Шарова*. 2003; *Дубровский*. 2005а и др.

⁵⁸ *Портреты историков...*; *Историки России. Послевоенное поколение...*

⁵⁹ *Медушевская*. 1999. С. 233-235; *Муравьев*. 1999. С. 228-233; *Шмидт*. 1999. С. 202-227; *Цамутали*. 2001; *Цамутали*. 2001а; *Шаханов*. 2005; *Корзун, Колеватов*. 2007; *Мандрик*. 2008.

нию исторической науки приходит проблемный принцип ее построения, из образа науки вымывается всемирно-исторический контекст⁶⁰.

Взлет интеллектуальной истории актуализировал внимание к процессам формирования, трансляции и рецепции исторического знания, хотя работа в данном направлении только начинается. Омские историки в русле антропологического подхода рассматривают индивидуальные стратегии и практики научного сообщества, способы трансляции образа науки через создание героического нарратива и роли историков в этих процессах, через Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний, через периодическую печать, кинематограф⁶¹. Изучаются и такие значимые каналы трансляции, как учебники и художественная литература, причем наиболее интенсивно эта проблематика развивается в американской и европейской традициях⁶².

Наконец, остановимся на работах, в которых очерчено социокультурное и общественно-политическое пространство послевоенного советского общества — контекст бытования советской науки, воссоздаются условия повседневных практик советских людей, и в том числе советских ученых как части этого общества⁶³. Эта социокультурная среда оказывает влияние на «жизненный мир» историка, его идеалы и установки. Модели социального поведения, условия творческой деятельности во многом определяют и организацию научной жизни, задают как координаты научно-исследовательской деятельности, так и поведенческие стратегии в научном сообществе и за его границами.

Даже беглый экскурс позволяет сделать вывод, что образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие претерпевает определенную трансформацию, которую констатируют все современные исследователи. Сходятся они и при определении направленности такой трансформации от космополитически революционного к национально-имперскому, от идеи единства науки к изоляционистской самодостаточности. Рассмотренные публикации отличаются по степени проблематизации своих подходов, способности перейти от научного фактажа к созданию общей картины развития исторической науки, прибегнуть к травматической деконструкции культурной и научной традиции, для

⁶⁰ См.: Корзун., Колеватов. 2006б; 2007.

⁶¹ Корзун, Колеватов. 2006б; Мамонтова. 2006; 2007а; 2007б; Кныш. 2007; 2008; Корзун, Кныш. 2009 и др.

⁶² Дубровский. 2005б; Платт. Указ. соч.; Epic Revisionism... и др.

⁶³ Зубкова. 1999; Данилов, Пыжиков. 2001; Андреевский. 2003; Холодная война...; Антипина. 2005; Ваксер 2005; Иванова. 2006; Лейбович. 2008; Рыженко. 2008; Мамонтова. 2009. С. 126-130; Рольф. 2009 и др.

того чтобы «задеть за живое», создать поле интеллектуального напряжения. Образ науки, при всех сложностях его постижения, начинает осмысливаться как персонифицированный, очеловеченный, что является бесспорным достижением. В то же время при фиксации индивидуально-уникального, идеологических и методологических различий между историками первого послевоенного десятилетия, современная историография подходит к важной проблеме — когнитивным принципам организации науки. Наблюдается, в первом приближении, пока в основном фрагментарно, попытка выделить элементы рефлексии по поводу закономерности развития исторической науки в интересующий нас период, что является одной из важнейших составляющих ее образа. Обозначим эту прорисовывающуюся новацию как вторую координату.

Третья координата на новой историографической карте — размышления об универсальности или уникальности черт советской исторической науки первого послевоенного десятилетия относительно мировой историографии, что предполагает компаративное исследование. Этот важнейший для прояснения образа науки сюжет остался за рамками обзора. Назовем лишь знаковый в этом плане коллективный труд «Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки», где предпринята масштабная попытка сравнительного институционального и содержательного анализа науки в ее национальных вариантах бытования⁶⁴.

Четвертая координата на карте возможных историографических исследований образа науки подсказывается нам провокационной продуктивностью «взгляда со стороны» Ф. Б. Шенка и К. Платта, предпринявших попытку показать зависимость той или иной стратегии интерпретации исторических героев от глубинных структур национальной культурной традиции, «мозаики символов культурной идентичности».

Когда была уже поставлена точка, у авторов возникло ощущение некоторой недоговоренности. Нас мучил вопрос: не спрямляем ли мы историографический процесс под наше видение объекта исследования (образа исторической науки), и как анализируемые нами авторы ощущают себя в рамках антропологического, культурологического поворотов? Ведь многие из них в частных беседах и в дискуссиях на научных конференциях заявляют антитеоретическую позицию, иронизируют над новыми направлениями и языком историографии. А у нас получается, как по Мольеру: герои давно уже говорят прозой, сами не ведая того.

---

⁶⁴ Наука и кризисы... Представляется перспективным в плане прояснения образа науки использование концепции перехода от модели интернациональной науки к модели национально-государственной науки. См.: *Дмитриев*. 2007.

Но что поделать? Историограф выступает как соавтор-интерпретатор, выявляющий ту совокупность значений и смыслов, которая принадлежит данному историографическому труду (трудам), автору (авторам). Эта процедура невозможна без включения анализируемых историографических фактов в свое видение социокультурного контекста, без соотнесения с собственным позиционированием в историографическом поле. Познающий субъект (назовем себя так) включен в рассматриваемую им историографическую картину с её теоретическими доминантами и неизбежной, зачастую плодотворной, периферийностью; эмпирикой и поисками теоретических новаций. В этом поле он одновременно схватывает, выстраивает «мысле-образ» интересующего его объекта, включая промежуточные интерпретации историков, «которые жили до него недавно и давно»⁶⁵, и тем фокусирует на себе «историографическое время» как состоявшееся, так и длящееся. В противном случае, функции историографа сводились бы к простому собирательству — в корзинку по грибочку (по концепции). Но этот этап историография уже прошла.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. М.: РОССПЭН, 2000. 592 с.
- Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. (30-е годы). М.: «Молодая гвардия», 2003. 436 с.
- Антипина В. А.* Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950 гг. М.: «Молодая гвардия», 2005. 408 с.
- Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. М.: РОССПЭН, 2001. 807 с.
- Балакин В. С.* Отечественная наука в 50-е – серед. 70-х гг. XX в. (Опыт изучения социокультурных проблем). Челябинск: ЧГТУ, 1997. 204 с.
- Барсенков А. С.* Советская историческая наука в послевоенные годы: 1945–1955. М.: Изд-во МГУ, 1988. 144 с.
- Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М.: Политиздат, 1992. 352 с.
- Булыгина Т. А.* Общественные науки в СССР (1945–1985). М., 2000.
- Бычков С. П., Свейников А. В.* Проблема феномена советской историографии // Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография / Под ред. В. П. Корзун. Омск: ОмГУ, 2005. С. 299-304.
- Ваксер А. З.* Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб.: Остров, 2005. 435 с.
- Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК-ОГП-НКВД о культурной политике. 1917–1953. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. 872 с.
- Волобуев О. В., Кулешов С.* История по-сталински // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. С. 312-333.

⁶⁵ Гуревич. 1996. С. 109.

- Грэхэм Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в советском союзе. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
- Грэхэм Л. Р. Очерки истории российской и советской науки, М., 1998.
- Гуревич А. Я. «Территория историка» // Одиссей. 1996. М., 1996. С. 81-109.
- Давидсон А. Б. Историка ленинградского университета в разгар кампании против «низкопоклонства перед Западом» // Одиссей. 2007. М., 2007. С. 354-356.
- Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: РОССПЭН, 2001. 303 с.
- Джоравски Д. Сталинский менталитет и научное знание // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период / Сост. М. Дэвид-Фрике. Самара: Самарский университет, 2001.
- Дмитриев А. Н. Время историков [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2007а. № 5 (055). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2007/55/dm21.html> (время доступа 19.03.2010).
- Дмитриев А. Н. От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2007б. С. 32-55.
- Дубровский А. М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий // Отечественная история. 2005а. № 4.
- Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И. Г. Петровского, 2005б.
- Дубровский А. М. От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 32-56.
- Елизаров Б. С. К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 179-213.
- Еремеева А. Н. Провинциальный ученый в условиях борьбы с «низкопоклонством» перед западом // Интеллигенция России и запада в XX–XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития. Екатеринбург, 2004. С. 71-73.
- Есаков В. Д., Левина Е. С. Сталинские «суды чести»: «Дело «КР»». М.: Наука, 2005, 423 с.
- Жуковская Т. Н. Анатолий Васильевич Предтеченский (1893–1966) // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- «За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 527 с.
- Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–53. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
- Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука. 2006. 438 с.
- И. В. Сталин. Историческая идеология в СССР в 1920–50-е годы: переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Ч. 1. 1920–1930-е годы / Сост. М. В. Зеленев. СПб., 2006. 496 с.
- Историки России. Биографии. М.: РОССПЭН. 2001. 911 с.
- Историки России. Послевоенное поколение. М.: АИРО-XX, 2000. 238 с.

- Историография истории СССР (эпоха социализма): Учебник / Под ред. И. И. Минца. М.: Высшая школа, 1982. 336 с.
- Историческая наука в России в XX веке. М.: Скрипторий, 1997. 563 с.
- Каганович Б. С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 138 с.
- Кемеровский государственный университет: Страницы истории. Кемерово, 2002.
- Кефнер Н. В.* Сибирские историки в фокусе идеологических кампаний первого послевоенного десятилетия // Мир историка. Вып. 2. Омск: ОмГУ, 2006. С. 225-247.
- Кныш Н. А.* Образ советской исторической науки и историка в газете «Культура и жизнь» (к вопросу об особенностях коммуникативного пространства) // Мир историка. Вып. 4. Омск: ОмГУ, 2008. С. 332-364.
- Кныш Н. А.* Образ ученого в художественном кинематографе конца 1940-х – начала 1950-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. История. Выпуск 21. 2007. № 18 (96). С. 119-136.
- Колеватов Д. М.* Научное сообщество как социальный фильтр («Репрессивное давление» в научной судьбе М. А. Гудошникова и М. К. Азадовского 1940-х гг.) // Мир историка. Историографический сборник. Вып.1. Омск: ОмГУ, 2006. С. 121-141.
- Колеватов Д. М.* Начало «холодной войны» и поворот к изоляционизму в исторической науке (по материалам журнала «Вопросы истории») // Исторический ежегодник. Вып. 2. Омск: ОмГУ, 2008. С. 26-33.
- Корзун В. П.* Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Изд-во Омского госуниверситета, Изд-во Уральского университета, 2000. 226 с.
- Корзун В. П., Кныш Н. А.* Герои и антигерои в историко-биографическом кинофильме второй половины 1940-х – начала 1950-х годов // Художник. Творчество. Эпоха. Диалог культур: от века XX к веку XXI. Вып. 5. Омск: Наука, 2009. С. 119-125.
- Корзун В. П., Колеватов Д. М.* «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи // Диалог со временем. 2007. Вып. 20. С. 24-62.
- Корзун В. П., Колеватов Д. М.* Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 2. Омск: ОмГУ, 2006а. С. 199-224.
- Корзун В. П., Колеватов Д. М.* Судьба книги – судьба науки // Научное знание: теоретические основания и коммуникативные практики. М., 2006б.
- Костырченко Г. В.* Идеологические чистки второй половины 40-х годов: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1997. С. 90-150.
- Костырченко Г. В.* Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, 2009. 415 с.
- Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2003. 784 с.
- Кременцов Н. Л.* В поисках лекарств против рака: Дело «КР». СПб.: Рус. Христиан. гуманитар. акад., 2004. 327 с.
- Кременцов Н. Л.* Равнение на ВАСХНИЛ // Сайт «Журнальный зал» URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/krem94os.htm> (время доступа 19.03.2010).

- Кузнецов В. С. Образ науки и эвристическая функция философии // Методология науки. Новосибирск, 1985.
- Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг. М.: РОССПЭН, 2008. 295 с.
- Люстигер А. Сталин и евреи: Трагическая история Еврейского антифашистского комитета и советских евреев. М.: РОССПЭН, 2008. 295 с.
- Мамонтова М. А. «Рекомендовано «воздержаться»» (к вопросу о развитии изоляционистских тенденций в советской науке периода «позднего сталинизма») // Исторический ежегодник. Вып. 2. Омск: ОмГУ, 2008. С. 20-25.
- Мамонтова М. А. Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний как одна из форм контроля над общественной мыслью в конце 1940-х – начале 1950-х гг. // Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. М.: ИВИ РАН, 2007б.
- Мамонтова М. А. Культурный ландшафт сибирского города второй половины 1940-х годов и космополитические кампании в провинции // Художник. Творчество. Эпоха. Диалог культур: от века XX к веку XXI. Вып. 5. Омск: Наука, 2009. С. 126-130.
- Мамонтова М. А. Местные общественные организации как один из каналов трансляции исторического сознания // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века / Под ред. А. В. Гладышева, Б. Б. Дубенцова. СПб.: Нестор-История, 2006. 256 с.
- Мамонтова М. А. Формы контроля общественно-популяризаторской деятельности провинциального историка в первое послевоенное десятилетие // Мир историка. Вып. 3. Омск: ОмГУ, 2007а.
- Мандрик М. В. Николай Леонидович Рубинштейн: очерк жизни и творчества // Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб., 2008.
- Маслов Н. Н. «Краткий курс истории ВКП(б)» — энциклопедия культа личности Сталина // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. С. 344-352.
- Матвеева Н. В. Кампания по борьбе с космополитизмом в интеллектуальных биографиях послевоенного поколения советских историков // Социальные конфликты в истории России. Омск: Из-во Омского гос. пед. университета, 2004. С. 283-288.
- Медушевская О. М. Источниковедческая проблематика «Русской историографии» Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 233-235.
- Москва послевоенная. 1945–1947: архивные документы и материалы. М.: Мосгорархив, 2000. 768 с.
- Муравьев В. А. «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 228-233.
- Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1040 с.
- Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М. В. Нечкиной. Т. V. М., 1985.
- Панях В. М. Борис Александрович Романов и Иван Иванович Смирнов // Панях В. М. Историографические этюды. СПб.: Алетейя, 2005. 241 с.
- Панях В. М. Ликвидация Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 г. // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996.

- Панях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
- Платт Кевин М. Ф.* Репродукция травмы: сценарии русской национальной истории в 1930-е годы // НЛО. 2008. № 90.
- Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. М.; Иерусалим, 2000.
- Пыстина Л. И.* Проблемы изучения интеллигенции в послевоенные годы (идеологические кампании 1940-х гг.) // Интеллигенция в советском обществе: Межвузовский сборник научных трудов. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1993. С. 163-171.
- Репрессированная наука / Под общ. ред. М. Г. Ярошевского Л.: Наука, 1991. 559 с.
- Родигина Н. И.* «Другая Россия». Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX начала XX века. Новосибирск: НГПУ, 2006. 343 с.
- Рольф М.* Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 440 с.
- Рыженко В. Г.* Социокультурный ландшафт советской исторической науки во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XX в.: возможности реконструкции // Исторический ежегодник. Вып. 3. Омск: ОмГУ, 2008.
- Рыжковский В.* Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) // НЛО. 2009. № 97.
- Свешников А. В.* Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930 – 1940-х гг. // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 2. Омск: ОмГУ, 2006. С. 78-111.
- Сидорова Л. А.* Поколение как смена субкультур историков // Мир историка. XX век. М.: ОмГУ, 2002. С. 38-53.
- Сидорова Л. А.* Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М.: ИРИ РАН, 2008. 294 с.
- Сидорова Л. А.* «Санкционированная свобода» исторической науки: опыт середины 50-х – 60-х гг. // Россия в XX веке. Судьба исторической науки. М.: Наука, 1996. С. 705-710.
- Сидорова Л. А.* Инновации в отечественной историографии: опыт рубежа 50-х – 60-х годов // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 2000. С. 401-410.
- Сидорова Л. А.* Историческая наука в СССР в первые послевоенные годы // Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография / Под ред. В. П. Корзун. Омск: ОмГУ, 2005а. С. 517-531.
- Сидорова Л. А.* Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. 288 с.
- Сидорова Л. А.* Советские историки послевоенного поколения: собирательный образ и индивидуализирующие черты // История и историки: историографический вестник. 2004. М.: Наука, 2005б. С. 208-223.
- Сизов С. Г.* Идеологические кампании 1947–1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 95-103.
- Сизов С. Г.* Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). Омск: СибАДИ, 2001.
- Советская жизнь. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2003. 631 с.
- Советская историография. М.: РГГУ, 1996. 592 с.
- Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., 2003. 472 с.

- Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: РОССПЭН, 2005.
- Твардовская В. А. Б. П. Козьмин. Историк и современность. М.: ИРИ, 2003. 246 с.
- Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 640 с.
- Цамутали А. Н. «У меня как всегда много работы...»: несколько штрихов к облику Николая Леонидовича Рубинштейна // Страницы советской истории. Проблемы, события, люди. СПб., 2001а.
- Цамутали А. Н. Николай Львович Рубинштейн // Историки России. Биографии / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001б.
- Цензура в Советском Союзе. 1917–1991. М.: РОССПЭН, 2004. 575 с.
- Черепнин Л. В. Лаппо-Данилевский А.С. — буржуазный историк и источниковед // Вопросы истории. 1949. № 8. С. 30-51.
- Шарова А. В. Историк средневековой Англии в советской России: компромиссы академика Е. А. Косминского // Одиссей. 2003. М.: Наука, 2003. С. 256-296.
- Шаханов А. Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в советской исторической науке: «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна // История и историки: историографический вестник. 2004. М.: Наука, 2005.
- Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: НЛЮ, 2007. 619 с.
- Шмидт С. О. Судьба историка Н. Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998. М., 1999. С. 202-227.
- Юлина Н. С. Образы науки и плюрализм метафизических теорий // Вопросы философии. 1982а. № 3.
- Юлина Н. С. Структура образов науки // Структура и развитие научного знания. М., 1982б.
- Янковская Г. А. Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь: ПГУ, 2007. 311 с.
- Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda / Eds. K. M. F. Platt, D. Brandenberger. Madison: University of Wisconsin Press, 2005.

Корзун Валентина Павловна, д.и.н., профессор, зав. кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; Korzunv@mail.ru.

Колеватов Дмитрий Михайлович, старший научный сотрудник кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского; Korzunv@mail.ru.

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ПОНЯТИЙ

А. А. ВОЙТЕНКО

ИДЕИ МИЛЛЕНАРИЗМА В ЕГИПТЕ I-IV ВВ.¹

Аннотация: Статья посвящена изучению развития милленаристских идей в Египте в I-IV в. Автор исследует патристические трактаты, апокрифические и агиографические тексты, а также данные папирусов и приходит к выводу, что милленаристские идеи были распространены в Египте достаточно широко и не исчезли во второй половине III в., как это ранее предполагалось.

Ключевые слова: милленаризм, оригенизм, папирология, агиография, раннее христианство, история монашества.

Известный французский богослов и историк Церкви Жан Даниелу предполагал, что милленаризм, то есть вера христиан в тысячелетнее царствие Божие на земле перед окончанием времен, является характерной чертой богословия иудео-христианства, где христианская вера во Второе Пришествие соединяется с ветхозаветными представлениями о царстве Мессии². Иными словами, милленаризм представляет собой идею о царстве Христа, «высказанную» категориями ветхозаветных ожиданий. При известной спорности самого термина «иудео-христианство» стоит, однако, отметить, что в нашем случае он имеет право на существование, ибо четко показывает границу между сторонниками и противниками идеи милленаризма: Даниелу справедливо отмечал, что те, кто принимал христианство, но все еще мыслил в категориях эллинской философской парадигмы, решительно отрицали реальность «тысячелетнего царства» как миф и «иудействование»³.

В статье будет предпринята попытка проследить, как идеи милленаризма проникали в Египет в период первых четырех веков существования христианства и как они там развивались. Мы вполне осознаем, что эта задача довольно сложна: первые известные нам исторические

---

¹ Мы благодарны Польской национальной комиссии по делам ЮНЕСКО за предоставленную возможность работы (май-июнь 2009 г.) на кафедре папирологии Варшавского университета, проф. Э. Випшицкой — за ценные консультации проф. М. Старовийскому — за предоставленную возможность работы в библиотеке патрологических исследований в Варшаве, И. Мирошникову — за советы и рекомендации.

² См.: *Danielou*. 1958. P. 341.

³ *Ibid.* P. 342.

сведения о миллениаристском движении в центральных районах Египта относятся к середине III в., но при этом изложены они у автора IV в., церковного историка Евсевия Кессарийского. Однако было бы наивным предполагать, что представления о «тысячелетнем царстве святых» появились в Египте только в III в., конечно, они существовали там гораздо раньше. И тут нам следует обратиться уже не к историческим текстам, а к более значительному по объему корпусу богословских и апокрифических сочинений, где так или иначе находят свои отголоски миллениаристские идеи. Но следует сделать одну существенную оговорку: рассматривать мы будем только те тексты, свидетельствами о распространении которых в Египте мы располагаем. И здесь в нашем распоряжении есть три «индикатора»: во-первых, это дошедшие до нас свидетельства об их коптских переводах, во-вторых, наличие греческих папирусов с фрагментами этих текстов, имеющих египетское происхождение (главным образом, они происходят из Оксириха), и, в-третьих, упоминание о них в трудах александрийских богословов. Гораздо труднее будет указать среду распространения и степень их рецепции в среде египетских христиан, но, ступив на зыбкую почву гипотез и догадок, мы все же постараемся сделать какие-то предположения и в этом вопросе.

Однако прежде стоит еще раз обратиться к работе Жана Даниелу, где он блестяще исследовал основные типы миллениаристского мышления: его классификация будет служить нам определенной методологической опорой. Даниелу выводит концепцию миллениаризма из двух экзегетических традиций на библейскую книгу «Бытия»: первая связана с толкованием рассказа о рае (Быт. 2-3), вторая — с темой Шестоднева (Быт. 1). Наиболее архаичным пластом миллениаристских взглядов Даниелу считает два текста: фрагмент из «Вознесения Исаяи» о пришествии Господа и царстве святых (Asc. Is. IV, 14-17) и свидетельство «Откровения Иоанна Богослова» (Откр. 20, 3-6) о первом воскресении и тысячелетнем царстве святых. Существенным моментом здесь являются представления о земном царстве святых и «промежуточном характере» этого царства, где воскресшие праведники еще не вошли в свое последнее состояние. Но Апокалипсис ничего не говорит о характере этого состояния. Дальнейшее развитие этих идей характеризуется целым спектром представлений о нем: наиболее радикальная точка зрения — и наиболее близкая к мессианским представлениям иудаизма, а также таких «экстремальных» течений как евионитство — изображает это царство в крайне материальном смысле: оно связывается с чрезвычайным плодородием земли, существованием брака и обильным потомством царствующих праведников. Более умеренная допускает плодородие зем-

ли, но исключает размножение людей, и, наконец, третья (назовем ее «аскетической» — *A. B.*) предполагает прекращение как сексуальной жизни, так и плодородия земли. Две первые связаны с идеей нового творения и интенсификацией творческих действий Бога, третья — с противоположными представлениями о времени покоя и «седьмого дня» космической недели. Параллельно с постепенной кристаллизацией трех типов представлений о состоянии праведников в период «тысячи лет» происходит встраивание наиболее архаичного пласта милленаристских идей о царстве святых в хронологические спекуляции, где проводятся параллели между шестью днями творения и шестью тысячелетиями земной истории, а седьмое тысячелетие соответственно связывается с «седьмым днем», днем покоя и мессианским царством, что предшествует времени окончательного покоя и Царства Небесного, которое в свою очередь отражает экзегетику огдоады и «восьмого дня». Даниелу предполагает, что изначальным центром милленаристских представлений о царстве Мессии, сформулированным в категориях ветхозаветной эсхатологии была Малая Азия, тогда как в Сирии и Египте мессианское царство было поставлено в связь с космической неделей и представлениями о «дне покоя». И, наконец, он отмечает, что синтез двух изначалью самостоятельных идей — царства святых и хронологии «тысячелетий» — наиболее ясно и последовательно осуществил свт. Иринеи Лионский⁴.

Вероятнее всего, наиболее архаичным пластом милленаристских представлений следует считать идею о «царстве святых», которая, возможно, происходит от ветхозаветных мессианских представлений о том, что Помазанник в конце времен явится не один, но с «теми, кто с ним» (*cum his qui cum eo*) — как об этом говорит «Апокалипсис Езры», правда, уже в своем христианизированном варианте (IV. Es., VII. 28)⁵. Наиболее общие и, возможно, наиболее ранние представления об этом в христианской литературе мы находим в «Дидахэ». В «эсхатологической» 16-й главе этого текста указано, что в конце времен явятся «знамения истины»: крест, распростертый на небе, «глас трубный» и воскресение мертвых, но при этом автор уточняет, ссылаясь на слова пророка Захарии (Зах. 14, 5), что воскреснут не все, но Господь явится со святыми (cap. 16, 6-8)⁶.

⁴ См. *Danielou*. 1958. P. 341-366.

⁵ Об «Апокалипсисе Езры» («4-ой Книге Езры») см. *Metzger*. 1983. P. 517-559. Его знали в Египте, о чем свидетельствуют сохранившиеся коптские фрагменты текста (VI-IX вв.) и фрагмент греческого папируса (ок. IV в.) из Оксиринха (P. Оху 1010).

⁶ «Дидахэ» или «Учение двенадцати апостолов» было написано предположительно в 60-80 гг. I в. в Египте или Сирии (критическое издание: *Rordorf, Tuiller*. 1978, интересующее нас место — P. 198-199). Предположение о том, что в

Имеющиеся у нас данные указывают на то, что текст «Дидахэ» был хорошо известен в христианской среде Египта: помимо сохранившихся греческих фрагментов из Оксириха и коптских фрагментов этого памятника, ссылки на него есть у Климента Александрийского⁷.

В более полном виде идею «царства святых» мы находим в другом раннехристианском тексте, т. н. «христианской вставке» в первую часть апокрифа под названием «Вознесение Исаяи»⁸. Там говорится о том, что по прошествии тысячи трехсот тридцати дней Господь со святыми спустится с седьмого неба и сокрушит Велиара вместе с войском его. После чего Он утешит живущих на земле праведников, затем святые «переоденутся в одежду свою, а плоть их будет оставлена на земле»⁹. Здесь мы находим важное упоминание о последней битве с Сатаной и, вероятно, символическое выражение того, что найдет впоследствии свое отражение у свт. Иринея Лионского и свт. Мефодия Олимпского: в Небесное Царство святые входят преображенными, а их земное царство лишь подготовка к нему. Сохранившиеся оксиринхские фрагменты и отрывки коптского перевода на саидском и ахмимском диалектах свидетельствуют о том, что в Египте этот текст, вероятнее всего, был известен в полной своей версии¹⁰. Ну и, наконец, свое логическое завершение идея земного царства святых получает в «Откровении Иоанна Богослова» и «Логиях» Папия: там представление о царстве обретает конкретные сроки — тысячу лет. После этого, как указывает Даниелу, все представления о «тысячелетнем царстве» будут развиваться в той парадигме, которую задал им Апокалипсис. При-

---

словах о воскресении святых содержится «эхо» миллениаристских представлений, высказал еще Н. И. Сагарда (см.: *Sagarða*. 2004. С. 86).

⁷ Фрагменты текста (Р. Оху, 1782, IV в.) — это два отрывка из пергаментного кодекса «карманного» формата, т. е. владелец кодекса мог носить его с собой постоянно. Стоит обратить внимание на то, что сохранившиеся коптские фрагменты (Р. Лонд. Ог. 9271, IV – нач. V вв.) написаны на диалекте Среднего Египта — впоследствии мы будем еще говорить о том, что именно там идеи миллениаризма получили особое распространение. У Климента Александрийского обнаружена одна прямая цитата из «Дидахэ» (Strom. I, 20, 100, 4) и несколько аллюзий на его текст — подробнее см.: *Rordorf, Tuiller*. 1978. P. 111-113, 117, 122, 124-125.

⁸ Текст «Вознесения Исаяи», как предполагается, является сложносоставным апокрифом, включающим в себя как дохристианские, так и христианские части — подробнее см.: *Knibb*. 1983. P. 143-176.

⁹ Мы опираемся на английский и французский переводы эфиопского текста — см.: *Knibb*. 1983. P. 162; *Danielou*. 1958. P. 342.

¹⁰ Греческий папирус из Оксириха, ок. V–VI вв. — *Grenfell, Hunt*. 1900. Part I. P. 5-22, коптские фрагменты на саидском и ахмимском диалектах — *Lefort*. 1938. P. 1-32; *Lefort*. 1939. P. 1-10; *Lacau*. 1946. P. 453-467. Совокупно эти фрагменты содержат отрывки из всех частей апокрифа.

чем в «Откровении Иоанна» эта цифра повторяется довольно настойчиво — четыре раза на протяжении 20-й главы. Но откуда взялась сама цифра? В иудейской апокалиптике она отсутствует, там называются иные сроки, в частности, в уже упомянутой «4-ой Книге Езры» царство Мессии длится 400 лет (IV Esr., VII. 28)¹¹. Но у Иоанна Богослова тысяча лет повторяется очень настойчиво — четыре раза на протяжении первых семи стихов 20-й главы, и это не может быть случайным. Делались попытки связать их с учением о космической седмице, составленной из семи тысячелетий¹². Но нам представляется, что прав Даниелю, предположивший, что связь «тысячелетия» с космической седмицей — это более поздние спекуляции, тогда как первоначально, у Иоанна и всех других ранних авторов (Папий, Керинф и проч.), тысяча лет — это символическое выражение пребывания в раю, на которое в частности намекает «Книга Юбилеев», где эта цифра означает срок небесной жизни как экзегеза на Пс 89, 5 (Lib. Jub. IV, 29)¹³. Итак, скорее всего, «тысячелетие» Иоанна — это цифра земного рая. Если мы вспомним о прямой связи между появлением «Откровения» и христианскими гонениями I в. (Нерона и особенно Домициана, ср. Откр 20, 4) и соберем все вместе, то сможем предположить, что соединение идеи «царства святых» и конкретных сроков этого царства произошло в Малой Азии в атмосфере напряженных эсхатологических ожиданий, вызванных, вероятнее всего, двумя значительными событиями: гонениями на Церковь во второй половине I в. и разрушением Храма в 70 г. Таким образом, идея «промежуточного царства» связывается с райским пребыванием Иисуса и святых на земле как воздаяние за те страдания, что они претерпели. Эта тема впоследствии будет развита свт. Иринеем (см. *Iren. Contr. Haeres.* V, 33, 2). В такой перспективе миллениаризм как идея некоего «промежуточного царства» уже обретает свою логику. Впоследствии и в Египте, и за его пределами центральной темой будет обсуждение именно Апокалипсиса Иоанна как главной опоры миллениаристского учения.

В значительной степени повлияли на становление представлений о миллениаризме или некоторых его типов иудейская апокалиптика, известная в христианской среде, и т. н. «Сивилловы книги», где присутствуют языческие, иудейские и христианские части. Отмечалось, что даже в христианских книгах этих пророчеств царство воскресших святых — земное, изображенное в терминах преобразования земли¹⁴. Оно описывается край-

¹¹ *Klijn.* 1983(a). S. 45.

¹² См.: *Danielou.* 1958. P. 354.

¹³ *Ibid.* P. 354-355. Подробнее см.: *Wintermute.* 1985. P. 35-142.

¹⁴ Подробнее о «Сивилловых книгах» см.: *Collins.* 1983. P. 318-472.

не материально и в категориях эсхатологического «коммунизма»: здесь не будет ни царей, ни рабов, изобильные плоды будут произрастать сами по себе, а из земли забьют источники вина, молока и меда и т.д. (ср. Or. Sib. II. 313-319; III. 619-624; VIII. 110-123; VIII. 205-212). Вероятно, в Египте был известен весь корпус «Сивилловых книг», но нас особенно интересует 3-я книга, ее наиболее древние части были написаны ок. 160-150 гг. до н.э. Как предполагает Дж. Коллинз, 3-я книга была написана в Египте за пределами александрийской общины и по своему содержанию она отлична от представлений александрийского иудаизма с его утонченным аллегоризмом¹⁵. Это может указывать на существование в Египте в последние века до нашей эры в среде провинциальных иудеев более «материальной» экзегезы Писания, идеи которой могли быть восприняты христианской (или поначалу иудео-христианской) средой, у которой, безусловно, в первое время должны были сохраняться какие-то контакты с иудейскими общинами¹⁶. Представления о чрезвычайном плодородии земли в конце времен и умножении на ней праведников «десятками сотен» мы находим в другом важном иудейском апокалипсисе — «1-й Книге Еноха» (1 Nep. X. 17-19), который также был известен в Египте¹⁷. Наконец, стоит указать на еще один значимый для иудейской эсхатологической традиции текст — «Апокалипсис Варуха», написанный между 70 и 135 гг. Его автор, знаток как апокалиптики, так и раввинистического учения, был одним из тех, кто ввел иудаизм в новую эру и помог переосмыслить катастрофу 70 г.¹⁸ Даниелу отмечал, что царство Мессии в этом тексте окрашено в райские тона, и, добавим, описано довольно материально (Apos. Baruch. XXIX-XXX)¹⁹. Но самое поразительное то, что описание плодородия земли во время царства Мессии в «Апокалипсисе Варуха» имеет прямые параллели с текстом свт. Иринея Лионского, там где он говорит о «царстве праведных» (*Iren. Contra Haer. V, 33. 3*)²⁰. Исследователь и переводчик сирийского текста «Апокалипсиса» П. Богер обращал внимание на греческую версию памятника, имевшую важное значение посредника при

¹⁵ Ibid. P. 355.

¹⁶ С эллинистического времени еврейские общины помимо Александрии существовали во многих городах по всей Нильской долине. См.: Winnicki. 2009. P. 240-259.

¹⁷ О «Книге Еноха» упоминают Климент Александрийский и Ориген. Подробнее см. Isaak. 1983. P. 5-89 (особ. P. 8).

¹⁸ Об этом см.: Klijn. 1983(b). P. 620.

¹⁹ В данном случае мы ориентируемся на английский и французский переводы сирийского текста памятника: Klijn. 1983(b). P. 630-631; Bogaert. T. I. 1969. P. 482-483.

²⁰ Ср. «Апокалипсис Варуха» XXIX. 5; *Свт. Иринея Лионский. Против ересей. V, 33. 3*, а также 1 Енох X. 19. О возможных влияниях см.: Bogaert. T. II 1969. P. 64.

передаче этого текста среди иудеев диаспоры²¹. Однако бесспорна рецепция «Апокалипсиса Варуха» и в христианской среде. Найденные греческие папирусы с фрагментами текста «Апокалипсиса Варуха» и 5-й книги «Против ересей» свт. Иринея однозначно свидетельствуют о том, что эти книги были известны в позднеантичном Египте²².

Но в Египте был хорошо известен и другой текст, серьезно повлиявший на развитие милленаристских идей — «Послание Варнавы» (написан предположительно между 70 и 130 гг.). О месте его создания и среде, из которой происходил автор, высказан ряд предположений. Местом написания называют Сирию, Палестину или Египет, автора — то обращенным иудеем, или даже бывшим раввином, то обращенным язычником²³. Автор «Послания» не упоминает о царстве святых, но указывает на шесть дней творения и проводит параллель с шестью тысячелетиями, а затем говорит о седьмом дне как дне покоя и восьмом дне — дне праздника, дне воскресения Христа и вознесении Его на небо (Ер. Вар. сар. 15). Впоследствии идея «седьмого дня» или «седьмого тысячелетия» как времени покоя, предшествующего «восьмому дню», т.е. окончательному торжеству вечной жизни, займет важное место в представлениях «аскетического» милленаризма. Даниелу полагает, что «оригинальность «Послания Варнавы» заключается в том, что оно связывает первичные данные об эсхатологическом покое со спекуляциями на тему космической недели, одновременно унаследованными иудаизмом, эллинизмом и христианством. Варнава сохраняет из эллинизма понятие о семи тысячелетиях как составляющих полную историю; из иудаизма — особый характер седьмого дня как времени покоя; из христианства — концепцию восьмого дня как вечной жизни»²⁴. Очевидно, что «Послание Варнавы» появилось раньше милленаристского «синтеза» свт. Иринея. Цитаты из «Послания» встречаются несколько раз в работах Климента Александрийского и Оригена — хороший индикатор того, что этот текст был неплохо известен в кругу эллинизированных александрийских христиан²⁵, но, возможно, среда распространения идеи «седьмого дня» была куда шире²⁶.

²¹ См.: Ibid. Т. I. P. 363-370.

²² Сохранился фрагмент оксиринского папируса с «Апокалипсисом Варуха» (P. Oxy 403), предположительно IV–V вв. — см.: Bogaert. Т. I. 1969. P. 40-43, 363-370. Греческие папирусы с фрагментами 5-й книги «Против ересей» свт. Иринея происходят из Верхнего Египта — см.: Rousseau, Doutreleau, Mercier. 1969. P. 121.

²³ См.: Kraft, Prigent. 1971. P. 20-24, 27-28.

²⁴ Danielou. 1958. P. 361.

²⁵ Выявлено семь явных цитат из «Послания Варнавы» у Климента Александрийского и две у Оригена — см.: Kraft, Prigent. 1971. P. 54.

²⁶ Сохранился папирус, часть кодекса конца III–IV вв., с фрагментами «Посла-

Говоря о самых ранних этапах развития миллениаристских идей и их проникновении в Египет, мы должны разобрать еще одну, довольно сложную и спорную проблему — свидетельства о некоем Керинфе, которого наши источники помещают в «апостольский век». Дело в том, что в отношении Керинфа существуют две трудно совместимые традиции: это сведения о нем как о гностике и как о миллениаристе, причем сторонники крайне материального понимания «тысячелетия святых». Начнем с первой группы данных. Вероятно, наиболее ранние и наиболее общие сведения о Керинфе находятся в апокрифическом «Послании апостолов», которое восходит к середине II в., было написано по-гречески, но сохранилось только в эфиопской и коптской версиях. Там Керинф упомянут вместе с «легендарным» отцом гностицизма Симоном-магом. Автор «Послания» пишет о том, что оба они пришли в мир, чтобы совратить его с пути истинного, исказили слово Господа и ждет их суд Божий, «конец и погибель вечная» (Ер. Ар. (ethiop.) I; VII, (copt.) I. 1-8)²⁷. Возможно, здесь мы имеем дело с наиболее ранним субстратом предания о Керинфе-гностике. Более подробно о его взглядах говорят свт. Иринея, свв. Ипполит Римский и Епифаний. При этом наиболее ранним свидетельством, безусловно, является свидетельство свт. Иринея, на которое в свою очередь опираются и свв. Ипполит и Епифаний, однако у двух последних содержатся определенные расхождения с текстом лионского епископа. Свт. Иринея сообщает, что Керинф происходил из Малой Азии и учил, что мир сотворен не «первым Богом», но некоей силою, которая отстоит от первоначала. Иисус — это сын Иосифа и Марии, он был подобен остальным людям и отличался от них лишь особым разумением и праведностью. После крещения на него в виде голубя сошел Христос «от превысшего первого начала», затем Иисус исполнился силы, провозгласил неизвестного Отца и совершал чудеса. Перед крестным страданиями Христос покинул человека Иисуса, после чего тот пострадал и воскрес, «Христос же, будучи духовен, оставался чужд страданий» (Contr. Haer. I, 26, 1)²⁸. В некоторых рукописях «Опровержений всех ересей» Ипполита (Ref. VII, 33; Ref. X, 21) содержатся интересные разночтения: в частности, говорится о том, что Керинф получил образование (букв. «подвизался») в Египте, а в одной рукописи опущена

ния» (Parvulus 757). Цитата из «Послания» присутствует в письме, автором которого называют Серапиона Тмуисского (сред. IV в.) — см.: Kraft, Prigent. 1971. P. 53-54.

²⁷ Мы опираемся на издание Schmidt. 1919. S. 25-26, 31-32, (коптский текст: S. 1 [отд. пагинация]), рус. пер. см.: Еланская. 2004. С. 356.

²⁸ Текст см.: Rousseau, Doutreleau. 1979. T. II. P. 345-347.

фраза о воскресении Иисуса²⁹. У Епифания в «Панарионе» говорится, что, по мнению Керинфа, мир создан ангелами и что данный людям закон не является благим (Pan. XXVIII)³⁰. В целом, однако, традиция ясна: речь идет о вполне понятной гностической (или «демиургической») доктрине, где материя порождена какой-то более низшей, чем совершенное божество, силой, и путь преодоления несовершенного материального мира должен быть указан через посредника, носителя частицы совершенного божества: на это недвусмысленно намекает сюжет с «вселением» и «выселением» из человека Иисуса «чистого духа» Христа.

Традицию о милленаризме Керинфа передает Евсевий Кесарийский. По его словам, она восходит к римскому священнику Гаю, жившему, вероятно, во второй половине II – начале III в. Гай полемизировал с монтанистом Проклом³¹ — значит, скорее всего, был убежденным антимилленаристом. Гай выбрал наиболее жесткую стратегию борьбы с милленаризмом: он отрицал принадлежность 4-го Евангелия и «Откровения» апостолу Иоанну и приписывал его Керинфу (*Euseb. Hist. Eccl.* III, 28). Евсевий Кесарийский, как мы потом увидим, также противник милленаризма, пишет о Гае как о верном чаде Церкви, но св. Епифаний и Дионисий бар Салиби (сирийский автор XII в.) уже считают его еретиком³². Гай возводит милленариста Керинфа ко времени апостолов. Таким образом, можно полагать, что традиция о Керинфе-милленаристе была известна в Риме с конца II в.³³, но, возможно, что она и более ранняя. Даниелу склонен возводить традицию о милленаризме Керинфа к 50–70 гг. и локализовывать ее в Малой Азии, считая крайним проявлением «азиатского» течения. Но что это была за традиция? Это те самые, крайне материальные представления о «земном царствии Божиим», о которых упоминал Даниелу. Со слов Гаю, приводимых Евсевием, Керинф учил, что после воскресения наступит земное царство Христа и люди, вновь поселившиеся в Иерусалиме, «будут рабами желаний и наслаждений» (*Euseb. Hist. Eccl.* III, 28, 2). Эта традиция была известна и свт. Дионисию Александрийскому, который пишет о Керинфе в еще бо-

²⁹ Греческий текст Ипполита с аппаратом см.: *Ibid.* P. 345-347. См. также PG 16,3. Col. 3341; 3438.

³⁰ Текст: PG 41. Col. 377-388.

³¹ Как известно, монтанисты были сторонниками «тысячелетнего царства». Подборку текстов см.: *Nardi.* 1995. P. 203-218.

³² О Гае см.: *Prinzivalli.* 1992. P. 333.

³³ А. Клейн отметил, что впервые традиция о Керинфе-милленаристе возникает в связи со спорами о подлинности «Откровения Иоанна Богослова» — см.: *Klijn.* 1992. P. 158-159.

лее уничижительных словах: Керинф, как сообщает Дионисий, сам был плотолобцем и в Царствии Божиим видел осуществление своих фантазий: «желудок и то, что ниже его будут вполне удовлетворены едой, питьем и брачным сожитием. Все это он думал облагородить, называя празднествами, приношениями, жертвами» (*Euseb. Hist. Eccl.* III, 28, 3). Обратим внимание на два факта: свт. Дионисий, верный последователь Оригена, называет Керинфа «плотолобцем» (*filosèmatoj*), т.е. термином, которым языческий философ Цельс (с которым полемизировал Ориген) именовал всех христиан, и отметим также, что Керинф «оформляет» осуществление своих желаний как жертвоприношения³⁴. Это, а также и крайне материальный характер мессианского царства, роднит его с иудейской апокалиптикой I–II вв. Но это же противопоставляет его взгляды «гностическому» Керинфу, с точки зрения которого материальное должно оцениваться исключительно негативно. Попытка соединить две традиции в одну, указав на связь Керинфа одновременно с александрийским гнозисом и евионитами, не кажется нам удачной³⁵. Возможно, на разгадку указывает текст св. Епифания, который пишет, что «керинфиан» именуют еще и «меринфианами», но имел ли Керинф прозвище «Меринф», или тот был его товарищем, Епифаний утверждать не берется. Нельзя исключать, что Епифанию были известны какие-то более древние отголоски о двух традициях, хотя он приписывает и «керинфианам» и «меринфианам» полное единство взглядов (см. *Eriph. Papar.* XXVIII, 8 = PG 41. Col. 388). Как кажется, впервые традиции «двух Керинфов» соединяет вместе Евсевий, приписывая «Керинфу Гая» рассказ Ириней о том, что апостол Иоанн выскочил из бани, куда пришел мыться Керинф (*Euseb. Hist. Eccl.* III, 28, 6). Вероятнее всего, Евсевий делает это с намерением исключить всякую законную преемственность традиции о миллениаризме Керинфа с Апокалипсисом Иоанна и Иоанном Богословом. Интересно обратить внимание на то, что в Египте, как у свт. Дионисия Александрийского, Керинф выступает не как гностик, а как носитель крайней иудео-христианской разновидности миллениаризма.

Следует рассмотреть и другой текст, созданный, вероятно, между

---

³⁴ Даниелу указывает, что представления о храмовых жертвоприношениях в восстановленном Иерусалиме были характерной чертой иудейских представлений — *Danielou*. 1958. P. 348.

³⁵ См., напр., статью о Керинфе (*Cerinthus*) в *The Oxford Dictionary of the Christian Church...* 1985. P. 261, правда, без упоминания о миллениаристских взглядах Керинфа. На связь с евионитами Керинфа-«гностика» указывал еще свт. Ириней, но только в одном пункте: и евиониты и Керинф считали Иисуса не Богом, а человеком — см.: *Rousseau, Doutreleau*. 1979. Т. I. P. 293 (комм.), Т. II. P. 347 (текст).

150 и 275 гг. Это «Апокалипсис Илии»³⁶. Большая часть текста сохранилась в переводах на ахмимский и саидский диалекты коптского языка, но обнаруженные греческие фрагменты этого текста однозначно указывают на его греческий оригинал. Предполагается, что изначальный субстрат «Апокалипсиса» можно датировать временем разрушения иудейского квартала в Александрии в 117 г. Как предполагается, он был составлен в александрийской иудейской общине, и христианская редакция текста также была осуществлена в Александрии. Окончание «Апокалипсиса» с интересующим нас описанием «тысячелетнего царства» сохранилось только в ахмимской рукописи. Милленаризм этого текста носит более радикальный характер, чем то, с чем нам приходилось до этого сталкиваться: Царь Христос и все святые сойдут с небес; Господь сожжет землю, поскольку на ней жили грешники, Он сотворит новое небо и новую землю, где не будет «смертного дьявола»³⁷. Христос будет царствовать со святыми, «восходящими и нисходящими», и ангелами тысячу лет (Ар. Eliae (Ach.) V. 36-39). Здесь видно, что в милленаристских представлениях автора (или, скорее, окончательного редактора) «Апокалипсиса» идея уничтожения огнем земли и ее нового творения отлична от «классических» представлений «Откровения Иоанна», где сожжение земли и новое творение следуют после «тысячелетия святых» (см. Откр 20.9; 21.1-2,5). Возможно, такая радикальная редакция явилась следствием социального кризиса III в. Д. Франкфуртер, а за ним и С. Дэвис, предполагают, что милленаризм окончательной редакции «Апокалипсиса» связан именно с социальными и экономическими нестроениями в египетской хоре III в.³⁸ Однако здесь могли быть и иные причины.

Подведем некоторые итоги. Ранние христианские тексты, которые либо являются «предтечами» милленаризма («Дидахэ», «Вознесение Исаяи»), либо непосредственно формулируют его («Откровение Иоанна Богослова», «Логии» Папия), либо важны для его последующей эволюции («Послание Варнавы») возникают примерно в один период: с 70-х гг. I в. по 30-е гг. II в.³⁹ Почти все эти тексты были известны в Египте, что достаточно ясно засвидетельствовано либо материалом папирусов, либо

³⁶ Текст: Steindorf. 1899, интересующее нас место — S. 104, 106, рус. пер. см.: Еланская. 1993. С. 213-221.

³⁷ Вариант перевода: «ни дьявола, ни смерти» — см.: Frankfurter. 1992. P. 328, n. 115; Dupont-Sommer; Philonenko. 1987. P. 1824.

³⁸ См.: Frankfurter. 1992. P. 268-269; Davis. 2005. P. 46-47.

³⁹ Представление о «царстве святых», возможно, было известно в Египте и немного ранее — напомним, что наиболее ранняя дата написания «Дидахэ» — 60-е гг. I в.

аллюзиями и цитатами из них у александрийских богословов (прежде всего, Климента Александрийского). В Египте известны и те тексты иудейской апокалиптики, которые могли повлиять на возникновение милленаризма или разных типов милленаристских представлений. Поэтому следует предположить, что идея о «тысячелетнем царстве» начинает постепенно проникать в Египет не позднее конца I в.⁴⁰ вместе с распространением там христианства и следует теми же путями, которыми в этом регионе распространяется новая религия. Но во II в. в Египте мы еще не видим, чтобы милленаризм каким-то образом проявил себя как массовое религиозное движение подобное монтанистам во Фригии — мы наблюдаем это только около середины III в. Но стоит обратить внимание, что, судя по известным нам текстам, египетские христиане знали всю «парадигму» милленаристских идей: от умеренной до крайней. В Египте читали и «Послание Варнавы» — предтечу «аскетического» милленаризма. Таким образом, можно с определенной степенью уверенности предположить, что весь спектр милленаристских представлений был известен в христианской среде Египта уже к началу III в.⁴¹

Однако в 20-е гг. III в. были положены и пределы распространению милленаристских идей в Египте: критика «тысячелетнего царства» вышла из той среды, откуда она неизбежно должна была произойти — из круга эллинизированных александрийских христиан, наиболее ярким представителем которой в III в. был Ориген. Наиболее четко и последовательно критику идеи милленаризма знаменитый александрийский богослов предпринял в известном сочинении «О началах», по сути, первой попытке систематического изложения христианской догматики. Исследователями уже отмечалось, что идея «тысячелетнего царства» никак не вписывалась в эсхатологические представления Оригена. В качестве «контраргументов» приводились его аллегоризм Оригена и учение о загробном врачевании душ умерших через адские мучения⁴². Однако, как кажется, упущенной оказалась еще одна существенная деталь: Ориген, воспитанный в эллинистической интеллектуальной парадигме, вероятно, так и не смог до конца принять христианское учение о телесном

⁴⁰ Мы в данном случае исходим из принятой датировки написания «Откровения Иоанна Богослова», ок. 95 г., основанной на свидетельстве свт. Иринея (*Iren. Adv. Haer.* V, 30. 3) — см., напр.: *Refice.* 1949. Col. 1609.

⁴¹ Точной атрибуцией того, что милленаристские взгляды Керинфа были известны в Египте, служат отрывки из произведения свт. Дионисия, приводимые у Евсевия Кесарийского. Но, как мы постараемся показать ниже, Ориген, возможно, критикует именно крайние проявления «азиатского» милленаризма.

⁴² См.: *Оксиюк.* 1999. С. 159-162.

воскресении. И здесь надо хорошо себе представлять умонастроения эллинизированных интеллектуалов поздней античности. О. Георгий Флоровский, в частности, указывал, что «идея телесного воскресения была абсолютно чужда и абсолютно неприемлема для греков»⁴³. Цельс, с которым заочно полемизировал Ориген, называл христиан «племенем плотолюбцев» (*filosèmaton gšnoj*), а надежды на телесное воскресение считал «упованием червей» (см.: *Orig. Contr. Cels.* V, 14; VII, 36). Полемизируя с языческими философами, но при этом, находясь в одной с ними интеллектуальной парадигме, Ориген вынужден был постоянно «оправдываться» и противопоставлять представлениям о телесности концепцию «духовного тела», основанную на экзегезе 1 Кор 15, 44. Эсхатологические взгляды Оригена о телесном воскресении представляют собой сложную проблему, но даже если мы остановимся на его идее о «духовном» или «эфирном» теле⁴⁴, то станет ясно, что идея миллениаризма никак не укладывается в эти представления.

Итак, основная критика миллениаристских представлений содержится у Оригена во 2-й книге «О началах». Там он пишет о тех, кто, «следуя как бы по поверхности буквы закона» и больше «угождая своему удовольствию и похоти», полагают, что обетования будут состоять в телесном наслаждении и роскоши, что после воскресения будут браки и рождение детей. Иерусалим будет восстановлен и сделан из драгоценных камней, а сами они будут «царями и князьями» (*reges et principes*), в то время как иноплеменники восстановят Иерусалим и станут им прислуживать. По его словам, такие христиане думают, что получают «имения народов». Ориген пишет, что сторонники этих взглядов ссылаются на авторитет пророков и на евангельские слова о будущих обещанных наслаждениях (Мф 26, 29; Мф 5, 6). При этом они полагают, что воскресшие праведники будут радоваться, тогда как грешников будет мучить скорбь (см. *Orig. De princ.* II, 11)⁴⁵. Ориген решительно отвергает такие представления как буквальные и иудейские, противопоставляя им аллегорическое толкование Писания и идею небесного Иерусалима как единственно возможную (*Orig. De princ.* II, 12; *Contr. Cels.* II, 5; VII, 29).

Здесь мы видим «полный спектр» представлений именно крайней

⁴³ Флоровский. 1999. С. XLVII.

⁴⁴ Ориген не сформулировал четко свой взгляд на эту проблему, поэтому существуют, как минимум, два мнения: либо, как предполагается, Ориген считал, что конечным пунктом эсхатологии будет полное развоплощение душ, либо их конечное воплощение в «эфирные тела» — см.: *Crouzel.* 1991. P. 429-430.

⁴⁵ Текст: *Crouzel, Simonetti.* 1978. P. 396-399.

формы миллениаризма, миллениаризма Керинфа, а это является еще одним доказательством того, что к 20-гг. III в. он был известен в Египте и разделялся какой-то частью египетских христиан. Но здесь есть и нечто новое: какие-то представления об эсхатологической «социальной утопии», отличные от «коммунизма» Сивиллиных книг и, вероятнее всего, основанных на буквальной экзегезе некоторых «мессианских стихов» из Книги пророка Исайи (Ис 60, 5 слл.; 61, 6). Нельзя исключать того, что здесь Ориген сохранил те сведения о «традиции Керинфа», которые опущены в других наших источниках о ней. Но, как мы предполагаем, к этому времени в Египте должны были быть известны и другие, более умеренные, представления о «тысячелетнем царстве». Почему Ориген пишет о крайностях? Возможно, что здесь он полемизирует именно с теми, кто придерживался крайних взглядов. Однако, если вспомнить, что идея земного «тысячелетнего царства» была для Оригена абсолютно неприемлема, то можно предположить и иное: ему были известны и другие взгляды на «тысячелетие», но он выбрал наиболее радикальные, чтобы опровергнуть эту идею в принципе⁴⁶. Это необходимо иметь в виду и по другой причине: все исторические сведения о миллениаризме в Египте середины III в. мы получаем от двух верных последователей Оригена, свт. Дионисия Александрийского и Евсевия Кесарийского, для которых представления о земном царстве Христа в конце времен были вздором. Так, например, Евсевий считает баснословными (τινα Ἰλα τιμικῆτερα) представления Папия о «тысячелетнем царстве Христа на этой самой земле» (*Eus. Hist. Eccl.* III, 29, 11-12).

Теперь пришло время поговорить о событиях середины III в. в Среднем Египте. В VII-й книге «Церковной истории» (*Hist. Eccles.* VII, 24) Евсевий рассказывает о кризисе, который разразился во время патриаршества свт. Дионисия († ок. 264) и приводит фрагменты из его книги «Об обетованиях». Как сообщает Евсевий, некий «египетский епископ» Непот составил книгу «Против аллегористов», где указал, что обетования святым о земном царстве следует понимать буквально, и в конце времен на земле наступит «тысячелетие телесных наслаждений». Это учение набрало силу в арсиноитском округе, где его возглавил некий Коракион. Распространение подобных представлений привело к тому, что «целые церкви откололись и отпали». Свт. Дионисий вынужден был выехать на место событий и провести публичный диспут с по-

⁴⁶ Выбранная Оригеном стратегия против своих оппонентов сводилась к тому, чтобы представить их «простоцами», охочими до наслаждений плоти и способными понять св. Писание только буквально. См.: *Monaci Castagno*. 1998. P. 101-102.

следователями Непота. Результатом этих прений, как он сам сообщает, явилось то, что Коракион публично перед всеми признал ошибочность этого учения. Далее Евсевий приводит пространную выдержку из второй книги «Об обетованиях» свт. Дионисия, где тот, применяя методы филологической критики текста, утверждает, что «Откровение Иоанна Богослова» не мог написать апостол Иоанн, поскольку ее автор не очень хорошо знает греческий, пользуется «варварскими» словами и делает ошибки в языке. В то же время свт. Дионисию известно мнение о подложности «Откровения» и ее атрибуции Керинфу, но он его не разделяет. Он следует совершенно в русле традиции Оригена и утверждает, что этот «темный» текст следует трактовать иносказательно. Вероятно, тех же взглядов придерживался и сам Евсевий⁴⁷.

Таковы основные идеи рассказа Евсевия. Теперь попробуем разобраться с ним более обстоятельно. Во-первых, зададимся вопросом, какой из известных нам типов милленаризма исповедовали последователи Непота. Если верить указанию Евсевия о «тысячелетии телесных наслаждений», то можно предположить, что это милленаризм Керинфа. Однако мы уже встречались с тем, что и свт. Дионисий и Ориген имеют тенденцию сводить все представления о милленаризме к его крайним проявлениям. И здесь существенно, что сам свт. Дионисий, судя по тем фрагментам, которые приводит Евсевий, никак не связывает милленаристские взгляды Непота и его учеников с Керинфом, а их основным источником, судя по 2-й части трактата «Об обетованиях», следует считать «Откровение Иоанна Богослова». Значит, можно предположить, что слова Евсевия в данном случае не более, чем антимилленаристское «клише».

Второй существенный вопрос, на который попытаемся ответить, — об организации и социальной структуре группы последователей Непота. Начнем с него самого. А. Мартен, Д. Франкфуртер и др. полагают, что Непота, судя по его титулу, — «египетский епископ» (Ἐπίσκοπος τῆς κατὰ Αἴγυπτον) — следует считать епископом Арсиной (Крокодилополя)⁴⁸. Однако Э. Випшицка недавно выдвинула ряд возражений против этого. Она считает, что фразу Евсевия следует понимать как «один из епископов Египта», и нет оснований для точной локализации его кафедры именно в Арсиное. А то, что его учение получило широкое распространение в этом номе, еще не говорит о том, что он являл-

---

⁴⁷ Известно, что Евсевий сомневался в принадлежности «Апокалипсиса Иоанна» апостолу Иоанну — см., напр.: *Romero Rose*. 2006. Col. 388.

⁴⁸ См. напр.: *Martin*. 1996. P. 19; *Frankfurter*. 1992. P. 271.

ся его епископом⁴⁹. О последователях Непота сказано, что объединение возглавляется некими «пресвитерами и дидаскалами деревенской братии». Скорее всего, «пресвитеры» и «дидаскалы» — это одна и та же группа лиц, где термин «пресвитеры» указывает на их сан, а «дидаскалы» означает их миссионерскую деятельность в хоре. Возможно, к этим «пресвитерам» принадлежал и Коракион, с которым вступил в полемику свт. Дионисий. Таким образом, мы можем предположить, что во главе объединения и стояли эти «пресвитеры», возглавлявшие, вероятнее всего, сельские общины. Сказать что-либо о позиции епископа Арсиной, который к тому времени уже мог быть в этом городе, мы ничего не можем. Фразу Евсевия об отпадении «целых церквей» следует понимать как отпадение от Александрии отдельных общин арсиноитского нома, возглавляемых милленаристски настроенными священниками.

Д. Франкфуртер в своей монографии об «Апокалипсисе Илии» посвятил целую главу реконструкции событий в арсиноитском номе, характеру этого движения и его социальной структуре⁵⁰. Ученый исходит из того, что милленаристское движение III в. имеет экономические причины, «выраженные» в религиозных терминах⁵¹. Это очень напоминает известный, хотя и весьма небесспорный, постулат марксизма о том, что все оппозиционные религиозные движения имеют в своей основе социально-экономические причины, а религиозные взгляды таких групп не более, чем внешняя «оболочка». Как полагает американский исследователь, в ситуации сильного социального-экономического кризиса эсхатологические и националистические представления способны аккумулировать протестные настроения и создавать на их основе социальные движения. Так, по его мнению, и произошло в Фаюме середины III в. Первым начал проповедь милленаристских идей Коракион. Когда движение набрало силу, то стало известно, что в Александрии по-иному трактуют апокалиптические тексты. Тогда местный епископ Непот⁵², поддерживавший движение, сформулировал основные протестные идеи и «просигнализировал» александрийским церковным властям о несогласии с ними. И Непот, и Коракион принадлежали к типу культуры, более высокому по сравнению с уровнем большинства последователей этого движения, что характерно, по мнению Франкфуртера, для групп такого

⁴⁹ *Wipszycka*. 2006. P. 86-87.

⁵⁰ *Frankfurter*. 1992. P. 270-278.

⁵¹ *Ibid.* P. 265.

⁵² Мы уже говорили о том, что принадлежность Непота к арсиноитской кафедре не очевидна.

рода — здесь он ссылается на исследования «милленаристских» движений в Новое и Новейшее время, в частности, на изучение меланезийских «карго-культур». Франкфуртер считает схизму в Арсиное первым примером того, что впоследствии станет характерной чертой такого рода движений в эпоху колониализма: использование чужого для данной культуры текста для выражения собственной идентичности и мотивации определенного поведения в ответ на некий социально-экономический «вызов». Структура движения видится исследователю следующим образом: на низшей ступеньке стояли совсем неграмотные адепты, которых контролировали «промежуточные лидеры», имевшие определенный образовательный ценз и способность к толкованию апокалиптических текстов, и, наконец, всю группу возглавляли «учителя и пресвитеры», происходящие из греческого или греко-египетского среднего класса.

Стоит отметить, что гипотезы Франкфуртера хотя и интересны, но далеко не бесспорны. Во-первых, нам представляется очень сомнительной выбранная им методика, когда выводы, сделанные на материале исследования «милленаристских» движений Нового времени, используются для заполнения лакун в сведениях Евсевия. Попытки считать подлинным лидером милленаристов Арсиной Коракиона и противопоставить его учение взглядам Непота представляются также довольно спорными. К тому же наш источник дает ясное указание на иную интерпретацию событий в Антиное и их предысторию. Стоит обратить внимание на то, что трактат Непота назывался «Против аллегористов» и, как следует из названия, был направлен против экзегетического метода александрийской школы. Точного содержания трактата мы не знаем, но из сведений Евсевия и свт. Дионисия можно предположить, что основной его идеей была защита реальности земного «тысячелетнего царства святых». Следует просто связать воедино два события: появление трактата Оригена «О началах» (20-е гг. III в.), где представителем александрийской богословской школы, как кажется, впервые была высказана критика милленаристских идей, и написание Непотом своего произведения в их защиту⁵³. Дебаты свт. Дионисия с арсинойскими милленаристами принято относить к 262 г. Таким образом, мы можем предположить следующее: идеи Оригена, сформулированные им в ответ на распространение милленаристских взглядов, вызвали обратную реакцию, результатом чего и стало написание Непотом своего трактата, ко-

---

⁵³ Насколько нам известно, труды Климента Александрийского, более раннего представителя александрийской богословской традиции, еще не содержат критики милленаристских идей.

торый получил широкий отклик в арсиноитском номе, что вряд ли удивительно: мы уже отмечали, что многие важные для становления миллениаристских представлений тексты сохранились на ахмимском или фаюмском диалектах, т. е. диалектах Среднего Египта. Значит, идеи о «земном царстве святых», вероятнее всего, были популярны среди христиан Среднего Египта (в частности в арсиноитском номе) и изначально им известны либо в греческих оригиналах, либо в устных пересказах. Естественно, что александрийский аллегоризм не снискал здесь особой популярности. Вспомним показательную фразу свт. Дионисия, что некоторые арсиноитские «дидакалы» «нашим братьям, которые попроще, запрещают возноситься мыслью к великому» (*Euseb. Hist. Eccles. VII, 27. 5*). Можно без труда понять, что имел в виду верный последователь Оригена под «вознесением к великому». Мы, таким образом, склонны предположить, что трактат Непота и события, связанные с церковными волнениями в арсиноитском округе были первой попыткой критики некоторых экзегетических тенденций александрийской школы. Принято считать, что первые критические замечания в адрес богословского метода Оригена слышны только в начале IV в., а до этого идеи александрийского богослова целиком властвуют над умами⁵⁴. Однако, учитывая все вышесказанное, можно думать, что ситуация была сложнее.

Нам также представляется, что события в арсиноитском номе середины III в. типологически следует сравнивать не с меланезийскими «карго-культами», а с событиями, произошедшим в Египте полтора века спустя после богословского диспута свт. Дионисия, т. е. в конце IV в., в монастырях дельты Нила. Мы имеем в виду «антропоморфитскую смуту», о которой нам также известно, главным образом, от авторов, откровенно симпатизирующих Оригену. Сейчас уже нет сомнения, что она была спровоцирована распространением среди части нижеегипетских монахов идей Оригена через посредство трактатов Евагрия Понтийского, который, по мнению Т. Вивиана, был большим оригенистом чем сам Ориген⁵⁵. Но если трактат Непота и деятельность Коракиона связаны с воззрениями Оригена на «тысячелетнее царство», то смута среди монахов Нижнего Египта была связана с его «богословием образа»⁵⁶. Исходя из этого, нам кажутся не совсем корректными трактовки событий, произошедших в арсиноитском номе как протестного движения, обусловленного в первую очередь социально-экономическими причинами. На наш взгляд,

⁵⁴ См., напр.: *Сагарда*. 2004. С. 534.

⁵⁵ *Vivian*. 2004. P. 40.

⁵⁶ Об этом см.: *Clark*. 1992. P. 43-84.

это была реакция на эсхатологические воззрения Оригена, ставшие известными за пределами Александрии, а сложная экономическая ситуация в хоре в III в. и добавившиеся к ней гонения Деция и Валериана лишь активизировали эсхатологические ожидания части египетских христиан.

Ранее было принято полагать, что деятельность свт. Дионисия в арсиноитском номе и его литературная деятельность способствовали падению милленаристских настроений⁵⁷. Однако Д. Франкфуртер высказал предположение, что аргументы александрийского патриарха вряд ли долго господствовали над умами бывших милленаристов вскоре после его отъезда из Арсинои⁵⁸. А мы, основываясь на данных Евсевия, рискуем сделать еще более смелое предположение. Свт. Дионисий так описывает свое поведение во время диспута с оппонентами: «Я по порядку спокойно задавал вопросы, недоумевал или соглашался... ничего не подчеркивая, всячески воздерживаясь от сварливой критики однажды принятого, хотя бы оно и казалось неверным; я не уклонялся от возражений, но старался, насколько возможно, овладеть предложенным материалом и стать тут хозяином; я не стыдился, по требованию разума, изменять свои мысли и соглашаться (курсив наш — А. В.)» (*Euseb. Hist. Eccles. VII, 27.8*). Из этого можно сделать вывод, что богословский спор завершился каким-то консенсусом, и свт. Дионисий согласился с некоторыми мнениями оппонентов — правда, нам трудно судить о масштабах уступок. Далее свт. Дионисий сообщает, что полностью от прежних взглядов отрекся только Коракион, а остальные лишь «радовались этому собеседованию и общему миру и согласию» (*Euseb. Hist. Eccles. VII, 27. 9*)⁵⁹. Таким образом, даже свт. Дионисий не утверждает, что все согласились с его мнением. Впоследствии мы покажем, что милленаристские взгляды в районе Среднего Египта никуда не исчезли, и в конце IV в. мы обнаруживаем их четкие следы южнее Фаюмского оазиса.

Но прежде остановимся на взглядах одного из самых известных противников Оригена конца III – начала IV вв., свт. Мефодия Олимпского, у которого в наиболее полном виде находим представление о милленаризме «аскетического» типа. Как полагает Н. И. Сагарда, свт. Мефодий

⁵⁷ См. Оксюок. 1999. С. 194, см. также: Попов. 2005. С. 313.

⁵⁸ *Frankfurter*. 1992. P. 273.

⁵⁹ При этом издатель текста отмечает, что последняя фраза из цитаты Евсевия сохранилась плохо и ее смысл полностью не ясен (см.: *Bardy*. 1955. P. 204, n. 17). Стоит также отметить, что в данном случае свт. Дионисию как предстоятелю египетской Церкви важнее было сохранить ее единство, а не продемонстрировать превосходство александрийского богословия.

представляет собой интересный пример богослова, который находится под влиянием Оригена, пользуется его методом, но при этом решительно осуждает аллегоризм александрийского богослова, называя Оригена «кентавром». Другой характерной чертой свт. Мефодия было то, что он пытался сблизить богословие Оригена и теории малоазийских богословов (прежде всего, свт. Иринея)⁶⁰. Критика свт. Мефодием Оригена не осталась без ответа: двумя верными его приверженцами, Памфилом и Евсевием, была составлена «Апология Оригена», к которой Евсевий присоединил еще одну книгу, направленную исключительно против критики свт. Мефодия. Показательно и то, что Евсевий совершенно не упоминает о свт. Мефодии в своей «Церковной истории»⁶¹ — возможно, это послужило причиной практически полного отсутствия наших знаний о нем⁶².

Наиболее ясно несогласия свт. Мефодия с богословием Оригена отразились именно в его эсхатологических представлениях, в его понимании «тысячелетнего царства» как промежуточного состояния перед вхождением в Царство Небесное. Наиболее четко эти представления малоазийского богослова отражены в самом известном его произведении — «Пире десяти дев» (*Method. Conviniun. IX. 1; 5*)⁶³. Здесь мы, как кажется, впервые находим соединение вместе идеи пира (или праздника), девства и «тысячелетнего царства». В 9-м диалоге («Тисиана») свт. Мефодий рассуждает о том, что ветхозаветный праздник кущей — лишь прообраз подлинного праздника, который случится во время воскресения, когда мир достигнет «седьмого тысячелетия», тысячелетия покоя, когда Господь перестанет совершать дела творения⁶⁴. Но войдут туда только те, кто украсил себя «ветвями девства» (*εἴνε...α*). «Тысячелетний праздник» с Христом мыслится им как остановка перед окончательным вхождением в Небесное Царство, ибо «телесная скиния» должна преобразиться «из вида человеческого и тленного в ангельское величие и красоту»⁶⁵ и переселиться в дом Божий, находящийся выше небес.

Несмотря на то, что «Пир» свт. Мефодия, несомненно, повлиял на

⁶⁰ См.: Сагарда. 2004. С. 560.

⁶¹ См.: Там же. С. 534-535.

⁶² Краткий биографический экскурс о свт. Мефодии см.: *Musurillo, Debidour*. 1963. P. 9-11.

⁶³ Текст см.: *Ibid*. P. 265-267, 279-281.

⁶⁴ Даниелу отмечает, что идея «прекращения плодородия земли» в конце времен хорошо засвидетельствована еще в 4-й книге «Сивиллиных пророчеств» (*Or. Syb. IV, 145-149*) — *Danielou*. 1958. P. 358-359.

⁶⁵ Эту идею, как уже упоминалось, мы обнаруживаем уже в христианской части «Вознесения Исаяи».

христианскую аскетическую мысль⁶⁶, мы не можем точно указать, что этот текст был хорошо известен в Египте. Однако можно утверждать, что миллениарстские идеи, причем в их «аскетическом» виде, ясно обнаруживаются в одном монашеском агиографическом тексте, созданном, вероятнее всего в последней четверти IV в. Мы имеем в виду «Житие преп. Онуфрия Великого». Пафнутий, автор повествования, отправляется в дальнюю пустыню в поисках «совершенного раба Божия». Там он находит великого аскета, преп. Онуфрия, который перед своей кончиной говорит ему буквально следующее⁶⁷:

«И сказал он мне также⁶⁸: «Иди в Египет, проповедай памятование обо мне, ибо оно благоуханно для братии. Тот, кто сделает приношение во имя мое, совершит он памятование обо мне. Сам Иисус (Христос) принесет ему в первый час тысячи лет».

Я же сказал ему: «Если (некий) бедняк не в состоянии сделать приношение (от) имени твоего?».

И ответил он мне: «Пусть он накормит брата бедного во имя мое».

И сказал я ему⁶⁹: «Если (некий) бедняк не в состоянии (накормить) его, не приведешь ты его на трапезу в первый час тысячи лет?»

И сказал он мне: «Пусть он соделает немного благоволия во имя мое».

Я же сказал ему: «Если (некий) бедняк не в состоянии соделать благоволия (от) имени твоего из-за бедности (своей)? Отец мой благой! Да достигнет милость твоя всех нас! Ибо то, что ты попросишь у Бога, сделает тебе Бог!».

И сказал он мне: «Пусть он станет и скажет три молитвы Господу во имя мое, и Господь Иисус (Христос) приведет его в тысячу лет, и наследует он со всеми святыми».

Здесь ясно видна идея тысячелетия, соединенная с идеей пира (трапезы) и царством святых. А сам монашеский контекст «Жития» указывает на то, что мы имеем дело с представлениями об «аскетическом» миллениаризме. Новым в данном случае является лишь представление о посредничестве великого аскета при вхождении в «тысячелетнее царство», связанное, по всей видимости, с установлением его культа. Интересно отметить еще одну деталь: перед тем, как уйти в пустыню, преп. Онуфрий подвизался в монастыре Эрете/Эхрит, который локализуют либо на границе оксиринхского и гермопольского номов, либо, что более вероятно, — непосредственно в последнем⁷⁰. А это, как известно, области Верхнего

⁶⁶ См., напр.: *Musurillo, Debidour*. 1963. P. 9.

⁶⁷ Перевод сделан по изданию: *Budge*. 1914. P. 216.

⁶⁸ Т. е. Онуфрий Пафнутию.

⁶⁹ В тексте наоборот: «и сказал он мне»; это, скорее всего, ошибка переписчика.

⁷⁰ См.: *Amélineau*. 1893. P. 159; *Timm*. 1985. Teil. 3. S. 1172-1175. Наиболее ве-

Египта, находящиеся сравнительно недалеко от арсинойского нома, т. е. места, где происходил диспут свт. Дионисия и последователей Непота. Но есть и еще одна любопытная деталь — окончательная редакция «Жития преп. Онуфрия», если верить его тексту, была осуществлена в Скиту (оттуда же, вероятно, происходил и его предполагаемый автор, апа Пафнутий). Значит, представления о «тысячелетнем царстве» и там не вызывали возражений. Здесь можно вспомнить и то, что два коптских манускрипта с другим важным «миллениаристским» текстом, «Апокалипсисом Илии» предположительно происходят из Белого монастыря⁷¹. Отсюда можно сделать только один вывод — усилия сторонников Оригена по нейтрализации миллениаристских представлений среди христиан египетской хоры целей своих не достигли. Мы видим, что идея «тысячелетнего земного царства» продолжала существовать в монашеской среде Египта, по крайней мере, еще в IV в.⁷², но вполне возможно, что степень распространения этих идей была шире — как в пространстве, так и во времени⁷³.

Стоит обратить внимание еще на один момент. Текст «Жития преп. Онуфрия» с достаточно ясными указаниями на реальность «тысячелетнего царства» предположительно появляется в одном из монастырских центров Нижнего Египта незадолго до разразившегося там «антропоморфитского» кризиса, напрямую связанного с отрицанием некоторых идей Оригена большей частью нижнеегипетских монахов⁷⁴. Вряд ли это случайное совпадение. Однако подробное исследование этого вопроса уже выходит за рамки нашей статьи.

БИБЛИОГРАФИЯ

Изречения египетских отцов / Пер. с копт. А. И. Еланской. СПб, 1993.
Макарий (Оксиюк), митр. Эсхатология св. Григория Нисского. М., 1999.

роятным местом расположения монастыря можно считать местность рядом с деревней Эритис, название деревни встречаются в греческих документах со II по IV вв.

⁷¹ См.: *Frankfurter*. 1992. P. 21.

⁷² В этой связи стоит указать на интересную, но не бесспорную идею Д. Франкфуртера об особой «эсхатологической настроенности» монашеской литургии IV в. В качестве аргумента он ссылается на свидетельство бл. Иеронима (Ер. 22. 35. 1) — см.: *Frankfurter*. 1992. P. 79-80.

⁷³ Мы имеем в виду находку пергаментной рукописи в одном из захоронений некрополя в Ахмиме. Она содержит помимо прочего фрагмент из упомянутой нами «1-ой Книги Еноха» (1 Неп. X, 16-19), где земное мессианское царство изображено в райских тонах. По палеографическим данным эта рукопись датируется VIII–XII вв. Подробнее см.: *Bouriant*. 1892.

⁷⁴ Мы имеем в виду три главных центра нижнеегипетского монашества — Нитрию, Келлии и Скит.

- Попов И. В. Труды по патрологии. Сергиев Посад, 2005. Т. 1.
- Премудрость Иисуса Христа: Апокрифические беседы Иисуса Христа с учениками / Пер., вступ. статья, и комм. А. И. Еланской. СПб, 2004.
- Сазарда Н. И. Лекции по патрологии I–IV вв. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2004.
- Флоровский Георгий, свящ. Эсхатология в святоотеческую эпоху // Макарий (Оксиюк), митр. Эсхатология св. Григория Нисского. М., 1999. С. XXXV–LV.
- Amélineau E. La Géographie de l'Égypte à l'époque copte. P.: Imprimerie National, 1893.
- Apokalypse des Elias, eine unbekannte Apokalypse und Bruchstücke des Sophonias-Apokalypse / Hrsg. von G. Steindorf. Leipzig, 1899.
- Bouriant U. Fragments grecs du Livre d'Énoch // Mémoires publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire. Paris, 1892. T. 9/1. P. 93–147.
- Clark E. The Origenist Controversy: The Cultural Construction of Early Christian Debate. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- Collins J. J. Sibylline Oracles (Second Century B.C. - Seventh Century A.D.). A New Translation and Introduction // The Old Testament Pseudepigrapha / Ed. by J. H. Charlesworth. N.Y., 1983. Vol. 1. P. 317–472.
- Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypt / Ed. by E. A. Wallis Budge. Oxford, 1914.
- Crouzel H. Origène et Plotin: comparaisons doctrinales. Paris: Téqui, 1991.
- Danielou J. Theologie du judeo-christianisme. Paris, 1958.
- Davis S. J. Biblical Interpretation and Alexandrian Episcopal Authority in the Early Christian Fayoum // Christianity and Monasticism in the Fayoum Oasis / Ed. by G. Gabra. Cairo; N.Y., 2005. P. 46–47.
- Der Lateinische Text der Apokalypse des Esra / Hrsg. von A. F. J. Klijn. Berlin, 1983.
- Épître de Barnabé / Éd. par R. A. Kraft, P. Prigent. P.: Les Éditions du Serf, 1971 (SC 172).
- Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique. II. Livres V–VII / Éd. par G. Bardy. Paris: Les Éditions du Serf, 1955 (SC 41).
- Four Desert Fathers: Pambo, Evagrius, Macarius of Egypt, and Macarius of Alexandria / Trans. by T. Vivian. Crestwood; N. Y., 2004.
- Frankfurter D. Elijah in Upper Egypte. The Apocalypse of Elijah and early Egyptian Christianity. Minneapolis: Fortress Press, 1992.
- Gespräche Jesu mit Jüngern nach der Auferstehung / Hrsg., übersetzt von C. Schmidt. Leipzig, 1919.
- Il millenarismo. Testi dei secoli I–II / a cura di C. Nardi. Firenze, 1995 (Biblioteca patristica 27).
- Irénée de Lyon. Contre les hérésies. Livre V. T. I / Éd. par A. Rousseau, L. Doutreleau, Ch. Mercier. Paris: Les Éditions du Serf, 1969. (SC 152).
- Irénée de Lyon. Contre les hérésies / Éd. Par A. Rousseau, L. Doutreleau. Paris: Les Éditions du Serf, 1979. Livre I. T. I: Introd., notes et tables; T. II: Texte et traduction (SC 263–264).
- Isaak E. 1 (Ethiopic Apocalypse) of Enoch (Second Century B.C – First Century A.D.) // The Old Testament Pseudepigrapha / Ed. by J. H. Charlesworth. N.Y.; London; Toronto; Sydney, Auckland: Doubleday, 1983. Vol. 1. P. 5–89.
- Klijn A. F. J. (Syriac Apocalypse of) Baruch (early Second Century A.D.) // The Old Testament Pseudepigrapha / Ed. by J. H. Charlesworth. N.Y.; London; Toronto; Sydney, Auckland: Doubleday, 1983. Vol. 1. P. 15–652.

- Klijn A. F. J.* Cerinthus, Cerinthians // Encyclopedia of the Early Church. Cambridge, 1992. Vol. 1. P. 158-159.
- Knibb M. A.* Martyrdom and Ascension of Isaiah (II Cent. B.C.– IV Cent. A.D.) // The Old Testament Pseudepigrapha / Ed. by J. H. Charlesworth. N.Y.; London; Toronto; Sydney, Auckland: Doubleday, 1983. Vol. 2. P. 143-176.
- L'Apocalypse syriaque de Baruch* / Éd. par P. Bogaert. Paris: Les Éditions du Serf, 1969. (SC 144-145; T. I: Introd. et trad. T. II: Comm.)
- La Bible: Écrits intertestamentaires. I / Ed. A. Dupont-Sommer, M. Philonenko. Paris, 1987.
- La Doctrine des douze apôtre (Didache) / Éd. par W. Rordorf et A. Tuiller. Paris: Les Éditions du Serf, 1978 (SC 248).
- Lacau P.* Fragments de l'Ascension d'Isaïe en copte // Le Muséon. 1946. T. 59. P. 453-467.
- Lefort L. T.* Coptica Lovanensia (suite) // Le Muséon. 1938. T. 51. P. 1-32.
- Lefort L. T.* Fragments d'apocryphes en copte-akhmimique // Le Muséon. 1939. T. 52. P. 1-10.
- Martin A.* Athanase d'Alexandrie et l'Église d'Égypte au IVème siècle. Rome, 1996.
- Méthode d'Olympe.* Le Banquet / Éd. par H. Musurillo, V.-H. Debidour. Paris: Les Éditions du Serf, 1963 (SC 95).
- Metzger B. M.* The Fourth Book of Ezra (Late First Century A.D.) // The Old Testament Pseudepigrapha / Ed. by J. H. Charlesworth. N.Y.; London; Toronto; Sydney, Auckland: Doubleday, 1983. Vol. 1. P. 517-559.
- Monaci Castagno A.* Origene e Dionigi di Alessandria sulle promesse: continuità e differenze // Annali di storia dell'esegesi. Bologna, 1998. T. 15/1. P. 101-123.
- Origène.* Traité des principes. T. I (Livre I et II) / Éd. par H. Crouzel, M. Simonetti. Paris: Les Éditions du Serf, 1978 (SC 252).
- Prinzivalli E.* Gaius (and the Alogoi) // Encyclopedia of the Early Church. Cambridge: James Clarke and Co, 1992. Vol. 1. P. 333.
- Refice Cl.* Apocalisse // Enciclopedia Cattolica. Città del Vaticano, 1949. Vol. I (A-Arn). Col. 1600-1615.
- Romero Rose E.* Apocalisse // Nuovo dizionario patristico e di antichità cristiane / dir. da A. Berardino. Genova; Milano, 2006. Col. 388-391.
- The Amherst Papyri / Ed. B. Grenfell, A.S. Hunt. London, 1900. Part I.
- The Oxford Dictionary of the Christian Church / Ed. by F. L. Cross. Oxford: Oxford University Press, 1985.
- Timm S.* Das christlich-koptische Ägypten in arabischer Zeit. Wiesbaden, 1985. Teil 3.
- Winnicki J. K.* Late Egypt and Her Neighbours: Foreign Population of Egypt in the First Millennium BC. Warsaw, 2009 (The Journal of Juristic Papyrology. Supplement XII).
- Wintermute S.* Jubilees (Second Century B.C.). A New Translation and Introduction // The Old Testament Pseudepigrapha / Ed. by J. H. Charlesworth. N.Y.; London; Toronto; Sydney, Auckland: Doubleday, 1983. Vol. 2. P. 35-142.
- Wipszycka E.* The Origins of Monarchic Episcopate in Egypt // Adamantius: Annuario di Letteratura Cristiana Antica e di Studi Guideoellenistici. Bologna, 2006. Vol. 12. P. 69-90.

Войтенко Антон Анатольевич, к.и.н., н.с. Центра истории Византии Института всеобщей истории РАН; woytenko@yandex.ru.

К. Д. БУГРОВ, М. А. КИСЕЛЕВ

«ЗАКОН» И «СОВЕТ»

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ ПРОЕКТОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ РОССИЙСКОЙ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ (РУБЕЖ 50–60-х гг. XVIII в.)*

В статье исследуются ключевые концепты проектов политических реформ российской бюрократической элиты рубежа 50–60-х гг. XVIII в. Анализируя проекты А. П. Бестужева-Рюмина, Д. В. Волкова, Н. И. Панина, Я. П. Шаховского и др., авторы приходят к выводу о существовании единого для всех авторов концептуального поля: общими являются ключевые понятия «закон» и «совет», позволявшие осмыслить, текстуально оформить и попытаться воплотить на практике возможные направления реформ высших государственных органов. Эти реформы предусматривали упорядочение процесса законотворчества в целях повышения законности. Гарантом соответствия законов «общему благу» выступал Совет — законосовещательный орган при монархе.

Ключевые слова: *российская политическая история XVIII в., история понятий, Императорский совет, переворот 1762 г., А. П. Бестужев-Рюмин, Д. В. Волков, Н. И. Панин, Петр III, Екатерина II.*

Изучение политической истории России XVIII в. имело в XX в. непростую судьбу. К началу прошлого столетия исследователи получили доступ к основным архивным фондам, а бурный 1905 год снял табу с целого ряда запрещенных источников. В советской историографии по социально-экономической истории и истории классовой борьбы XVIII в. были подготовлены фундаментальные публикации источников, монографические работы, коллективные исследования, однако политической истории уделялось гораздо меньше внимания, что отразилось в небольшом числе исследований и публикаций источников по данной тематике. Кроме того, практически не совершенствовались и исследовательские методы, что обусловило формирование представления о чередовании в политической истории России XVIII в. периодов «развития» и «застоя». Более сбалансированный подход акцентирует внимание на анализе по-

---

*Исследование проведено в рамках реализации государственного контракта № П1949 от 29.10.2009 по теме «Формирование и актуализация ключевых понятий политического лексикона российской элиты в историческом контексте (1725–1789 гг.)» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

литической преемственности¹. В его рамках объектом анализа становились проекты экономических реформ рубежа 1750–60-х гг. Проектам политических реформ повезло меньше: как совокупность, единство которой задано внутренней логикой, они почти не рассматривались. Настоящее исследование инспирировано достижениями «истории понятий»² и предполагает анализ концептуального единства проектов, в которых представители российской бюрократической элиты искали пути решения актуальных для своего времени вопросов и проблем.

Восшествие Елизаветы Петровны на трон в ноябре 1741 г. завершило период нестабильности, который Россия пережила на рубеже 30–40-х гг. XVIII в. Однако с 1756 г. ситуация начала ухудшаться. «Дипломатическая революция» 1755–56 гг. разрушила ориентированную на Англию и Австрию «систему Петра Великого» российского канцлера А. П. Бестужева-Рюмина и привела к вступлению России в Семилетнюю войну. Попыткой отреагировать на этот кризис стала записка Бестужева-Рюмина императрице о необходимости учреждения тайного военного Совета «из наидостойнейших Монаршей Своей доверенности персон <...> не только для нынешнего времени, но и навсегда»³. Совет планировалось наделить правом командования войсками и флотом, а также осуществлять «общее попечение» над финансами. К записке канцлер приложил проект инструкции, а также текст соответствующего манифеста — о создании Совета предполагалось объявить публично и таким образом ввести его в общеимперскую систему управления.

Однако императрица не пошла далее создания придворного совета — Конференции при дворе Ее Императорского Величества (далее — ЕИВ) — без четкой компетенции, регламентации деятельности и официально закрепленного статуса. Как подметил современник событий обер-гофмейстер Н. И. Панин: «Сделали конференцию — монстр, ни на что не похожий: не было в ней ничего учрежденного, следовательно — все безответственное»⁴. При этом 5 октября 1756 г. она получила право сообщать свои распоряжения в Сенат, Синод и их конторы «экстрактами из протокола, <...> а во все прочие места, куда потребно будет, и к Малороссийскому гетману — рескриптами»⁵.

¹ См., напр.: *Рубинштейн*. 1951; *Каменский*. 2001; *Шмидт*. 2002.

² См.: *Skinner*. 2002; *Россов*. 2009; *Бивир*. 2010. С. 112-154.

³ Архив князя Воронцова (далее — АКВ). Кн. 3. С. 358-359.

⁴ Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 7. С. 207.

⁵ СИРИО. Т. 136. С. 308.

Еще в начале XX в. Н. Д. Чечулин отмечал, что «рескрипты Конференции давались от имени Императрицы и имели вид рескриптов, исходящих непосредственно от Государыни»⁶. Конференция, не имея строгого регламента, активно пользовалась предоставленным ей правом рескриптов. В. П. Наумов подсчитал, что «с марта 1756 г. по декабрь 1761 г. Сенат получил 801 указ Конференции и 105 указов за подписью Елизаветы Петровны; из них 48 указов Конференции и 21 указ императрицы имели характер законодательных актов»⁷. Фактически Конференция превратилась в законодательный орган⁸. Как вспоминал Н. И. Панин: «Схватя у государя закон, чтоб по рескриптам за подписанием конференции везде исполняли, отлучили государя от всех дел»⁹. Подобный властный орган вряд ли мог добавить порядка в управление империей.

То, что в управлении империей существуют проблемы, было признано на высшем уровне. В именном указе, данном Сенату от 16 августа 1760 г. констатировалось, что «установленные многие законы <...> своего исполнения не имеют <...> Ненасытная алчба корысти до того дошла, что некоторыя места, учрежденныя для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие предводительством Судей, а потворство и упущение ободрение беззаконникам»¹⁰. Кроме того, в тяжелом состоянии находился государственный бюджет — участие России в Семилетней войне истощило финансы страны¹¹. Между тем, здоровье Елизаветы Петровны ухудшалось и, следовательно, обострился вопрос о возможной смене монарха на престоле¹². Сложившаяся ситуация ставила вопрос о мерах стабилизации. Во внешней политике это был поиск мира, во внутренней — обращение к реформам управления, финансов и коммерции. В «Разсуждении» от 10 ноября 1760 г. канцлер М. Л. Воронцов отмечал, что «в сию войну уже слишком 40 мил. рублей истрачено и почти всея серебряныя монеты лишаемся; а существительная нужда состоит в учреждениях полезных установлений, содержания во всем добраго порядка и внутренней экономии, что все не иногда, как в спокойное время надежно учиниться может»¹³.

⁶ [Чечулин] Предисловие. 1912. С. XVIII.

⁷ Наумов. 1994. С. 94.

⁸ См. подробнее: там же, с. 93-96.

⁹ СИРИО. Т. 7. С. 207.

¹⁰ ПСЗ. Т. 15. № 11092. С. 498.

¹¹ Троцкий. 1966. С. 247.

¹² Как вспоминала Екатерина II, «болезненное состояние и частые конвульсии императрицы заставляли всех обращать взоры на будущее». Записки императрицы Екатерины II. 1907. С. 433.

¹³ АКВ. Кн. 4. С. 176.

Между тем, интерес к политическим преобразованиям в образованной элите был достаточно высок. Выражением потребности в политических реформах стала публикация А. П. Сумароковым на страницах своего журнала «Трудолюбивая пчела» в конце 1759 г. краткого сочинения «Счастливейшее общество»¹⁴, где было описано идеальное общество¹⁵, увиденное якобы во сне: страна, управляемая «великим человеком», чье «неусыпное попечение, с помощью избранных его помощников, подало подвластному ему народу благоденствие»¹⁶. По Сумарокову, «главное Светское правление называется там Государственный совет». Утопический «совет» не занимался частными делами, но в него вносились «разпорядки, исправления, узаконения и протчия государственныя основания». Совет имел право законодательной инициативы: перечисленные вопросы решаются не только «по повелению Монарха», но и «ко предложению оному». Управление основано на строгом соблюдении писаных законов: «Дела во всех приказах вершатся не по числу голосов, но по книге узаконений». Чиновники, которые «не по книге узаконений дела вершат, за неправду лишаются должностей своих», в связи с чем «узаконения, ясно изображенные, свято и не нарушаемо наблюдаются». При этом «книга узаконений <...> у всех выучена наизусть»¹⁷. Монарха же можно привести в раздражение только «беззаконием и нерадением», и он «слабости прощает <...> милосердно, беззакония наказует строго»¹⁸.

Интересно отметить основания законов в этом идеальном обществе. По А. П. Сумарокову, «книга узаконений их не больше нашего Календаря <...> Сия книга начинается тако: ЧЕВО СЕБЕ НЕ ХОЧЕШЬ, ТОВО И ДРУГОМУ НЕ ЖЕЛАЙ. А оканчивается: ЗА ДОБРОДЕТЕЛЬ ВОЗДОЯНИЕ, А ЗА БЕЗЗАКОНИЕ КАЗНЬ». Краткость законов связана с тем, что «все они на одном естественном законе основаны»¹⁹. Здесь можно обнаружить отсылку к естественно-правовым учениям, которые пользовались популярностью в России XVIII в. В частности, в предисловии («Ведомости») к рукописи перевода «Правления гражданского» Дж. Локка, которая принадлежала Д. М. Голицыну, идеи Г. Гроция и С. Пуфендорфа были обобщены следующим образом: «Нравоучение и житие гражданское в двоякой должности состоит: Первая Должность

¹⁴ Сумароков. 1781. Ч. VI. С. 384-390.

¹⁵ Примечательно, что это сочинение стало первой литературной утопией в России Нового времени (см.: Бугров. 2009. С. 6).

¹⁶ Сумароков. 1781. Ч. VI. С. 384.

¹⁷ Там же. С. 386-387.

¹⁸ Там же. С. 384-385.

¹⁹ Там же. С. 386.

Человека самого к себе: вторая должность ко всякому человеку. Первой должности основание: знай себя. Другой: чего себе не хочешь, того никому не делай»²⁰. Вполне возможно, что А. П. Сумароков мог ознакомиться с данным переводом, учитывая, что он в то время интересовался идеями Дж. Локка и посвятил им статью в «Трудолюбивой пчеле» — «О разумении человеческом по мнению Локка»²¹.

Даже если выводы Г. А. Гуковского о причастности Сумарокова к «дворянской фронде»²² и нуждаются в корректировке, а «Сон щастливое общество» был отражением лишь индивидуальных политических представлений неординарной личности, утопия А. П. Сумарокова, тем не менее, демонстрирует своеобразие политических идей и понятий рубежа 1750–60-х гг. Именно в ситуации нестабильности у политической и интеллектуальной элиты появилась возможность актуализировать накопленный идейный и понятийный багаж.

I

В начале 1760-х гг. конференц-секретарь Д. В. Волков подготовил несколько проектов, которые касались не только улучшения состояния торговли и промышленности, но и затрагивали вопрос реформы высших органов Российской империи. Если идеи Волкова о коммерции анализировались в историографии²³, то его проектам реформ государственных учреждений было уделено гораздо меньше внимания, они упоминались лишь для иллюстрации того или иного вопроса²⁴.

Лучше чем кто бы то ни было, Волков был знаком с проблемами работы Конференции при дворе ЕИВ. Многие современники подмечали выдающиеся способности этого выходца из бюрократических низов — сына подьячего. Екатерина II вспоминала, что Н. И. Панин «думал и мне говорил, что сей Мельгунову и Шуваловым голову сломит; про него тогда думали, что главу имеет необыкновенную»²⁵. Видимо, осознавая недостатки управления, Волков решил предложить ряд улучшений.

В конце 1760 г. Волков подготовил проект именного указа Сенату. Имелось две его редакции: первая, написанная рукой Волкова, состояла из 4 пунктов²⁶. Они были набело переписаны писцом, после чего Вол-

²⁰ Цит. по: Польской. 2002. С. 114.

²¹ Сумароков. 1781. Ч. VI. С. 322-325.

²² См.: Гуковский. 1936.

²³ См.: Троицкий. 1966; Козлова. 1999. С. 219-220; Daniel. 1991. P. 34-37.

²⁴ См., например: Каменский. 2001. С. 301.

²⁵ [Екатерина II]. Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 12. 1907. С. 506.

²⁶ Российский государственный архив древних актов (г. Москва), далее — РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1537. Л. 4.

ков своей рукой дописал еще два пункта: один вставил между 2 и 3, другой прибавил в конце²⁷. В результате получилась вторая редакция проекта из 6 пунктов. Проект был ответом на доклад Сената императрице, где отмечалось, что в Сенате «чрез разных персон записываются и письменно сообщаются изустные Ея Императорского Величества повеления ко исполнению, також из Конференции в экстрактах о разных делах сообщают ко исполнению именные Ея Императорского Величества словесные указы, во оной записанные». При этом по IV главе Генерального регламента и более поздним узаконением запрещалось «таковые в действо производить <...> без особливаго за подписанием собственныя Ея Императорского Величества руки указу»²⁸.

Проект начинался с разъяснения именованного указа от 10 января 1743 г., гласившего: «От сего времени в Сенате никаких предложений, о чем бы они и от кого ни были, ни письменных, ни словесных, без письменных наших указов за нашу рукою в действо не производить, и повелеваем нашему Сенату учинить по сему нашему указу». В пункте 1 объяснялось, что под такими «предложениями» следует понимать только те, которые «в противность утвержденных нами законов гласили б». В то же время «предложения», которые служили к «пользе государства и к отвращению вреда», Сенату следовало не только принимать, но и «по рассмотрению» исполнять²⁹. Пункты 2, 3 и 4 касались института устных указов. Злоупотребления этим институтом частными персонами, получавшими именные указы в противоречие действовавшим законодательным актам, позднее подвергнет критике Н. И. Панин, анализируя царствование Елизаветы Петровны: «Стали из него (Кабинета. — М. К.) выходить все сюрпризы и обманы государя, развращающие государственное правосудие, его уставы, его порядок и его пользу под формою именных указов и повелений во все места»³⁰.

По проекту Волкова следовало принимать и исполнять либо указы, которыми повелевалось решить «давно заволоченое» дело в соответствии с «законами», либо «потребныя известия собрать» (п. 2), либо когда «объявится высочайшая наша апробация на письменной сенатской доклад натурально на силе законов и справедливости основанной» (п. 3). Эти пункты превращали устные именные указы в вид подзаконных актов, которые могли даваться только во исполнение существующих «за-

²⁷ Там же. Л. 10 об.-11.

²⁸ Цит. по: История Правительствующего Сената... 1911. С. 45-46.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1537. Л. 10.

³⁰ СИРИО. Т. 7. С. 206.

конов», но не в противоречие им, что должно было усилить «законность» управления. Из этого логически вытекал следующий пункт: «Буде же случится, что б иногда такое чрез кого либо их них наше имянное повеление объявлено было, которое наши прежняя писменные указы нарушало б, следовательно, или в противность законам было б, или же новой закон устанавливало б, то оное хотя и принять, но, не исполняя самым делом, по оному докладывать нам с надлежащим объяснением»³¹. Возможному бесконтрольному использованию авторитета императорской власти без подписи монарха ставилась твердая преграда. В случае предполагаемого нарушения со стороны монарха, Сенат получал право не исполнять устный указ и обратиться к монарху с представлением по вопросу противоречия такого указа «законам».

Волков не остановился на упрочении «законности» управления и перешел к вопросу о реформе высших органов. В начале п. 5 он констатировал, что Конференция при дворе ЕИВ превратилась в «такой Совет, которому весьма часто словесные наши указы объявляются и объявляемы быть имеют не токмо по политическим и военным делам, но и по другим сопряженным с оными», из чего следовало, что Конференция занималась не только проблемами международных отношений и управлением в военной сфере, но и затрагивала вопросы внутренней политики. Опираясь на это, Волков предложил официально утвердить то, что уже существовало на практике: расширить сферу компетенции Конференции на внутренние дела и поставить ее над Сенатом. По нормативной части п. 5 полагалось «имянные наши, хотя и словесно объявленные повеления, но экстрактом из протокола нашей Конференции и за подписанием присутствующих в оной сообщенных, принимать и исполнять так, как нашу рукою подписанные». В п. 6 было добавлено следующее: «Сверх всего того, все то, что Конференциею для успеха нынешней войны и по сопряжению с политическими делами запотребно найдено и определяемо будет, долженствует исполняемо быть»³².

Этими пунктами, особенно пунктом 5, проводилось качественное разделение функций Сената и Конференции. Сенат был обязан руководствоваться только законодательными актами, а Конференция могла превращать устные именные указы в письменные, т.е. в «законы». Таким образом, Конференция превращалась в официальный законодательный совет при монархе, тогда как за Сенатом оставалась функция «вершения дел» в соответствии с «законами». Однако проект не был утвержден.

³¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1537. Л. 10 об.-11.

³² Там же. Л. 10 об.

Отметим, что Волков был лично заинтересован в усилении положения Конференции, так как играл в ней важную роль. Это отмечал австрийский посол Ф.-К. Мерси-Аржанто³³. По словам же Н. И. Панина, «дерзновенный» Волков «под видом управления канцелярского порядка <...> исполнял существенную роль первого министра, был правителем самих министров, избирал и сочинял дела по самохотению»³⁴.

5 января 1761 г. конференц-секретарь представил в Конференцию проект об улучшении коммерции³⁵, в котором развил свои идеи, высказанные в письме от 19 декабря 1760 г.³⁶ Очевидно, идея реформы высших государственных органов не покидала Волкова, и в последних пунктах проекта он вновь вернулся к ней. В п. 8 констатировалось, что предложенных мер по улучшению коммерции недостаточно, и основная проблема заключалась в том, «что б все государственные дела между собою согласовались и все к одному стремились», а не вступали друг с другом в противоречия. Во избежание подобного Волковым предлагалось следующее: «Все государственныя важныя и некоторыя новыя, или новое учреждение в себе заключающие, дела разсматривать и мнение к решению полагать в том месте или коллегии, до которой оно не было принадлежащим, а потом на рассмотрение в Сенат вносить, когда же и тамо рассмотрено и положенное ли мнение утверждено, или какая отмена учинена будет, тогда давать о том знать нашей Конференции, а оной обще с Сенатом еще помянутое дело разсмотреть, и тогда уже смотря по важности нашей (императорской. — М. К.) конфирмации испрашивать». Так выглядел отредактированный вариант 8 пункта. Первоначально же его окончание, перед тем, как быть зачеркнутым и исправленным, выглядело так: «или нашей конфирмации испрашивать, или же Конференции обще с Сенатом решительно утверждать»³⁷.

Положение о том, что два высших органа могли без обращения к императору решить важную проблему, фактически являлось покушением на прерогативы монарха, в связи с чем и было вычеркнуто. Однако логика подобного утверждения, как и всего пункта, ясна: необходимо построить надежный механизм принятия важных решений в государстве. По мнению Волкова, политическое решение должно было проходить своеобразную ступенчатую экспертизу и утверждаться высшими коллективными органами. После этого необходимость в утверждении мо-

³³ Шефер. 1880. С. 771.

³⁴ СИРИО. Т. 7. С. 207.

³⁵ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 22. Л. 38-47.

³⁶ АКВ. Кн. 24. С. 117-126.

³⁷ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 22. Л. 47-47 об.

нархом как бы отпадала, ведь решение прошло соответствующую проверку у компетентных людей и доказало свою полезность.

В конце проекта был дописан карандашом п. 9. Его первая часть гласила: «Подносимые нам по тому доклады будут натурально за подписанием присутствующих следовательно предварительно в протоколы вносимы будут». Во второй части рассматривался иной случай: «Но если случится, что вместо доклада надобно будет подать к нашему подписанию указ, то сей указ равномерно предварительно в протокол внесен быть имеет, как и доношение и представление того места, от которого оной подносится»³⁸. В п. 9 упорядочивался и закреплялся механизм принятия государственных решений, в соответствии с которым принятие нормативного акта, даже если он не проходил процедуру обсуждения, должно было письменно закрепляться строго определенным образом. Но и этот проект остался без движения.

Вновь к проблеме реформы высшего управления Д. В. Волков вернулся уже в начале 1762 г., после смерти Елизаветы Петровны. Именно в это время Петр III решил упразднить Конференцию при дворе ЕИВ. Австрийский посол Мерси-Аржанто объяснял это следующим образом: «Русский Государь совершенно отменил конференцию, и, ограничив своих министров одним вверенным каждому из них департаментом, предоставил себе право мгновенно, основываясь единственно на одностороннем докладе, постановлять решения. Поводом к подобному распоряжению было то, что Государь слышал, будто таков образ правления короля прусского, а он старается во всем подражать последнему»³⁹.

20 января 1762 г. в Коллегию иностранных дел было дано «повеление» о выступлении корпуса генерал-поручика З. Г. Чернышева в Польшу⁴⁰. В указе было объявлено, что «отныне никакого особого Совета, или Конференции не будет, но каждая Коллегия свои дела отправлять имеет». Именной указ от 28 января сообщал об этом решении Сенату и предписывал «все находящиеся в Конференции донныне дела принять в Сенат и в Иностранную Коллегию»⁴¹. В конце января — начале февраля⁴², канцлер М. И. Воронцов подал Петру III мнение с воз-

³⁸ Там же. Л. 47 об.

³⁹ СИРИО. Т. 18. С. 141.

⁴⁰ Баранов. 1878. С. 479.

⁴¹ ПСЗ. Т. 15. № 11418. С. 983-984.

⁴² Давневский. 1859. Приложения. С. 4. Также данное мнение было опубликовано по более позднему списку из архива Воронцовых: АКВ. Кн. 7. С. 548-551. В. П. Наумов, датируя его «началом января» 1762 г., считал, что оно было подано «еще до ликвидации» Конференции (Наумов. 2000. С. 258). Однако Воронцов начи-

ражениями. Он доказывал необходимость существования особого координационного органа — «совета» по внешнеполитическим и военным делам, хотя бы на время, «пока настоящее смешение дел в объяснение не придет» и будет установлена новая внешнеполитическая «система»⁴³. Он полагал, что император оценит преимущества работы в «совете», «видя в одном месте все сопряжение главных дел». При этом Воронцов утверждал, что «совет» можно всегда отменить, «тем более, что тем ни Сенат, ниже которая Коллегия ни мало силы своей не теряют: ибо приемлемы Вашим Величеством в Конференции намерения будут в оной токмо лучше и согласно с системою объясняемы, а точное исполнение всегда тем же присутственным местам принадлежать будет»⁴⁴.

Мнение М. И. Воронцова отложилось в делопроизводстве Конференции и будущего Императорского совета. Следом за ним в деле находится проект реформы Конференции, который состоял из указа и манифеста. И указ, и манифест были написаны рукой Волкова. Естественно предположить, что он и был автором этого проекта.

В указе провозглашалось: «Всемиловейше за благо разсудя Конференцию Нашу не токмо на прежнем основании оставить, но паче точнее предписать важную ея должность и упражнение»⁴⁵. В чем конкретно заключались «должность» и «упражнение», разъяснялось в следующем за указом манифесте. Манифест состоял из вводной части и 8 пунктов. Вводная часть объясняла необходимость существования Конференции: «для исправления важнейших и тайных государственных дел». «Главной и первой Конференции должностью» было управление «политическими делами», т.е. внешней политикой. Однако Волков полагал, что компетенция Конференции должна быть распространена и на внутренние дела, так как «все политическое искусство не может производить совершенно желаемого действия, естли внутренния распоряжения не соответствуют принятым государственным правилам и намерениям». Внешняя и внутренняя политики были для него взаимосвязаны, что обуславливало необходимость «всему полезному большую силу придавать, или тотчас все то исправлять, что поправления требовало б»⁴⁶. Для этого и должна была быть произведена реформа Конференции.

нает со ссылки на именной указ о корпусе Чернышева и упразднения Конференции, что позволяет однозначно датировать его, самое раннее, двадцатыми числами января.

⁴³ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 27. Л. 45-45 об.

⁴⁴ Там же. Л. 46.

⁴⁵ Там же. Л. 47. Проект указа и манифеста был опубликован без атрибуции П. И. Даневским (*Даневский*. 1859. Приложения. С. 6-9).

⁴⁶ Там же. Л. 48-48 об.

Фактически в следующих восьми пунктах Конференция переучреждалась на новых основаниях и принципах. Пункт 1 определял состав органа: Н. Ю. Трубецкой, генерал-адмирал М. М. Голицын, канцлер М. И. Воронцов, генерал-фельдмаршал А. И. Шувалов, И. И. Неплюев и Р. И. Воронцов. Второй — штат канцелярских служащих, во главе которых должен был бы стоять «Тайный Конференц-Секретарь», которым должен был стать сам Волков⁴⁷. Пункты с 3 по 5 касались вопросов подчинения Коллегий иностранных дел, Военной и Адмиралтейской коллегий преобразованной Конференции⁴⁸.

Самый большой по объему п. 6 открывался рассуждением о предпосылках идеального положения государства: «Главная сила государства и знатность его и благополучие действительно в том состоит, когда законы имеют свою полную силу, когда правосудие так строго и свято наблюдается, как оное установлено свыше Вседержителем вселенныя, когда расходы размерены по доходам». В соответствии с этим Сенату повелевалось «рачение к тому устремить, чтоб законы неотменно полную свою сохраняли силу, чтоб правосудие наблюдалось в полной его мере <...> чтоб все Коллегии и Канцелярии и присутственные места каждое исполняло прямую токмо и действительную их должность, а никакое место в дела другого места не вмешивалось». В случае, если на какое дело «точных и прямых указов и законов нет», то следовало «не подвлекать сумнительными толкованиями под какой либо указ, но тотчас собрав всех Коллегий Президентов и Вице-Президентов, оное в Сенате решить и на Нашу конфирмацию подносить, дабы впоследствии таким образом решение навсегда в закон служило»⁴⁹. Обратим при этом внимание на то, что в данной части пункта не упоминается Конференция. Органы исполнительной власти должны были строго исполнять «закон» и лишь в случае неясности обращаться к императору, для чего предполагалось создание особой процедуры законодательной инициативы. В конце пункта 6 Конференции и Сенату также было предписано привести в порядок государственные доходы и расходы⁵⁰.

П. 7 касался улучшения «государственной коммерции», т.е. торговли с иностранными государствами, где повторялась мысль Волкова об избежании противоречий при принятии новых законодательных актов и подчеркивалась роль Конференции⁵¹.

⁴⁷ Там же. Л. 49.

⁴⁸ Там же. Л. 49-49 об.

⁴⁹ Там же. Л. 49 об.-50 об.

⁵⁰ Там же. Л. 50 об.

⁵¹ Там же. Л. 50 об.-51.

Последний пункт был посвящен проблеме сообщения Конференции с другими государственными органами. Он открывался такой формулировкой: «Мы (император. — М. К.) в Конференции, сколько возможно, часто сами присутствовать будем». Конференция должна была писать «во все места рескриптами, <...> а в Сенат и Синод сообщениями». При этом следовало «по всему тому, что из Конференции писано будет, такое строгое и неотменное исполнение делать, как бы то всегда собственно Нашею рукою подписано было»⁵². Таким образом, Конференция фактически получала функции законодательного органа, действующего от имени самодержца независимо от его личного присутствия.

Различие мнения Воронцова о сохранении Конференции и проекта Волкова о ее реформе заключалось в том, что Воронцов писал только о необходимости совета по внешнеполитическим и военным делам, тогда как Волков предлагал существенно расширить компетенцию Конференции. Если у Воронцова Конференция — это координационный орган, который можно легко упразднить, то у Волкова она превращается в ключевой элемент законодательного процесса вплоть до наделения ее законодательными полномочиями от имени монарха. Тем не менее, оба автора считали существование коллективного совещательного органа — «совета» — необходимым для большего соответствия решений монарха государственным интересам и принципам «общего блага».

Отметим, что примерно в это же время, 22 января 1762 г., Сенату был дан именной указ, по которому надлежало по всем «словесным указам», которые объявлялись через «Сенаторов, Генерал-Прокурора, и первых трех Коллегий Президентов, непременно исполнение чинить по всяким материям, кроме лишения живота, чести и имения, и всякаго наказания, и раздачи денежных сумм свыше 10000 рублей, также и награждения деревнями и чинами свыше Подполковника; и ниже в отмену собственно Нашею рукою подписанных конфирмаций и указов»⁵³. Устный указ ликвидировался как форма законодательного акта. Данное положение в своей основной мысли тесно связано с проектом Волкова 1760 г. Можно предположить, что он и был автором этого указа.

Несмотря на возражения Воронцова и предложения Волкова, император не отменил своего решения об упразднении Конференции. Тем не менее, 18 мая 1762 г. был подписан именной указ, по которому император избрал ряд персон, чтобы «трудиться под собственным Нашим руководством и призрением над многими <...> делами»⁵⁴. В указе точно не

---

⁵² Там же. Л. 51.

⁵³ ПСЗ. Т. 15. № 11411. С. 889.

⁵⁴ ПСЗ. Т. 15. № 11538. С. 1006.

была обозначена компетенция этого собрания, которое известно в работах историков как Императорский совет. Как видно из бумаг данного учреждения, его компетенция распространялась как на внешние, так и на внутренние дела⁵⁵. Совет должен был «собираться ежедневно при Дворе и в апартаментах Наших». По указу от 18 мая 1762 г. исходящие из Совета указы император должен был подписывать своей рукой, исключая «дела меньшей важности», которые члены Совета могли подписывать самостоятельно от имени императора. При этом рапорты на посланные указы следовало «писать реляциями просто на имя Наше, адресуя в конверте к Нашему Тайному Секретарю Волкову»⁵⁶. Таким образом, хотя совет по внешним и внутренним делам при императоре и был создан, но его деятельность была слабо регламентирована, четко прописанная компетенция отсутствовала, а законотворческие функции формально были жестко ограничены: Совет фактически не мог заниматься законотворчеством от имени императора без его личного участия.

Позднее, 1 июня 1762 г., Императорскому совету через Волкова был объявлен именной указ, предписывавший Сенату «отнюдь не издавать в публику таких указов, кои некоторой закон или хотя в подтверждение прежних служат, не представив наперед собранию и не получа на то апробации»⁵⁷. Этот акт превращал Сенат в исключительно исполнительный орган и вносил больше упорядоченности в законодательный процесс. Как отметил В. П. Наумов, «Сенат лишился законодательных полномочий и был окончательно поставлен под контроль Совета»⁵⁸.

А. Б. Каменский полагает, что «указ от 1 июня не был частью продуманной политики»⁵⁹. В свою очередь, А. Б. Плотников отмечает определенную связь между указами Петра III от 18 мая и 1 июня 1762 г. и проектами Н. И. Панина конца 1762 г.⁶⁰ Однако в этих выводах не учтены проекты Волкова. Указы 18 мая и 1 июня 1762 г. соответствуют именно тому направлению реформ, которое пытался проводить Волков, а сходство с проектами Панина может объясняться скорее общностью идейного и концептуального поля политической элиты.

Более того, Волков частично смог реализовать свои проекты. Был упорядочен механизм устных указов, создан совещательный орган — Императорский совет. Уместно привести оценку Совета Петра III

⁵⁵ См.: РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 27. Л. 172-172 об. и следующие.

⁵⁶ ПСЗ. Т. 15. № 11538. С. 1006.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 27. Л. 219; ПСЗ. Т. 15. № 11558. С. 1029.

⁵⁸ Наумов. 2000. С. 265.

⁵⁹ Каменский. 2001. С. 308.

⁶⁰ Плотников. 2000. С. 78.

В. П. Наумовым: «Учреждение готово было начать корректировать политику самодержавного волонтариста. <...> Новая структура верховной власти была способна упрочить режим Петра III, но дворцовый переворот исключил эту возможность»⁶¹. Переворот возвел на престол Екатерину II, Петр III вскоре был убит, а Волков был отправлен в почетную ссылку в Оренбург вице-губернатором. Его проекты реформ высших органов так и не получили полной реализации.

В своих проектах Волков опирался на представление о государстве, где исполнительные органы работают строго в соответствии с «законами», т.е. письменными нормативными актами. «Полная сила законов» была залогом «благополучия» государства. В сложном механизме государственных дел было необходимо не допустить произвола со стороны исполнительных органов, заставить их служить «общему благу». Именно «закон» должен был выполнять функцию ограничителя, в связи с чем важно было не допустить дефекта в самом «законе». Дефекты могли быть вызваны либо недостатком информации или непониманием монархом соответствующих дел, либо возможностью бесконтрольного использования ресурса самодержавной власти «партикулярными персонами» во вред государству. Функцию своеобразного гаранта, эксперта качества «законов», должен был выполнять коллективный орган при особе императора — «совет». Таким образом, для Волкова «закон» и «совет» оказывались тесно взаимосвязанными между собой.

II

Декларированный после свержения Петра III в манифесте новой императрицы от 6 июля 1762 г.⁶² реформаторский курс обычно воспринимается как антитеза беспорядочному и неумелому управлению коронованного любителя игры в солдатики из Гольштейна. Важнейшими проявлениями нового курса традиционно считаются обширные проекты административно-политических реформ, подготовленные в первые годы правления Екатерины: проект создания Императорского совета и реформы Сената, подготовленный Н. И. Паниным⁶³, а также план рефор-

⁶¹ Наумов. 2000. С. 266.

⁶² Оснадцатый век. Кн. 4. С. 222.

⁶³ Проект 1762 г. (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4.) включает в себя чистовой текст манифеста с правкой, внесенной собственноручно Екатериной II (Л. 1-10), еще одна чистовая копия манифеста, без подписи (Л. 11-20), черновой собственноручный доклад Панина (Л. 21-30 об.) и несколько черновых редакций проекта манифеста (Л. 31-44). Первый и третий документы были опубликованы без учета черновых правок: СИРИО. Т. 7. С. 202-217.

мирования государственных штатов, подготовленный князем Я. П. Шаховским и дополненный коллективным «мнением» Сената⁶⁴.

Однако правомочно ли говорить о принципиально новом курсе? В 1859 г. П. Н. Даневский опубликовал анонимный недатированный документ, озаглавленный позднейшим переписчиком «План (несостоявшийся) или Росписание учреждаемого вновь при дворе из 4 департаментов имеющего быть Совета с назначением кому быть министром, и кому статским секретарем»⁶⁵. Д. Рансел, работавший только с этой публикацией, называет авторами проекта Б. Х. Миниха и Н. И. Панина. По мнению американского исследователя, «предполагаемый состав Совета включал представителей всех ведущих политических групп и ясно отражал стремление национальной элиты восстановить свое влияние на правительственные дела», однако Петр III «отверг эти попытки регулировать свою самодержавную власть», ограничив состав своего Совета «узким кругом личных фаворитов»⁶⁶. А. Б. Плотников ограничился в отношении «Плана» сдержанным замечанием, признавая возможным существование определенной «связи между этим наброском и проектом Н. И. Панина (в той его части, которая посвящена непосредственно Императорскому совету)»⁶⁷. И. В. Курукин, работавший с подлинником и атрибутировавший его (по почерку) М. И. Воронцову, расценивает «План» как прообраз учреждения, реально созданного Петром III, а отсутствие вошедших в итоговый вариант «Плана» К. Г. Разумовского, Р. И. Воронцова и А. И. Глебова в составе реального Совета Петра III считает «одной из причин, толкнувших их на сторону Екатерины»⁶⁸.

По нашему мнению, «План» был составлен уже *после* создания Петром III Императорского совета — *не ранее* 9 июня 1762 г. Это видно из того, что Б. Х. Миних в «Плане» назван «генерал-губернатором Сибири и директором (Ладожского канала. — К. Б.)». Обе эти должности престарелый Миних получил по указу императора от 9 июня 1762 г.⁶⁹, тогда как Совет при Петре III был создан 18 мая 1762 г. Практически

⁶⁴ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 21, 22.

⁶⁵ *Даневский*. 1859. Приложения. С. 10. Оригинал документа, хранящийся в РГАДА, резко отличается от публикации Даневского, который не смог сохранить ни оригинальное название, ни соотношение вычеркнутых и вписанных имен в архивном подлиннике. Между тем, неизвестный автор «Плана» внес серию последовательных правок, придерживаясь внутренней логики списка и стараясь сохранить первоначальное число кандидатов.

⁶⁶ *Ransel*. 1975. P. 74.

⁶⁷ *Плотников*. 1997. С. 84-85.

⁶⁸ *Курукин*. 2003. С. 381.

⁶⁹ *Баранов*. 1878. С. 509.

все члены (кроме Волконского) этого Совета вошли и в итоговую редакцию «Плана». Несмотря на то, что этот небольшой документ содержит лишь перечень кандидатов на высшие должности во «вновь создаваемом» Совете, «План» может рассказать о многом. Постараемся восстановить ход размышлений его автора. По нашему мнению, прежде чем приобрести итоговый вид, список прошел как минимум четыре редакции. Первичный список членов Совета в «Плане» выглядел так⁷⁰:

*Quatre Secretaires d'Etat ou plustot Expediteur.
Pour des affaires de guerre Wolkonskoy
Pour la marine Miloslavskoy
Pour d'interieur et les finances Kourakin ou Pougowichnikoff
Pour la politique Golitzin qui qui revient de Londres, ou Olsoufieff
Ministres assistants
L'Empereur comme Chef et President
Le Prince Georges Vice President
Le Comte de Munnich, Gouverneur General de Siberie et Directeur
Le Prince Troubetskoy
Le Prince Pierre de Holstein Beck
Le Hetmann
Le Chancelier
Comte Roman
Glebow
Narishkin
Melgounow
Pour que tout ce qui est dessus soit bien en ordre, il est de la necessite indispensable,
que les quatre Secretaires ayent bureaux et appartements au palais de la Cour.*

В первой правке места «графа Романа» (Р. И. Воронцова) и А. И. Глебова заняли Н. И. Панин и А. Н. Вильбоа, а в число кандидатов на пост секретаря по военным делам был введен Д. В. Волков. Однако уже в следующей правке Волкова в секретариате по военным делам заменил А. П. Мельгунов, в то же время Мельгунова в списке министров-ассистентов заменил Б. А. Куракин, который, в свою очередь, был вычеркнут из статс-секретарей по делам внутренним. «Граф Роман» (теперь с фамилией) вернулся в список, заменил принца Гольштейн-Бека. Автор «Плана», по-видимому, искал наиболее подходящее место для Волкова, так как в очередной, предпоследней редакции из списка статс-секретарей он вычеркнул Мельгунова, которого вновь заменил Волков. Список министров-ассистентов покинули Куракин и «граф Роман». Окончательная правка была внесена другими чернилами. Л. А. Нарышкина автор вычеркнул, а положение Волкова одновременно на двух позициях дополнил комментарием, что кроме управления внутренними делами и фи-

⁷⁰ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.

нансами этот последний «одновременно должен руководить военными операциями»⁷¹. Итоговый список кандидатов принял следующий вид:

Quatre Secretaires d'Etat ou plustot Expediteur
Pour des affaires de guerre: ou Volkoff
Pour la marine Miloslavskoy
Pour d'interieur et les finances: Wolkoff, qui doit avoir en meme temps la direction
des operations militaires
Pour la politique Golitzin qui qui revient de Londres, ou Olsoufieff
Ministres Assistants
L'Empereur comme Chef et President
Le Prince Georges Vice President
Le Comte de Munnich, Gouverneur General de Siberie
Le Prince Troubetskoy
Le Hetmann
Le Chancelier
Panin
Vilbois
Le comte Roman Vorontzoff
Kourakin
Pour que tout <...>

Невозможно ни точно назвать автора, ни исключить возможность коллективного составления текста, даже если он был написан рукой М. И. Воронцова. Однако можно с уверенностью сказать: автором «Плана» был представитель имперской политической элиты. Об этом говорит то, что в тексте не названы по именам К. Г. Разумовский («гетман») и М. И. Воронцов («канцлер»), а Р. И. Воронцов вплоть до последней правки фигурировал просто как «граф Роман».

Реформа не только готовилась *при* Петре III, она готовилась и *для* Петра III. Именно император-мужчина должен был стать «шефом и президентом» Совета. Пост вице-президента Совета согласно «Плану» должен был занять дядя Петра III, принц Георг. Возможно, этот диковинный для России XVIII в. пост был задуман на случай отбытия монарха в действующую армию (Петр III планировал лично возглавить поход против Дании). Впрочем, можно предположить и иную трактовку «Плана», опираясь на материалы, собранные секретарем датского посольства в Санкт-Петербурге А. Шумахером. Датский дипломат полагал, что заговорщики не хотели открыто свергнуть Петра III, предпочитая обставить его гибель как несчастный случай во время пожара, таким образом, оставаясь формально в рамках легитимности⁷². Малолетний Павел не сумел бы выполнять функцию председателя, именно поэтому

⁷¹ Там же.

⁷² Со шпагой и факелом. 1991. С. 277.

и мог быть предусмотрен пост вице-президента предполагаемого Совета — принца Георга, ближайшего родственника нового императора.

Существование альтернативного проекта Совета при Петре III (какими бы ни были цели его автора либо авторов) позволяет пересмотреть устоявшееся историографическое клише о группе влиятельных представителей элиты, попытавшихся извлечь пользу из свержения импульсивного деспота и восшествия на трон нелегитимной императрицы, чтобы «освободить от государственных забот женщину-монарха, в которой они по опыту предыдущих царствований предполагали весьма условное отношение к императорским обязанностям»⁷³.

Рассмотренный выше «План» и проект Императорского совета авторства Н. И. Панина, поданный Екатерине II вскоре после переворота 28 июня 1762 г., объединяет функциональная специализация статс-секретарей, несвойственная реально действовавшему Совету Петра III. Проект Панина традиционно расценивается в историографии как попытка конституционного «ограничения самодержавия» с помощью «твердых аристократических институций» на шведский манер⁷⁴. Однако значительную часть своего доклада Панин посвятил обоснованию необходимости сохранения всей «власти самодержавства» в руках императора и критике законотворческих полномочий Сената, а также Конференции. Интересно, что критика Сената следовала в русле традиции критики республиканского государственного устройства, имевшей корни в европейской политической философии XVII–XVIII вв.

По мнению Н. И. Панина, в реализации законодательной прерогативы монарху должен был помогать Совет. В этом консультативном органе должны были рассматриваться «все дела, принадлежащие по уставам государственным и по существу монаршей самодержавной власти» личному «попечению и решению» императрицы⁷⁵. Четыре (или пять) из шести (или восьми, в соответствии с поправками самой императрицы на полях проекта) членов Совета — «статские секретари» или (в черновом варианте проекта) «штатские министры» — должны были приобрести определенную функциональную специализацию (армия, флот, внешняя и внутренняя политика) и одновременно являться членами соответствующих коллегий. Членам Совета предписывалось поочередно подавать свои мнения для протокола, после чего императрица «самодержавным повелением» накладывала бы итоговую резолюцию.

⁷³ Омельченко. 1993. С. 242.

⁷⁴ Фонвизин. 1982; Эйдельман. 1984; Писаренко. 2000; Минаева. 2001.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 37-37 об.; СИРИО. Т. 7. С. 212.

Не случайно в проекте манифеста об учреждении Совета Панин ссылался на Духовный регламент Петра I: «Монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться сам Бог за совесть повелевает, обаче советников своих имеют не токмо ради лучшего истины взыскания, но дабы и не клеветали непокорные челоуецы, что се или ино силою паче и по прихотям своим, нежели судом и истиною, заповедует монарх»⁷⁶.

Наряду с функциональной специализацией «статских секретарей» характерной чертой проекта Панина стало предложение наделить Сенат «правом представления» на распоряжения монарха⁷⁷. И хотя свое понимание такого права Панин обосновывал ссылкой на Генеральный регламент Петра I, в действительности российская история не знала подобных прецедентов⁷⁸. Впрочем, наделяя Сенат уникальным для России правом представления, Панин не предусматривал для него активной роли в процессе законотворчества. Наделенному правом представления Сенату, по-видимому, отводилась роль балансира. Подобная концепция, по нашему мнению, опиралась на восприятие Н. И. Паниным идей европейской политической философии⁷⁹, прежде всего — Ш. Монтескье, считавшего отделение судебной власти⁸⁰ от законодательной и исполнительной необходимым для «умеренной монархии», где «государь об-

⁷⁶ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 37; СИРИО. Т. 7. С. 211.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 39 об.; СИРИО. Т. 7. С. 214.

⁷⁸ Оригинальная формулировка главы 2 Генерального регламента требовала от коллегий подавать письменное представление императору, если распоряжение Сената «его величества указам и высокому интересу противно» (Реформы Петра I. 1937. С. 110). Однако у Панина эта формулировка трансформировалась принципиальным образом: теперь уже Сенат получил право представления на законы, которые могут «утеснять наши [императорские] государственные законы или народа нашего благосостояние», то есть на собственные распоряжения монарха.

⁷⁹ Об интересе Н. И. Панина к интеллектуальному наследию Монтескье свидетельствуют «Записки» С. А. Порошина (*Порошин*. 1881. С. 227-228, 443). Труды Монтескье присутствовали в библиотеке Паниных (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2901. Л. 129-об.).

⁸⁰ Отметим своеобразие этой терминологии. Под «судебной» властью Монтескье в трактате «О духе законов» подразумевал власть, «исполняющую законы», тогда как «исполнительная власть» в основном включала вопросы внешней политики и военных действий. О том, что именно такой трактовки придерживался и Н. И. Панин, говорят позднейшие записки Павла Петровича, составленные по итогам последних бесед цесаревича с наставником (*Сафонов*. 1974. С. 261-280). Таким образом, разделение функций между Советом и Сенатом в проекте Панина — это именно отделение судебной (в широком смысле — «вершение дел по законам») власти от законодательной и политической (внешняя политика, армия и флот), а не исполнительной от законодательной в современном смысле слова.

ладает властью исполнительной и законодательной или по крайней мере частью законодательной, но сам не судит»⁸¹.

Примечательно, что современники Панина в целом спокойно восприняли его концепцию Совета. Известны четыре замечания на проект Панина⁸², предложенные императрице по ее просьбе в 1762–1763 гг. Три из них являются анонимными, и все они в целом поддерживают проект Совета, делая оговорки в отношении Сената. Так, один из авторов настаивал на необходимости следить за Сенатом «недреманным оком», «чтоб самодержавную власть, подобно узде, из рук не выпускать», как это едва не случилось при Анне Иоанновне. В качестве гарантии предлагалось поставить Императорский совет выше Сената, сделав Совет высшей апелляционной палатой⁸³.

Особый интерес представляет замечание, авторство которого по ряду косвенных признаков может быть приписано А. П. Бестужеву-Рюмину⁸⁴. Возвращенный Екатериной из ссылки Бестужев попытался возратить себе былое влияние, сделав ставку на враждебный Н. И. Панину клан Орловых. Борьба между ориентированным на союз с Австрией Бестужевым и склонявшимся к союзу с Пруссией Паниным иногда экстраполируется историками и на вопросы внутренней политики. Так, Д. Рансел считает, что Бестужев, сделав ставку на Орловых, оказался полностью вне реформаторской парадигмы⁸⁵. Однако анализ замечаний Бестужева (если наша атрибуция верна) показывает: елизаветинский экс-канцлер в целом поддержал проект Панина, но при этом сделал ряд интересных предложений, фактически создав собственный «проект в проекте».

Если в отношении Совета Бестужев не внес никаких принципиальных корректив (вряд ли предложения о записи в протокол только итоговых резолюций и уменьшении числа рабочих дней Совета можно считать таковыми), его поправки в части, касающейся Сената, заслуживают особого внимания. Предложив убрать из текста упоминание о сенатском праве представления «для того что могло бы таким образом опубликовано быть некоторое сокращение самодержавной Ея Величества власти», Бестужев — как и Панин — сослался на петровское законодательство: «Сенат и без того может Ея Величеству представлять, когда о чем надобно будет по его должности, которая предписана ему от государя Петра Ве-

⁸¹ *Монтескье*. 1955. С. 302-303.

⁸² СИРИО. Т. 7. С. 218-221; АКВ. Кн. 26. С. 1-4.

⁸³ СИРИО. Т. 7. С. 220-221.

⁸⁴ Среди них — апелляция автора к политическому опыту времен Екатерины I и датским административным моделям (Бестужев был послом в Дании в 1720–31 гг.).

⁸⁵ *Ransel*. 1971. P. 845.

ликого»⁸⁶. Экс-канцлер не только разгадал отмеченную выше игру смыслов в цитировании Паниным Генерального регламента, но и подчеркнул это с изяществом, достойным опытного политика.

Другой важной поправкой, роднящей замечание Бестужева с цитированным выше анонимным замечанием, было наделение Императорского совета полномочиями последней инстанции для челобитчиков, что поставило бы Совет выше общего собрания Сената. Подобные коррективы могли бы уменьшить значение Сената как центра обособленной судебной — «вершающей дела» по «законам» — власти.

Однако дискуссия вокруг проекта не исчерпывается этими «мнениями». В обсуждение включился фельдмаршал Б. Х. Миних — опытейший политический деятель, бывший приближенный Петра III, сохранивший влияние и при Екатерине II. Рукопись его труда, известного как «Записки фельдмаршала графа Миниха о России»⁸⁷ (русский перевод 1874 г.), но в оригинале носившего красноречивое заглавие «Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie» («Очерк, дающий представление о форме правления Российской империи»)⁸⁸, была при помощи академика Ф. Миллера подготовлена к печати во второй половине 1763 г., причем императрице ее представили несколько раньше (опубликован «Очерк» был лишь в 1774 г.).

Д. Рансел расценивает «Очерк» Миниха как дополнительный аргумент Н. И. Панина в придворной борьбе⁸⁹. Действительно, Миних говорил о функциональной специализации «статских секретарей» и даже сослался на слова «одного из просвещенных министров ее величества»⁹⁰, практически дословно повторив введение к проекту манифеста об учреждении Императорского совета из проекта Панина. Однако важнейшего вопроса о реформе Сената престарелый фельдмаршал не касался. Миних сделал акцент на роли Совета, который, «руководясь мудрыми решениями государыни, изготовлял бы необходимые указы Сенату и тем присутственным местам, которые не находятся в прямой от него зависимости», и — в конечном счете — должен был «искусно направлять все дела империи, облегчать этим труды ее величества императрицы и избавлять ее от тягости входить в подробности не особенно важных дел, для которых не хватит ее материнских забот, без вреда

⁸⁶ СИРИО. Т. 7. С. 218-219.

⁸⁷ Записки фельдмаршала графа Миниха...

⁸⁸ Ebauche pour donner...

⁸⁹ Ransel. 1971. P. 843.

⁹⁰ Записки фельдмаршала графа Миниха... С. 97.

для ее драгоценного здоровья»⁹¹. При этом Миних мог не только пересказывать идеи Панина, но и обращаться к собственному политическому опыту 30-х гг. XVIII в.

Исключением в дискуссии вокруг проекта Н. И. Панина являлось «мнение» генерал-фельдцейхмейстера А. Н. Вильбоа, который полагал, что автор проекта «под видом защиты монархии тонким образом склоняется более к аристократическому правлению. Влиятельные члены обязательного и государственным законом установленного императорского Совета весьма удобно могут вырасти в соправителей <...> а такое преобразование неминуемо привело бы к разрушению могущества и величия Российской империи <...> Русский государь необходимо должен обладать неограниченной властью»⁹². Вильбоа считал, что императрица «не нуждается ни в каком особенном “совете”, но ее здоровье требует облегчения от несносной тягости восходящих до нее нерасследованных дел». Для этого было бы достаточно разделения личного кабинета императрицы на департаменты, руководимые секретарями, которые бы по отдельности представляли доклады на подпись лично императрице. Подчеркнем: Вильбоа использовал ту же мотивировку, что и Миних (сохранение здоровья императрицы), однако с помощью этой мотивировки обосновывал прямо противоположные выводы. При этом разделение Сената на департаменты генерал-фельдцейхмейстер поддержал, а о праве представления промолчал.

Возможно, именно мнение Вильбоа повлияло на решение Екатерины II отказаться от проекта Панина, который был уже близок к воплощению. В черновом варианте оправдательного манифеста А. П. Бестужеву-Рюмину опальный сановник был назван «первым императорским советником и первым членом нового <...> императорского Совета»⁹³; правда, в официальный текст, опубликованный 31 августа 1762 г., это место не вошло. Сохранилась также записка, в которой императрица перечисляет членов будущего Совета⁹⁴: А. П. Бестужева-Рюмина, К. Г. Разумовского, М. И. Воронцова, Я. П. Шаховского, Н. И. Панина, З. Г. Чернышева, М. Н. Волконского и Г. Г. Орлова. Ровно половина членов этого предполагавшегося Совета фигурировала и в тексте «Плана» (правда, Волконский не попал в его окончательную редакцию). Н. И. Панин должен был возглавить «внутренний» департамент, М. И. Воронцов — департамент

⁹¹ Там же. С. 98.

⁹² *Бильбасов*. 1901. С. 17-18.

⁹³ СИРИО. Т. 7. С. 143.

⁹⁴ Там же. С. 201.

«чужестранный», З. Г. Чернышеву предполагалось доверить «военный» департамент, и только с «морским» департаментом императрица не определилась. Однако в декабре 1762 г. Екатерина II надорвала свою подпись под проектом. И хотя «падения» Н. И. Панина, на которое надеялись его противники, за этим не последовало, в последующие годы правления Екатерины II политическая система императрицы будет постепенно приближаться к той, о которой писал Вильбоа.

Одновременно дискуссии развернулись и вокруг второго масштабного проекта реформы. Если Панин готовил реформу высшего политического эшелона империи, то опытный государственный деятель князь Я. П. Шаховской по распоряжению Екатерины II разработал комплексный проект реформы местного управления, а Сенат сопроводил проект («мнение») Шаховского специальным «всеподданнейшим докладом».

Проект включал 4 основных блока: административное деление страны, должностные обязанности губернаторов, функции «коллегий, канцелярий и кантор» и, наконец, общая численность чиновников «и им пристойное жалованье». Подтверждая «мнение» Шаховского практически по всем позициям, доклад Сената включал и следующее предложение: «Не соизволит ли Ваше Императорское Величество высочайше сенату повелеть <...> по представлениям генерал губернаторов и прочих присутственных мест не утруждая Ваше Императорское Величество наставлениями и резолюциями давать. Когда ж сенат из тех представлений усмотрит, что ему иногда собою о чем точного решения учинить будет не можно, тогда об оном имеет просить высочайшей Вашего Императорского Величества конфермации»⁹⁵. Обосновывая такое предложение, сенаторы ссылались на то, что «в толь обширном государстве новаго и многотруднаго учреждения кое без пополнения <...> и без отмены быть едва ль может», а также на Генеральный регламент Петра I.

«Раздражающее действие» на императрицу этого предложения Сената Ю. В. Готье считал причиной отказа Екатерины от проекта Шаховского, заметив, что «мысль Сената — поставить себя между государыней и интересовавшим ее лично важным и неотложным вопросом государственного управления могла внушить в ней антипатию и ко всему проекту, одобренному Сенатом»⁹⁶. Борьба мнений вокруг проекта Шаховского, как полагал Готье, отразилась в двух анонимных записках — «О генерал-губернаторах» и «О воеводах»⁹⁷. Однако следует

⁹⁵ РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 21. Л. 5-6.

⁹⁶ Готье. 1941. С. 167.

⁹⁷ Там же. С. 180; РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 66-71.

подчеркнуть, что рост значения и самостоятельности Сената, который должен был стать следствием предлагавшейся Шаховским реформы, находился в прямом противоречии с проектом Н. И. Панина, который советовал наделить Сенат полномочиями пассивного контролирующего органа. Таким образом, историографическое клише, относящее Панина и Шаховского к одной придворной «партии»⁹⁸, требует пересмотра.

Безусловно, у Екатерины II было собственное видение политического курса страны. Примером этому является «Собственнооручное наставление» императрицы князю А. А. Вяземскому при вступлении его в должность генерал-прокурора в 1764 г.⁹⁹ В «Наставлении» Екатерина повторила критику Сената, содержащуюся уже в проекте Панина: «Сенат же, вышед единожды из своих границ, и ныне с трудом привыкает к порядку, в котором ему быть надлежит <...> однакож покамест я жива, то останемся как долг велит». От критики Сената императрица переходила к критике республиканских форм правления: «Российская империя есть столь обширна, что кроме самодержавного государя всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочее медлительнее в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеет, которые все к раздроблению власти и силы влекут, нежели одного государя, имеющего все способы к пресечению всякого вреда и почитая общее добро своим собственным»¹⁰⁰. В целом следуя логике рассмотренных выше реформаторских проектов, Екатерина констатировала необходимость установления «вечных и непременных законов». Однако, сама придя к власти незаконным путем, императрица отсекала все, в чем ей виделось какое-либо *законное* ограничение своей власти, даже если оно на деле носило «экспертный» характер обсуждения в коллективном совещательном органе. Формулировки «Собственнооручного наставления», столь сходные с проектом Панина, в реальном политическом контексте обретали иное значение: «закон» для императрицы не предполагал «совета». В политическом лексиконе узурпаторши этот последний, очевидно, приобретал черты «соправительства» в духе «мнения» Вильбоа.

В 1768 г., перед началом войны с Османской империей, Екатерина вернулась к идее «совета» и учредила Совет при Высочайшем дворе, в связи с чем можно было бы предположить влияние идей рубежа 1750–60-х гг. Однако Совет при Высочайшем дворе существенно отличался от рассмотренных выше проектов, занимаясь преимущественно воен-

⁹⁸ Ransel. 1971. P. 96.

⁹⁹ СИРИО. Т. 7. С. 345-348.

¹⁰⁰ Там же. С. 347.

ными делами. Здесь скорее приходится говорить о влиянии опыта Конференции при дворе ЕИВ как некоего координационного органа на период внешнеполитической нестабильности, в котором, говоря словами Н. И. Панина, «не было ничего учрежденного». С окончанием войны заседания Совета стали нерегулярными, что неудивительно, так как его функции фактически дублировались императорской канцелярией и другими государственными органами.

Екатерина II также не наделила правом представления Сенат, объявленный в «Наказе» «хранилищем законов»¹⁰¹. Не был принят и «фундаментальный закон» (порядок престолонаследия), над которым она работала в 80-е гг. XVIII в.¹⁰² Проводя реформы во всех областях, Екатерина не решилась затронуть сферу законотворчества, предпочтя сосредоточить ее в собственной канцелярии и временных комиссиях.

III

Проекты реформ высших имперских органов рубежа 1750–60-х гг. не были результатами деятельности узкой группы единомышленников, объединенных политическими целями, родственными связями или личными интересами. Представители элиты, по которым ударил переворот 1762 г., точно так же рассчитывали на реформы, как и те, кого переворот вывел на первые роли. События лета 1762 г. оказались для политического творчества элиты лишь внешним фактором. «Законная монархия» Екатерины II в таком контексте выглядит общим местом более ранних проектов политических реформ. Согласимся с С. О. Шмидтом: «Так называемый век Екатерины начался по существу еще за несколько лет до ее восшествия на престол»¹⁰³. И интеллектуальная, и политическая элита Российской империи к середине XVIII в. выработала ряд представлений о «законной монархии», которые находились в пределах *единого концептуального поля*. Об этом говорит однородность политического лексикона авторов рассмотренных выше реформаторских проектов и «мнений», сохранявшаяся, несмотря на противоречия между придворными группировками и личные антипатии сановников.

Установить связь между законностью в государстве, рационализацией законотворчества и организацией административного аппарата авторам проектов позволял соответствующий набор понятий, с помощью которых неограниченная в принципе власть самодержца бесконтрольно осуществлять свою волю ограничивалась управлением через

¹⁰¹ Наказ императрицы Екатерины II... С. 6.

¹⁰² См.: Сафонов. 2001. С. 238-250.

¹⁰³ Шмидт. 2002. С. 98.

«закон». Гарантией соответствия власти самодержца «общей пользе», а не выгоде «временщиков и куртизанов», было существование «Совета», коллективного органа с прописанными функциями, способного — без покушений на прерогативы «самодержавного» монарха — вносить порядок в течение дел. Такая концепция опиралась как на восприятие западноевропейской политической философии, так и на собственный административно-политический опыт представителей элиты. Эта концепция сама по себе не была новой, ее корни можно проследить до Средних Веков и далее, как в Европе, так и в России.

При этом общность концептуального и идейного поля отнюдь не подразумевала политического единства. Каждый представитель политической элиты проводил в жизнь собственную стратегию их осмысления и актуализации. Так, Д. В. Волков, и Н. И. Панин пришли к сходным идеям о необходимости «законного» управления, считая, что исполнительные органы должны только исполнять «закон», но не законодательствовать. Ради интересов государства и «общего блага» законодательство должно было формироваться в рамках «Совета» при особе императора. Наконец, оба автора проектов допускали сдерживающий элемент для использования ресурса неограниченной власти императора.

Волков в проекте 1760 г. и указе 22 января 1762 г. наделял Сенат правом не исполнять устные указы императора, если они противоречат «закону». При отсутствии точных законодательных актов Волков допускал законодательную инициативу со стороны собрания сенаторов, президентов и вице-президентов коллегий, ссылаясь на указ Петра I «О хранении прав гражданских». Панин предусматривал сдерживающие элементы в более определенной форме — как «право представления» Сената на собственные распоряжения монарха, противоречащие «общему благу». И хотя такая концепция «права представления» опиралась на концепцию Монтескье, Панин считал необходимым сослаться и на законодательство Петра I. Подобные ссылки оказывались для авторов реформаторских проектов важной частью стратегий легитимации политических построений, напрямую не связанных с петровским законодательством.

Отметим, что различия в попытках практического воплощения концептуально сходных идей во многом зависели от занимаемого места, накопленного опыта, образования и интеллектуального багажа. Д. В. Волков был бюрократом-практиком, который мог, даже занимаясь по преимуществу делопроизводством, оттянуть на себя власть в «Совете», поэтому для него деятельность Конференции была нормальна и нуждалась только в некоторой реформе. Н. И. Панин, напротив, был более образован и склонен к теоретизированию. Для него Конференция

была неупорядоченным «монстром», который подрывал «самодержавную» законодательную власть. В связи с этим Панин проявил больше заботы об императоре, упорядочивая в своем проекте дела «Совета» с помощью четырех департаментов. Кроме того, если у Волкова «Совет» мог принимать решения и без подписи монарха (в случае с Императорским советом Петра III — только второстепенные), то в проекте Панина у Императорского совета без личной подписи императора не могло быть и намека на законодательские полномочия. С точки зрения Панина, который последовательно защищал прерогативы монарха, деятельность и проекты Волкова подлежали критике, так как в определенных случаях «похищали» у монарха функции законодательства¹⁰⁴.

Проекты реформ органов верховной власти рубежа 50-х – 60-х гг. XVIII в. воплотили в конкретных формулировках поиск политической элитой путей выхода из кризиса, связанного с тяжелой войной, династической нестабильностью и проблемами внутреннего управления. Эти проекты невозможно охарактеризовать ни как «олигархические»¹⁰⁵, ни как «аристократические», направленные на «ограничение» власти монарха. Равным образом, в них трудно заметить какие-либо специфические «дворянские» притязания. Это позволяет скорректировать взгляд на место данных проектов в развитии «конституционализма» в России XVIII в. Их авторы не стремились изменить существовавшую в империи «монархическую форму правления»; они лишь стремились упорядочить ее, действуя в условиях внутреннего кризиса власти. Этим проекты рубежа 1750–60-х гг. принципиально отличались от проектов «верховников» 1730 г., которые покушались на изменение «формы правления». Современное же значение понятия «конституция» и «конституционализм» приобретут только в XIX в., после полувека революционных потрясений в Старом и Новом свете¹⁰⁶.

Реформаторский импульс рубежа 50-х – 60-х гг. XVIII в. постепенно сошел на нет. Однако новые вызовы заставили политическую элиту России вновь вернуться к этим темам в 90-е гг. XVIII в., когда «законная монархия» оказалась перед лицом серьезнейшего испытания — Великой французской революции.

---

¹⁰⁴ Как мы уже отмечали, Панин называл Волкова «правителем самих министров». Однако первоначально Панин назвал Волкова «правителем всего Совета», затем, оставляя «Совет» вне критики, — «правителем Конференции» (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4. Л. 22 об.), но в итоге заменил и эту формулировку.

¹⁰⁵ *Ерошкин*. 1983. С. 96-97.

¹⁰⁶ Ср.: *Вдовина*. 1995. С. 36-48; *Польской*. 1998. С. 162-184.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив князя Воронцова (АКВ). Кн. 3. М.: Типография Грачева и Ко, 1871. П. 698 с.
АКВ. Кн. 4. М.: Типография Ф. Иогансон, 1872. 542 с.
АКВ. Кн. 7. М.: Типография Грачева и Ко, 1875. 688 с.
АКВ. Кн. 24. М.: Университетская типография (М. Катков), 1880. VII. 424 с.
АКВ. Кн. 26. М.: Университетская типография (М. Катков), 1882. XVI. 517 с.
- Баранов П. И.* Описание высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. III. 1740–1762. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1878. XXI. 513 с.
- Бивир М.* Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история менталитета. М.: НЛЮ, 2010. С. 112-154.
- Бильбасов В. А.* Панин и Мерсье де ла Ривьер // *Бильбасов В. А.* Исторические монографии. Т. 4. М.: Тип. И. Н. Скороходова, 1901. С. 4-83.
- Бугров Д. В.* Эволюция русской социокультурной утопии в контексте генезиса консервативной идеи (1830–1840-е гг.) // Уральский исторический вестник. № 1 (22). 2009. С. 4-15.
- Вдовина Л. Н.* Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII в. // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М.: Наука, 1995. С. 36-48.
- Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 303 с.
- Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронда в литературе 1750-х – 1760-х годов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 237 с.
- Даневский П.* Приложения // *Даневский П.* История образования Государственного совета в России. СПб.: б/и, 1859. 60 с.
- Записки императрицы Екатерины II. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. 748 с.
Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: Тип. Я. А. Исакова, 1874. 406 с.
- Ерошкин Н. Д.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
- История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т. 2. СПб.: Сенатская типография, 1911. 806 с.
- Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
- Козлова Н. В.* Русский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов. М.: Археографический центр, 1999. 384 с.
- Курукин И. В.* Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань: НРИИ, 2003. 570 с.
- Минаева Н. В.* Никита Иванович Панин // Вопросы истории. 2001. № 7. С. 71-91.
- Монтескье Ш.* О духе законов // *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 159-733.
- Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1907. 334 с.
- Наумов В. П.* Источники о законодательной деятельности Конференции при Высочайшем дворе // Мир источниковедения. М.; Пенза: РГГУ, 1994. С. 93-97.

- Наумов В. П.* Совет при Петре III // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2000. С. 257-267.
- Омельченко О. А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юрист, 1993. 428 с.
- Оснадцатый век. Кн. 4. Тип. Т. Рис у Мясницких ворот, Д. Воейкова, 1869. 535 с.
- Писаренко К. А.* Тайны дворцовых переворотов. М.: Вече, 2000. 400 с.
- Плотников А. Б.* Политические проекты Н. И. Панина // Вопросы истории. № 7. 2000. С. 74-84.
- Плотников А. Б.* Политические проекты Н. И. Панина. Дисс... канд. ист. наук. М.: Институт российской истории РАН, 1997.
- Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 11. [СПб.]: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 15. [СПб.]: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- Польской С. В.* Истоки российского конституционализма: теория естественного права и русские политики первой половины XVIII века // Философский век. Альманах 5. Идея истории в российском Просвещении. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 1998. С. 162-184.
- Польской С. В.* Политические идеи Джона Локка в России первой половины XVIII века // Философский век. Альманах. Вып. 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения: Опыт философской и культурной компаративистики. Часть 1. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2002. С. 107-114.
- Порошин С. А.* Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1881. 563 с.
- Реформы Петра I. Сборник документов. Сост. В. И. Лебедев. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1937. 379 с.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 10. Оп. 1. Д. 4.
РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2901.
РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 22.
РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 27.
РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1537.
РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 63.
РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 21.
РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 22.
- Рубинштейн Н. Л.* Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения «О состоянии подданных вообще» (К истории социальной политики 50-х – начала 60-х годов XVIII в.) // Исторические записки. М., 1951. Т. 38. С. 208-251.
- Сафонов М. М.* Завещание Екатерины II. СПб.: ЛИТА, 2001. 312 с.
- Сафонов М. М.* Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. М.: Наука, 1974. С. 261-280.

- Сборник Императорского Русского исторического общества (СИРИО). Т. 7. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1871. 417 с.
- СИРИО. Т. 18. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1876. 518 с.
- СИРИО. Т. 136. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1912. 652 с.
- Со шпагой и факелом: Дворцовые перевороты в России. 1725–1825. М.: Современник, 1991. 590 с.
- Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Ч. VI. М.: Университетская типография, 1781. 395 с.
- Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.: Наука, 1966. 265 с.
- Фонвизин М. А. Дневники и письма. Т. 2. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное, издательство, 1982. 432 с.
- [Чечулин Н. Д.] Предисловие // СИРИО. Т. 136. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1912. С. I-XVII.
- Шмидт С. О. Внутренняя политика России середины XVIII века // Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия. XVII – первая треть XIX века. М.: Наука, 2002. С. 77-100.
- Шефер А. Императрица Елизавета Петровна в 1760–1761 гг. // Русская старина. Т. XXVIII. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1880. С. 767-776.
- Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М.: Мысль, 1984. 317 с.
- Daniel W. L. Grigoriï Teplov: A statesman at the court of Catherine the Great. Newtonville: MA, 1991. XIII, 194 p.
- Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. Copenhagen: б/и, 1774. 190 p.
- Pocock J. Political Thought and History: Essays on Theory and Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 296 p.
- Ransel D. The "Memoirs" of Count Munnich // Slavic Review. Vol. 30. № 4 (Dec., 1971). P. 843-852.
- Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. Yale: Yale University Press, 1975. IX, 395 p.
- Skinner Q. Visions of Politics. Vol. I. Regarding the Method. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. XIV, 209 p.

Бугров Константин Дмитриевич, аспирант исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ); Konstantin.Bugrov@usu.ru.

Киселев Михаил Александрович, аспирант исторического факультета УрГУ, младший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; strateg-mk@rambler.ru.

К. И. ШНЕЙДЕР

РАННИЙ РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ВЛАСТЬ СВОБОДЫ ИЛИ СВОБОДА ВЛАСТИ?

Автор исследует особенности мировоззрения ранних русских либералов середины XIX столетия. Одной из наиболее сложных является проблема интерпретации многочисленных консервативных смыслов начальной концепции отечественного либерализма. Это отчетливо проявилось в соединении понятий «свобода» и «власть», неоднозначном для классической либеральной традиции. Различные коннотации этих ключевых категорий в раннем русском либерализме и стали предметом специального изучения в данной статье.

Ключевые слова: *ранний русский либерализм, свобода, власть.*

Вопрос о происхождении русской либеральной традиции остается одним из самых запутанных и дискуссионных. Предположительно во второй половине 1850-х – середине 1860-х гг. в отечественной общественной мысли появился полноценный, национально адаптированный либеральный феномен, сформировался первоначальный вариант русского либерализма. Среди его основателей — К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин, которых можно назвать идейными наследниками Т. Н. Грановского. Второй эшелон ранних либералов представлен П. В. Анненковым, И. К. Бабстом, В. П. Боткиным, А. В. Дружининым, Е. Ф. Коршем.

Интерес к начальной истории русского либерализма среди отечественных специалистов появился еще в середине прошлого века. В целом, в советской историографии не подвергалось сомнению не только существование русского либерализма в середине 1850-х гг., но и наличие либеральной концепции, в которой, присутствовала утопическая идея «соединения самодержавия со свободой»¹. Эксперты отмечали динамичное развитие отечественного либерализма в середине XIX в., особенно с 1858 г., когда в нем «обнаруживаются различные оттенки и течения»². Активно поддерживался интерес к изучению теоретического наследия отдельных либеральных мыслителей в рамках биографического жанра³.

Вместе с тем, ранний русский либерализм в исследованиях советских историков воспринимался критически, был идеологически окра-

---

¹ Левин. 1974. С. 403.

² Розенталь. 1961. Т. 70. С. 222.

³ См.: Зорькин. 1975; Овчинникова. 1973.

шен и зачастую обозначался такими малосодержательными маркерами, как «дворянский», «помещичий», «буржуазный», «западнический». И все же предшествующий период в отечественной историографии, в своих лучших проявлениях, способствовал формированию представлений о раннем либерализме как о самостоятельном интеллектуальном феномене в русской общественной мысли, который характеризовался неоднородностью и немалым количеством концептуальных особенностей⁴.

Итоги изучения ранней истории либерализма российскими специалистами на протяжении 1990-х гг. приводят к мысли об отсутствии системы координат, понятного и современного методологического языка⁵. В данном случае речь идет не о «железном» единстве во взглядах и необходимости преодолеть различия. Ощущается потребность в более обоснованных подходах к таким важнейшим проблемам, как генезис русской либеральной традиции, ее периодизация и типологизация. Предложенные варианты зачастую грешат излишней приверженностью либо традиционным схемам, либо тотальной «вестернизации» истории русского либерализма. Вместе с тем, в конце 1990-х – 2000-е гг. появились работы, претендующие на глубокое осмысление накопленного опыта изучения начальной истории русского либерализма⁶.

В западной историографии интерес к истории раннего русского либерализма возник на рубеже 1950–1960-х гг. К числу наиболее очевидных достижений зарубежных коллег следует отнести определение периода его формирования и характера программных установок. К этому можно добавить удачные попытки объяснить особенности первоначальной либеральной концепции⁷. В настоящее время популярность данной темы в западном академическом сообществе резко снизилась.

Среди обсуждавшихся ранними русскими либералами проблем значительное место занимали вопросы соотношения личности и государства, власти и свободы в масштабе исторически цивилизованного мира на примере ведущих европейских стран и России. Можно ли соединить этатизм и постоянное стремление человека к свободе и независимости или это не более чем миф о «земле обетованной» русских либералов середины XIX столетия? Ответ на этот вопрос и составляет главную задачу предлагаемой статьи.

Ранние русские либералы использовали различные коннотации термина «свобода» применительно к человеку и обществу. С одной сто-

⁴ См.: *Кутаев*. 1972.

⁵ См.: *Либерализм в России*. 1996; *Русский либерализм...*

⁶ См.: *Секиринский*. 1999; *Кутаев*. 2004; *Шелохаев*. 2007.

⁷ См.: *Hammer*. 1962; *Offord*. 1985; *Walicki*. 1987; *Hamburg*. 1992; *Offord*. 1999.

роны, они не сомневались в аксиологической значимости этого идеала и убежденно заявляли: «Свобода — лучший дар, данный в удел человеку; она возвышает его над остальным творением; она делает из него существо разумное, она налагает на него нравственную печать»⁸. Либералы почитали свободу как источник любой духовной силы, неременное условие человеческой жизни, основу формирования личности. Человек в их восприятии уже по своей природе является свободным существом равным всем другим, так как человеческая свобода одинакова для всех. Более того, они отстаивали свободу человека в обществе, где, несмотря на ее ограничение, индивид в первую очередь руководствуется своими личными выгодами в момент принятия окончательного решения.

С другой стороны, отечественные либералы артикулировали идею несвободы и зависимости человека по рождению, потому что он «с колыбели является членом известного семейства, общества, государства; он подчинен семейной и общественной власти; он связан условиями и постановлениями той среды, в которой находится»⁹. Таким образом, свобода индивида в обществе ограничена не только свободой других людей, но и рамками его собственной социализации, традициями и особенностями исторического опыта, как малой группы, так и общества в целом. Обращая на это внимание, ранние русские либералы больше говорили о границах личной свободы и благоприятных условиях ее адаптации в социальной среде.

Важную роль в «правильном» восприятии свободы они отводили исторической рефлексии или размышлениям о преемственности между прошлым и настоящим. Либералы отрицали возможность общественно-го развития с «чистого листа», так как человек не в состоянии опираться исключительно на свой собственный опыт, волю и разум. Личность и общество нуждаются в осмыслении результатов деятельности предшествующих поколений. Именно в них, по мнению либералов, заключен жизненный потенциал для самосовершенствования человека и неременное условие его движения к свободе. Преемственность сохраняет связь времен и помогает преодолеть личности одиночество и бессилие.

Расцвет свободы либералы связывали исключительно с государством, за что неоднократно подвергались критике со стороны не только демократов, но и своих оппонентов в либеральной среде. Тем не менее, ранние русские либералы настаивали: «Только в государстве может развиваться и разумная свобода и нравственная личность; предоставленные

---

⁸ Чичерин. 1862. С. 185.

⁹ Чичерин. 1899. С. 41.

же самим себе, без высшей, сдерживающей власти, оба эти начала разрушают сами себя. Необузданная свобода ведет к порабощению слабого сильным; личность, выражающаяся в преимуществах чисто индивидуальных, ведет к уничтожению внутреннего достоинства человека»¹⁰.

Для ранних русских либералов релевантность государства определялась через возможность одинаково защитить как общественную волю, так и личные устремления отдельных индивидов. В противном случае любое из этих начал могло стать доминирующим социальным фактором, что неизбежно вело либо к диктатуре большинства, либо к анархии. Таким образом, либералы конструировали рационалистическую модель общественного развития, где одно из центральных мест отводилось «разумной свободе». Они уповали на спасительный для России баланс между традиционной мощью государства и самостоятельной личностью, готовой к общественным компромиссам во благо свободы. В этой связи свои надежды либералы связывали с распространением права в качестве инструмента институционализации свободы в условиях российского самодержавного, но, потенциально, просвещенного режима.

Для ранних русских либералов источником всякого права оставалась свобода, которая, с одной стороны, определялась и ограничивалась законом, а с другой — им же ограждалась и гарантировалась. Либералы считали, что именно право может обеспечить отечественной свободе необходимый общественный статус, придав ей вес государственных обязательств. Они пытались связать это с российской исторической и геополитической спецификой и акцентировали внимание на территориальных различиях как одном из важных условий развития свободы. «На тесном пространстве земледельческий народ может дать свободе весьма крепкие основы, но обширные страны с преобладающим земледельческим характером медленнее всех двигаются на пути совершенствования и свободы. Таково именно положение России»¹¹, — полагал Чичерин.

Институционализация свободы в правовых отношениях естественным образом актуализировала тему политической свободы. Русские либералы воспринимали ее как высший результат развития личной свободы и важный источник политического права. Возможно, именно в этом вопросе они наиболее отчетливо продемонстрировали свою умеренность, и даже определенный консерватизм, ставший объектом постоянной критики со стороны их политических оппонентов и современных исследователей, занимающихся проблемой генезиса отечественной

---

¹⁰ Чичерин. 1858. С. 368-369.

¹¹ Чичерин. 1899. С. 585.

либеральной традиции. В частности, ранние русские либералы открыто сомневались в целесообразности политической свободы в так называемых «незрелых обществах», где нет безопасных условий ее существования для государства в целом. Чичерин не отрицал очевидной выгоды свободы для развитых стран, готовых к совершенствованию своей политической инфраструктуры через представительные учреждения, но одновременно предупреждал о серьезной опасности преждевременного копирования их опыта в широких географических масштабах.

Ранние либералы постоянно акцентировали внимание на идее социального неравенства, вырастающего из врожденных и имущественных различий между людьми, что всегда было причиной «общественного неравенства, возвышения и первенства одного слоя общества над массой народонаселения»¹². В таких условиях требуется длительный период исторического взросления «незрелых обществ» с обязательной прививкой политической свободы. В конце концов, по мнению либералов, это поможет выработать стойкий иммунитет против анархии и радикализма, а также сохранить необходимый баланс общественных сил. А пока лучше набраться терпения и доверить решение политических проблем подготовленному меньшинству. Вообще либералы рассуждали о политике как о сфере умственной деятельности, в которой есть место только для немногих посвященных. Поэтому «при всех своих достоинствах, демократия не может быть идеалом человечества. По идее, в государстве должна владычествовать разумная его часть, а не наоборот»¹³.

Неприязнь либералов к демократии носила не концептуальный, а скорее ситуативный характер, связанный с распространением революционных взглядов в русском образованном сообществе. Практически всегда они отождествляли демократию с радикализмом, полагая, что демократические порядки неизбежно приведут к господству бедных над богатыми, уничтожению аристократии, анархии, разрушительным социальным последствиям и деспотизму. В связи с этим вполне объяснимо желание русских либералов сохранить монархический режим в России, правда, в более просвещенном виде. Для них отдаленное политическое будущее страны ассоциировалось с утверждением представительной монархии, гарантирующей, с одной стороны, развитие свободы, а с другой — порядок и права разумного аристократического меньшинства. Несложно догадаться, что «политической Меккой» ранних русских либералов являлась Британия, с ее уникальным историческим опытом.

---

¹² Кавелин. 1898. Т. 2. С. 113.

¹³ Чичерин. М., 1899. С. 101.

В конечном счете, близкое знакомство с европейской политической культурой определяло и постоянно корректировало характер и содержание мировоззренческих установок отечественных либералов, в том числе и по отношению к российской действительности. Например, среди основных рецептов ее преобразования в арсенале либералов имелись гражданская свобода и просвещение. Они считали, что «поднять уровень народной нравственности можно не кровавым уголовным законодательством, не более или менее строгими телесными наказаниями, но гражданской свободой, развитием в народе сознания его прав, чувства собственного достоинства, а главное — образованием, народ, знающий свои права, необходимо будет знать и обязанности»¹⁴.

Таким образом, ранние русские либералы в любой ситуации оставались апологетами свободы, но всегда выражали серьезные опасения по поводу ее безграничного развития вообще и в российских условиях, в частности. Их формула, скорее всего, это «власть разумной свободы» в обществе, где она связана со свободой других людей и существует под сенью гражданского закона. В свою очередь закон немислим без власти, его охраняющей, а значит свобода сосуществует с властью всегда и везде. И первой обязанностью любого человека является уважение ее полномочий, так как свобода «приобретенная насилем, часто ведет к анархии, свобода же, установленная законом, ведет к уважению закона и права»¹⁵.

Не удивительно, что наряду со свободой в лексиконе ранних русских либералов часто встречается понятие «власть» в значении главной организующей силы в обществе, обеспечивающей возможность его существования. Они много размышляли над проблемой генезиса государства и историей формирования верховной институциональной системы, неизменно восхищаясь этими результатами человеческой деятельности. Из грубой силы, решавшей примитивные задачи человеческого выживания, власть постепенно превратилась в незаменимый инструмент общественного регулирования с правительственным статусом¹⁶.

Закономерно возникал вопрос о роли государственной власти в исторической судьбе разных народов. Несмотря на то, что главные дейст-

---

¹⁴ *Бабст*. 1858. С. 406.

¹⁵ *Чичерин*. 1858. С. 42.

¹⁶ «Посредство между членами общества, их защита, мало по малу естественно приводят власть к другой, несравненно высшей, труднейшей задаче, и исторически подготовляют к ее разрешению. Эта задача — соглашение разнородных, враждующих элементов общества, приведение их к единству, направлению к одной цели», — считал Кавелин. ОР РГБ. Ф. 548. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 16.

вующие лица в раннем русском либерализме традиционно придерживались этатистских воззрений, эта проблема в 1857–1858 гг. вызвала известную дискуссию о преимуществах и недостатках централизации в обществе. Чичерин, поддержанный Коршем, выступил апологетом усиления государственного регулирования, тогда как Кавелин согласился с мнением М. Н. Каткова, известного англomана и редактора «Русского вестника», о вредных последствиях такой политики. Наметившиеся разногласия следует отнести к числу свидетельств неоднородности и вариативности формировавшегося раннего русского либерализма.

Вместе с тем, первоначальная отечественная либеральная концепция в своем окончательном виде базировалась все же на точке зрения Чичерина. Он был убежден, что обширное государство неизбежно нуждается в более сильной власти, так как в нем «общественные элементы разнообразнее, разрозненнее, имеют между собой менее тесную связь, и потому требуют большего внешнего скрепления»¹⁷. Кроме того, в своей аргументации в пользу централизации Чичерин обращал внимание на традиционную для больших государств незрелость социальной структуры и системы образования, отсутствие личной инициативы и успехов в практической деятельности. Наконец, сила власти особенно востребована в переходные эпохи с ее неустойчивой динамикой общественного развития. Все это в полной мере относилось к России середины XIX в.

Вообще, разногласия по вопросу о роли государства в либеральной среде носили скорее тактический характер и не ставили под сомнение сам факт государственного участия в решении стратегических проблем, особенно в условиях российской действительности кануна Великих реформ. Все либералы одинаково понимали нюансы и особенности исторического пути развития России, в котором для них соединились громадные территории, скудость народонаселения, трудности диалога с Европой, открытость азиатскому влиянию. Большинство ранних русских либералов готовы были согласиться с Чичериным, утверждавшим: «Власть расширяла, строила и скрепляла громадное тело, которое сделалось русской империей. Власть стояла во главе развития; власть насильно насаждала просвещение, обнимая своей деятельностью всю жизнь народа — от государственного устройства до частного быта»¹⁸.

Кроме того, позиция Чичерина, наиболее последовательного адепта верховной власти в либеральной среде, отличалась концептуальностью, лишенной вульгарного догматизма, свойственного многим совре-

---

¹⁷ Чичерин. 1862. С. 165.

¹⁸ Там же. С. 166.

менным ему консервативным мыслителям. В частности, он различал государство и общество, наделяя первое функциями защиты интересов социума в целом, и оставляя значительный простор для развития свободы в рамках частных союзов вплоть до каждой отдельной личности. Для этой сферы Чичерин использовал понятие гражданское общество и противопоставлял его политическому, в котором свобода и личные интересы граждан подчиняются исключительно власти и закону. Вместе с тем, он подчеркивал равную значимость обеих составляющих «народного союза» и не мыслил без них полноценной человеческой истории.

Одновременно эти размышления не снимают другой проблемы — идентификации всего комплекса политических воззрений Чичерина, наполненного, среди прочих, идеями монархического правления, элитарности и аристократизма. Именно в этой части мировосприятия он предоставил наибольший простор для своих критиков, как в прошлом, так и в настоящем. До сих пор не прекращаются дискуссии о принадлежности Чичерина к «либеральной партии» и попытки записать его в когорту российских консерваторов.

В одной из программных работ Чичерин нарисовал собственный идеал политического устройства, в котором государственная власть «единая и верховная, воплощается в монархе, стоящем на вершине здания; свобода находит себе орган и гарантию в народном представительстве; высшая политическая способность получает самостоятельный вес в отдельном аристократическом собрании, и над всем царствует закон...»¹⁹. Фактически речь шла о представительной монархии как наиболее близкой к совершенному образу правления, воплотившемуся в Британии и пока еще недоступному для отечественной государственной системы. В России даже либерал, по мнению Чичерина, весьма избирательно чтит закон и вечно сетует на притеснения государства.

Не удивительно, что Чичерин долгое время отказывался верить в перспективу утверждения представительных начал в России в обозримом будущем, так как видел в них одновременно и выражение свободы, и орган власти, а также механизм возведения свободы на государственный уровень. Такое дуалистическое восприятие сущности представительства неизбежно предполагало длительную подготовительную работу социума по ее практической реализации. Вместе с тем, Чичерин прекрасно осознавал необходимость поступательного развития общества, ограниченного лишь потребностью благополучно преодолеть основные опасности на этом пути — хаос и анархию: «Где нет партии прогресса, там народ по-

---

¹⁹ Чичерин. 1899. С. 127.

гружается в восточную неподвижность; но где нет охранительной партии, там общественный быт представляет только бессмысленный хаос, вечное брожение, анархию, немислимую в разумном общежитии»²⁰.

В целом, Чичерин признавал за верховной властью определяющую роль в обустройстве жизненного пространства человека, особенно в политической сфере. Однако он акцентировал творческие возможности государства, а не создавал пугающий образ всемогущего Левиафана. Чичерин наделял его высоким смыслом, подчеркивая, что государство — плод человеческого сознания, произведение разумной природы и может целенаправленно воздействовать на окружающую действительность, преобразая ее ради важных и достойных целей. Его знаменитая формула «либеральные меры и сильная власть» стала основой концепции «охранительного либерализма», в которой государство выступало в качестве гаранта социальной стабильности и, вместе с тем, главной креативной силой развития общества, способной защитить его от «воплей реакционных партий». С другой стороны, все это вовсе не исключало наличие у Чичерина изрядной доли консервативного скепсиса и очевидных этактистских настроений. Виной тому, скорее всего, пугающая перспектива социальных потрясений в России. Он считал, что революционный путь всегда и везде происходит по схожему сценарию. Сначала «упорная охранительная система ведет к переворотам; переворот, если только он не ограничивается одной сменой правителей, порождает анархию, анархия же ведет к диктатуре, которая в свою очередь уступает место более правильному ходу»²¹.

Но в этих рассуждениях Чичерина, пророческих для последующей российской истории, привлекает внимание, прежде всего, их отправная точка — ультраконсервативный политический режим, непросвещенный и неспособный к модернизации. Чичерин в равной степени опасался как неповоротливого отечественного «самодержавного монстра», так и распространения революционных настроений в обществе. К тому же канун Великих реформ стал временем великих надежд и ожиданий, особенно в либеральной среде. Чичерин среди всех своих единомышленников являлся, пожалуй, самым последовательным ценителем и защитником достижений той эпохи грандиозных и знаковых для России преобразований, начавшихся с отмены крепостного права. Поэтому его увлечение государственным участием в развитии общества в данный период выглядит вполне объяснимо.

---

²⁰ Чичерин. 1862. С. 150.

²¹ Чичерин. 1858. С. 42.

Формирование теории и процесс конституирования русского либерализма в отечественной общественной мысли завершились в 1860-х гг., когда появилась концепция «охранительного либерализма» Чичерина. В ней впервые в концентрированном виде были изложены основные положения либеральной национальной версии, которую удачно дополняли экономические, исторические и социокультурные идеи других ранних либералов. Центральной для них являлась проблема соотношения категорий свобода и власть, особенно применительно к российской действительности.

В итоге можно предположить, что, несмотря на бурные дискуссии, возобладали точка зрения Чичерина. По его мнению, одного желания свободы даже либерально мыслящих людей явно недостаточно для ее водворения в обществе, так как «свобода имеет свои жизненные условия, независимые от воли, коренящиеся в народном духе, в общественном быту, в естественном составе государства, в состоянии сословий и партий, иногда даже в отношениях к соседям. Без этих условий всякая попытка водворить свободу ведет только к сильнейшему деспотизму»²².

Восприятие свободы ранними русскими либералами опиралось на определенную историческую и географическую шкалу измерения: то, что естественным образом сложилось в Британии, не может быть искусственно привито в России. Поэтому они пропагандировали культ «разумной свободы», которая должна защищаться властью закона и оберегаться государством, прежде всего, от опасных попыток ее вульгарного толкования и неправильного применения. Особенно актуальным для России «мирное сосуществование» свободы и власти было накануне и в период проведения Великих реформ, подаривших стране редкий исторический шанс на цивилизованное будущее. Скорее всего, «власть разумной свободы» и «свобода разумной власти» вполне соответствовали духу и букве концепции раннего русского либерализма.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабст И. К.* Три месяца за границей. Письмо первое // Атеней. 1858. № 42.
- Зорькин В. Д.* Из истории буржуазно-либеральной политической мысли России второй половины XIX — начала XX в. (Б. Н. Чичерин). М.: Изд-во Московского университета. 1975. 171 с.
- Кавелин К. Д.* Дворянство и освобождение крестьян. Собрание сочинений. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича. 1898. Т. 2.
- Китаев В. А.* Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2004. 380 с.

---

²² Чичерин. 1861. С. 13.

- Китаев В. А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50-60-х годов XIX века. М.: Мысль. 1972. 288 с.
- Левин Ш. М.* Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX — начало XX века. Л.: Наука. 1974.
- Либерализм в России / Отв. ред. В. Ф. Пустарнаков и И. Ф. Худушина. М.: Издательство института философии РАН. 1996. 448 с.
- Овчинникова А. С.* Из истории общественно-политической борьбы 1840–1860-х годов (общественно-политические взгляды К. Д. Кавелина): Дисс... канд. ист. наук. Саратов, 1973.
- Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 16.
- Розенталь В. Н.* Общественно-политическая программа русского либерализма в середине 50-х годов XIX в. // Исторические записки / Отв. ред. А. Л. Сидоров М.: Издательство АН СССР. 1961. Т. 70.
- Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Матер. междунар. науч. конференции / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН. 1999.
- Секиринский С. С.* Русский либерализм: от 40-х к 80-м годам XIX века (идеи, люди, среда). Дисс... докт. истор. наук. М., 1999.
- Чичерин Б. Н.* Духовные и договорные грамоты Великих и удельных князей // Опыты по истории русского права. М.: В типографии Эрнста Барфкнехта и комп. 1858. С. 368–369.
- Чичерин Б. Н.* О народном представительстве. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина. 1899.
- Чичерин Б. Н.* О политической будущности Англии // Очерки Англии и Франции. М.: В типографии Эрнста Барфкнехта и комп. 1858.
- Чичерин Б. Н.* Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М.: В тип. Грачева и комп. 1862.
- Чичерин Б. Н.* Что такое охранительные начала? // Несколько современных вопросов. М.: В тип. Грачева и комп. 1862.
- Шелохаев В. В.* Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–16.
- Hamburg G. M.* Boris Chicherin and Early Russian Liberalism, 1828–1866. Stanford: Stanford University Press, 1992. 443 p.
- Hammer D. P.* Two Russians Liberals: The Political Thought of B. N. Chicherin and K. D. Kavelin (Ph.D. diss., Columbia University, 1962). 403 leaves.
- Offord D.* Nineteenth-century Russia: opposition to autocracy. N.Y.: Pearson Education. 1999. 144 p.
- Offord D.* Portraits of Early Russian Liberals: A Study of the Thought of T. N. Granovsky, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Drushinin and K. D. Kavelin. Cambridge: Cambridge University Press. 1985. 281 p.
- Walicki A.* Legal Philosophies of Russian Liberalism. Oxford: Oxford University Press 1987. 477 p.

Шнейдер Константин Ильич, к.и.н., доцент кафедры древней и новой истории России историко-политологического факультета Пермского государственного университета; kshneyder@yahoo.com.

М. М. ГОРЕЛОВ

«ПАНЕГИРИК КОРОЛЕВЕ ЭММЕ»: СВИДЕТЕЛЬСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА?

В статье рассматривается памятник XI в., прославляющий иноземную датскую династию, которая правила в Англии в 1017–1042 гг. «Панегирик королеве Эмме», созданный по заказу датских правителей, представляет собой яркий образец средневековой риторичности и, одновременно, крайней субъективности, выставляя в выгодном заказчикам свете политическую ситуацию в стране и вопросы престолонаследия. Ставится вопрос: можно ли считать этот текст свидетельством исторической памяти англосаксов об эпохе датского господства.

Ключевые слова: панегирик, Эмма, Кнут, датский, англосаксы, престол.

Среди не отличающихся многочисленностью нарративных источников по истории Англии первой половины XI в. несколько особняком стоит «Панегирик королеве Эмме» (“Encomium Emmae Reginae”) — отчасти потому, что является нарративом весьма своеобразным. Он находится как бы в тени столь величественных памятников того времени, как, например, «Англосаксонская хроника» — главный летописный источник донормандского периода. На изучение «Панегирика» накладывает свой отпечаток и тот факт, что произведение это в такой же мере риторическое, сколь и повествовательное, и это обстоятельство не может не осложнять анализ содержащихся в нём сведений. Порой за пышной риторикой автора, обусловленной самим характером произведения, совершенно теряется сколько-нибудь правдоподобная историческая канва излагаемых событий, либо они преподносятся крайне однобоко и превратно, что, конечно, не является исключением ни для средневековых нарративов, ни для повествовательных источников любой эпохи вообще, но в «Панегирике» эта черта проступает особенно рельефно. Вместе с тем, ставя вопрос о том, может ли служить данный источник надёжным средством отображения исторической памяти современников о политических событиях английской истории первой половины XI в., следует учитывать то обстоятельство, что фонд нарративных источников для того периода вообще не отличается богатством и многообразием. Практически бесписьменное традиционное, сельское общество раннесредневековой Европы, в котором грамотой владели лишь клир и не-

многочисленные образованные представители знати, не обладало богатой литературной традицией. Это в значительной мере относится и к историописанию, которое в те времена фактически являлось прерогативой приближённых к правящим кругам церковных историографов, работавших обычно в монастырях — древних центрах интеллектуальных традиций, книжности, письменной культуры. Поэтому в условиях относительной бедности источниковой базы историку приходится максимально использовать все имеющиеся тексты.

Переходя непосредственно к рассмотрению «Панегирика королеве Эмме», необходимо хотя бы вкратце изложить исторический контекст тех событий, по мотивам которых он был написан. Это события датского завоевания Англии в начале XI в. и последующего правления в этой стране иноземной, датской династии. Датское завоевание во второй половине XI в. в исторической памяти англичан последующих поколений было сильно оттеснено на задний план другим иноземным завоеванием — нормандским, которое повлекло за собой гораздо более существенные, фундаментальные сдвиги в политической, экономической, правовой, культурной сферах жизни английского общества. Между тем, датский период в истории Англии ничуть не менее интересен для исследователя, если рассматривать его без предвзятых точек зрения, ранее бытовавших в отечественной историографии по причине «формационного» подхода, согласно которому нормандское завоевание стадийно изменило развитие английского общества и потому более значимо, чем датское, которое таких изменений с собой не несло.

Датское завоевание Англии произошло в результате серии вооружённых конфликтов между складывавшейся молодой скандинавской державой и Англией, у руля управления которой на рубеже двух столетий оказался король Этельред Нерешительный (978–1016). В результате ряда неудачных обстоятельств и слабости управления, обусловленной во многом личными качествами монарха, Англия не сумела эффективно противостоять нашествиям скандинавских завоевателей, начавшимся как хорошо известные и прежде набеги викингов, а закончившимся полномасштабной войной, которую вело поднимающееся раннее датское государство с его прекрасно организованными и подготовленными вооружёнными силами, детищем короля-воина Свена Вилобородого и его предков. Несмотря на то, что в англо-датских столкновениях, длившихся с незначительными перерывами с 1003 до 1016 г., англосаксы оказывали скандинавам ожесточённое сопротивление, порой добиваясь значительных успехов, а порой даже совершая героические деяния, вошедшие в эпическую традицию (см. англосаксонскую поэму «Битва при

Мэлдоне»), общее руководство английскими войсками и администрацией было неэффективным, и страна скатывалась в глубокий кризис, усугублённый стихийными бедствиями, а также предательским поведением многих представителей правящей знати, искавшей компромисса с завоевателями во имя собственного спасения. В результате наступательная инициатива полностью перешла в руки датчан, а внезапная смерть наследника Этельреда Эдмунда Железнобокого, оказывавшего наиболее действенное сопротивление датчанам, побудила английскую правящую элиту признать новым монархом датского претендента Кнута — сына Свена Виллобородого, скончавшегося в ходе военных действий в Англии. Кнут вместе с отцом возглавлял кампанию датской армии в Англии и постепенно завоевал симпатии английского общества своими качествами умного и созидательного государственного лидера, получив со временем прозвище «Великий». Вместе с тем, для самого Кнута именно Англия была оптимальным местом для политической карьеры, поскольку в самой Дании, на его родине, престол занял его старший брат согласно порядку наследования трона. Таким образом, Кнут в 1017 г. стал правителем именно Англии, и лишь потом воссоединил со своей новой державой Данию, а также Норвегию, что в совокупности составило так называемую «Империю Кнута Великого» — значительное, но непрочное государственное образование, которое, как и многие другие ранне-средневековые «империи» подобного типа, распалось вскоре после смерти своего основателя (1017–1035)¹.

Отметить, что сам факт восшествия на престол иноземного монарха вовсе не был чем-то экстраординарным как для Средневековья, так и других периодов истории человечества. Приняв нового монарха и новую династию на своём престоле, английская знать фактически «голосовала» за стабильность и сильного лидера, который в результате и дал стране эту самую стабильность после долгих лет войн и бедствий, преследовавших страну в правление Этельреда. С другой стороны, важную роль сыграло то, что Англия за предыдущие полтора столетия в этнокультурном плане оказалась плотно вписанной в «мир викингов»: во-первых, ввиду родственного этнического происхождения самих англосаксов и скандинавов, во-вторых, по причине широкого расселения скандинавских колонистов по Британским островам, в результате чего этот этнический элемент прочно вошёл в формирующуюся английскую народность. Это особенно облегчалось упомянутым этнокультурным родством: с принятием христианства и переходом к оседлой жизни у

---

¹ Подробнее см.: Горелов. 2007.

скандинавских пришельцев, по сути, не осталось никаких причин для серьёзных противоречий с коренным населением Англии, а покорение английской короной независимых скандинавских правителей на английской территории в X в. привело к слиянию двух этнокультурных элементов в рамках теперь уже единого государства. Относительно безболезненное «усвоение» новой волны датчан, пришедших с Кнутом, на английской земле было фактически подготовлено этим вековым процессом, в ходе которого английское общество стало, по сути, англоскандинавским. Новые пришельцы совершенно не потрясли его культурных основ и политических традиций, напротив, участь у англосаксов более древним и развитым традициям в политической, экономической, культурной областях и обогащая тем самым строительство молодой государственности и культуры в рамках северной империи Кнута.

Вместе с тем, взойдя на английский престол, Кнут столкнулся с необходимостью выработки внутривнутриполитического курса, должного способствовать национальному примирению вчерашних противников, преодолению негативной памяти о недавней войне, в которой обе стороны понесли тяжёлые людские и материальные потери. Такой курс был с успехом воплощён в жизнь, опираясь на идею единения всех подданных нового монарха, независимо от этнического происхождения. Ключевую роль в реализации этого курса сыграли, во-первых, кадровые перестановки в рядах правящей элиты, в результате которых англосаксы не испытывали никакой дискриминации по сравнению с победителями-датчанами, а порой занимали даже и более значимые посты; во-вторых, равенство англосаксов и скандинавов в правах и обязанностях перед государством; и, в-третьих, создание образа «христианского государя», которое Кнут произвёл при активной поддержке английской церкви, платя ей за это сторицей. Наконец, чтобы подчеркнуть преемственность своей власти со старыми английскими традициями, Кнут вступил в брак с вдовой прежнего английского короля Этельреда Нерешительного — Эммой, которой официально и посвящён «Панегирик».

Рассматривая биографию Эммы, приходится вернуться назад; в 1002 г. Эмма, дочь герцога Нормандии Ричарда I (942–996), стала женой Этельреда Нерешительного, для которого данный брак преследовал скорее политические цели, а именно — улучшение отношений с соседней Нормандией, из портов которой викинги совершали набеги на Англию, в полной мере используя удобство близких к английскому побережью баз. Династический брак с Эммой дал ожидаемые результаты: порты Нормандии отныне были закрыты для скандинавских пиратов, атаковавших Англию. С этого момента англо-нормандские связи неук-

лонно укрепляются, обернувшись в итоге, между прочим, таким неожиданным результатом как нормандское завоевание Англии во второй половине XI в. Более того, именно в Нормандии нашла убежище и поддержку английская королевская семья в 1014 г., когда Англия после ряда поражений была практически оккупирована победоносными датскими войсками. В Нормандии, на родине своей супруги, Этельред черпал ресурсы для организации вооружённого отпора датчанам в 1014–16 гг., и весьма небезуспешно. Что же касается второго брака Эммы — с Кнудом Великим — то он, по всей видимости, как и первый, имел в первую очередь политические цели. Собственно, у Кнута уже была постоянная сожительница — англичанка Эльфгифу, дочь эрла Нортгемптонского, союз с которой не был освящён церковью и потому не считался легитимным, но это обстоятельство ничуть не помешало детям Эльфгифу впоследствии участвовать в междоусобной борьбе за престол. Законный же брак с Эммой служил прежде всего тому, чтобы подчеркнуть преемственность власти нового короля с прежними монархами из английской (уэссекской) династии, тем самым работая на общую идею примирения между завоевателями и побеждёнными и как бы легитимизируя воцарение иноземной династии в стране. Кроме того, этот брак нейтрализовал потенциально враждебную датчанам Нормандию, в которой укрывались представители английской династии, изгнанной датчанами².

Забегая вперёд, отметим, что в браке с Кнудом Великим Эмма родила сына Хардакнута, а после смерти Кнута приняла активное участие в междоусобице, разгоревшейся в конце 1030-х гг. между сторонниками Хардакнута и потомками Эльфгифу во главе также с сыном Кнута Харальдом. Борьба шла с переменным успехом и, хотя увенчалась победой Хардакнута (и Эммы), царствовать ему пришлось всего два года (1040–1042). После его внезапной смерти на английский престол вернулась другая линия потомков Эммы в лице её сына от Этельреда — Эдуарда Исповедника, росшего в эмиграции в Нормандии; это означало реставрацию старой уэссекской династии. Таким образом, не совершив каких-либо великих политических деяний, Эмма Нормандская, волей судьбы оказалась в эпицентре династической борьбы за английский престол, причём сразу в несколько судьбоносных моментов. В этой связи вдвойне небезынтересно исследовать текст, посвящённый этой исторической личности, чья судьба совпала с переломными для страны событиями.

«Панегирик королеве Эмме» (“*Encomium Emmae Reginae*”) является едва ли не единственным, помимо «Англосаксонской хроники», нар-

---

² Подробнее см.: *Stenton*. 1943.

ративным источником эпохи датской династии (1017–1042), повествующим о датском завоевании и правлении Кнута Великого. Текст написан около 1041 г. неизвестным монахом французского монастыря Сент-Омер (но писавшим его в монастыре Сен-Бертен). Об авторе из его же текста известно лишь то, что он встречался с Кнутом во время поездки того в Рим в 1031 г., а также то, что он писал это произведение по заказу самой Эммы. Судя по всему, Эмма выбрала автора как на основе личного знакомства, так и под благоприятным впечатлением от его писательских талантов. В «Панегирике» всячески превозносятся добродетели Эммы и подводится фундамент легитимности престолонаследия в пользу Хардакнута. Для лучшего выполнения этой задачи автор слагает дифирамбы в адрес предков Хардакнута из датской династии — Кнута Великого и Свена Вилобородого, завоевателей Англии. Само же завоевание, как и обстоятельства восшествия на английский престол двух упомянутых монархов, описаны в весьма общих чертах и с присущей более поздним рыцарским романам цветистостью. Как отмечает видный английский источниковед А. Грансен, «риторический элемент сильно снижает ценность “Похвалы” как исторического источника»³.

Структура произведения выглядит следующим образом. Пролог содержит пространное посвящение Эмме Нормандской, полное изысканных комплиментов и написанное высоким риторическим стилем. Эта же линия продолжается во введении («Аргументе»), в котором автор обращается также к читателю и подчёркивает, что основная цель произведения — восхваление Эммы⁴. Кроме того, с не меньшим пафосом он возносит здесь похвалы монархам датской династии, проводя параллели между «Панегириком» и аналогичными трудами античных авторов в честь римских императоров⁵. Наконец, он обрисовывает краткое содержание своего повествования, которое затем более детально раскрывается в трех основных главах «Панегирика».

Первая из них посвящена приходу к власти в Дании Свена Вилобородого, выдержавшего нелёгкую борьбу за престол со своим отцом Харальдом Синезубым, которая вылилась в военное столкновение и победу Свена. Далее в главе описаны походы Свена на Англию, англо-датские войны и смерть Свена от старости в ходе этих войн, накануне полной победы датчан. Вторая глава посвящена Кнуту, который продолжил дело умершего отца, завершил завоевание Англии, выдержав

³ Gransden. 1974. P. 58.

⁴ Encomium Emmae Reginae. 1949. (Далее — EER). P. 6, 8.

⁵ Ibid. P. 6.

ряд сражений с ещё оказывавшими сопротивление англосаксами, и, наконец, взошёл на английский престол ввиду внезапной смерти своего главного противника — английского короля Эдмунда Железнобокого, с которым первоначально Кнут уже почти договорился о разделе страны на два королевства (как это уже было в IX в.). Далее в главе вкратце описывается правление Кнута, его мудрая внутренняя политика, благодеяния по отношению к английской церкви, праведность и набожность государя, его паломничество в Рим и, наконец, смерть. Помимо прочего, автор описывает в этой главе свои личные впечатления от созерцания Кнута во время посещения королём монастырей Сент-Омер и Сен-Бертен в ходе поездки в Рим. Наконец, в третьей главе «Панегирика» рассказывается о женитьбе Кнута на Эмме Нормандской, превозносятся добродетели обоих супругов и их детей, а затем излагается история междоусобной борьбы за английский престол после смерти Кнута между потомками Эммы и Эльфгифу, причём автор приписывает первым однозначно позитивные черты, а вторым — подчёркнуто негативные.

Хотя на автора — представителя просвещённого клира, писавшего на латыни, безусловно, оказали влияние образцы античной словесности⁶, текст «Панегирика» в своей основе имеет гораздо больше общего с эпическими сказаниями в духе более поздних рыцарских романов (чьи сюжеты в значительной степени базировались на раннесредневековых легендах, будь то повествования о Роланде, Тристане и Изольде, короле Артуре и рыцарях Круглого Стола или стихотворные произведения вроде «Песни о Нибелунгах» и др.) Сам автор неоднократно подчёркивает свою принадлежность к латиноязычной церковной культуре, то скрупулёзно переводя английские названия населённых пунктов, рек и прочих географических объектов на латынь, то ссылаясь на Вергилия, то прямо говоря о себе и своей культурной среде “*nos Latini*”⁷. Однако, если сопоставить «Панегирик» с таким известным трудом, как биография Карла Великого, написанная Эйнхардом двумя столетиями раньше, то, невзирая на сходство жанра и задач, декларируемых авторами, можно заметить, что Эйнхард в большей степени следовал модели Светония с его жизнеописаниями римских цезарей, тогда как автор «Панегирика» предпочитает именно эпический акцент, часто пренебрегая точностью и подробностью изложения в угоду эмоциональной и напыщенной словесности, присущей героическим сказаниям; отводит очень много места, например, величественному виду кораблей и войска, отправляющих-

⁶ EER, Introduction. P. xxiv.

⁷ EER. P. 24.

ся на войну; целые страницы посвящены описанию сверкающих на солнце доспехов, гордой стати воинов, героических эмоций сражающихся и т.п.⁸ Вместе с тем, таким важнейшим моментам, как, например, обстоятельства прихода к власти Свена Вилобородого в Дании, уделено очень мало места. То же самое в полной мере характерно по отношению к описаниям английских правителей, противостоявших датской агрессии: пожалуй, единственный из них, удостоенный автором более-менее пространным упоминания — это Эдмунд Железнобокий, да и то он интересует его скорее как эпический герой, храбрый воин, сражавшийся на равных со своим противником Кнутом⁹. Об остальных представителях английского королевского дома, в частности — об Этельреде, на время царствования которого и пришлось наибольшее количество англо-датских столкновений, не говорится практически ни слова. Между тем, фигуры датских королей-завоевателей Свена и Кнута, вокруг которых вращается повествование, рассматриваются как исключительные позитивные, носители всех мыслимых и немыслимых добродетелей, именно в таком свете, в каком обычно освещаются положительные главные герои в эпических произведениях. Таким образом, «Панегирик» хотя и следует собственно панегирическим задачам, воспевая добродетели главных персонажей, но в то же время может быть отнесён и к эпическому жанру, поскольку представляет развёрнутую картину реализации героями своих позитивных качеств и талантов на фоне масштабных политических, военных, государственных событий, служащих как бы обрамлением для светлого образа самих героев.

По мнению британского издателя и комментатора «Панегирика» А. Кэмпбелла, автор произведения был знаком с жизнеописанием английского короля Альфреда Великого, написанного Ассером, а также с нормандским памятником «Деяния первых герцогов Нормандии»¹⁰, написанным Дудо из Сен-Квентина в 996–1015 гг. как раз по указанию отца Эммы. Эти произведения и могли служить для панегириста в известной мере образцами по манере и стилю изложения¹¹.

Ещё одна характерная черта такого рода произведений — дидактически-морализаторские мотивы, связанные как с религией, так и с нормами обыденной морали дохристианского происхождения. Примером первых может служить отношение автора к двум линиям потомков Кнута

⁸ См., напр.: EER. P. 12, 18, 20.

⁹ EER. P. 24.

¹⁰ См., напр.: *Dudo of Saint-Quentin*. 1997.

¹¹ EER, Introduction. P. xxii, xxiv-xxv.

Великого: если потомки по линии Эммы — легитимные, и потому являются воплощением сугубо положительных качеств, то потомки по линии Эльфгифу — полная противоположность; они рождены от греховного союза, не освящённого церковью, и потому аморальны, коварны, завистливы, алчны, стремятся узурпировать престол, плетут заговор — в общем, связь легитимности и благородства происхождения с личными качествами отпрысков здесь очевидна и является характерной чертой феодальной морали¹². Что же касается второго, то здесь наиболее яркой иллюстрацией может служить история с Эдриком Стреоной; этот высокопоставленный английский аристократ, близкий ко двору, во время решающей битвы с датчанами при Эшингдоне (1016 г.) перешёл со своими войсками на сторону датчан, что привело к поражению английской армии. Однако, после своего вступления на английский престол Кнут Великий не оправдал ожиданий Эдрика, надеявшегося на щедрое вознаграждение и милости со стороны нового монарха за свой поступок, а, наоборот, приказал казнить предателя, мотивируя этот шаг недоверием к человеку, нарушившему лояльность своему господину¹³. Подобный сюжет мы можем наблюдать в литературных произведениях самых разных народов мира¹⁴, и везде он имеет сугубо морализаторскую функцию — осуждение предательства, нарушения обязательств верности, что, по понятным причинам, особенно осуждалось в среде военной знати.

Поскольку «Панегирик» затрагивает реальные исторические события, существенно повлиявшие на судьбу не только Англии, но и скандинавских государств, вошедших в державу Кнута Великого, то неизбежно возникает вопрос — насколько достоверными можно считать сведения этого источника, автор которого изначально позиционировал цели, отличающиеся от целей хронистов? Можно ли вообще судить по нему об исторической памяти современников о данных событиях, если «Панегирик» написан даже не уроженцем Англии, а иноземным монахом, скорее всего, далёким от этих событий и их глубокого осмысления, более того — писавшим это произведение фактически по заказу датских правителей Англии с целью их прославления?

Очевидно, для ответов на эти вопросы оптимальным вариантом будет сопоставление с другими источниками. Так, например, целесообразно сравнить описание восшествия на датский престол Свена Виллобородого, будущего покорителя Англии, в разных нарративных источни-

¹² EER. P. 38-42.

¹³ EER. P. 32.

¹⁴ См., напр., схожий сюжет о наказании клятвopеступника Чингисханом: Козин. 2002. С. 98.

ках. Свен взойшёл на датский престол в конце 980-х гг., одержав верх в междоусобице с собственным отцом, Харальдом Синезубым. Поводом к ней, как сообщают скандинавские саги, стали настойчивые просьбы Свена к отцу о разделении власти с ним. Согласно немецкому хронисту Адаму Бременскому, неплохо осведомлённому о скандинавских делах, Свена выдвинула в качестве претендента на престол языческая оппозиция (по всей вероятности, военная), недовольная христианизаторской политикой Харальда Синезубого в Дании; Адам Бременский называет их «заговорщиками против христианства»¹⁵. Активную военную поддержку Свену оказали легендарные йомсвикинги — воинское братство, напоминавшее более поздние рыцарские ордена и базировавшееся, вероятно, на острове в устье Одера. Так или иначе, в сражении с флотом отца Свен был разбит, но Харальд умер от ран, поэтому престол всё равно достался Свену¹⁶. Однако, уже через год он попал в плен то ли к шведам, то ли к западным славянам (вендам), был выкуплен, затем, по легендам, несколько лет скитался по чужим землям, став в итоге викингом и проведя всю дальнейшую жизнь в заморских походах, мало уделяя внимания собственно датским делам¹⁷. Видимо, поэтому, как отмечает П. Сойер, о царствовании Свена Виллобородого известно крайне мало¹⁸. Имеются весьма противоречивые сведения об отношении Свена к христианству, на чём основываются и характеристики его личности. Адам Бременский, например, говорит об эволюции Свена от «безжалостного язычника» и «отцеубийцы» к обратившемуся христианину, даже учредившему в Дании три епископства и умершему в «христианской благодати»¹⁹. Известный британский историк Ч. Оман даёт Свену крайне отрицательную характеристику, называя его «одним из последних представителей поколения языческих королей-разбойников», «жестоким варваром», «убийцей священников» и «поджигателем церквей»²⁰, считая его ни много, ни мало лидером языческой оппозиции в Дании. Скандинавские саги предлагают более взвешенный вариант, указывая на то, что, если Харальд Синезубый насаждал в Дании христианство в обязательном порядке, то Свен, живя в основном завоевательными походами, попросту не уделял этому внимания, и поэтому в некоторых местах началось возрождение язычества, хотя христианская церковь

¹⁵ *Adam von Bremen*. 1917. P. 87.

¹⁶ *Снорри Стурлусон*. 1995. С. 119.

¹⁷ Там же; *Adam von Bremen*. 1917. P. 91.

¹⁸ *Sawyer*. 1982. P. 139.

¹⁹ *Adam von Bremen*. 1917. P. 94-95.

²⁰ *Oman*. 1938. P. 559, 574.

отнюдь не перестала функционировать²¹. Сведения же об обращении Свена в христианство ограничены упоминанием о его крещении около 976 г. Таким образом, это был скорее всё-таки языческий по духу король-воин, вроде русского Святослава, склонный к военным авантюрам за пределами родины и обычно для таких же современников участвовавший в междоусобицах, в том числе против ближайшей родни.

В «Панегирике королеве Эмме» мы видим совсем другой портрет Свена. Это абсолютно позитивный персонаж, отмеченный печатью божественной благодати уже чуть ли не с рождения; он любим народом и армией, обладает едва ли не всеми возможными добродетелями, и за это его ненавидит собственный отец, который в своей слепой злобе и зависти к популярности сына доходит до того, что вынашивает идею изгнать Свена из страны и лишить его права престолонаследия. Это вызывает возмущение в войсках, которые массово встают на сторону Свена, и в результате происходит междоусобица между отцом и сыном, в которой Харальд терпит поражение, и престол переходит к Свену. Разумеется, далее Свен характеризуется как исключительно мудрый и положительный правитель, при котором дела идут наилучшим образом²².

Не менее тенденциозно в «Панегирике» освещается мотивировка вторжения датчан в Англию. Автор указывает, что у Свена Виллобордого как будто бы спонтанно зрела идея «завоевать Англию силой оружия и добавить её к пределам своей державы»²³. Решающим импульсом, подтолкнувшим его к реализации этой идеи, якобы стало давление придворной военной элиты, которая убеждала Свена в необходимости этого, приводя ему в пример удачливого датского полководца Торкеля, уже несколько лет воевавшего в Англии и награбившего там много богатств, но в итоге перешедшего со своим войском на английскую сторону с целью комфортного поселения в Англии²⁴. Между тем, истоки англо-датской конфронтации были гораздо древнее и существеннее, чем мы видим в этом описании. С одной стороны, они лежали в не прерывавшейся уже более столетия традиции набегов викингов, обусловленных внутренним состоянием скандинавского общества и служивших своего рода средством «сброса» избыточного населения, не имевшего достаточных средств к существованию у себя на родине. Возникновение ранней государственности в Скандинавии как раз в рассматриваем-

²¹ *Снорри Стурлусон*. 1995. С. 153.

²² EER. P. 8, 10.

²³ EER. P. 10.

²⁴ *Ibidem*.

мое время отнюдь не пресекло эту традицию, а, наоборот, поставило её на совершенно новую ступень: разрозненные отряды пиратов во главе с мелкими вождями сменились многочисленными и хорошо управляемыми армиями и флотами молодых государств во главе с королями, для которых прежняя практика морских набегов была сколь обыденным, столь и престижным занятием. С другой стороны, поводом к обострению англо-датских отношений во многом послужила так называемая «резня в день св. Брайса» в Англии (1002), в ходе которой погибла сестра Свена, и это стало побудительным мотивом к кровной мести с его стороны²⁵. В свою очередь, резня была проявлением реакции Этельреда на участвовавшие набеги викингов на Англию, которые в конце X в. стали постоянно практиковать как раз такие короли-викинги, как Свен Вилобородый или Олав Трюгвасон²⁶. Обо всём этом пласте проблем автор «Панегирика королеве Эмме» умалчивает, хотя трудно представить, что человек, близкий ко двору воспеваемых им правителей, мог совершенно не знать этих подробностей.

Наконец, особый интерес представляет описание борьбы за престол после смерти Кнута Великого между двумя линиями потомков последнего от двух жён. Ситуация вокруг английского трона в немалой степени осложнялась ещё и таким фактором, как существование в эмиграции представителей старой английской (уэссекской) династии, свергнутой Кнутом, но, по всей вероятности, не оставлявшей надежд на реставрацию. В этой связи, для датских правителей всякое упоминание об этой династии было, по-видимому, крайне неудобным. Вряд ли можно объяснить иными причинами, в частности, тот факт, что в «Панегирике» практически совсем не упоминается король Англии Этельред, с которым, собственно, и вели войну Свен Вилобородый и Кнут. По меньшей мере странно, даже с точки зрения канонов эпических произведений, что имя и личность главного противника героев произведения совершенно обойдены молчанием, тогда как логичнее было бы, наоборот, представить читателю красочное описание сильного и хитрого врага, победа над которым только прибавляла бы очков прославляемым в произведении датским властителям. Между тем, английская воюющая сторона представлена в произведении довольно абстрактно и безлико, неперсонифицированно; при этом, неоднократно говорится о храбрости и воинском духе англосаксов, но, тем не менее, из их предводителей ав-

---

²⁵ Подробнее см.: Горелов. 2003.

²⁶ Горелов. 2007. С. 47-55.

тор удостаивает наибольшим вниманием разве что Эдмунда Железнобокого, да и то величает его не более чем «юношей» (*juvenis*) или «предводителем» (*princeps*)²⁷, явно не ставя его легитимность как правителя вровень с Кнутом. Тем же термином автор обозначает короля Этельреда — в единственном месте, где он хоть как-то упоминается (даже не по имени, будто речь идёт о каком-то малозначимом князьке)²⁸. Ещё более рельефно тема «умолчания» об англосаксонской династии выступает в описании брака Кнута и Эммы в 1017 г. Автор совершенно игнорирует всю предыдущую биографию Эммы, а именно — её замужество за Этельредом и наличие наследников от этого брака. Второй брак Эммы с Кнутом изображается так, будто он — первый и единственный, а невеста даже называется словом «дева» (*virgo*)²⁹. Тем самым, прежней английской династии как бы не существует; дело представлено таким образом, что завоевателю Англии Кнуту, уже наладившему мирную жизнь в королевстве и решившему все внутригосударственные проблемы, не хватает якобы лишь достойной жены, каковую он и обретает через сватовство к Эмме, словно всю жизнь подготовляемой провидением к этой роли³⁰. Также ничего не говорится о детях Эммы от Этельреда, живших в эмиграции на континенте; этих потенциальных претендентов на английский трон тоже как бы не существует — таким видится официальный пропагандистский дискурс датских правителей, озвучиваемый «Панегириком». Впрочем, косвенное упоминание о них всё-таки есть: когда у Кнута и Эммы рождается будущий наследник престола Хартакнут, родители, по словам панегириста, «отправили других своих законных сыновей в Нормандию, чтобы они росли там»³¹. Между тем, в Нормандии проживали именно потомки Эммы от первого брака с Этельредом — Альфред и Эдуард (будущий Исповедник), причём ещё с 1014 г., задолго до рождения Хартакнута, вынужденные бежать туда в связи с датским нашествием. Таким образом, автор «Панегирика» в данном случае пишет заведомую ложь с целью исключить всякое упоминание о прежней династии.

Вместе с тем, этот трюк совершенно не мешает панегиристу затем писать о событиях с участием тех самых сыновей Эммы от первого брака, а именно — о перевороте, который в 1036–1037 г. совершил сын

---

²⁷ EER. P. 22, 24.

²⁸ EER. P. 22.

²⁹ EER. P. 32.

³⁰ Ibidem.

³¹ EER. P. 34.

Кнута Великого от Эльфгифу Харальд, и в котором в качестве конкурента Харальда в борьбе за престол выступил не кто иной, как Альфред — сын Этельреда и Эммы, живший в Нормандии. «Панегирик» излагает драматичную историю коварного заговора, в ходе которого Харальд сначала завлек подложным письмом (якобы от имени Эммы) Альфреда в Англию, а потом вероломно захватил его в плен и жестоко убил³². Однако автор не объясняет сколько-нибудь внятно мотивы этого деяния Харальда, видя в них примитивную злобу и желание узурпатора запугать Эмму, которую он потом изгнал из страны. С точки зрения престолонаследия, Харальду логичнее было бы плести заговор против легитимного наследника — Хартакнута, который, впрочем, был недосягаем, пребывая в Дании. Отпрыски же Эммы из уэссекской династии имели в тот момент крайне мало шансов на английский престол, будучи, фактически, беженцами. В случае вступления в эту борьбу им пришлось бы бороться как с Хартакнутом, опиравшимся на датскую военную мощь, так и со сторонниками Харальда, засевшими в Англии, что было бы им вряд ли по силам. С учётом всего этого, напрашивается вывод, что главной целью панегириста в этом отрывке было очернение самозванца Харальда, в борьбе с партией которого на английский престол в 1040 г. и взойшёл Хартакнут — законный наследник Кнута Великого с точки зрения датской династии. История с убийством Альфреда придаёт облику Харальда крайне негативные черты — коварство, подлость, жестокость; автор даже сравнивает его с мучителями ранних христиан, описывая расправу с Альфредом и его спутниками³³. На фоне этого прибытие Хартакнута со своими сторонниками и восшествие его на престол выгодно смотрится как счастливый финал произведения, победа праведных сил над силами зла, имеющий ярко выраженный литературный характер и библейские коннотации. Между тем, «Англосаксонская хроника», например, приписывает пленение и расправу над Альфредом совершенно другому лицу — влиятельному магнату, эрлу Годвину, фактически правившему югом Англии (Уэссексом) и во многом определявшему политический расклад в стране — правда, замечает, что это деяние было в угоду Харальду³⁴.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно заключить, что «Панегирик королеве Эмме», будучи, безусловно, ярким и захватывающим литературным произведением, выставляет события в том свете, в

³² EER. P. 40-44.

³³ EER. P. 44.

³⁴ The Anglo-Saxon Chronicle, A.D. 1036. <http://omacl.org/Anglo/part4.html>.

каком хотели их видеть датские правители Англии — заказчики этого труда. «Панегирик» отражает историческую память современников — но память именно датской правящей элиты, в которую Эмма Нормандская влилась через брак с Кнутом Великим. Что же касается отношения собственно англосаксов к описываемым в «Панегирике» сюжетам — оно практически никак не отражено на его страницах. Английский народ, да и знать, по сути, выступают статистами в борьбе иноземных династий, персонифицированной в личностях героев «Панегирика» и носящей едва ли не эпический размах. Трудно не согласиться с мнением британских историков о том, что анонимный автор «Панегирика» представляет собой характерный пример наёмного писателя, чей талант красноречия призван в полной мере восхвалять своих нанимателей³⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Горелов М. М.* Датское и нормандское завоевания Англии в XI в. СПб.: Алетейя, 2007.
- Горелов М. М.* Исторический факт: резня в день святого Брайса // Диалог со временем. 2003. № 10. С. 352-357.
- Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002.
- Сага об Олаве сыне Трюгтви // *Снорри Стурлусон.* Круг земной. М.: Ладомир, 1995. С. 119-153.
- Adam von Bremen.* Hamburgische Kirchengeschichte. Hannover & Leipzig: Hahn, 1917.
- Dudo of Saint-Quentin.* History of the Normans, translated Eric Christiansen. London, Boydell, 1997.
- Encomium Emmae Reginae. L.: Camden soc., 1949.
- Gransden A.* Historical writing in England c.550 to c.1307. NY: Cornell univ. Press, 1974.
- Oman C.* England before the Norman Conquest, being a History of the Celtic, Roman and Anglo-Saxon periods down to the year AD 1066. L.: Methuen, 1938.
- Stenton F. M.* Anglo-Saxon England. Oxford: Oxford univ. Press, 1943.
- Sawyer P.* Kings & vikings: Scandinavia and Europe AD 700–1100. L.: Methuen, 1982.
- The Anglo-Saxon Chronicle, A.D. 1036. URL: <http://omacl.org/Anglo/part4.html> (время доступа 15.12.2009).

Горелов Максим Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; heldenhammer@yandex.ru.

---

³⁵ EER, Introduction. P. xxxv.

Ю. Е. БАРЛОВА

«НАДЗОР И ПРИБЫЛЬ»

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРЕНИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКТАХ ИЕРЕМИИ БЕНТАМА

В статье освещен малоизученный аспект научного творчества знаменитого мыслителя Иеремии (Джереми) Бентама — его взгляды на бедность, нищету и социальную помощь. Рекомендации Бентама по этому вопросу располагались в русле идеологии утилитаризма и теории максимации, а также его работы над проектом «Паноптикона». Бентам настаивал на моральной природе и личной обусловленности бедности, на болезненном характере социальной помощи и замене открытого призрения трудом в закрытом учреждении — под надзором и с экономической выгодой. Его построения во многом предопределили реформу законодательства о бедных 1834 г.

Ключевые слова: *Иеремиа Бентам, утилитаризм, бедность, социальное призрение, законодательство о бедных, надзор, рабочий дом, реформа 1834 г.*

Трудно представить себе историю общественно-политической мысли нового времени без фигуры знаменитого английского философа, социолога, юриста, моралиста и публициста Иеремии (Джереми) Бентама (1748–1832), одного из «отцов-основателей» идеологии либерализма и разработчика концепции утилитаризма. В огромнейшем наследии, оставленном мыслителем, можно обнаружить отклики практически на все злободневные для его времени вопросы — от вполне традиционных проблем совершенствования конституционного строя, законодательства, экономики, до вопросов, считавшихся в XVIII столетии странными и даже «неприличными» — например, об эмансипации женщин или о правах гомосексуалистов. Все эти вопросы Бентам рассматривал сквозь призму *утилитаризма* — разработанной им системы взглядов, в центре которой лежала идея *максимации*, или «возможно большей суммы счастья для возможно большего количества людей».

Традиционный стереотип в отношении идеологии Бентама, порожденный этой растиражированной формулой, заключается в априорной констатации «идеализма и человеколюбия» мыслителя в вопросах прав и свобод человека. В ряде сочинений о нем эта констатация принимает апологетический характер. Так, один из русских дореволюционных биографов Бентама, П. Я. Левенсон, называет его «мощным умом, стремившимся к улучшению участи всех людей и согретым неисчерпаемой

любовью к человечеству»¹. Однако существует и противоположная точка зрения, представленная, например, К. Марксом, который, говоря об отношении Бентама к правам индивида, характеризовал известного философа не иначе, как «гения буржуазной тупости, чья философия возбуждает почти безразличность во всяком человеке, способном глубоко мыслить и чувствовать, каковы бы ни были его убеждения»². Другой пример — знаменитая повесть-антиутопия В. Ф. Одоевского «Город без имени», опубликованная в 1839 г. в журнале «Современник» и рисовавшая неприглядную картину «бентамитского» общества, основанного исключительно на соображениях личной пользы и отвергавшего все человеческие устои — в том числе мораль, религию, право, — во имя утилитаристских принципов³.

Думается, что выработка взвешенной научной позиции по вопросу о том, насколько «человечен» был либерализм Иеремии Бентама, невозможна без анализа практически не изученного аспекта его наследия — а именно, его работ *о бедности, нищете и социальном призрении*. Этот пласт сочинений мыслителя не так известен и растиражирован, как остальные его работы, достаточно сказать, что ни одно из них не переведено на русский язык. Между тем, именно бедность стала основным предметом размышлений и теоретических построений Бентама в течение почти двух десятилетий — в 1780–90-е гг.

Историография этого аспекта мысли Бентама также не столь обширна, хотя наследие Бентама уже в XIX в. становится предметом научных исследований. В дореволюционной России работы философа рассматривались как «учебники» для юристов и законодателей. Их переводили, анализировали и комментировали ведущие ученые того времени — наиболее известны работы литературоведа А. И. Пыпина, правоведа П. Я. Левенсона⁴. В 1916 г. вышел фундаментальный труд «Бентам и его время», написанный приват-доцентом юридического факультета Петроградского университета П. Покровским и до сих пор считающийся одним из самых scrupulous исследований социокультурного контекста мысли Бентама, ее истоков, основных направлений творчества мыслителя и его последователей⁵. В том же году знаменитый социолог Питирим Сорокин написал эссе-рецензию на книгу Покровского, известное под названием «Новый труд о Бентаме». В этом

¹ Левенсон. 1893. С. 55.

² Маркс, Энгельс. Соч. Т. 23. С. 264.

³ Одоевский. 1980.

⁴ Пытин. 1869. №№ 2-4; Левенсон. 1893.

⁵ Покровский. 1916.

очерке Сорокин выразил и свое отношение к идеологии утилитаризма: с одной стороны, он восхищается юридической стороной учения Бентама, замечая, что «одних его работ по реформе права и правовых институтов было бы достаточно, чтобы причислить его к величайшим реформаторам человечества», но, с другой стороны, считает моральную философию Бентама слишком упрощенной, в силу отождествления «далеко не однородных, сплошь и рядом противоположных» понятий «удовольствие — польза — добро — счастье — выгода», «в котором и состоит первородный грех теории Бентама»⁶.

В советские годы, в силу доминирования марксистской методологии, интерес к наследию Бентама снизился, и новая волна исследований приходится уже на конец XX в. Так, в 1999 г. вышел юбилейный сборник к 250-летию философа «Наука о морали: Джереми Бентам и Россия». В этом издании были собраны статьи зарубежных и отечественных исследователей, размышлявших над такими аспектами биографии и творчества Бентама, как судьбы семейства Бентам и учение Бентама в России, парадоксы теории «наибольшего счастья наибольшего числа людей», «польза», «выгода» и «удовольствие» как категории философской аксиологии, теория наказаний и «Паноптикон»⁷.

Между тем, вопрос об отношении Бентама к бедности и социальной помощи, в качестве отдельной проблемы, в отечественной бентамистике, по сути, поставлен не был. На Западе специальных исследований на эту тему тоже практически нет. Сочинения Бентама о социальном призрении анализируются, как правило, либо в общих трудах по истории социальной политики в Британии и — отчасти — по истории политической мысли⁸, либо (преимущественно в критическом контексте) с точки зрения его отношения к институту прав и свобод человека⁹.

* * *

Все выкладки Бентама о бедности и бедных можно условно разделить на две группы. Первая — это отдельные общефилософские размышления в рамках «теории максимации», которые можно обнаружить в наиболее известных трудах Бентама — таких, как «Введение в основания нравственности и законодательства», «В защиту лихвы. Боль и наслаждение», «Принципы гражданского законодательства», «Анархические заблуждения и др. Эти размышления достойны внимания хотя

⁶ Сорокин. 1916. Вып. 5.

⁷ Философский век. 1999.

⁸ См., напр.: Jones. 1996; Hampshier-Monk. 1992.

⁹ См., напр.: Nonsense upon Stilts...; Boralevi. 1984.

бы потому, что традиционно «обходились стороной» исследователями. Вторая группа — это практически не известные у нас сочинения Бентама, непосредственно и целиком посвященные проблемам бедности, нищеты, социальной помощи: «Положение бедных и помощь им» (“Situation and the Relief of the Poor”), «Улучшенное управление пауперами» (“Pauper Management Improved”), «Замечания по поводу Билля о бедных, предложенного досточтимым Уильямом Питтом» (“Observations on the Poor Bill Introduced by the Right Honourable William Pitt”).

В своих основополагающих юридических и философских трудах Бентам упоминает категории бедности и богатства лишь вскользь. Тем не менее, всякий раз он как бы «вписывает» их в общую систему ценностных координат своей теории, предлагая ответы на вопросы о природе бедности, о моральной стороне этого явления, о мотивах, побуждающих человека помогать ближнему, и — в самых общих чертах — о праве нуждающегося на частную или государственную помощь.

Бедность для Бентама (как, впрочем, и для большинства его современников) — категория *моральная*. Природа ее двояка: с одной стороны, бедность вызвана «отрицательными» обстоятельствами или чертами характера человека — будь то возраст, неспособность работать или найти работу, или же моральный упадок, лень и паразитизм, «неприученность» к труду. Эти факторы ведут к тому, что человек попадает в нужду. Но, с другой стороны, сама нужда оценивалась Бентамом как нечто *позитивное*, как некий необходимый стимул, побуждающий человека трудиться, «вселяющий энергию, предусмотрительность, способности»¹⁰.

Такое понимание бедности обуславливало специфическое отношение философа к *помощи* нуждающимся и к *социальному призрению*. Все поступки человека, как считал он, определяются двумя основными стремлениями: получить удовольствие и избежать боли. Одно из наиболее «сильных» удовольствий, поставленных Бентамом на второе место после чувственных наслаждений, — это удовольствие от богатства. Бедность же, напротив, приносит боль. Однако первый же тезис, выводимый из этого мыслителем, заключался в *ненужности щедрости* в отношении бедных: «Каждая последующая сумма денег, пожалованная человеку, увеличивает его удовольствие уже в меньшей степени, чем предыдущая <...> Ценность 10 фунтов для паупера намного выше, чем для вполне обеспеченного человека, потеря же 10 фунтов для него ощущимее, чем потеря этой суммы миллионером <...> Итак, чем беднее по-

---

¹⁰ Покровский. 1916. С. 369-372.

лучатель определенной суммы денег, тем выше польза этой суммы для него, <...> то есть нет прямой линейной зависимости между объемом помощи бедняку и его удовольствием»¹¹. Стремление человека избегать боли, по мнению Бентама, требует, парадоксальным образом, чтобы помощь бедным была *болезненной*: стремясь избежать боли, они начнут самостоятельно стремиться к «удовольствию от богатства», т.е. выбираться из нищеты. Это «вернет им достоинство» и «увеличит тем самым их удовольствие, как и удовольствие остальной части человечества»¹².

Таким образом, мотивами призрения бедных, как писал Бентам в своей работе «Теория законодательства», ни в коем случае не должны служить «жалость, моральный долг или же «право» кого-либо на помощь». Помощь нуждающимся должна быть обусловлена лишь «полезностью, поддержанием стабильности и безопасности», а также «поддержанием спокойствия самих бедных»¹³. Понятие «права» бедного на помощь Бентам, будучи идеологом «классического» либерализма, считал не чем иным, как одним из «анархических заблуждений». В одноименном труде («Anarchial Fallacies») он связывал политические и социальные права с «эгоистическими страстями», «ограничение и дисциплинирование» которых — одна из основных задач государства¹⁴. Единственный вид прав человека, который он признавал и защищал, — это право на личную свободу и самостоятельный выбор жизненного пути. Бедняк, таким образом, имеет право жить так, как он сочтет нужным, но только в том случае, если его выбор будет осуществляться собственными усилиями. Поэтому помощь нуждающимся ни в коем случае не должна рассматриваться как реализация некоего «абсолютного права» на призрение. Вместо «провозглашения права» должны быть «четко указаны пути, средства и пределы» оказания помощи¹⁵.

Анализ общефилософских рассуждений Бентама о бедности выявляет, таким образом, четко очерченную позицию мыслителя по данному вопросу, которая может быть сведена к следующим тезисам:

- бедность — категория моральная и лично обусловленная (человек сам виноват в том, что попал в нужду);
- чтобы «максимизировать общую сумму счастья максимального числа людей», включая самих бедных, бедность необходимо

¹¹ *Hampshier Monk*. 1992. P. 324.

¹² *Jones*. 1993. P. 10-11.

¹³ *Boralevi*. 1984. P. 99.

¹⁴ *Hampshier Monk*. Op. cit. P. 533-534.

¹⁵ *Покровский*. 1916. С. 372.

рассмотреть не как социальное зло, которое надо устранять, а как на неизбежное и даже позитивное явление, из которого можно извлечь пользу при «должном» поведении как бедных, так и тех, кто им помогает;

- помощь нуждающимся должна определяться пользой и сохранением социальной стабильности, а не жалостью или состраданием;
- помощь бедным не должна быть щедрой; она должна носить болезненный характер — это увеличит «общую сумму счастья» людей.

Несмотря на абстрактный и обобщенный характер «ранних» выкладок Бентама о бедности, они были логически вписаны в идеологию утилитаризма и «теорию максимации». В свою очередь, истоки последних следует искать, в том числе, в ценностной системе *пуританизма*, определявшей особенности культуры современной Бентаму Англии. Нормы и ценности «пуританской» этики — трезвость, трудолюбие, бережливость, преуспевание в делах как свидетельство богоизбранности, — перекликались с идеей *личной ответственности человека за свое материальное положение*, так как, словами М. Вебера, пуританизм «способствовал установлению буржуазного, *рационального с экономической точки зрения* образа жизни»¹⁶. Получалось, что социальная помощь противоречила такому образу жизни, «расслабляла» бедных и подрывала личную ответственность, бережливость и дисциплинированность.

По меткому замечанию И. Хемпшир-Монка, рассуждения Бентама «имели далеко идущие последствия в практической социальной политике»¹⁷. Именно вокруг них Бентам выстраивал свои практические рекомендации по реформированию системы социальной помощи, когда вплотную занялся проблемой бедности во второй половине 1790-х гг.

В то время он находился в Российской империи, в местечке Кричев под Могилевом, куда приехал по приглашению своего брата — инженера Самуэля Бентама, служившего у Григория Потемкина. В Кричеве Бентам много писал, и именно там из-под его пера вышли три фундаментальных сочинения о бедности и социальном призрении. Одно из них — трактат «Управление бедными» (“Management of the Poor”) — было издано в Дублине в 1796 г. Почти сразу после опубликования Бентам внес в него незначительные изменения, в результате чего увидел свет более известный труд «Улучшенное управление пауперами». Од-

¹⁶ См.: Вебер. 2003. С. 272-292.

¹⁷ *Hampshier-Monk*. Op. cit. P. 324.

новременно он пишет «Положение бедных и помощь им» и обширный комментарий-памфлет на законодательную инициативу английского премьер-министра Уильяма Питта-младшего — «Замечания по поводу Билля о бедных, предложенного досточтимым Уильямом Питтом».

Чем можно объяснить такой интерес и такую «плодовитость» Бентама в течение довольно короткого периода времени (известно, что после 1800 года он вообще перестал интересоваться проблемой бедности)? Скорее всего, тем, что в последней четверти XVIII в. в британских политических кругах заговорили о «резком обострении проблем нищеты и безработицы», что вылилось в масштабные публичные дебаты о бедности. Под «обострением», правда, имелось в виду не столько ухудшение экономического положения бедняков, сколько неудобства, возникающие у тех общественных слоев, которые платили традиционный для Британии налог в пользу бедных. Вследствие роста безработицы, повышения цен на продовольствие, падения заработных плат, а также войн с Францией, налоги на бедных во многих графствах выросли, что было невыгодно не только состоятельным лендлордам, но и фермерам средней руки и простым прихожанам. В итоге в центре дебатов оказался вопрос о реформе всей «старой системы» общественного призрения (т.н. «Елизаветинского законодательства о бедных»), основанной на принципе помощи нуждающимся и неимущим за счет обязательных налоговых отчислений. Поэтому сочинения Бентама, который никогда не оставался в стороне от злободневных вопросов своего времени и мнение которого британская политическая элита, безусловно, уважала, следует рассматривать как его «заочное» участие в этих дебатах.

Работа «Положение бедных и помощь им» (1797) по своему стилю напоминала, скорее, многословные философские размышления о природе бедности, о ее причинах¹⁸. Здесь Бентам углубляет трактовку понятия «бедность», предлагая разделять собственно «бедность» (poverty) и «крайнюю нужду» (indigence). Бедность — это естественная судьба многих, состояние каждого, кто вынужден прибегать к труду, чтобы добыть средства к существованию. Поэтому «вылечить» ее нельзя. Крайняя же нужда — это когда, будучи бедным, человек или не способен к труду, или не в силах обеспечить себя средствами, в которых нуждается. Это «самое печальное общественное явление, зло, способное принимать ужасные формы», поэтому его «лечить» надо¹⁹.

¹⁸ Интересно, что сам Бентам в письме издателю отмечал, что «это, безусловно, утопия, романс — но как это может быть чем-то иным? <...> Это ведь ни что иное, как теория, размышления». *The Works of Jeremy Bentham... P. 359.*

¹⁹ *Boralevi. Op. cit. P. 99.*

Учитывая, что в предыдущих сочинениях философ вообще отказывался сострадать попавшим в нужду, эта мысль на первый взгляд может показаться новаторской. Однако на самом деле она так же четко вписывалась в утилитаристскую концепцию, выделявшую в качестве столпов общественного устройства понятия «безопасность» и «равенство». Когда эти понятия «приходят в конфликт», — писал Бентам ранее, — приоритет должен отдаваться именно *безопасности*, равенство же — это “опасная химера”. К равенству может привести помощь бедным, а призрение тех, кто оказался в крайней нужде — лишь поддержит безопасность общества, — следовательно, последнее *в большей мере отвечает соображениям полезности*²⁰. В работе «Положение бедных и помощь им» Бентам как бы «совершенствует» свое понимание причин бедности, делая это посредством тщательнейшей, занимающей порядка 10 страниц, «классификации пауперов». Каждая выделенная им «группа» бедняков соответствовала определенной причине, по которой человек оказался в нужде. Так, нуждающиеся подразделяются на:

- «инвалидов»;
- «потерявших работу», в том числе «потерявших работу *из-за вредности характера*» (в качестве «подгрупп» здесь выступают «воры», «бродяги», «дезертиры», «цыгане», «проститутки»);
- «потерявших собственность» («погорельцы», «жертвы обстоятельств», «жертвы собственной беспечности или азарта», «потерпевшие или виновники по суду»); и т.д.

В классификацию нуждающихся Бентам включает также «идиотов», коих подразделяет на «абсолютных идиотов», «дураков и слабоумных», «лунатиков» и «меланхоликов»²¹.

Категории бедняков он именует «руки» (hands). Помимо вышперечисленных групп, Бентам выделяет «потенциальные руки», «ленивые руки», «иноземные руки». Думается, что, используя такое слово, автор акцентировал внимание читателя на том, что нуждающихся следует рассматривать как *потенциальный производственный ресурс*. Где и как этот ресурс использовать, он подробно поясняет в следующих двух работах.

Труды «Управление бедными» и «Улучшенное управление пауперами», в сущности, идентичны, поэтому рассмотрим их в совокупности, как единое целое. Замысел Бентама, по его же словам, сводился к выработке «плана по сооружению учреждения, где указанные группы населения находились бы под *надзором (Inspection)*» (курсив Бентама —

²⁰ Ibidem.

²¹ The Works of Jeremy Bentham... P. 362-363.

Ю. Б.). Бентам планировал учредить по всей Англии 200–250 «домов трудолюбия» (“industry houses”), в каждом из которых могло содержаться до двух тысяч нуждающихся, и которые объединяли бы в себе функции тюрем, домов призрения, больниц и сумасшедших домов²².

Надзор Бентам считал необходимым, во-первых, для «искоренения нищенства» путем «оправданного и необходимого» *принуждения*. Он, в частности, писал, что «терпимость к нищим раздражает его», и «даже если в других странах иные, НЕ основанные на принуждении, меры и имели успех, то это ни в коем случае не должно смущать законодателей Англии»²³. Аргументы его основывались на понимании бедности как моральной категории: «Только тот, кто окончательно пал, избирает путь паупера, живущего за счет дотаций», «продолжая пребывать в бездействии и лени». Поэтому, как только бедняк начинает уповать на дотации, он становится преступником: «привычка жить без источника дохода — это привычный грабеж». Меры, предлагаемые Бентамом для решения проблемы, суровы: установить вознаграждение за поимку нищего, а также допрашивать тех, кто «подозревается в попрошайничестве», на предмет наличия «честного источника дохода» — и, если «ответ неудовлетворительный», принудительно отправлять их в рабочий дом²⁴.

Для должного осуществления надзора Бентам предлагал руководствоваться принципом «разделения и перегруппировки» нуждающихся, попавших в систему «закрытого призрения», дабы «сберечь здоровых от заразы, мораль от греха, подозреваемых в порочности от не подозреваемых, класс от класса», а также, «для благопристойности», «пол от пола»²⁵. Меры по реализации этого принципа следующие. Во-первых, забирать нищих семьями, но в «доме трудолюбия» семьи разлучать²⁶. Во-вторых, использовать возможность перемещения пауперов из одного рабочего дома в другой (более близкий к месту проживания или содержания родственников) как стимул к «хорошему поведению и продуктивной работе»²⁷. В-третьих, избегать групповой работы в самом рабочем доме (чем меньше группа, занимающаяся в одно время одним делом, тем лучше). Наконец, целям надзора должна была служить и униформа: «если солдаты носят униформу, то почему бы ее не носить пауперам?»²⁸.

---

²² *Bentham*. 1796. P. I-II.

²³ *The Works of Jeremy Bentham*... P. 401-403.

²⁴ *Ibidem*.

²⁵ *Bentham*. 1796. P. 6-8.

²⁶ *The Works of Jeremy Bentham*... P. 372-373.

²⁷ *Ibid.* P. 378.

²⁸ *Ibidem*.

Контроль и надзор, таким образом, — это лучшее, что можно придумать «для блага низших классов (в другом месте он употребляет выражение «постыдные классы» — Ю. Б.), то есть весомой доли нашего населения». Он укрепит мораль «плохих подмастерьев, плохих детей, плохих жен», убережет хороших жен «от домашнего насилия» со стороны «плохих мужей», изолирует от общества «проституток и недружелюбных женщин» в «период опасного возраста», и т.п.²⁹ Кроме того, контроль поможет распространению в работном доме «нужных знаний» и «нужной пропаганды» среди низших классов. Бентам писал, что различие между уровнем образования богатых и бедных ведет к тому, что «поведение бедных зависит от постоянного воздействия на их мозги пластичной властью», которая позволяет «моделировать» их поведение. Такой контроль над сознанием паупера, необходимо вести «с самого его рождения», чтобы уменьшить потенциальную опасность от «обременительной части бедных слоев для остальной части общества»³⁰.

Итак, знак равенства между попавшим в нужду и преступником — отправная точка для построения всей системы помощи бедным. В работе «Улучшенное управление пауперами» Бентам прогнозирует: «Тюрьмы как таковые отомрут, так как их функции — строгий надзор — будут выполняться домом трудолюбия, у которого к этому времени будут и иные преимущества <...> *И не нужны будут ни Говарды, ни Питты*»³¹.

Помимо надзора, провозглашалась и другая цель призрения бедных — *экономическая выгода* от труда последних. Цель эта вполне отвечала идеологии утилитаризма: «оказывать трудовую помощь, пока доход от труда призреваемых не компенсирует затраты на их призрение»³². Для осуществления этой цели Бентам разработал, во-первых, принцип «наибольшей занятости» для обитателей дома трудолюбия: «Всё, движение пальца, шаг, моргание глаза, шепот, — должно учитываться при обеспечении выгоды системы»; «даже если человек слепой, он может быть способен, сидя в своей кровати, вязать или наматывать

²⁹ Ibid. P. 379.

³⁰ Ibid. P. 395.

³¹ Ibid. P. 397. Последнее утверждение Бентама очень показательно с точки зрения выявления нравственной позиции философа в отношении нуждающихся. Упомянутый Джон Говард — видный английский филантроп XVIII в., боровшийся за улучшение положения заключенных в тюрьмах, больницах и домах призрения. Премьер-министр У. Питт предложил Билль о дополнительных государственных дотациях неимущим, критике которого Бентам посвятил отдельную работу. «Объединив» эти две фигуры, Бентам четко противопоставил свою позицию той, что была основана на симпатии к нуждающимся.

³² Ibid. P. 430.

нити». Иными словами, физические ресурсы помещаемых в работный дом людей философ предлагал использовать «на полную мощность»³³. Второй принцип, связанный с первым, — это «принцип рационализации труда». Бентам предлагал «не давать мужчине ту работу, которую может делать женщина», пока в работном доме остаются свободные женские руки, — и, соответственно, не давать женщине работу, которую может сделать подросток, пока есть свободные «детские руки»³⁴.

Экономической окупаемости дома трудолюбия, как считал мыслитель, должно было способствовать всё, что повышает производительность труда: сдельная оплата труда пауперов, поощрение их к соревновательности (например, за счет дополнительного куска масла или сыра в меню), принципы «сначала заработай» и «освободи себя сам» (помощь оказывается *только* при помещении в работный дом, и ее *надо* отработать)³⁵. Расходы же на содержание бедняков в работном доме Бентам предлагал свести к минимуму. Так, он скрупулезно прописывал возможности сэкономить на питании, на которое «уходило 2/3 общих расходов». Для новичков предполагалась диета «скуднее, чем для старожилов», еда должна была быть «самой дешевой с точки зрения качества», и при этом надо было «экспериментировать с наиболее подходящим количеством»³⁶. Нормой в работном доме должен был стать «принцип абсолютной трезвости», исключающий спиртное в любом виде. Выдаваемая одежда также должна была быть самой дешевой. Главное ее назначение — «минимально согреть», поэтому «следует исключить все ненужные детали — карманы, манжеты, обшлага, поля у шляп»; обувь тоже должна быть максимально экономичной — этому требованию отвечают деревянные башмаки-клоги³⁷. Бентам предлагал не указывать размер жалованья в агитационных листовках, приглашающих нуждающихся в дом трудолюбия, «чтобы потом была возможность платить меньше». Более того, он даже не исключал целесообразности сбора «небольших вступительных взносов» с поступающих в дома трудолюбия, чтобы отсеять антисоциальных паразитов от тех, кто действительно хочет «исправиться» и получить трудовую помощь.

Значительная часть проекта Бентама была посвящена т.н. «*содействию в бережливости*» — то есть возможности оказания нуждающемуся денежной помощи, основанной на системе *займов и вкладов*. Эта

---

³³ Ibid. P. 384.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid. P. 385.

³⁶ Ibid. P. 387.

³⁷ Ibid. P. 388.

система, во-первых, включала «помощь во временной нужде» тем беднякам, которые были в состоянии обеспечить себя и «встать на ноги за счет трудолюбия»: им, по решению приходского совета и одобрения капеллана, Бентам предлагал выдавать займы по низкой ставке (6%). Именно займы, а не дотации, он считал «истинной ветвью милосердия», выступая тем самым против любой безвозмездной помощи³⁸.

Весомое место в системе «содействия бережливости» занимали сберегательные кассы (“Frugality banks”). Их Бентам противопоставлял набиравшей в Англии популярность идее «дружественных обществ» (“Friendly societies”). Отличие сберкасс Бентама от «дружественных обществ» заключалось в том, что последние функционировали за счет добровольных взносов вступающих в них бедняков: в случае необходимости любой из членов такого общества мог воспользоваться определенной суммой из общего фонда. Такой подход Бентам называл «неадекватным»; вместо этого он предлагал беднякам вносить вклады в банк, принадлежащий акционерной компании, которая будет руководить новой системой рабочих домов. Банк имел бы отделения — сберкассы — по всей стране, в них «малообеспеченные слои» хранили бы заработки и ежемесячно вносили бы туда вклады, которыми, в свою очередь, можно было бы воспользоваться при возникновении «страхового случая». Так, вкладчик мог вносить средства, чтобы в случае женитьбы было на что сыграть свадьбу и начать семейную жизнь, чтобы в случае его смерти жена получала аннуитет, или чтобы дети получали ежегодное пособие вплоть до совершеннолетия. Вкладчик мог также рассчитывать на кредит «на доказанные нужды»³⁹. Кроме того, в сберегательную кассу «за содействием» — то есть займом — мог обратиться любой «честный» бедняк, которого постигло неожиданное несчастье — потеря работы, болезнь, неожиданные расходы на похороны родственника, и т.п. Исключение, по мнению Бентама, должны были составлять вдовы, которым помогать «нельзя ни в коем случае» — вплоть до увольнения их самих по старости. Он считал, что в случае смерти кормильца семьи займы можно давать лишь детям, да и то не во всех случаях и при соблюдении определенных условий (например, ученичество и работа ребенка в доме трудолюбия вплоть до совершеннолетия)⁴⁰.

Таким образом, в своих построениях относительно помощи нуждающимся, изложенных в работах «Положение бедных и помощь им»,

---

³⁸ Ibid. P. 380.

³⁹ Ibid. P. 407-414.

⁴⁰ Ibidem.

«Управление бедными» и «Улучшенное управление пауперами», Иеремия Бентам продолжал четко следовать принципам, которые он ранее провозглашал в своих общеполитических трудах. Именно *надзор* был поставлен им в основу системы призрения бедных, рассматривавшихся как часть пестрой толпы преступников, маргиналов, безумцев и нарушителей порядка, которых необходимо изолировать от остального «добропорядочного» сообщества. Позднее Мишель Фуко назовет такой подход компонентом «намеренной политики «интернализации» (изоляции) бедных⁴¹. Презумпция порочности природы бедняка предполагала суровый, «исправляющий» характер помощи и надзор *в закрытом учреждении*. Утилитаристский подход определял *возмездный* характер помощи, основанной на займах и принудительных отработках, и стремление извлечь *экономическую выгоду* из труда пауперов. Соответственно, лучшее средство социальной помощи для Бентама — это заключение бедняка в «дом трудолюбия», которое, соответственно, должно быть «недорогим (для работного дома — Ю. Б.) и исправляющим (для бедняка — Ю. Б.)». Может быть, понимая, что с точки зрения общечеловеческих ценностей выстроенная им система могла выглядеть жесткой, Бентам посвятил отдельный раздел «удобствам», которые получали бы от нее бедные. Это «здоровье, продление жизни, защита от нужды, трудоустройство и ночлег, защита от пристаивания других пауперов и угнетения чиновников, просветленное сознание, освещенное религиозными надеждами, чистота и медицинская помощь, безопасность, образование», и многое другое. Свою систему он называет «истинным милосердием», противопоставляя его, в духе утилитаризма, «фальшивому милосердию, архи-врагу *не столько удобства, сколько экономии*»⁴².

Идея «дома трудолюбия» как идеального учреждения для закрытого призрения бедняков и варианта социальной помощи, более выигрышного, чем помощь на дому или государственные дотации, развивалась Бентамом в его многолетней работе над проектом архитектурного сооружения, облегчавшего надзор за заключенными в нем людьми, — так называемого «Паноптикона», или «Всевидящего места». Там же, в России, одновременно с работами о бедности, Бентам пишет один из самых знаменитых своих трудов — “Panopticon, or the Inspection House” («Паноптикон, или Дом Надзора»). Сама идея Паноптикона была подсказана ему братом, который, по желанию Потемкина, проектировал громадную фабрично-ремесленную фланстеру на две тысячи человек

⁴¹ См.: Фуко. 1997.

⁴² The Works of Jeremy Bentham... P. 430-434.

всех возрастов, подчиненную принципу центрального надзора. Однако русско-турецкая война помешала осуществлению проекта Самуила Бентама, и Иеремия Бентам решил реализовать его в Англии, модернизировав и подчинив несколько иным целям.

Согласно изначальному замыслу, Паноптикон представлял собой кольцообразное здание, разделенное на камеры-кельи. В каждой камере было два окна — одно выходило наружу, другое — вовнутрь, тем самым каждое маленькое помещение как бы насквозь пронизывал свет. В центре сооружения находилась наблюдательная башня с окнами, выходящими во внутренний двор. Таким образом, каждый обитатель этого заведения мог быть постоянно обозреваем из этой башни, но при этом невозможно было определить, следят за тобой в данный момент или нет. М. Фуко в знаменитой работе «Надирать и наказывать: рождение тюрьмы» называл Паноптикон Бентама «дисциплинарным проектом нового времени, воплощённым в архитектуре», новой политической технологией, основанной на принципе «абсолютной видимости, превращённой в ловушку»⁴³. Архитектура Паноптикона делала власть «непроверяемой», а камеры здания — «маленькими театрами, в каждом из которых был изолирован актер, отлично опознаваемый и постоянно видимый»⁴⁴.

Безусловно, Бентам считал свой Паноптикон разновидностью тюрьмы, однако тюрьмы «многоцелевой», предназначенной для разных социальных групп, включая не только преступников, но и сумасшедших, больных, школьников, рабочих. Он рассматривал свое детище как некую лабораторию для моделирования поведения, тренировки и коррекции личности. При этом особую выгоду от такого учреждения он видел именно в перевоспитании и «приучении к труду» бедных — «нищих и ленивцев», которые, в духе времени, были поставлены в один ряд с иными социально-беспольными и нарушающими общественное спокойствие элементами. Он, в частности, писал, что «гордиев узел Законов о бедных будет не разрублен, но развязан — и все это с помощью простой архитектурной идеи!»⁴⁵.

Если рассматривать «Управление бедными» и «Улучшенное управление пауперами» вкупе с созданным в то же время трудом «Паноптикон, или Дом Надзора», то становится совершенно очевидным, что рекламируемые «дома трудолюбия» для бедных и знаменитый Паноптикон — это, в теоретических построениях Бентама, одно и то же.

---

⁴³ Foucault. 1977. P. 199.

⁴⁴ Ibid. P. 200.

⁴⁵ Ibid. P. 207.

Свою идею Бентам начал реализовывать после смерти отца, оставившего ему хорошее наследство. С 1794 г., заключив контракт с правительством, он начал строительство Паноптикона практически в центре Лондона — на том месте, где сейчас находится галерея Тэйт. Однако парламентская комиссия 1811 г. «зарубила» постройку, компенсировав Бентаму часть израсходованных денег; в итоге в 1812 г. здание было достроено, но в несколько измененном виде, и в 1816 г. открыто как знаменитая лондонская тюрьма Мильбанк, просуществовавшая до конца XIX века. В туристическом справочнике о Лондоне 1850 года Мильбанк был охарактеризован следующим образом: «тюрьма была сконструирована в соответствии с дизайном Джереми Бентама, которому было передано безусловное право собственности на землю под строительство; говорят, что строительство обошлось в громадную сумму в полмиллиона фунтов стерлингов. Внешние стены формируют неправильный восьмиугольник, <...> общий план напоминает колесо, в центре которого находится управляющий, от башни которого отходят шесть лучей, заканчивающихся также башнями <...> В тюрьму помещаются этаплируемые в Австралию преступники, до исполнения приговора, на предварительное заключение. Приговор может быть скорректирован после наблюдения инспекторов за поведением заключенных»⁴⁶.

Несмотря на то, что тюрьма Мильбанк была заложена по его проекту и внешне очень напоминала Паноптикон, Бентам считал, что его гениальная идея потерпела полное поражение. Неизвестно, что было главной причиной разочарования философа. Проект был изменен, и заканчивали Мильбанк другие люди. В окончательном проектировании принимал участие упоминавшийся выше филантроп Джон Говард — оппонент Бентама, всегда выступавший против «смешивания в одну кучу» бедняков, безработных, преступников и умалишенных. После своих многочисленных посещений рабочих домов, больниц и тюрем в разных странах Говард, в частности, неоднократно высказывал «возмущение зрелищем того, что под одной крышей находятся уголовные преступники, юноши, нарушавшие покой в своей семье или проматывавшие ее состояние, просто подозрительные личности и умалишенные». Мильбанк, следовательно, был закончен именно как тюрьма — то есть место содержания одной определенной категории населения — уголовных преступников, — а не широкого круга «отбросов», включая бедняков, чей труд мог приносить прибыль. То есть из «грандиозного замысла» Паноптикона был оставлен лишь один его элемент — *надзор*, второй же эле-

---

⁴⁶ A Handbook of London...

мент — *труд* как средство перевоспитания и получения прибыли — был утрачен. Бентам был очень огорчен: «Какая жалость — в этом учреждении надзор был бы такой простой, удобный, непрерывный!»⁴⁷.

В работах Бентама о бедности и социальном призрении особняком стоит одно сочинение, посвященное не собственным теоретическим построениям, а целиком и полностью критике оппонента. Этим оппонентом был премьер-министр Англии, знаменитый политический деятель Уильям Питт-младший. В 1797 г. Питт предложил в парламент свой проект билля о помощи бедным. Суть его сводилась к установлению неких обязательных норм заработной платы для малообеспеченных слоев в кризисные периоды. Если, предлагал Питт, в годы кризиса или неурожая работодатель не может платить прежнюю заработную плату своим работникам, то он имеет право снизить ее до установленного законом минимума, но при этом разница с прежним уровнем заработка доплачивалась бы работнику из средств, собранных в виде налогов. Питт указывал, что в каждом отдельном случае такое решение должно приниматься приходскими властями под контролем судей. Кроме этого, билль предполагал отдельный вид помощи многодетным семьям бедняков — дотации из государственной казны на содержание детей или иные оговоренные нужды, которые позволили бы семье содержать себя в дальнейшем (например, на покупку коровы). Основной «посыл» законодательной инициативы Питта, таким образом, заключался в том, чтобы максимально поддержать институт «открытого» — то есть *без* обязательного помещения в работный дом — призрения. В условиях, когда социальная напряженность в стране усиливалась (Англия находилась в состоянии войны с революционной Францией, и в стране наблюдался взлет радикализма, выливающийся в периодические народные восстания), предложенные Питтом меры, направленные на государственную поддержку уязвимых слоев, можно было считать действительно *социальными*, а следовательно, способствовавшими сохранению общественного спокойствия и предотвращению социальных взрывов.

Бентам, между тем, обрушился на предложение Питта с гневной критикой, расположившейся на 50 страницах текста под названием «Замечания по поводу Билля о бедных, предложенного досточтимым Уильямом Питтом». В заключительной части этого текста автор даже выражал сожаление, что «страниц получилось так мало, по причине дефицита времени»⁴⁸. Контраргументы Бентама можно условно разделить

⁴⁷ Цит. по: *Левенсон*. Указ. соч. С. 73.

⁴⁸ *The Works of Jeremy Bentham*... P. 440.

на несколько направлений. Первое направление — это критика идеи обязательного минимума заработной платы. «А если, — задается вопросом Бентам, — чей-то труд *по факту стоит меньше* установленной планки — например, труд инвалида, неквалифицированного разнорабочего и т.п.?» Таких работников, считает он, билль попросту лишает работы: «иногда есть разница между наивысшей суммой, которой рабочий *достоин*, и наименьшим жалованьем, которое работодатель *готов* ему платить... то есть, если последний и заплатит 9 шиллингов тому, чей труд не стоит выше 7-8 шиллингов, то вряд ли он будет платить этот минимум тому, чей труд не стоит больше 3-4 шиллингов!»⁴⁹.

Вторая часть контраргументов касалась идеи компенсации пониженного жалования за счет налогов. Бентам считал, что эта мера лишь «усилит лень и праздность», и протестовал против самого принципа «удовлетворения индивидуальной нужды за счет общественного кармана» (то есть, заметим, против самой системы *общественного призрения* как таковой), так как это «питает леность за общественный счет»⁵⁰. «Донациями такого рода, — пишет он, — вы вытаскиваете нескольких избранных индивидов из класса бедняков и помещаете их в класс людей легких обстоятельств. Но это — монашеская благотворительность в огромном масштабе, которая разбрасывается тушами говядины вместо того, чтобы накормить большое количество людей бульоном, <...> она губительна в своих последствиях, так как, облегчая сегодняшние беды, сеет семена будущих»⁵¹.

«Щедрость» премьер-министра Питта по отношению к бедным противоречила основному постулату Бентама о недопустимости щедрости в социальной помощи. «Автора билля, — пишет он, — по-видимому, вдохновил часто рисуемый сегодня меланхоличный образ несчастной трудолюбивой семьи, волею обстоятельств попавшей в состояние «тюремного» заключения, от которого даже небольшая помощь, оказанная им вовремя, могла бы их спасти; в состоянии зависимости от случайного милосердия и бесчестия *обычного* (выделено мною — Ю. Б.) дома призрения — «заходи и откажись от всего или останься снаружи и умри с голода»⁵². «Сочувствие, — продолжает Бентам, — похвально, и для чувствительного сердца оно неизбежно. Но

⁴⁹ Ibid. P. 449.

⁵⁰ Цит. по: *Покровский*. Указ. соч. С. 375.

⁵¹ The Works of Jeremy Bentham... P. 442-443.

⁵² Ibidem. Здесь Бентам, по-видимому, противопоставляет этот «обычный» дом призрения своему Паноптику — «дому трудолюбия».

одно дело — сострадание, и другое, более сложное дело — помощь; первое можно дарить всегда и в любом объеме; второе дарить нельзя, и тем более за счет общества... Мы сочувствуем Дарию, сочувствуем Лире, но дарить королевства — не во власти приходов. Чтобы уничтожить не только нужду, но и зависимость, надо бороться не только с несчастьями людей, но и с их непредусмотрительностью»⁵³.

Наконец, третья и последняя часть «Замечаний по поводу Билля о бедных...» была направлена против помощи многодетным семьям, которые, с уверенностью прогнозировал Бентам, в случае принятия питтова предложения начнут «смотреть на деторождение как на источник прибыли». Он опасался, что пособие «будет выплачиваться вплоть до того, как ребенок *будет* себя обеспечивать, а не до того, когда он *будет способен* это делать», — намекая, опять же, на возможные злоупотребления со стороны бедняков⁵⁴. Особенно же его возмутило предложение премьер-министра давать нуждающимся семьям «целевую» денежную дотацию на покупку коровы. «Если предыдущие разделы, — писал он, — лишь отворачивали кран, то раздел о корове и деньгах — открывает бездонную дыру»⁵⁵. Поясняет он свою метафору так: «если корова сдохнет, или ее украдут, или будет заявлено, что она украдена <...> надо, значит, заменить исчезнувшую корову второй, а затем, в случае повторения пропажи или смерти коровы, — третьей. Конечно, частые несчастья с коровами должны вызвать подозрение в честности бедняка, но <...> если действовать по подозрению, можно обречь на голодную смерть вполне честную семью»⁵⁶. Иными словами, Бентам предлагает вообще не поднимать вопрос о дотациях — как «честным» семьям, так и «нечестным», — чтобы потом не мучиться подозрениями в злоупотреблениях.

Подводя итог, Бентам пишет, что его основная претензия к биллю Питта-младшего — «нечеткость и некомпетентность» законодательных формулировок, «делающие неясным, какие именно категории населения попадают под действие билля или выигрывают от него». Он как бы «напоминает» премьер-министру, что «законы — это инструменты, а плохими инструментами ничего хорошего не создашь». Однако думается, что этот вывод — лишь прикрытие истинных причин возмущения Бентама законодательной инициативой премьера, проходящих красной нитью по всему тексту «Замечаний». Показательным является, например,

---

⁵³ Ibid. P. 444.

⁵⁴ Ibid. P. 442.

⁵⁵ Ibid. P. 446.

⁵⁶ Покровский. Указ. соч. С. 378.

обвинение Питта в том, что он борется с проявлениями нужды, тогда как надо бороться с причинами последней — а это, с точки зрения Бентама, «лень, расточительность, надежда на благотворительность и нежелание трудиться»⁵⁷. Кроме того, в работе Бентама силен «мальтузианский» акцент на «излишнее размножение» бедных как корень всех бед и изначальная презумпция виновности бедняка в его положении вследствие моральных пороков — нечестности и нежелания трудиться.

Пафос «Замечаний», таким образом, вполне объясним. Во-первых, инициатива Питта располагалась в русле «старого законодательства о бедных». Иными словами, Питт априорно отталкивался от идеи *ответственности* государства и общества за тех, кто оказался не в состоянии обеспечить себя. Это прямо противоречило установке Бентама на критику системы обязательного государственного призрения бедных. Во-вторых, принятие предложения Питта могло усилить институт «*открытого*» призрения и избавить многих бедняков от насильственного помещения в закрытое учреждение типа работного дома; Бентам же, напротив, был поглощен идеей «*закрытия*» нуждающихся в Паноптиконе — ведь именно в нем, по его замыслу, «моральные пороки» бедняков подлежали бы исправлению посредством «помощи-наказания».

Показательно, что 11 февраля 1800 года, через три года после выдвижения билля, Питт-младший в своей парламентской речи заявил, что «снимает свой проект, который он до сих пор находил хорошим, из почтения к мнению тех, чьи мнения он должен уважать — то есть господина Бентама и господина Мальтуса»⁵⁸. Влияние Бентама на провал предложения Питта косвенно подтверждается и словами Джона Боуринга, редактора и издателя первого полного собрания сочинений Бентама: «находясь в тесном контакте с влиятельными людьми в парламенте, <...> он [Бентам] внес мощный вклад в провал этого предложения, которое могло иметь куда более катастрофические последствия для собственности, <...> чем самая разрушительная революция нашего времени»⁵⁹.

Бентам перестал писать о проблеме бедности после 1800 г. и умер за два года до принятия реформы 1834 года, заменившей «старую» систему социальной помощи «новой», основанной на «закрытом» призрении в тюремноподобном работном доме. Историки продолжают спорить о влиянии Бентама на принятие «нового законодательства». Боуринг настаивал, что «именно Бентам, а не Мальтус или Риккардо — хоть те и

⁵⁷ The Works of Jeremy Bentham... P. 452-547.

⁵⁸ Bonar. 1885. P. 43-44.

⁵⁹ The Works of Jeremy Bentham... P. 440.

поставили весомость своих мнений против института законодательного обеспечения обязательной помощи бедным — сформулировал базу для нового законодательства»⁶⁰. Большинство современных специалистов не столь категоричны и, как правило, лишь отмечают, что «основные принципы нового законодательства о бедных — централизация, ликвидация открытого призрения, «непривлекательность» помощи — были, вне всякого сомнения, бентамитскими»⁶¹. Отметим, что в общественно-политических дебатах о бедности и пауперизме, развернувшихся в Англии в конце XVIII — первой половине XIX в., позиция Бентама сыграла весомую роль. Учитывая, что именно эти дискуссии вели к принятию решения по реформе, можно считать, что, в числе прочих критиков «старого законодательства», он заложил основы реформы 1834 года.

Вопрос о «гуманизме» Бентама-либерала не однозначен. Во-первых, Иеремия Бентам был юристом, увлеченным законотворчеством. Согласимся с Л. К. Боралеви в том, что «было бы ошибкой искать свидетельства гуманности и сострадания в сочинениях, призванных служить техническим руководством для законодателя — и хотя бы в силу этого основанных на соображениях пользы»⁶². Кроме того, знаменитый философ был человеком своего времени. Его выкладки располагались в русле философской и политической мысли XVIII — первой половины XIX в., протестантской этики, культивировавшей бережливость и предприимчивость, и порожденного ею «нового типа социальной чувствительности». Сочинения Бентама о бедности и бедных, скорее, можно упрекнуть в том, что они писались в полном отрыве от жизни, от осознания реального положения, мировоззрения, ценностей бедных слоев, — в уединенном кабинете, из которого мыслитель практически не выходил. В то же самое время оппонент Бентама филантроп Джон Говард, также взявший на себя ответственность высказываться по вопросам призрения, лично объездил сотни тюрем, работных и исправительных домов. Другой его современник, аристократ Фредерик Мортон Иден, автор трехтомника «Положение бедных» (1797), скрупулезно описал в нем условия жизни бедняков в 181 приходе (более чем в 30-ти графствах!) Англии и Уэльса, включая вопросы питания, одежды, занятий, налогов и поборов, питейных заведений в каждом приходе, и т.п.⁶³. Но, с другой стороны, именно

---

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ См. напр.: *Boralevi*. Op. cit. P. 114.

⁶² Ibidem.

⁶³ См.: *Барлова Ю. Е.* Сэр Фредерик Мортон Иден и его труд «Положение бедных» (1797) // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 72.

то, что в дебатах о нищете и бедности победила точка зрения, близкая к восприятию проблемы «теоретиком»-Бентамом и противоречившая мнению «практиков» — тех, кто изучал проблему «изнутри», — само по себе иллюстрирует общий настрой британского общества накануне реформы 1834 года и его готовность отказаться от социальной ответственности в пользу «надзора и прибыли».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барлова Ю. Е.* Сэр Фредерик Мортон Иден и его труд «Положение бедных» (1797) // Вопросы истории. 2009. № 5.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М., 2003.
- Левенсон П. Я.* Беккария и Бентам. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1893.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
- Одоевский В. Ф.* Город без имени // Русская романтическая повесть. М.: Советская Россия, 1980.
- Покровский П.* Бентам и его время. Пг., 1916.
- Пытин А. И.* Русские отношения Бентама. Вестник Европы, 1869. № 2-4.
- Сорокин П.* Новый труд о Бентаме // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1916. Вып. 5.
- Философский век. Альманах. Вып. 9. «Наука о морали: Джереми Бентам и Россия» / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб., 1999.
- Фуко М.* Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху. СПб.: «Университетская книга», 1997.
- Bentham J.* Management of the Poor. Dublin: James Moore, 1796.
- Bonar J.* Malthus and his Work. L., 1885.
- Boralevi L. C.* Bentham and the Oppressed. N.Y., 1984.
- Foucault M.* Discipline and Punish. The Birth of the Prison. L.: Penguin, 1977.
- A Handbook of London. L., 1850.
- Jones K.* The making of social policy in Britain. L., 1996.
- Hampshier-Monk I.* The History of Modern Political Thought. Blackwell, Oxford, 1992.
- Nonsense upon Stilts. Bentham, Burke and Marx on the Rights of Man / Ed. J. Waldron. L., N.Y., 1987.
- The Works of Jeremy Bentham, published under the Superintendence of his Executor, John Bowring. Edinburgh: William Tait, 1838–1843. In 11 vols. Vol. 8.

Барлова Юлия Евгеньевна, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; barlova@mail.ru.

Е. М. МИРОНОВА

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В КОНЦЕ 1917 г.

После октябрьских событий 1917 г. центральное ведомство МИД России целиком ушло в забастовку. Лишившийся руководства Заграничный Корпус должен был самостоятельно выработать отношение к сложившейся ситуации. В результате анализа комплекса телеграфной переписки дипломатов в статье впервые рассмотрены вопросы идеологического обоснования продолжения автономной деятельности заграничного представительства, в частности, теория двух России, большевистской и национальной. Изучены дискуссии по поводу создания, руководства и способов действия созданного в ноябре 1917 г. Совета послов, его взаимодействия с антибольшевистским движением в России.

Ключевые слова: революция, дипломатия, Совет послов, антибольшевизм.

Дипломатическая система Русского Зарубежья явление само по себе столь яркое и необычное, что за последние десятилетия, когда отечественные исследователи получили допуск к архивам русской эмиграции, получила достойное освещение в специальной литературе¹. Тема русской небольшевистской дипломатии часто присутствует и в монографиях, посвященных другим аспектам истории диаспоры в межвоенный период². Однако, как правило, историки концентрируют свое внимание на внешних событиях, на действиях дипломатов. В этом нет ничего удивительного, анализ их взглядов и концепций чрезвычайно трудоемок и требует овладения полнотой их разбросанной по разным архивам переписки, кропотливого соотнесения датировки различных телеграмм с учетом дальности нахождения той или иной миссии. Тем не менее, доступная сегодня источниковая база позволяет такую работу провести. Цель данной статьи не только уточнить реакцию дипломатов на события в Петрограде в октябре 1917 г., но проанализировать складывание основных элементов концепции создания автономной дипломатической организации. Сформированные в тот период взгляды позволили осколку государственной машины сметенного вихрем революции государства сохранить дееспособность на долгие годы, оказали существенное воздействие на идеологию антибольшевистского движения.

В статье использованы материалы дипломатической переписки представительств Белого движения из архивов Внешней политики Рос-

---

¹ См., напр.: Миронова. 2004. С. 89-134; Кононова. 2004 и др.

² См., напр.: Подалко. 2004; Бочарова. 2005.; Иванович. 2005; Будницкий. 2008.

сийской империи (АВПРИ), а также фонда Парижского посольства из Гуверовского института войны и мира, в микрофильмах переданного в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) — Ф. 10003.

События, именно события мысли, о которых пойдет речь в этой статье развивались на чрезвычайно сложном, многослойном и многогранном историческом фоне и были прямым следствием этого фона-обстановки. В один трагический узел оказались увязаны Первая мировая война и социальное брожение, вылившееся в невероятной силы взрыв двух русских революций. И то и другое будило творческую энергию, требовало самоотдачи, предъявляло человеку самый высокий счет вне зависимости от того, на какой стороне он оказался.

Министерство иностранных дел было одним из самых привилегированных, высокопрофессиональных ведомств Российской империи. Ему издавна были свойственны кастовость, строгая иерархичность, жесткая дисциплина. Все это давало повод для обвинений ведомства в косности, подавлении инициативы. Однако МИД активно реформировался в начале XX в., что обеспечило ему динамичность развития и приток в состав его чиновников новых сил. Личный состав министерства в это время формировался через обязательную сдачу экзаменов. Формально любой молодой человек, обладавший необходимым образовательным цензом, имел возможность поступить сюда на службу. В начале века этим активно пользовались представители богатых буржуазных семей. Так, в составе ведомства рядом с представителями аристократии и теми, для кого служба в МИД была неким наследственным правом, появляются Боткины, Абрикосовы, Солдатенковы. Февральская революция, сохранив старый государственный аппарат, не сделала исключения и для министерства иностранных дел. Однако Временное правительство оказало существенное воздействие на кадровый состав ведомства, заместив 4 из 6 существовавших на тот момент посольских должностей своими назначенцами. Все они были политиками, бывшими членами Думы, ранее не имевшими никакого отношения к дипломатии. Двое из них (В. А. Маклаков и Б. А. Бахметев) заняли ключевые в Русском заграничном дипломатическом корпусе посты послов в Париже и Вашингтоне. В дальнейшем они станут играть самую существенную роль, как в деятельности Корпуса, так и в антибольшевистском движении в целом. Таким образом, мы можем констатировать, что МИД России пришел к октябрю 1917 г. неоднородным по составу, хотя численно преобладали, безусловно, кадровые сотрудники, многие годы, а, часто, и не в первом поколении проработавшие в ведомстве. Чиновники министерства в основном, по-видимому, придерживались монархических

взглядов, но служили, прежде всего, российскому государству. Этим объясняется спокойная реакция учреждения на февральскую революцию. Только один представитель МИД — посланник в Копенгагене Буксгевден не захотел служить новому правительству и по идейным соображениям покинул свой пост.

Суть глобального переворота, привнесенного в жизнь страны октябрьской революцией, для дипломатов сконцентрировалась в принятом II Всероссийским съездом советов декрете о мире. Этот документ далеко и по форме, и по содержанию отходил от норм правительственных актов. Если говорить о форме, то закон, принятый народным собранием, был почему-то подписан председателем Совета народных комиссаров (т.е. правительства) Владимиром Ульяновым-Лениным. Его содержание превосходило все мыслимые допуски хорошо развитой в начале XX в. юридической науки и носило демагогически-пропагандистский характер. Рассчитан текст был на привлечение широкой малограмотной массы населения. Декрет предлагал немедленно заключить перемирие и начать подготовку «справедливого или демократического мира» без аннексий и контрибуций. «Тайную» дипломатию этот документ отменял: переговоры должны были вестись «открыто перед всем народом». Соглашения, заключенные или подтвержденные после февраля 1917 г. подлежали опубликованию. Правительство объявляло эти договоры «безусловно и немедленно отмененными» в части, направленной «к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов»³.

В кругах профессиональных чиновников, юристов этот документ мог бы вызвать снисходительные улыбки, если бы новая власть не опиралась на силу. Для дипломатов заявленная большевиками позиция была политикой государственного и национального предательства, предательства всех жертв уже понесенных в этой самой тяжелой и кровавой войне, их тех, которые ранее вела Россия. Этот документ отбросил центральный государственный аппарат страны в оппозицию новому режиму и выдвинул МИД в авангард сопротивления. Центральное ведомство в Петрограде целиком, от высшего состава до технического персонала отказалось сотрудничать с новой властью. Оно образовало стачечный комитет и ушло в бессрочную забастовку, приняв решение известить об этом свой Заграничный Корпус, но сделать это по техническим причинам смогло не сразу. Посольствам и миссиям пришлось самим определять свою позицию. Таким образом, в сложившейся ситуации Загранич-

---

³ Документы. 1957. С. 11-14.

ный Корпус МИД оказался единственной структурой прежнего правительства, которая могла свободно выработать свою позицию.

Прежде всего, стоит, по-видимому, отметить, что для находившихся за рубежом сотрудников ведомства развернувшиеся в столице события стали абсолютной неожиданностью. Министр Терещенко в последних телеграммах сообщал о спокойной и благополучной ситуации в стране. Тем интереснее непосредственная реакция дипломатов на полученные из Петрограда известия.

В. А. Маклаков о произошедшем узнал от французского министра иностранных дел, явившись 26 октября 1917 г. вручить верительные грамоты. На следующий день он отправил послам в Риме и Вашингтоне, а также поверенному в делах в Лондоне под грифом «личная» телеграмму, предлагающую его видение ситуации и призывавшую выработать общую точку зрения на события в Петрограде. В целом, его позиция сводилась к трем основным положениям: 1) отказу признать новообразовавшееся правительство, «вышедшее из бунта, опирающееся на голое насилие и придерживающееся программы заведомо губительной для России»; 2) уверенности в кратковременности успехов большевиков, и 3) вытекающем отсюда предложении отношении Корпуса к последующим правительствам основывать на анализе их программ, способа образования, состава и отношения к ним страны⁴.

Известный российский исследователь А. В. Смолин видит в «молниеносной реакции» В. А. Маклакова на события в России готовность политика к такому обороту событий. Историк находит в этом подтверждение своим предположениям о том, что коалиционное правительство направило Маклакова в Париж для подготовки создания там русского правительства в изгнании, на случай если события в Петрограде примут непредвиденный оборот⁵. Не рассматривая здесь саму гипотезу, отметим только, что другие дипломаты в ответ или параллельно с Маклаковым высказывали те же соображения, или даже шли дальше.

Ответы на телеграмму из Парижа писались непосредственно после ее получения: многие из них датированы 28 октября. Вряд ли может удивить единодушие, с каким находившиеся в разных странах чиновники МИД отнеслись к большевистскому перевороту. Но надо отметить, что, несмотря на отсутствие принципиальных противоречий с точкой зрения Маклакова, в основе их позиции лежали не правовой анализ за-

---

⁴ Посол поверенному в делах в Лондоне, послам в Риме и Вашингтоне б/№ // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 1.

⁵ Смолин. 2005. С. 291.

конности создания нового правительства, а его конкретные действия. Судя по всему, реперной точкой для определения дипломатами своего отношения к власти большевиков стало отношение к войне. О позоре измены, которая несмываемым пятном ляжет на Россию, о мерзостях, совершающихся в Петербурге писал временный поверенный в делах России в Англии К. Д. Набоков⁶. Дипломаты, основой мировоззрения большинства которых был глубокий патриотизм, привыкшие гордиться мощью державы, которую представляли, четыре года работавшие на победу и знавшие, какие жертвы уже принесены на ее алтарь, не могли иначе отнестись к власти, которая эти идеалы предала. В целом их отношение выразилось в полном и безоговорочном неприятии нового правительства⁷ на основании того, что оно «не может ни в коем случае выражать воли русского народа»⁸; кроме того, они не могли допустить мысли, что новая власть продержится сколько-нибудь долго⁹. Оптимизм большинства не разделял посланник в Пекине князь Кудашев. Он тоже не думал, что большевики задержатся на вершинах власти, но, заглядывая дальше, считал, что: «отдельные личности могут исчезнуть, но стихийный социальный подъем низших темных классов страстно жаждущих мира и земли еще долго... будет служить благодатной почвой, на которой произойдут новые захваты власти»¹⁰.

В. А. Маклаков, известный юрист, видный член кадетской партии, прекрасный оратор не был профессиональным дипломатом, его «заграничный» опыт к описываемому моменту исчислялся днями. Видимо, поэтому, дав оценку событиям в целом, он не задумался о будущем самого Корпуса. Его обращение ставит и решает лишь один, хотя и принципиальный вопрос: отказ признать сформированное большевиками правительство. Никаких вытекающих из этого практических шагов для дипломатического ведомства он не предлагал.

⁶ Телеграмма К. Д. Набокова во все посольства и миссии от 11/24 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были... С. 386.

⁷ К. Н. Гулькевич К. Д. Набокову 29 октября/11 ноября 1917 № 661 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 8 об; Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Крупенский К. Д. Набокову 31 октября/13 ноября 1917. № 490 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 17об.; Демидов К. Д. Набокову 30 октября/12 ноября 1917 г. б/№ // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 520. Д. 3537. Л. 15 об; Соловьев К. Д. Набокову 31 октября/13 ноября 1917 г. № 304 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 247; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 16об.

⁸ Б. А. Бахметев — В. А. Маклакову, 28 октября/10 ноября 1917 г. N 668 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 15; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 4об.

⁹ Там же; *Будничкий*. 2001 С. 51.; см. также: *Набоков*. 1923. С. 168.

¹⁰ Кудашев послу 20 ноября /3 декабря 1917 г. № 743 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 75 об.

Это упущение одновременно и независимо друг от друга скорректировали сразу несколько коллег. Б. А. Бахметев, словно не заметив границы, перед которой остановился посол во Франции «горячо присоединился» к предложению об установлении согласованного образа *действий* (курсив мой — *Е. М.*) русских представителей за границей¹¹. Непосредственно после получения известий о перевороте в Петрограде, он сделал заявление для прессы о немедленном отказе состава посольства «от солидарности с временно восторжествовавшей в Петрограде политической группой»¹². Еще не имея официального подтверждения событий, произошедших в Петрограде, временный поверенный в Лондоне Набоков принял решение, что не станет передавать «великобританскому правительству какие бы то ни было инструкции, исходящие от... изменников, временно захвативших власть». В письме канцлеру Великобритании он сообщил, что если полученные из Петрограда известия подтвердятся, то он «считал бы противным чести России оставаться официальным представителем» и собирался в этом духе сделать заявление прессе¹³. Его поддержал Н. С. Этгер из Тегерана¹⁴.

Но далее всех пошло маленькое, находившееся на периферии политической жизни Европы, посольство в Дании. 28 октября (10 ноября) 1917 г., т.е. непосредственно после получения телеграммы Маклакова, оно, согласившись с предложенной концепцией недвусмысленно определило себя как представителя России, «находящейся в нерушимом союзе с державами, ведущими войну с центральным союзом» и объявило о своем решении, игнорируя политику центра, продолжать поддерживать сношения «с союзниками и нейтральными» в прежнем ключе¹⁵.

В ноте на имя государственного секретаря аналогичную позицию занял Бахметев. Он резко и бесповоротно отделил возглавляемое им представительство от большевистской власти и заявил, что считает своим долгом оставаться на посту, чтобы защищать интересы «национальной» России¹⁶. По существу эти два выступления озвучили то, что не рещались

¹¹ Б. А. Бахметев К. Д. Набокову 28 октября/10 ноября 1917 г. № 668 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 15; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 4об.

¹² Бахметев послу 28 октября/10 ноября 1917 г. б/№, личная // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 4об-5об.

¹³ К. Д. Набоков послу 28 октября/10 ноября 1917 г. № 915 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 2об.

¹⁴ Н. С. Этгер К. Д. Набокову, копия в Копенгаген 17/30 ноября 1917 г. № 1032 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 63; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 71об.

¹⁵ Барон Мейендорф циркулярно. 28 октября 10 ноября 1917 г. № 362 // ГАРФ. Ф. 1003. Оп. 2. К. 7; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 260.

¹⁶ Будницкий. 2001. С. 44-45.

вынести на обсуждение остальные дипломаты, но что явно присутствует в их рассуждениях в эти дни. Нет ничего удивительного в том, что слово, уже произнесенное, было единодушно поддержано разбросанными по миру русскими посольствами и миссиями. Дипломатические представительства отказались признавать реально существующую власть и продолжили работу на платформе прежнего правительства! Однако это решение вовсе не означало попытку противопоставить себе стране.

Допустимость и возможность такого решения базировалась на выдвинутой в этот период Корпусом идее двух России: России, подчиненной власти большевиков, и России, не имеющей правительства, но «истинной», «национальной», остававшейся верной всем обязательствам, лежавшим на стране до октябрьских событий. Эта мысль присутствует в высказываниях многих дипломатов, но четко впервые она была сформулирована Бахметевым. Сам термин «национальная Россия» впервые появился в его письме Маклакову от 28 октября 1917 г. Им он оперировал при общении с журналистами в Мемфисе, где его застали известия из Петрограда. Принятие этой концепции имело самые разнообразные последствия: она дала базу для строительства отношений с правительствами стран пребывания, прежде всего «союзниками», она стала той основой, вокруг которой строилось понимание самими дипломатами своего положения в новых экстремальных условиях; она дала основания для продолжения деятельности Заграничного Корпуса.

Развивая концепцию «Двух России» в этом направлении Маклаков писал: «Низвержение правительства не знаменует тем самым ни уничтожение всех изданных им актов, ни смещение всех назначенных им лиц»¹⁷. Поэтому дипломаты, чтобы уйти в отставку, сдать должность, должны обратиться к правительству. Особо отмечая, что не может быть и речи о том, чтобы Корпус не подчинился законной власти¹⁸, он подчеркивал, что легитимного правительства на тот момент не существовало, так как образованный съездом Советов СНК не был признан всей страной. Обращение к этому органу с такого рода прошениями означало бы, по его мнению, косвенное признание большевиков. И, наконец, он предложил ту формулу, которой будет пользоваться Корпус в течение всей гражданской войны и которая станет основой его автономности: «Мы представляем последнее правительство России и остаемся на по-

¹⁷ В. А. Маклаков посланнику в Сиаме 28 ноября/11 декабря 1917 г. № 1209 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 93.

¹⁸ Посол А. М. Ону 5/18 ноября 1917 г. № 1129 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 26.

сту, пока не будет иного законного правительства»¹⁹. Но остается открытым вопрос: что понималось под «национальной» Россией, торжеству какого политического строя дипломаты собирались способствовать.

Бахметев в середине ноября совершенно четко определил свою позицию, предвосхитив денкинскую политику непредрешенчества. Он считал необходимым оставаться на «символической» национальной позиции, не определяя заранее и не конкретизируя тех форм, в которые выльется окончательная победа над большевиками»²⁰. Реакции коллег на предложение поверенного в делах в Испании Соловьева объединить деятельность дипломатических представительств вокруг лозунга нераздельной *монархической* (курсив мой — *Е. М.*) России²¹ не последовало, а сам автор в скором времени перешел на сторону советской власти.

После небольшой паузы, вызванной надеждами на скорое изменение ситуации *сотрудники* представительства в Копенгагене (именно так зафиксировано в документе — *Е. М.*) сделали следующий шаг, выступив с программным заявлением. 6 ноября 1917 г. миссия в Копенгагене предложила «возбудить вопрос о возложении на одного из начальников посольств общего руководства всеми русскими посольствами и миссиями за границей...»²². Обращения посольства в Дании были замечены. Вопрос о создании собственной независимой от центра дипломатической организации вызвал обсуждение миссий в разных странах. Большинство высказалось в пользу такого решения²³. Свое особое мнение сформулировал видный дипломат, игравший заметную роль в центральном аппарате МИД в министерство С. Д. Сазонова²⁴, а после его отставки возглавлявший посольства в Скандинавии — К. Н. Гулькевич.

---

¹⁹ В. А. Маклаков посланнику в Сиаме 28 ноября/ 1 декабря 1917 г. № 1209 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 93. М. Н. Гирс, оглядываясь на события только что завершеного периода в январе 1921 г. напишет: «В историческом развитии антибольшевистского движения роль эта (дипломатического ведомства — *Е. М.*) сводилась к простой формуле: быть представителями последнего русского законного признанного державами правительства...» (Чему свидетели мы были... С. 404).

²⁰ Б. А. Бахметев послу 17/30 ноября 1917 г. № 674 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 70об.

²¹ Соловьев К. Д. Набокову 20 декабря 1917/2 января 1918 г. № 385 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 252.

²² Барон Мейендорф циркулярно. 6/19 ноября 1917 г. № 364 // ГАРФ. Ф. 1003. Оп. 2. К. 7; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 29 об.

²³ См., напр.: Ону — К. Д. Набокову, Мейендорфу 10/23 ноября 1917 г. № 857; фон Бах Набокову циркулярно 30 октября –12 ноября 1917 г. № 586 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 6, 24.

²⁴ С. Д. Сазонов — министр иностранных дел Российской империи (1910–1916).

Приветствуя проявление единодушия между сотрудниками ведомства, он, тем не менее, полагал, что заграничные учреждения МИД не должны создавать самостоятельной организации. Его беспокоила и юридическая правомерность такого решения, и практическая возможность оказаться в противоречии с волей русского народа: «Такая организация, лишенная всякой основы Правительства и оторванная происходящими событиями от родины неизбежно получит характер самодавляющей, присвоит себе право считать себя представительницей того или иного Правительства и вступит на путь декларативных постановлений»²⁵. (Гулькевич удивительно точно сформулировал то соотношение сил, которое в дальнейшем сложится между Заграничным Корпусом и антибольшевистским движением внутри страны.) Активный сторонник сплочения Заграничного Корпуса Набоков предлагал заявить в обращении к России, что «те люди, которые привлекут на свою сторону лучшие силы страны и одолеют анархию и предательство, могут быть уверены, что мы сделаем все возможное, чтобы им была обеспечена реальная поддержка союзников»²⁶. Показательно, что дипломат уже в это время не ставит вопрос о подчинении Корпуса «силе», которая возглавит сопротивление, а говорит о помощи, сотрудничестве с ней. Эта тенденция получила развитие и обрела, в некотором смысле, законченную форму в разработке Бахметева, который «не считал возможным связывать надежды на благополучный исход России из настоящего кризиса с успехом той или иной политической или военной группы, активно борющейся с большевиками, а тем более не считал возможным солидаризироваться с подобной группой посольству», полагая, что дипломатические учреждения должны оставаться на «символической» национальной позиции. Объяснял он свое отношение к событиям неопределенностью надежд на торжество военно-патриотических течений, предчувствуя «более глубокий процесс противодействия...»²⁷. То есть инженер и политик Бахметев, как и Маклаков, обладавший незначительным дипломатическим стажем сумел увидеть в Заграничном Корпусе самоценность и постарался изначально оградить его, как ретроспективно напишет в начале 1921 г. М. Н. Гирс, «самостоятельность и свободу суждения выбора и действий»²⁸.

²⁵ К. Н. Гулькевич — К. Д. Набокову и циркулярно 8/21 ноября 1917 г. № 669 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 8об.

²⁶ К. Д. Набоков В. А. Маклаков у 7/20 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были... С. 384.

²⁷ Б. А. Бахметев послу 17/30 ноября 1917 г. № 674 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 70об.

²⁸ Чему свидетели мы были... С. 404.

Первая половина ноября не принесла столь ожидаемых перемен. Сведения о событиях в России вообще были чрезвычайно скудны. Ясно было лишь то, что «засилие большевизма зашло так далеко, что его не удалось раздавить сразу», что придется освободиться от него сложным процессом постепенного оздоровления²⁹.

Концепция двух России была воспринята Корпусом и, вследствие его активных упреждающих действий, принята мировой дипломатией. Уже 13 ноября, предполагая заявить коллективный протест союзников против нарушения союзнических обязательств Россией, министр иностранных дел Франции Пишон обещал, что в документе будет проведено резкое различие между Россией и самозванцами, которые называют себя ее правительством³⁰. Сыграла она самую положительную роль и в процессе легитимизации представительств на новой основе. Американское правительство, после двухнедельной паузы, подтвердило дипломатический статус Бахметева, признав его истинным представителем России и отказавшись иметь дело с большевиками³¹. 11 ноября Пишон заверил Маклакова «что нет речи о признании правительства Ленина и что, не отзывая своих представителей, французское правительство будет избегать разных действий, которые могли бы дать повод думать, что оно признает правительство большевиков³². «В заявлении в палате общин, сделанном 24 ноября 1917 г. заместителем министра иностранных дел Робертом Сесилем, указывалось, что Англия не признает Советское правительство как субъект международного права»³³. За решением союзников последовали нейтральные страны: 10 ноября 1917 г. датское правительство подтвердило свою готовность поддерживать отношения со старой миссией и заявило о сохранении за ней дипломатические прерогативы³⁴. 11 ноября кн. Кудашев сообщил из Пекина, что «...Китай в вопросе признания нового правительства в России, конечно, не решится отделиться от Японии, Англии и Франции»³⁵. Первый раунд был выиг-

²⁹ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 1155 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 167; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 55.

³⁰ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 1151// АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 165; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 54.

³¹ Будницкий. 2001. С. 52.

³² В. А. Маклаков К. Д. Набокову 11/24 ноября 1917 г. № 1147 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 161; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 43.

³³ Волков. С. 22.

³⁴ М. Ф. Мейендорф М. Н. Гирсу от 14 апреля 1921 г. // ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 47. Л. 2.

³⁵ Кудашев послу 11/24 ноября 1917 г. № 73 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 42об.

ран. Это позволило к середине декабря 1917 г. заключить между представителями соглашение «продолжать деятельность без всяких сношений с Петроградом...»³⁶. Таким образом, был решен вопрос о создании не знавшей прецедента национальной, но автономной, т.е. не подчиненной никакому правительству дипломатической организации. Роль ее, по афористичной формулировке князя Кудашева, должна была заключаться «в защите русского дела, лиц и интересов»³⁷.

Путем недолгих телеграфных переговоров была выработана и новая «революционная» для дипломатического учреждения форма: координационный «Совет» (или «Совещание послов»), не предполагавший, присущих ведомству иерархии и исполнительской дисциплины на уровне посольств, но в определенной степени сохранивший прежние порядки внутри представительств. Хотя и эту сферу не обошли стороной новые явления. Обычно по дипломатической переписке очень сложно выявить позиции чиновников учреждения. Мнения сотрудников, если они существуют и высказаны, поглощаются безличной формой документов, подписанных главой представительства. Новым явлением, вызванным критической ситуацией, когда каждый должен был и хотел заявить собственную позицию, стало неоднократно, хотя не повсеместно, встречающееся в октябре и начале ноября 1917 г. визирование телеграмм всеми сотрудниками представительства по старшинству. Так оформлено и обращение копенгагенской миссии от 28 октября, причем под документом стоят подписи также причта церкви, представителей военной, морской и торговой агентур, генерального консула... Исключительным в этом отношении явлением стал циркуляр от 6 ноября. Этот документ также подписан не только главой миссии, более того, в нарушение всех правил, не только МИД, но и любого бюрократического учреждения, его фамилия даже не стоит первой. Его опережает... прикомандированный к миссии *секретарь консульства* Владимир Александрович Лаврентьев. Лишь следом за ним идут фамилии главы миссии бар. Мейендорфа и ее чиновников: Лоевского, Урусова, Шиллинга. Видимо, революционное время захватило своим творческим порывом и все слои дипломатических служащих, серьезно затронув привычную субординацию и иерархию в ведомстве. В свою очередь, и руководство Корпуса стало проявлять определенный либерализм. Так,

³⁶ Г. Свечин К. Д. Набокову 1/14 декабря 1917 г. № 602 // Чему свидетели мы были... С. 391.

³⁷ Кудашев послу 20 ноября /3 декабря 1917 г. № 743 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 75об.

посланник России в Греции Е. П. Демидов посчитал принципиально важным запросить мнения всех без исключения своих сотрудников по поводу возможности подчинения новому правительству³⁸.

По существовавшей традиции возглавить какое-либо объединение дипломатов за рубежом должен был бы старейшина Корпуса, в данном случае — многоопытный посол в Италии М. Н. Гирс. В пользу этого предположения и высказалась часть руководителей миссий³⁹. Однако В. А. Маклаков предложил как центр сношений и координации действий Париж, и многие представительства выступили за такой вариант решения проблемы⁴⁰. Телеграммы, касающиеся этого вопроса чрезвычайно лаконичны и аргументации, как правило, не содержат. Думается, что решение большинства сотрудников ведомства пренебречь обычным порядком объяснялось чрезвычайной ситуацией. По-видимому, многих смущала репутация Гирса — пожилого карьерного дипломата, считавшегося образцом исполнительской дисциплины, и они предпочли в сложной обстановке человека, который казался более вписанным в происходившие процессы. Свою роль сыграл и географический фактор: Париж в тот период рассматривался как центр мировой политики. Со своей стороны, М. Н. Гирс поторопился загасить нарождавшийся внутри Корпуса конфликт, обратил внимание коллег на то, что обсуждаемое сообщество не предполагает создания «демонстративной» организации и руководства как такового⁴¹, и уступил формальное первенство молодому коллеге.

Не предполагавшее долгого существования объединение не стало заниматься разработкой собственного статута и определять характер членства. Можно согласиться с мнением американской исследовательницы Н. Тонгур, что формально все российские послы значились членами Сопровождающего⁴², однако, фактически активное участие в его работе принимали те главы миссий, кто в нужное время мог выехать или в силу различных обстоятельств оказался в Париже: М. Н. Гирс (Италия),

---

³⁸ Е. П. Демидов К. Д. Набокову 10/23 декабря № 711, В. А. Маклаков К. Д. Набокову 20 декабря/2 января 1917 г. № 716 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 1; ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 3.

³⁹ Набоков. 1923. С. 187; Посланник России в Стокгольме К. Н. Гулькевич К. Д. Набокову 8/21 ноября 1917 г. № 669 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72.

⁴⁰ Поверенный в делах России в Испании Ю. Я. Соловьев К. Д. Набокову 7/20 ноября 1917 г.; Поверенный в делах России в Швейцарии А. М. Ону К. Д. Набокову 10/23 ноября 1917 г. № 364 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 248, 6.

⁴¹ М. Н. Гирс В. А. Маклаков у 11 октября – 4 ноября 1917 г. № 901 // ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

⁴² *Tongour*. Diplomacy in Exil: Russian Emigres in Paris, 1918–1925. Ph.D. Dissertation, P. 37-39, 4; Цит. по: «Совершенно лично и доверительно!». 2001. С. 46-47.

К. Д. Набоков (Англия), М. А. Стахович (Испания), И. Н. Ефремов (Швейцария), Б. А. Бахметев, К. Н. Гулькевич (Швеция).

Создавая свою организацию, дипломаты, естественно не предполагали «оставаться отрезанными от всяких сношений с Россией»⁴³, искали контактов с осколками государственной власти. Но по этому вопросу, как и по многим другим вопросам, Маклаков и Набоков разошлись во мнениях. Набоков не одобрил действий парижского коллеги по налаживанию контактов с кем-либо из членов свергнутого Временного правительства. Сам он наилучшим вариантом считал через румынскую Главную квартиру связаться с продолжавшей работать и посылать время от времени радиотелеграммы «нашей» Ставкой⁴⁴ и постараться получить от Духонина достоверные сведения о состоянии фронта⁴⁵. Однако надеждам дипломатов обрести руководящий центр на родине не скоро суждено было сбыться. А вот другая проблема стояла вполне реально и требовала незамедлительной проработки. Сотрудники посольств и миссий не могли не задуматься о перспективе обращения, попыток подчинить их себе со стороны Советской власти. М. Н. Гирс изначально, еще в октябре 1917 года, ставя вопрос о возможности обращения к заграничному корпусу со стороны большевиков, предполагал не давать движения их программным указаниям⁴⁶. В том же духе, как указывалось выше, высказывался и Набоков⁴⁷. Когда вопрос (к десятым числам ноября) перешел в практическую плоскость в связи с распространением слухов о готовности Троцкого выступить с оповещением о своем вступлении в должность главы внешнеполитического ведомства РСФСР, определились нюансы в отношении к нему разных дипломатов. Не собираясь отвечать на запросы «самозванного» министра, Маклаков, тем не менее, в определенной степени ставил свою позицию в зависимость от решения французского правительства. Он не хотел оглашать в печати свое отношение к этому факту, предпочитал кулуарное решение проблемы и допускал возможность своего ухода без громких заявлений и

⁴³ К. Д. Набоков В. А. Маклаков у 7/20 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были... С. 384.

⁴⁴ Советник посольства в Париже кн. Кудашеву 5/18 ноября № 1128 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 25.

⁴⁵ К. Д. Набоков В. А. Маклаков у 7/20 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 384.

⁴⁶ М. Н. Гирс послу 28 октября/11 ноября 1917 г. личная, копии в Лондон, Вашингтон // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 1об.

⁴⁷ К. Д. Набоков послу 28 октября/10 ноября 1917 г. № 915 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 2об.

протестов⁴⁸. В определенном смысле схожую позицию занял Набоков, который тоже не предполагал обнародовать телеграмму Троцкого, но сообщить ее частным образом правительству и продолжить *в случае его* (курсив мой — *Е. М.*) согласия свою деятельность⁴⁹. Особую позицию в этом вопросе занял Демидов. Он посчитал недопустимым поставить свое поведение в зависимость от решения союзников⁵⁰, но готов был предоставить подчиненным высказать собственное мнение⁵¹.

Так или иначе, но Троцкий опоздал. К 17/30 ноября 1917 г., когда он циркулярной телеграммой предложил русским представителям за границей принять провозглашенную II Всероссийским съездом советов политику или отстраниться от работы⁵², Заграничный дипломатический Корпус выработал общую платформу по этому вопросу. Главы российских представительств за рубежом за редким исключением на его запрос не ответили⁵³. На контакт с Наркоматом иностранных дел пошли временный поверенный в делах в Испании Ю. Я. Соловьев и поверенный в делах в Португалии барон П. Л. Унгерн-Штернберг. Ничто в их предшествующих высказываниях такого решения не предвещало. Корпус подверг их остракизму⁵⁴.

⁴⁸ Посол — русским представителям 20 ноября/3 декабря 1917 г. № 1180 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 179-182; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 78-79. См. также: посол Крупенскому и в Христианино, Мадрид, Стокгольм, Берн и Копенгаген 21 ноября/4 декабря 1917 г. № 1182// АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 81; Он же циркулярно 23 ноября/6 декабря 1917 г. № 1195 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3.

⁴⁹ К. Д. Набоков послу 10/23 ноября 1917 г. № 935 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 38 об.

⁵⁰ Демидов послу и циркулярно 13/26 ноября 1917 г. № 688 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 61 об.

⁵¹ Е. П. Демидов К. Д. Набокову 10/23 декабря № 711, В. А. Маклаков К. Д. Набокову 20 декабря/2 января 1917 г. № 716 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 1; ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 3.

⁵² Циркулярная телеграмма Л. Д. Троцкого от 17/30 ноября 1917 г. // Совершенно лично и доверительно... С. 388.

⁵³ В. А. Маклаков циркулярно 23 ноября/6 декабря 1917 г. № 1195; М. Н. Гирс послу 26 ноября/9 декабря 1917 г. № 922 // ГАРФ. Ф. 10003. Карт. 86. Р. 5; В. Н. Крупенский послу 20 ноября/3 декабря 1917 г. № 516// АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 81 об.; М. Ф. Мейендорф 18 ноября/1 декабря 1917 г. № 14351 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 80 об.; Кудашев послу 19 ноября/2 декабря 1917 г. № 741 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 74 об.; В. А. Маклаков К. Д. Набокову 26 ноября/9 декабря 1917 г. № 1206 (передает телеграмму Эттера № 1060), копия в Рим // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 188 и т.д.

⁵⁴ М. Ф. Мейендорф послу 3/16 декабря 1917 г. № 14524 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 7.

Дипломаты отдавали себе отчет, что их отказ от сотрудничества с новой властью при продолжении деятельности не избавит их от контактов с ее представителями. Поэтому на первом съезде послов в декабре 1917 г. проблема получила дальнейшее рассмотрение. Была согласована программа действий на случай появления курьера большевиков, в которой дипломаты постарались предусмотреть все возможные ходы противников. Миссиям предлагалось: если курьер явится в посольство, принять от него экспедицию без условий и поступить с нею в согласии с общим принципом непризнания власти большевиков; в случае предъявления курьером требования о передаче ему каких-либо пакетов или дел — отказать; если курьер не появится в посольстве, указать местному правительству, что посольство не признает за ним официального характера и слагает с себя всякую ответственность за его действия, а поскольку затронуты союзные интересы, обратить внимание соответствующего правительства на необходимость строгого наблюдения за ним.

Одновременно представителям предлагалось проводить работу, направленную на то, чтобы курьеры НКВД не допускались на территории стран⁵⁵. Ответной мерой большевистского правительства стал приказ Троцкого от 26 декабря 1917 г. об увольнении всех дипломатических представителей со своих постов «без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности»⁵⁶. Дипломаты к этому моменту свой выбор уже сделали и документ этот проигнорировали.

Корпус решил продолжать свою деятельность в сложнейшей для России международной обстановке. Выработка курса, даже при существовании общих подходов к главным вызовам эпохи, не обошлась без споров, дискуссий внутри дипломатической среды. Определяющее воздействие на весь комплекс «русских» проблем, в этот период оказывал вопрос о войне. Лишенные возможности практически воздействовать на ситуацию на русских фронтах дипломаты свою роль видели в помощи правительствам стран пребывания в выработке правильной политики в отношении «русского вопроса». Прежде всего, это касалось реакции западных правительств на выход России из войны.

Исходя из того, что заявленные в декрете обещания пока оставались только словами, еще 28 октября Бахметев рекомендовал союзникам не ускорять события резкими заявлениями и не толкать «большевистский

---

⁵⁵ Циркуляр из Парижа, подписанный Гирсом, Стаховичем, Набоковым, Макаловым 18/31 декабря 1917 г. № 1288 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; то же на имя Саблина // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 225.

⁵⁶ Чему свидетели мы были... С. 389-390.

комитет» на непоправимые шаги в виде вывода России из войны⁵⁷. Позже он развил свою мысль. Он исходил из того, что большевики спекулируют на самой острой проблеме — усталости народа от войны и страстном желании ее прекращения. Поэтому, продолжая настаивать на том, что правительство Ленина «не может считаться выразителем воли русского народа», посол полагал, что его обращение к союзникам с предложением перемирия нельзя игнорировать, так как «уклонение союзников от заявлений по вопросу мира способствовало бы лишь усилению большевиков и их стремлений создавать в России враждебное к союзникам настроение». Он предлагал правительствам Антанты сформулировать «истинно демократические», предложения по вопросу войны и мира и с ними через голову большевиков обратиться непосредственно к народу. В этом послании тяжесть отказа от немедленного заключения демократического мира должна была быть перенесена с Союзников на Германию. Учитывая состояние русского общества, он считал необходимым указать, что немедленное перемирие, которое обещали большевики, нанесет непоправимый вред настойчивым стремлениям к миру⁵⁸.

Концепцию Бахметева в разных частях разделяли Стахович, Маклаков, Гирс. Стахович, пытаясь предотвратить обращение союзников с протестами по поводу нарушения союзнических обязательств к правительству большевиков, внушал французскому послу в Мадриде, что такой шаг явился бы *первым его признанием*. Независимо от Бахметева, он пришел к мысли, что союзным правительствам надо ждать обращения к ним Ленина, и, если оно последует, то, игнорируя его и через его голову, ответить русскому народу, передав ответ представителям России во всех союзных странах⁵⁹. Маклаков полагал, «что отказ союзников даже обсуждать цели войны в настоящее время мог бы дать оружие в руки большевикам, позволяя им изображать дальнейшее участие России в войне служением исключительно интересам союзников»⁶⁰. В этом направлении он работал и на межсоюзнической конференции в ноябре 1917 г., пытаясь добиться общего заявления, что Антанта приступит к пересмотру целей войны на демократической основе, как только в Рос-

⁵⁷ Бахметев послу 28 октября/ 0 ноября 1917 г. б/№, личная // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 4об-5об.

⁵⁸ Б. А. Бахметев послу 17/30 ноября 1917 г. № 674 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 68об70об.

⁵⁹ М. А. Стахович К. Д. Набокову 15/28 ноября 1917 г. № 333 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 249; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 61об.

⁶⁰ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 1155 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 167; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 55.

сии появится общепризнанное правительство⁶¹. Он указывал, что если бы союзные правительства сделали бы шаг, который «разумная часть» российского общества могла бы расценить как разрыв с самой Россией, то следствием этого мог бы стать поворот в сторону Германии, с которой связались бы надежды на водворение порядка в стране⁶². Старейшина корпуса, предполагал, что лаг времени, полученный в случае отказа союзных правительств от немедленной реакции на события в Петрограде, позволит восторжествовать здоровым силам на родине⁶³. Но не все дипломаты оказались склонны к выжидательной политике⁶⁴.

Рупором тех, кто считал, что выжидать событий преступно, и требовал незамедлительных активных действий от заграничного представительства, стал К. Д. Набоков⁶⁵. Он выступил с рядом инициатив, которые вынудили его коллег раскрыть свое видение многих вопросов.

Стремясь подчеркнуть неприемлемость власти большевиков, поставить ее вне существующей мировой системы, он предлагал содействовать отзыву иностранных послов из Петрограда, впрочем, предвидя возражения, он аргументировал свою позицию опасностью насилия над ними⁶⁶. Он не сумел ввести в заблуждение Маклакова, который, усомнившись в целесообразности такого шага, указал, что «...отозвание послов будет иметь вид дипломатического разрыва и ничего не спасет, ибо насилие возможно и над поверенными в делах»⁶⁷. Он считал, что присутствие послов в столице сохранит возможность влиять на события в Петрограде, а их удаление было бы полной сдачей позиций Германии⁶⁸.

Выступил Набоков и с инициативой обращения представителей России при союзных державах от имени всех русских, находящихся в

---

⁶¹ Посол поверенному в делах в Лондоне, копии в Рим, Вашингтон, Токио, Мадрид 19 ноября/3 декабря 1917 г. № 1176 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 176; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 74.

⁶² В. А. Маклаков К. Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 1151 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 165; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 54.

⁶³ М. Н. Гирс послу 6/19 ноября 1917 г. № 890 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 28об.

⁶⁴ К. Д. Набоков дважды, 7/20 и 11/24 ноября 1917 г. обращался к Корпусу с призывом к действию.

⁶⁵ К. Д. Набоков В. А. Маклаков у 7/20 ноября 1917 г. № 927 // Чему свидетели мы были... С. 384; см. также: *Набоков*. 1923. С. 185.

⁶⁶ К. Д. Набоков послу 13/26 ноября 1917 г. № 945 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 53об.

⁶⁷ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 15/26 ноября 1917 г. № 1163 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 170; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 57.

⁶⁸ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 6/19 декабря 1917 г. № 1250 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 207.

пределах этих стран, к родине. Он предлагал призвать личный состав забастовавших министерств продолжать обструкцию изменническому режиму и заявить, что эта их позиция укрепляет веру союзников в конечное поражение клеветов Германии⁶⁹. Первоначально свои соображения он направил только Маклакову, но они получили распространение в русской дипломатической среде и стали предметом оживленного обсуждения. Получив возражения своих главных оппонентов: Маклакова и Гулькевича, Набоков обратился с циркулярной телеграммой ко всему Корпусу, считая, что «на представителях России не только при союзных державах, но и при нейтральных лежит обязанность немедленно и коллективно реагировать на измену Петрограда». Происходившие в столице события он отказывался рассматривать как «волю народа», оценивая их как «безвольное казнить предателей и такое страшное попустительство измене, которое ложится несмываемым позором на Россию»⁷⁰. Его инициатива вызвала активное обсуждение внутри Корпуса. Набокова поддержали барон Пилар из Христиании, Смирнов из Египта, барон Мейендорф из Копенгагена, Поклевский-Козел из Бухареста, Лорис-Меликов из Бангкока⁷¹.

Интересные соображения изложил поверенный в делах в Швейцарии А. М. Ону. Он видел определенную пользу коллективного протеста всей русской дипломатии и русской колонии в нейтральных и союзных странах против захвата власти в Петрограде в оказании сопротивления германской пропаганде, представлявшей завоевание власти большевиками окончательным фактом и поддержки уверенности «разумных» членов швейцарского правительства в том, что Россия лишь «на короткое время попала в руки максималистов»⁷².

⁶⁹ Чему свидетели мы были... С. 384.

⁷⁰ Беспокоило его и отношение к событиям за рубежом (в частности он приводил заявление лорда Сесила, о том, что «если единый русский народ санкционирует действия Троцкого — это поставит его вне общения с Европой»). (К. Д. Набоков во все посольства и миссии 11/24 ноября 1917 г. № 938 // Чему свидетели... С. 386).

⁷¹ А. М. Ону К. Д. Набокову 12/25 ноября 1917 г. № 1150 / АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 165; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 11об; Барон Пилар К. Д. Набокову 12/25 ноября 1917 г. № 532 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 51об; Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 53; А. А. Смирнов К. Д. Набокову 12/25 ноября 1917 № 110 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 44; М. Ф. Мейендорф К. Д. Набокову 12/25 ноября 1917. № 365 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 50об; Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 263; ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 7; К. Д. Набоков послу 19 ноября/2 декабря 1917 г. № 958 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 76об; Лорис-Меликов послу 19 ноября/2 декабря 1917 г. № 58.

⁷² А. М. Ону К. Д. Набокову 26 ноября/9 декабря 1917 г. № 868 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 12.

Практически в унисон Набокову возразили Маклаков и Гулькевич. Из тезиса о временном характере победы большевиков они делали выводы о вероятном образовании в России какой-нибудь коалиции и компромисса между большевиками и другими партиями (Маклаков) и считали, что лицам «облеченным свойством представителей родины, едва ли тактично и уместно поднимать за границей шумиху» вокруг большевиков (Гулькевич). Сходились они и во мнении о «нецелесообразности и несправедливости»⁷³ со стороны находившихся в безопасности зарубежных представителей обращаться с призывом к стойкости к людям, которые могли заплатить за сопротивление жизнью. Сомневались они и в практическом значении такой декларации для страны⁷⁴, расценивая ее как театральный жест, рассчитанный на дешевые лавры в будущем или имеющий цель «обелиться» перед союзными правительствами⁷⁵. Вынужденный глубже проработать аргументацию, Маклаков 13 ноября заявил о своей поддержке протестов русских людей, проживающих за границей, против большевиков, но считал, что участие в них послов неудобно⁷⁶.

Возражали и коллеги по Корпусу: «русские представители не имеют права коллективным выступлением как бы предрешать волю страны, не высказавшейся еще на Учредительном собрании» (Унгерн- Штернберг из Лиссабона)⁷⁷; «не подпишусь никогда под необъяснимым обращением никем не уполномоченных к неизвестному» (Стахович из Испании)⁷⁸; об опасности дезавуирования такого заявления отдельными русскими гражданами или группами граждан писал из Токио Крупенский⁷⁹.

Разочаровавшись в своих попытках сплотить коллег вокруг идеи протеста, за которой стоял призыв к активной борьбе всеми доступными средствами, Набоков не смирился. Собрав в посольстве находившихся в Лондоне видных представителей русских правительственных

⁷³ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 10/23 ноября 1917 г. № 1137 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 154; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 42.

⁷⁴ В. Н. Крупенский К. Д. Набокову 14/27 ноября 1917 № 508 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 58.

⁷⁵ К. Н. Гулькевич К. Д. Набокову 12/25 ноября № 672 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 77-78. Под № 772 в Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 49 об.

⁷⁶ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 586 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 7; Ф. 356. Оп. 1. Д. 2. Л. 59-60.

⁷⁷ П. Л. Унгерн-Штенберг послу 13/26 ноября 1917 г. № 88 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 53об.

⁷⁸ М. А. Стахович К. Д. Набокову 15/28 ноября 1917 г. № 333 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 249; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 61об.

⁷⁹ В. Н. Крупенский К. Д. Набокову 14/27 ноября 1917 № 508 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 58.

учреждений и русской колонии, он добился принятия резолюции протеста. Однако ее текст несет на себе следы предшествовавшей критики: декларация ни к чему не призывает, она осуждает преступную политику нового правительства, в частности в отношении войны и заявляет о присоединении подписавшихся к растущему в России сопротивлению⁸⁰.

Пока дипломаты спорили о допустимости принять на себя моральное лидерство в антибольшевистской борьбе, не терявшие времени большевики предприняли решительные шаги на пути выполнения своих обещаний: были опубликованы секретные договоры, правительство приступило к переговорам с противником о заключении перемирия.

Реакция Заграничного Корпуса на действия Советского правительства обрела новое содержание. Едва узнав о происшедшем, не посчитав нужным с кем-либо согласовать свои действия, Бахметев подал ноту протеста американскому правительству⁸¹. Высказанную в ней позицию целиком поддержал Гирс, предложивший Маклакову подать аналогичный протест и обещавший поступить так же в Риме. Отказ посла в Париже от такого шага на этот раз не остановил старейшину дипломатического корпуса. Напротив, он посчитал необходимым организацию коллективной публичной акции «представителей русской дипломатии за границей». Он полагал, что такое заявление должно поддержать честь страны, и предложил Маклакову составить его текст⁸². Руководители миссий активно включились в подготовку демарша. Поклевский-Козел предложил включить в текст указание, что «в интересах России остаться верной заключенным с союзниками договорам», и на необходимость немедленного прекращения силой оружия нынешнего позора в Петрограде и Москве; о желательности объединиться в протесте с оппозиционными чиновниками центральных учреждений писал Мейендорф⁸³. Безоговорочно поддержал Гирса представитель России при Святом Престоле — Лысаковский. Телеграммой от 15 ноября он подталкивал Маклакова, к скорейшей подготовке документа⁸⁴. К мнению Гирса при-

⁸⁰ К. Д. Набоков послу 19 ноября/2 декабря 1917 г. № 959 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 77об-78об.

⁸¹ М. Н. Гирс послу 13/26 ноября 1917 г. № 914 // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 64об.

⁸² М. Н. Гирс — послу 14/27 ноября 1917 г. № 905 // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 58; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 106.

⁸³ М. Ф. Мейендорф К. Д. Набокову и циркулярно 21 ноября-3 декабря 1917 г. № 367 // ГАРФ. Ф. 1003. Оп. 2. К. 7; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 265; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 86об.

⁸⁴ А. И. Лысаковский К. Д. Набокову 15/28 ноября 1917 г. № 107 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 60об; Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 108.

соединились Набоков Крупенский, Лорис-Меликов⁸⁵. Выразили готовность подать протесты и подали их Демидов, Бах, Поклевский⁸⁶.

Позиция посла в Париже на фоне всеобщего энтузиазма выглядит изолированной. Целый комплекс факторов диктовал ему очень осторожную, если не сказать нерешительную, политику. Свой отказ последовать примеру Бахметева Маклаков объяснял тем, что вручение им верительных грамот было отложено, и он был принят президентом республики только в частной аудиенции⁸⁷. Действительно, он пользовался положением посла не только по назначению русского правительства, но и по благоволению французских властей, что делало его поведение чрезвычайно от них зависимым. На него влияла, по-видимому, и обстановка во Франции, общество которой тяжело переживало выход России из войны, как измену союзническому долгу. Одной из важнейших задач его деятельности в этот период, о чем он неоднократно писал коллегам, было не создать новых осложнений, каких-либо затруднений принимающей стороне⁸⁸. Его аргументация отказа от коллективного протеста дипломатического корпуса в целом характеризует личную позицию посла и кадета Маклакова в этот период. Он считал, что такой демарш послов неприемлем, потому что, «во-первых, даст возможность большевикам увидеть в этом вмешательство иностранцев и натравлять на иностранцев в России», чего он, по его собственному утверждению, более всего боялся. Во-вторых, «публичное официальное выступление послов, ранее, чем открыто высказались сами правительства, при коих они аккредитованы», ему представлялось некорректным относительно этих правительств. В-третьих, свое отношение послы, по его мнению, могли высказать частным образом, «не в виде шага, который связал бы самые правительства, которым придется практически решать вопрос о признании, может быть, непредвиденных и спорных новых комбинаций»⁸⁹. Таким образом, позиция посла России

⁸⁵ К. Д. Набоков послу 14/27 декабря 1917 г. б/н; Крупенский // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5.

⁸⁶ Е. П. Демидов послу 18 ноября – 1 декабря 1917 г. № 695; Г. Г. Бах послу 18 ноября – 1 декабря 1917 г. б/№ // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 73об.; Телеграмму С. А. Поклевского-Козел К. Д. Набоков передал в Париж 19 ноября – 2 декабря за № 959 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 76об.

⁸⁷ В. А. Маклаков К. Д. Набокову, копии в Рим, Вашингтон 1/14 ноября 1917 г. // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 148; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 21.

⁸⁸ См., напр., Посол В. Н. Крупенскому и в Христианию, Мадрид, Стокгольм, Берн и Копенгаген 21 ноября/4 декабря 1917 г. № 1182 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 81.

⁸⁹ В. А. Маклаков К. Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 586 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 7; Ф. 356. Оп. 1. Д. 2. Л. 59-60.

исходила из интересов скорее иностранцев, чем русских. Он неоднократно старался корректировать высказывания своих коллег, указывая, например, посланнику в Афинах Демидову на нежелательность употребления термина «узурпаторское правительство», до тех пор, пока в этом не духе не высказались власти страны пребывания⁹⁰. Сам он «тщательно избегал всяких шагов, которые толкали бы французское правительство на какие-либо связывающие его заявления, отрезающие ему путь в будущем»⁹¹. Показательно и неоднократное использование им в телеграммах местоимения «моё» в отношении французского правительства («пока не выясню, какую позицию намерено занять моё правительство»)⁹².

С другой стороны, позиция Маклакова объясняется, по-видимому, присущим русским общественным деятелям недоверием по отношению к государственному аппарату и его чиновникам. В его конкретном случае это отношение усугубилось неприветливой встречей, оказанной ему со стороны карьерных дипломатов, служивших в посольстве в Париже⁹³. Пользуясь положением посла для ведения собственной политической работы, он ревниво относился к попыткам дипломатов принять на себя организующую роль: «Всяким заявлениям и протестам против большевиков я сочувствую и содействую, но думаю, что они не должны исходить от дипломатических представителей»⁹⁴.

Итак, в ответ на предложение, прозвучавшее из Рима, Маклаков, пренебрегая исключительным характером ситуации, заявил, что «коллективность заявления подорвала бы его значение как акта должностного лица как такового в пределах его обычных отношений к правительству, при коем оно аккредитовано», в случае же коллективного обращения к публике послы, как он полагал, могли выступать лишь как частные

---

⁹⁰ В. А. Маклаков посланнику в Афинах 23 ноября/6 декабря 1917 г. № 1191 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3.

⁹¹ Посол — русским представителям 20 ноября/3 декабря 1917 г. № 1180 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 179-180; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 78-79. См также: Посол В. Н. Крупенскому и в Христианию, Мадрид, Стокгольм, Берн и Копенгаген 21 ноября/4 декабря 1917 г. № 1182 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537.

⁹² Посол — русским представителям 20 ноября/ 3 декабря 1917 г. № 1180 // ГАРФ. Ф. 10003. Оп. 2. К. 3; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 179-182; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 78-79.

⁹³ О снисходительном третировании Маклакова со стороны советника посольства Базили пишет Г. Н. Михайловский. См.: *Михайловский*. 1993. С. 329.

⁹⁴ Посол — послу в Риме, копии в Вашингтон, Токио, Лондон 19 ноября – 2 декабря 1917 г. № 1177 // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 75.

лица⁹⁵. Сам он посчитал необходимым передать 16 ноября 1917 г. во французский МИД следующее заявление: «Русское посольство в Париже доводит до сведения французского правительства глубокое возмущение, которое оно испытывает по поводу публикации в Петрограде секретных договоров, заключенных между Россией и ее союзниками, публикация которых представляет со стороны ее организаторов одиозное нарушение подписанных обязательств» (перевод мой — Е. М.)⁹⁶. Он телеграфировал этот текст в российские посольства и миссии, как материал для возможных аналогичных акций с их стороны⁹⁷. Действовавшая в дипломатической среде инерция дисциплины позволила ему сорвать коллективное выступление. Даже старейшина Корпуса, не изменив своей точке зрения и продолжая считать общее заявление представительств полезным, посчитал необходимым подчеркнуть полное единодушие между послами в оценке позорного разоблачения секретных документов и передал министру иностранных дел заявление «совершенно тождественное» тому, что было сделано в Париже. Еще сохраняя иллюзии относительно позиции Маклакова, он предлагал все же организовать общее выступление⁹⁸. Его поддержал Крупенский из Токио⁹⁹.

Степень лояльности Гирса не разделили другие представители России. С формой, приданной протесту послом в Париже, категорически не согласился Набоков. Он решил пойти по уже проторенному пути, придав гласности резолюцию, выработанную на собрании в посольстве ведущими деятелями русской колонии в Лондоне¹⁰⁰. Собственный текст ноты протеста выработал посланник в Греции Демидов: «Имею честь направить Вашей светлости в качестве представителя России, воюющей и связанной торжественным пактом с союзниками, свое возмущение демаршем, только что сделанным по приказу узурпаторского правительства в Петрограде по поводу заключения перемирия с армиями центральных держав». До передачи греческому правительству он разослал

⁹⁵ В. А. Маклаков циркулярно 16/29 ноября 1917 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 387.

⁹⁶ Приложении за № 2 к циркулярной телеграмме В. А. Маклаков а № 1168 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 58.

⁹⁷ Циркулярная телеграмма В. А. Маклаков а от 16/29 ноября 1917 г. № 1168 // Чему свидетели мы были... С. 387.

⁹⁸ М. Н. Гирс послу 13/26 ноября 1917 г. № 913; то же Набокову за № 912 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 67об; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 111.

⁹⁹ В. Н. Крупенский. 20 ноября/3 декабря 1917 г. № 515 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537.

¹⁰⁰ К. Д. Набоков послу 17/30 декабря 1917 г. № 951 // ГАРФ. Ф. 10003. Карт 86. Р. 5; АВПРИ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 2. Л. 58.

этот документ коллегам по Корпусу для оценки в плане выработки «единства действий»¹⁰¹. Маклаков, как указывалось выше, выразил сомнение в целесообразности использования термина «узурпаторское правительство». Набоков, напротив, этот текст вполне одобрил. Демидовскую редакцию он использовал для ноты, которую передал английскому правительству 23 ноября¹⁰². Самостоятельно пришло к тем же оценкам и использовало спорную характеристику в своем протесте посольство в Копенгагене¹⁰³. Изолированную позицию занял в споре о протесте Стахович, посчитавший, что такой шаг послужил бы совершенно ненужным приобщением нейтральных испанцев к внутренним делам Антанты, тем более что среди опубликованных большевиками документов ни одного договора с Мадридом не было. Он ограничился выражением коллегам по дипкорпусу в Мадриде своего негодования и сообщением для печати. Однако позиция октябриста Стаховича объясняется не столько нейтралитетом Испании (тот же нейтралитет несколько не помешал миссии в Копенгагене проводить жесткую линию), сколько сложностью его положения посла, не вручившего верительных грамот, и близкими по духу Маклакову взглядами.

В целом можно сделать вывод, что отношение к этому важнейшему для Корпуса вопросу зависело не от объективных факторов местонахождения посольства или наличия в той или иной стране сильной русской колонии, а от личных политических взглядов и темперамента глав, а иногда и сотрудников представительств.

Итак, мы проследили первые шаги дипломатов старой России на пути, который приведет их в начале 1919 г. к созданию совещания дипломатов и общественных деятелей, переименованного позднее в Русское политическое совещание, пути, который они пройдут вместе с Белыми армиями в гражданскую войну и который им предназначен судьбой в межвоенный период. Можно констатировать, что уже в этот начальный период в спорах выкристаллизовались основные положения, которые сформировали политический и организационный облик дипломатической структуры антибольшевистского движения — Зарубежной России.

Оставшись без связи с Родиной, дипломаты, работавшие за рубежом, доказали, что они отнюдь не винтики в сложной машине россий-

---

¹⁰¹ Е. П. Демидов К. Д. Набокову 20 ноября/3 декабря 1917 г. № 700 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 2.

¹⁰² К. Д. Набоков послу 23 ноября/6 декабря 1917 г. № 970 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 90 об.

¹⁰³ М. Ф. Мейендорф в русское посольство в Париже и циркулярно 19 ноября – 2 декабря 1917 г. № 14362 // ГАРФ. Ф. 1003. Оп. 7.

ской государственности. Революция, вызвав переворот в умах, развязала инициативу не только «низов». Представительства России проявили готовность к самостоятельной, творчески созидательной деятельности.

Уже в конце октября дипломаты совершили первый «переворот» в сознании и в своих действиях. Миссии быстро наладили контакты между собой, сначала обмениваясь мнениями по поводу произошедшего и сразу вслед затем самостоятельно выработав общую позицию и образ действий на ближайшее будущее. Помимо того, что надо было определить линию поведения в экстремальных обстоятельствах, под нее надо было подвести теоретические основания. Дипломатический Корпус уже в этот период выработал теорию двух России, противопоставив России большевистской Россию национальную. Тогда же в дипломатической переписке впервые прозвучала идея непредрешенчества.

С самого начала, с отказа признать правительство большевиков Заграничный Корпус, как единственный продолжавший свободно действовать осколок старой государственной структуры занял не свойственное дипломатическим учреждениям положение. Дипломаты создали единое русское небольшевистское «поле» за границей, на тот момент единственный организованный центр противодействия большевикам. Уже в этот период свои отношения с центрами антисоветской борьбы они предполагали строить не иначе как партнерские. Этот подход позволил Заграничному Корпусу старого МИД пережить все перипетии гражданской войны в России, а по ее окончании продолжить защищать интересы русских эмигрантов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бочарова З. С.* «...не принявшие иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции. СПб.: Нестор, 2005. С. 121-122, 186-192, 201-226 и др.
- Будницкий О. В.* Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото 1918–1957. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 160-321.
- Будницкий О. В.* Послы несуществующей страны // «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка 1919–1951. В 3-х тт. М.-Стенфорд. 2001. Т. 1. С. 1-115.
- Волков Ф. Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 22.
- Документы внешней политики Советского Союза: В 24 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 11-44.
- Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М.: Русский путь, 2005. С. 23-45 и др.
- Кононова М. М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925). М.: ИВИ РАН, 2004.

- Листиков С. В.* Мир без России: Представительство Белого движения на Парижской конференции // Вестник МГИМО-Университета, 2009. № 1. С. 15-29.
- Листиков С. В.* Президент В. Вильсон, русские небольшевицкие силы и конференция на Принцевых островах // Американский ежегодник 2007. М.: Наука, 2009. С. 260-286.
- Материалы дипломатической переписки представительств Белого движения // АВПРИ. Ф. 184, 187.
- Материалы дипломатической переписки представительств Белого движения фонда Парижского посольства из Гуверовского института войны и мира, в микрофильмах переданного в Государственный архив Российской Федерации // ГАРФ. Ф. 10003.
- Миронова Е. М.* Дипломатические представительства Белой России в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции // Диаспора. Новые материалы. Т. VI. Париж-Санкт-Петербург: Athenaeum-Феникс, 2004. С. 89-134.
- Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. Кн. 2. М.: Международные отношения, 1993. С. 329.
- Набоков К. Д.* Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1923. С. 1-187.
- Подалко П. Э.* Япония в судьбах россиян. М.: Крафт+, 2004. С. 118-201.
- Смолин А. В.* Российские дипломаты за рубежом (октябрь 1917 – ноябрь 1918 г.): попытки объединения // Международные отношения в новое и новейшее время. Материалы международной научной конференции СПб., 2005. С. 288-295.
- Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. В 2-х книгах. Кн. 2. М.: Гея, 1998.

Миронова Елена Михайловна, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник ИВИ РАН; alena.stankina@rambler.ru.

ОБРАЗ ДРУГОГО

А. Б. СОКОЛОВ

ТЕЛО КАК СПОСОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ «ДРУГОГО»

В статье анализируются описания тела как постоянно используемый авторами травелогов способ конструирования Другого, которое происходит путем описания внешности и телесных практик. Автор показывает широкое использование описания тела в колониалистском дискурсе, а также в пропаганде.

Ключевые слова: тело, телесные практики, образ Другого, литература путешествий, колониалистский дискурс, визуальная пропаганда.

Летом 1842 года профессор Казанского университета Иван Михайлович Симонов с Высочайшего соизволения отправился в путешествие по Англии, Франции, Бельгии и Германии с целью ознакомиться с достижениями тамошней науки. В 1844 г. он издал записки о своей поездке, отражающие стремление автора, опытного и наблюдательного человека, к сравнению народов, жизнь которых он наблюдал, и их нравов.

Пароход, на котором отправился Симонов, сделал первую остановку в Травемюнде, и некоторые пассажиры на лошадях поехали в Любек, а оттуда в Гамбург. По дороге, в местечке Гольштейн, Симонов наблюдал танцы местных поселян на ярмарке:

«Деревенские девушки с деревенскими молодцами, под зверскую музыку, танцевали плачевные вальсы, и, потупив голову в землю, молча поворачивались то в ту, то в другую сторону. По большей части кавалеры брали своих дам под бока двумя пальцами — большим и указательным; а дамы держались за руки кавалеров выше локтя. Вне танцев женщины сидели на скамьях, а мужчины дико высматривали для себя пару. Никто ни с кем не говорил — и глубокое молчание прерывалось только нестройными звуками музыки. Какая разница с ловкими, гибкими танцами Французских поселян, и с живыми, веселыми плясками Русских крестьян». «Мне кажется, что национальные танцы могут служить одним верным данным для определения народного характера и степени образования. Не заметны ли различные виды страсти в пламенной неге танцующих Испанцев или Португальцев, и в бешеных телодвижениях и взглядах пляшущих Цыган?»¹.

Как видно, Симонов не испытывал особых симпатий к немцам: их вальсы «плачевны», взгляды «дики», музыка «зверская» и «нестройная». Телодвижения и взгляды выдают особенности культуры народа —

---

¹ Записки и воспоминания... С. 5-6.

«степень образования». Для Симонова танцы есть механизм дифференцирования, идентификации, выражения собственных предпочтений (пляски русских крестьян «живые» и «веселые»). Но автор на этом не остановился и вспомнил о давнем посещении Австралии. Там, проживая в палатке в лесу, он стал свидетелем плясок местных аборигенов:

«Человек с десять молодых мужчин стояли в строю и плясали, а один был впереди, обратясь к ним лицом. Он пел и ударял в такт двумя палочками... Танцующие стояли на земле в первой позиции, прыгали вверх, раздвигая ноги, и опять опускались на землю в первую же позицию. Во время этих прыжков они, за ударами палочек своего танцмейстера, припевали в такт: *пррсь, пррсь, пррсь*. Вот в чем состоял этот танец! Не видна ли в нем последняя степень образования и отсутствие всех страстей (кроме пьянства, до чего Новоголландцы, кочующие близь Европейских поселенцев, большие охотники)? В таких танцах незаметно ни неги любви, ни воинственного духа. В самом деле грубее, глупее и трусливее этого народа я не видал»².

Если в примерах европейских мы видим выражение приязни или неприязни, то в этом случае через описание телодвижений танцоров и их непонятных выкриков создается образ Другого — находящегося на самом примитивном культурном уровне. А вот пляска новозеландцев наполнена определенным смыслом — Симонов также наблюдал ее:

«Она состоит в однообразном топанье в такт то той, то другой ногой на одном месте, со страшным криком и с дикими телодвижениями. Песни Новозеландцев заканчиваются протяжным и хриплым звуком буквы *a*, а телодвижения кончаются быстрым наклоном головы и сильным потрясением правой руки над затылком. Пляски их показывают дух воинственный, и Новозеландцы все до них страстны: едва один начнет, все пристанут, и заблестает огонь в глазах каждого... После пляски всякий молодой Новозеландец казался героем, торжествующим победу. В этих плясках вы не заметите нежных страстей — одна война блестит в глазах танцующих Новозеландцев»³.

Смысл этого танца, уловленный И. М. Симоновым, чужд европейской культуре — он пробуждает не те страсти, которые можно понять и приветствовать.

В те же годы, когда Симонов участвовал в путешествии Беллинсгаузена, французская научная экспедиция исследовала Австралию и тихоокеанские острова, результатом чего стала публикация трехтомного научного атласа, включавшего сотни изображений. Первый том был посвящен населению, два других — растительному и животному миру. Интересно сопоставить эти визуальные источники с воспоминаниями Симонова. Очевидно, что в обоих случаях восприятие отдаленного, дру-

² Там же. С. 6-7.

³ Там же. С. 7-8.

гого мира в основных чертах совпадает. На изображениях аборигены Австралии выглядят как представители низшей расы и культуры (илл. 1). Идея «другости» подчеркивается тем, что даже обмен между ними и европейцами происходит не при непосредственном приближении одних к другим, а посредством длинной палки, что, безусловно, символизирует недоверие между ними (илл. 2). Предбрачная церемония, по ходу которой дикари «разрывают» тело женщины, символизирует в глазах европейцев отсутствие у них какой-то доли цивилизованности (илл. 3).

Танцы аборигенов изображены на других картинках, правда, сделанных не в Новой Зеландии, а на Каролинских островах. Двое танцующих туземцев определенно напоминают борцов, готовых вступить в схватку (илл. 4). В групповом танце (под руководством танцмейстера, как выразился Симонов) участвующие как бы разбиты на группы; они вооружены палками (илл. 5). В нем явно ощутим воинственный дух, впечатливший Симонова. Зато в другом групповом танце (илл. 6 удивление вызывают движения и позы в этом случае безоружных танцоров⁴.

Нельзя, однако, не чувствовать ограниченность нашего понимания и понимания Симоновым «языка тела» аборигенов Австралии и Океании. Заметим, что в случае с австралийцами он фактически отказывается от попытки трактовать идею танца, а говоря о новозеландцах, улавливает лишь один смысл: воинственной угрозы. Если понимать танец аборигенов как коммуникативную систему жестов и телодвижений, то получается, что он (как и мы) раскодировал только те из них, которые носят универсальный характер. «Проблема межкультурного соответствия жестов... тесно связана с интерпретацией невербального текста одной культуры носителями другой и с проблемой переводимости. Хотя в невербальных компонентах человеческой коммуникации в разных культурах больше сходств, чем различий, последние все же имеются»⁵.

Стоит заметить, что тело жителя Океании могло служить для европейцев и как положительный пример в сравнении с другими нецивилизованными народами. Так, в описании экспедиции капитана Росса говорится: «Какую разительную противоположность являет Эскимос сей относительно к жителю островов Южного Океана! Тот ростом шесть футов с половиною (фут составляет примерно 30,5 см — А. С.),

---

⁴ Источник иллюстраций 1-9: Voyage autour du monde fait par ordre du Roi sur les corvettes de J. M. l'Uraïne et la Physicienne pendant les années 1817, 1818, 1819, 1820. Atlas Historique. A Paris, 1825.

⁵ Крейдлин Г. 2004. С. 131.

прямым, строен, благообразен и имеет столь правильные черты лица и члены, что может служить образцом для Ваятеля»⁶.

Танец как выражение языка тела может служить кодом для расшифровки культурных отличий. Хороший пример дает работа британского историка О. Файджеса, название которой «Танец Наташи. Культурная история России» содержит в себе предпосылку, призванную помочь найти ответ на основные вопросы, поставленные автором вслед за Л. Н. Толстым: «Что значит быть русским? Каково место и предназначение России в мире? И где настоящая Россия? В Европе или Азии? В Санкт-Петербурге или Москве? То ли это царская империя, то ли грязная деревня в одну улицу, в которой проживал “дядя” Наташи?»⁷. Для Файджеса танец Наташи — ключ к пониманию русской культуры.

Возвращаясь к литературе путешествий, отметим: описание тела — постоянно используемый авторами травелогов способ конструирования Другого. В описании капитанов Росса и Бухана один из жителей северного побережья Северной Америки был пяти футов одного дюйма ростом, «лицо имел широкое, лоб низкий, нос маленький и прямой, щеки полные и круглые, рот большой полуоткрытый, белые правильные зубы, глаза маленькие, черные, овальные и один к другому весьма близкие, волосы черные грубые. Телом он был плотен, руки имел короткие, толстые и пальцы короткие. Ноги также короткие, толстые, на коих он двигался очень неловко. Хотя черты его лица изображали добродушие, но в то же самое время видна была на оном печать невежества и дикости, общая всем необразованным народам»⁸. К описанию «неприятной наружности» эскимосов автор считал нужным «присовокупить, что они чрезвычайно нечистоплотны. Руки их и лица были так запачканы жиром и грязью, что вероятно они от рождения не умывались». Более того, он рассказывал о своеобразном эксперименте, когда нескольких эскимосов пригласили на корабль, и в их присутствии начали играть музыканты. Результат, казалось, полностью подтвердил примитивный уровень этого народа: «Но дикари сии не обратили ни малейшего внимания ни на играющих, ниже на звук инструментов. Это служит новым и сугубым доказательством, что для наслаждения музыки надобно иметь нежные чувства и утонченный вкус»⁹.

Часто у авторов-европейцев тела приобретают все более гротескный, монстрообразный вид по мере того, как они отдаляются от Европы.

⁶ Путешествие капитанов Росса и Бухана... С. 24.

⁷ *Figes*. 2002. P. XXVII.

⁸ Путешествия капитанов Росса и Бухана... С. 24.

⁹ Там же. С. 26.

Подтверждением этого являются «Путешествия» голландца Яна Стрейса, книга, появившаяся в Амстердаме в 1675 г. Стрейсу пришлось повидать многие страны, и не только Средиземноморье и Россию, но и самые отдаленные уголки Ост-Индии. Если «истинные русские, или московиты коренасты, толсты и жирны телом, с особенно нескладными головами, руками и ногами... некрасивы и не нежны», то все же женщины Московии «обычно хорошо сложены, у них гладкая и белая кожа»¹⁰. Но они явно злоупотребляют мазями, как «шут, посыпаящий свое лицо мукой». А вот калмыки (калмыцкие татары, как называет их источник) и вовсе «отвратительные, мерзкие, безобразные люди, и даже у готтентотов и уродливых мавров более приветливые и красивые лица, чем у них. Лица их широки, почти четырехугольны, большие изогнутые носы и рты, расставленные до ушей. Глаза у большинства занимают всю верхнюю часть лица»¹¹. Нехороши и «ногайские и крымские татары — толстые, с широкими лицами, маленькими глазами и желто-коричневой кожей. Глаза у мужчин глубоко запали, как у старух, вокруг рта у них так редки волосы, как колосья у бедняков; они бреют головы, отсюда можно заключить, какой у них приятный и красивый вид», — иронизировал Стрейс¹². Однако замечал, что все-таки они не так безобразны, как калмыки.

Гендерные различия прослеживаются в описании Стрейсом «черкесских татар», у которых «мужчины крепкого сложения с широкими лицами, но не такими четырехугольными, как у калмыцких или крымских татар. Кожа их большей частью желто-черного цвета, и они подстригаются на чужеземный лад. Они выбривают полосу через голову и оставляют косу на затылке. Длинные и черные, как смоль, волосы висят по обеим сторонам лица, иногда распущенные, а иногда завязанные или заплетенные»¹³. Иное впечатление произвели женщины, у которых, «чему весьма удивляешься, белоснежная кожа и красные, как бы накрашенные щеки, приветливые, красивые и милые лица, так что в них можно влюбиться. Они большей частью хорошо сложены. Их брови и волосы черны, как уголь, они их заплетают в семь или восемь косичек вокруг головы»¹⁴. Описание «дагестанских татар» (захвативших Стрейса в плен и продавших в рабство) более краткое: «У дагестанцев крепкое сложение, желто-черная кожа и отвратительная наружность»¹⁵.

---

¹⁰ Стрейс. 2006. С. 190-191; 194.

¹¹ Там же. С. 223.

¹² Там же. С. 229.

¹³ Там же. С. 250.

¹⁴ Там же. С. 251.

¹⁵ Там же. С. 255.

Многие из приведенных здесь описаний или прямо повторяют, или перекликаются с «Путешествиями» Адама Олеария, источником, явно известным Стрейсу. Но это тем более показательно, так как он ссылкой на собственный опыт подтверждает и закрепляет стереотип Другого, уже сложившийся в европейской литературе путешествий.

Еще до приезда в Россию Стрейс совершил путешествие с кораблями Голландской компании в Ост-Индию, которое он описывает в первой части своего труда. Здесь тоже немало описаний внешнего вида туземцев. Жители Сьерра-Леоне «не совсем черные, а скорее коричневые, и тело их в некоторых местах прижжено раскаленным железом, в ушах и ноздрях проткнуты дырочки, куда они вдевают драгоценности и золотые кольца, воображая, что превосходно тем себя украшают. Мужчины и женщины ходят голыми, только прикрывают стыд передниками из коры»¹⁶. Жители Мадагаскара «частью белые, частью чернокожие; у первых длинные редкие волосы, у других слегка курчавые и довольно красивые. Там есть еще желтые, они совсем дики и никогда не подрезают волос на голове и бороды, тогда как первые иногда это делают. Мадагаскарцы в большинстве случаев коварны, лживы и прирожденные воры... Они от природы вялы и ленивы, и их нелегко заставить за тяжелой работой, зато они питают большую склонность к пению и пляске»¹⁷.

На острове Формоза мужчины довольно высокого роста, а женщины чаще низкорослы: «У них круглые лица, большие глаза, плоские носы и обычно большие груди. Мужчины не носят бороды, но это у них не от природы, а потому, что они постоянно выщипывают волосы, как только они появляются. Наоборот, уши у них очень длинные, что считается большим украшением, их прокалывают и вставляют рожок, вроде винта, от чего они становятся круглыми и оттопыриваются»¹⁸. На острове есть и люди с хвостами, сам Стрейс видел одного такого, обросшего густой шерстью, с хвостом «длиной в добрый фут». Бедного малого казнили за убийство, «поджаривали перед смертью так, что с него стекал жир». Многие удивлялись его наружности и, разговаривая с ним, узнавали, что в его местности большинство людей наделено хвостами. Желая, как и любой автор травелогов, быть достоверным, Стрейс замечал: «Об этом я не могу знать, но у этого человека был хвост, это так же несомненно, как и то, что у него была голова».

---

¹⁶ Там же. С. 66.

¹⁷ Там же. С. 71.

¹⁸ Там же. С. 108.

Любопытно, что Стрейс не дал описания сиамцев, хотя и отметил их исключительную чистоплотность. В описании этой страны, пожалуй, проявляется известная симпатия к ее жителям, сочетающаяся с порицанием жестоких нравов и деспотического правления. Можно объяснить это доброжелательным отношением здесь к европейцам, особенно к голландцам. А вот японцы «белы кожей, но желтее европейцев... Мужчины крепко сложены и у них толстые головы. Напротив, женщины маленькие и худые телом и станом, и ноги у старых и взрослых не больше, чем у детей четырех и пяти лет, что считается у них особым украшением; всеобщим уважением пользуется та, у которой самые маленькие ноги; поэтому они сдавливают ноги колодками: пусть тело растет, как хочет»¹⁹.

Конструирование Другого происходит не только путем описания внешности, но и через описание телесных практик или каких-то особых действий, служащих для нанесения чрезвычайной физической боли. Примером может служить история жены одного перса, который в наказание другим своим женам наказал ее за попытку бегства тем, что заживо ее освежевал. В другом месте Стрейс рассказывает о судьбе женщины-китайки, изнасилованной итальянскими матросами, которую ее муж затем распял и мучил до смерти. Разного рода обычаи, связанные с телом: брачные, похоронные, пища и т.д. вызывают удивление у автора.

Характерно, что способы конструирования образа Другого через описание тела и телесных практик, сделанное в начале XIX в. русским офицером Давыдовым, не существенно отличаются от Стрейса. Он описывал жителей острова Кодьяка у побережья Аляски, именуя их Конягами: «В лице Коняг нет ничего особенного, могущего вообще отличать сей народ от других. Есть круглые, плоские и продолговатые лица, только в обоих полах мало видно приятных, и мужчинам должно отдать в том преимущество»²⁰. Надо полагать, что здесь аборигены Кодьяка сравниваются не с европейцами, а с другими американскими племенами. Главное проявление «дружости» в том, как они украшают свои тела: так, женщины собирают волосы в пучки у самого затылка, а спереди обрезают их вровень с глазами; они украшают себя «совершенно противным нашему вкусу образом», а именно протыкают носовые хрящи и вставляют в образовавшиеся дырки кости и бисер. Число таких дырок может быть от двух до шести. Более того, они «вышивают себе бороды», то есть вводят под кожу, от подбородка до ушей, состав черного цвета, и такой рисунок сохранялся на всю жизнь. Также «девки», выхо-

¹⁹ Там же. С. 113-114.

²⁰ Двукратное путешествие в Америку... 1812. С. 5.

дя замуж, наносят на свое тело татуировку в виде ленты с украшениями, идущей «с одного плеча под пазуху другого». В уши тоже вставляются украшения, самыми дорогими из которых считаются сушеные цукли, то есть червяки, привезенные откуда-то с материка. Давыдов передает рассказ о том, что их добывают, опуская на несколько дней в какое-то озеро мертвое тело, часто убитого с этой целью невольника. «Мужчины на Кадьяке также не оставляют себя без украшения»: например, некоторые не просто протыкают нижнюю губу, а прорезают ее так, что кажутся двуротыми. Когда такие люди пьют или едят, «то сквозь нижнюю губу течет, от чего прикраса сия еще отвратительнее делается»²¹. Это описание дополняется сообщением об идущем от аборигенов неприятном запахе, а также об «отвратительной нечистоте» вокруг их шалашей, так как они «ни для чего от оных не отходят».

К числу сильных сторон натуры Коняг Давыдов относил хорошее зрение и верность глаза, «исправную» память, «необремененную учением и познаниями», доведенную до совершенства способность ориентироваться на суше и на море, здоровье и то, что и в старости они не кажутся дряхлыми (правда, стариков среди них немного). В отличие от других «диких», индейцы с острова не промышляют воровством. Они вольнолюбивы и не терпят порки, многие после нее расставались с жизнью. Негативных черт куда больше: неблагодарность, жестокость, глупость, сочетающаяся с умением «наблюдать свои выгоды», дикость в воспитании детей (например, иногда их заставляли вспарывать животы пленникам и вытаскивать кишки из живых еще людей), наконец, лень: «Крайность только может их принудить приняться за что-либо. Живучи зимой в селениях Островитян, я видел, что целый день никто почти ничего не делает, лежат все в теплом покое, дремлют и даже мало говорят. Иной возьмет бубен, начнет бить в него, как будто поневоле заставленный, и запоет зевая; а там по времени также как будто нехотя и другие пристанут к нему. Иногда вечером поют все при звуке бубнов»²². Аборигены, вовлекаясь в совместный с колонизаторами промысел, торговлю и даже азартные игры, слабо воспринимали «чужие» телесные практики: «иные, перенимая у Русских и Англичан, начали стричься спереди, однако нет на то общего поверья»²³.

Как текст Стрейса, так и описание Давыдова принадлежат к той большей части травелогов, которые конструируют образ людей далеких стран как Других, а не как близких, родственных, имеющих черты общ-

²¹ Там же. С. 9.

²² Там же. С. 24-25.

²³ Там же. С. 4.

ности. Он строится на противопоставлении, а не на поиске единства (здесь мы не рассматриваем отмечаемую в литературе тенденцию, проявившуюся в век Просвещения, к идеализации образа дикаря как положительного Другого, антитезы недостойной Европе). Британский историк П. Бёрк пишет: «К сожалению, большинство стереотипов “других”, таких, как евреи глазами не евреев, мусульмане глазами христиан, черные глазами белых, крестьяне глазами горожан, военные глазами гражданских, женщины глазами мужчин и т.д., были и остаются враждебными, презрительными или, по меньшей мере, снисходительными. Возможно, что за этой ненавистью психолог увидит страх или бессознательное перенесение на другого нежелательных черт самого себя»²⁴.

Как отмечает Бёрк, одним из архаичных способов конструирования образа Другого, известного с древности, является наделение его животными или монстрообразными чертами. Еще у древних греков имелись представления о целых народах с песьими головами, о народах без голов, об одноногих, каннибалах, пигмеях, амазонках и т.д., перекочевавшие не только в средневековье, но и в раннее новое время. Конечно, освоение Земли европейцами, рационализация мышления как следствие «научной революции» вели к отходу от подобных представлений, но атавизмы их сохранялись. Не в этом ли ключ к пониманию рассказа Стрейса о людях с хвостами или его намек на происхождение хотя бы части мадагаскарцев от обезьян? В то же время описание москвитян и населения российского приграничья формально вполне реалистично, но по существу преследует ту же цель.

Связь между географическими открытиями и культурной историей демонстрирует статья израильского историка Э. Хоровица²⁵. Он считает, что «открытие» Америки привело европейцев к фундаментальной смене образа главного Другого, и это проявилось в изменении моды. Историк обратил внимание на то, что с первых десятилетий XVI века, в отличие от предыдущего столетия, все «великие» Европы, как это видно на портретах, отпустили бороды. Достаточно вспомнить папу Юлия II, императора Карла V, Генриха VIII Английского или Франциска I Французского. До начала XVI в., когда главными «другими» для европейцев были мусульмане и евреи, изображавшиеся с бородами, первые (во всяком случае, те люди элиты, которых изображали на портретах) были безбородыми. После открытия нового континента евреи и турки продолжали оставаться чужими, но все же образ главного Другого стал ас-

---

²⁴ *Burke*. 2001. P. 126.

²⁵ *Horowitz*. 1997. Vol. XXVIII. N 4.

социироваться с американскими индейцами, которых считали безбородыми то ли от природы, то ли по другим причинам (растет ли у них борода, и в XIX в. оставалось предметом разногласий между авторами, об этом писавшими²⁶). Иногда это связывалось с последствиями сифилиса, как утверждали многие современники, распространившегося в Европе после открытия Колумба, а в ранних сочинениях XVI в. объяснялось их гомосексуальностью. Хоровиц подчеркивал: появление бород на лицах европейцев никак нельзя считать случайностью или прихотью. Более того, он даже предполагает: когда Франциск в 1530-х гг. повернул свою политику в сторону сближения с Османской империей, борода сыграла определенную роль в том, чтобы способствовать менее демонизированному взгляду на (бородатых) турок.

В литературе отмечается, что в XIX в. тело служит способом конструирования Другого в колониалистском дискурсе. При этом соответствующие аргументы была призвана представить медицина и смежные с ней науки. Это явилось отражением процесса, названного М. Фуко медиализацией жизни. Именно тогда медицина превратилась во влиятельную дисциплинарную технологию, и представители этой профессии получили ранее несвойственное им право регламентировать правила социального поведения. Так, биометрика давала «научные» обоснования для легализации расовых различий. Американский автор сообщает: накануне гражданской войны в США яростный поборник рабства врач С. Картрайт фактически получил от штата Луизиана заказ на обоснование природной неполноценности черных, что подвело его к детальному изучению телесных различий белых и негров, включая волосные ткани, длину костей, восприимчивость к болезням и даже цвет внутренних органов. Если сразу после гражданской войны в медицинских журналах утверждения о расовых различиях ставились под вопрос, и даже публиковались статьи о телесных сходствах представителей разных рас, то после окончания Реконструкции Юга идея естественных расовых различий вновь восторжествовала²⁷.

Примером использования тела в колониалистском дискурсе о сексуальности может служить известная история «готтентотской Венеры» (европейцы называли ее Сарой Бартман), привезенной из Южной Аф-

---

²⁶ Как с долей иронии писал об этом Давыдов, «бороды у островитян небольшие, да и расти начинают оные позже, нежели у Европейцев. Давно ли люди, не выходявшие век из кабинета, перестали утверждать, что Американские народы не имеют бород? У Лаперуза видим, что в Хилю (Чили – А. С.) самые Гишпанцы не могут еще в том согласиться между собою» (Двукратное путешествие в Америку... С. 9).

²⁷ Man-Made Medicine... P. 17.

рики в 1810 г. Ее выставляли сначала в Лондоне, потом в Париже как «урода», «дикаря-монстра», привлекая внимание публики размерами ягодиц и формой нижней части живота. После скорой смерти в 1815 г. Сара была подвергнута вскрытию, причем врач Куве «дегуманизировал ее, сравнивая с орангутангом и внося вклад в формирующееся представление о том, что африканцы ближе к животным, чем к человеку»²⁸. С частей ее тела были сделаны гипсовые копии, выставившиеся в Музее человека в Париже вплоть до 1982 г. Только тогда, после протестов, останки «готтентотской Венеры» были преданы африканской земле. Как пишет П. Нетто, «посредством пристального осмотра в медицинском и этнографическом дискурсах была сконструирована “правда” о сексуальности черных. “Примитивные” гениталии готтентотских женщин выступали в европейском колониальном дискурсе выражением “примитивных” сексуальных appetitov... Так визуальными средствами подчеркивалась “отличность” женской негритянской сексуальности, представляемой как антитеза сексуальности европейской и нормам цивилизованности»²⁹. Организованную в 1994 г. фотовыставку по мотивам этой истории автор статьи интерпретирует как попытку преодолеть стереотипы колониалистского мышления.

В работе, посвященной народным представлениям о теле «иностранца», О. Белова пишет: «В традиционной народной культуре образ любого этнически или конфессионально “чужого” может быть описан при помощи стандартной схемы. Выделяется ряд ключевых позиций, по которым “опознается” чужой среди своих: внешность, запах, отсутствие души, сверхъестественные свойства (способности к оборотничеству, магии и колдовству, чаще вредоносному); “неправильное”, с точки зрения носителя местной традиции, поведение (обусловленное “чужими” и, следовательно, неправильными, греховными, демоническими, ритуалами и обычаями), язык»³⁰. Рассмотрение литературы путешествий XVII–XIX вв. приводит к интересному выводу: хотя ее нельзя считать проявлением народной культуры, более того, авторами часто являлись представители образованной элиты, все ключевые позиции, отмеченные Беловой в отношении представлений низов, в той или иной степени обнаруживаются в ней. Это позволяет согласиться с выводом Бёрка о живучести стереотипов и даже говорить о живучести архаичных форм сознания и в эпоху «научной революции».

---

²⁸ Reclaiming the Body... P. 150.

²⁹ Ibid. P. 153.

³⁰ Белова. 2005. С. 147.

В качестве особой категории источников могут быть выделены те, которые отражают облик внешнего врага. Изображения тела противника, не воспринимаемого как «культурный Другой», широко используются в пропаганде, в том числе визуальной. Понятно, что наиболее широкие возможности для этого предоставляет карикатура: в этом случае тело выступает как метафора, тогда как идентификация «культурного Другого» в большей степени опирается на аргументы, почерпнутые в научном или медицинском дискурсе. Использование тела как метафоры часто основывается на стереотипах сознания и призвано консервировать их. Недаром известный советский карикатурист Б. Ефимов замечал: «На канве старой знакомой метафоры могут быть вышиты любые новые сатирические узоры, неоднократно использовавшаяся традиционная форма может быть наполнена новым злободневным содержанием»³¹.

В современной литературе есть немало публикаций, основанных на анализе визуальной пропаганды, в которых подчеркивается значение в этом плане телесности. Примером может служить статья, посвященная польской и советской сатирической графике³². Ее авторы констатируют: «Среди визуальных приемов инаковизации польского врага отметим противопоставление тела Своих, воплощающих нормальную гармоничную телесность, и девиантного тела Чужих. Можно выделить два модуса телесности польского врага и трактовать их в качестве антиподов двух модусов Своего тела, условно говоря, “пролетарского” и “крестьянского”. Первый (“антипролетарский”) — это образ “пузатого пана”... Второй (“антикрестьянский”)... — это польский шляхтич, как правило, офицер, с высокомерным выражением лица и худым телом». Наоборот, «типичный русский с польской карикатуры изображается с неопрятной бородой или щетиной, нечистоплотным, неряшливо одетым; излюбленной мишенью карикатуристов остается пьянство»³³.

В годы Отечественной войны карикатура служила формированию образа противника — она и высмеивала, и пугала. Так карикатурный плакат из серии «Окна ТАСС» «Вояка-раскоряка» художника Соколова-Скаля (илл. 7) воспроизводил образ Гитлера, с его усиками, в самой ироничной, карнавальной ситуации, когда штаны у него лопнули, и в таком позорном виде он предстал перед зрителем. Как замечает в своей несколько игривой книге французский автор, «зад считали малодушным и трусливым. Его называли *тыловой крысой*, которая вечно старается не попасть на передовую, а выражение “показать спину (задницу)” всегда

³¹ Ефимов. 1961. С. 61.

³² Де Лазари, Рябов. 2008. № 1-2.

³³ Там же. С. 76, 79.

говорило о позорном бегстве»³⁴. Эта карикатура сопровождалась стихотворением Д. Бедного, который также использует метафоры тела: «Гитлер выдвинул задачу / Взять Москву с Баку впридачу / — Вот я ноги раскорячу! / Как же тут не быть греху? / У вояки-раскоряки разлетелись швы в паху / Гитлер хочет грубым жестом смазать явственный скандал / Рассуждал каким он местом — местом тем и пострадал».

Можно выделить особый случай, когда речь идет, пользуясь определением Бёрка, о «Другом дома». Примеры такого рода дают разные эпохи и общества. Достаточно вспомнить, что первейшим признаком для обнаружения ведьмы были знаки на теле, оставшиеся, как считали инквизиторы, от встречи с дьяволом. Бёрк рассматривал этот пример с гендерных позиций: «Крайним случаем мужской инаковизации женщин является образ ведьмы, обычно безобразной и часто ассоциирующейся с животными, такими, как козлы и кошки, а также и с дьяволом... В XVI и XVII вв. ведьм часто изображали приготавливающими и поедающими детей»³⁵. Историки, занимавшиеся темой ведовства и охоты на ведьм, давно заметили, что подавляющее большинство тех, кто подвергся преследованиям, были немолодые по стандартам того времени женщины, часто старше пятидесяти лет. В частности, это объяснялось тем, что они легче становились изгоями, то есть «Другими дома»³⁶.

Метод определения преступников, предлагавшийся Чезаре Ломброзо, как и стремление опереться на данные «научной» антропологии в проведении расовой политики гитлеровского рейха — тоже варианты использования тела для разоблачения внутренних врагов. Обоснование биологических особенностей евреев, цыган и других категорий населения, отличных от арийцев, становилось основой для соответствующей «политики тела», от ограничений в посещении тех или иных мест до «окончательного решения» (еврейского вопроса). То же касается и нацистской политики по отношению к лицам, страдавшим наследственными и психическими заболеваниями. И в этом случае болезнь как проявление телесности служила обоснованием антигуманной политики под лозунгом оздоровления немецкой нации³⁷.

Разделение на здоровое гармоничное тело и тело нездоровое, даже антитело, выполняет функцию идеологического обоснования необходимости очищения, избавления от нечистоты. В этом смысле обращает на себя внимание метафорическое использование риторики тела в про-

---

³⁴ Энниг. 2006. С. 167.

³⁵ Burke P. Op. cit. P. 136.

³⁶ См., напр.: Levack. 1995.

³⁷ См., напр.: Burleigh. 1991.

паганде сталинского террора. Возьмем для примера отрывок из речи Г. Димитрова перед избирателями Костромы 8 декабря 1937 г.:

«Блок фашистских государств рассчитывал на своих агентов в Советском Союзе. Но фашисты просчитались. Не удалось это благодаря железной воле железных людей нашей партии, Центрального Комитета партии и товарища Сталина. (Бурные аплодисменты). Наемные агенты фашизма, вредившие нашей стране, были разгромлены. Надо сказать прямо, что разгром троцкистско-бухаринских агентов фашизма, шпионов, диверсантов, вредителей в Советской стране является крупнейшим поражением поджигателей войны. Карты спутались, нити порвались, агенты провалились. Ежовые рукавицы товарища Ежова (бурные аплодисменты) сжались вовремя и попали в цель. Эти ежовые рукавицы, товарищи, крепки потому, что они опираются на партию, на советский народ, на тех, которые ведут страну вперед, потому, что они выполняют непоколебимую волю советского народа, здорового, крепкого, молодого советского народа (аплодисменты) против гнилых, разложившихся, смердящих трупов агентов фашизма, продавшихся врагу»³⁸.

Противопоставление здорового, молодого (тела) советского народа, железных людей с железной волей и лично Сталина (человека из стали) разложившимся трупам (врагов) переносит акценты с рационального обоснования того, что не может быть рационально обосновано, на подсознательные и архаичные стереотипы. Да и манипуляции с аплодисментами направлены на утверждение установок на Своего и Чужого.

Тело «своего Чужого» было объектом карикатурного изображения в визуальной пропаганде. С началом «великого перелома» главной мишенью карикатуристов стали нэпманы и кулаки. На рисунках проживавшего в Ярославле художника Франца Весели (австрийца, оставшегося после плена в Советской России), в отличие от западного выбритого буржуа, советский нэпман оброс щетиной, но Молотов ее побреет, устранив из потребкооперации нэпманский душок (илл. 8). Еще более характерно изображение кулака с озлобленным взглядом, оскаленными зубами, сжатыми кулаками, с намордником на лице (илл. 9). Советская карикатура обличала и таких «героев» советской действительности, как бюрократы, прогульщики, лодыри, подхалимы и т.д. И в этом случае тело являлось важнейшим средством выражения коммуникативного смысла. Рисунок с характерной изогнутой фигурой подхалима, пристроившегося за своим начальником и готового к выполнению соответствующего действия, изобличает и его, и бюрократа в шляпе и очках, лицо которого сияет удовольствием от происходящего (илл. 10).

Как видно из приведенных примеров, конструирование «внутреннего чужого» в пропаганде основывается на эксплуатации в основном

³⁸ Коммунистический Интернационал. С. 13.

тех же ключевых позиций, которые были отмечены в отношении «культурного Другого»: внешность, неправильное телесное поведение, запах (смердящие трупы), сверхъестественные магические способности («оборотни» не только фашисты на войне, но и маскирующиеся враги народа), язык. Здесь уместно напомнить слова М. Гефтера: тело, его движения и действия «являются таким же историческим документом, свидетельствующим о прошлом, как дневник или грамота»³⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белова О. Тело «иногородца» // Тело в русской культуре. Сб. статей / Сост. Г. И. Кабакова, Ф. Конт. М., 2005.
- Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. Часть 2. СПб., 1812.
- Де Лазари А., Рябов О. Образы Врага. Поляки и русские в сатирической графике межвоенного периода // Историк и художник. 2008. № 1-2.
- Ефимов Б. Е. Основы понимания карикатуры. М., 1961.
- Записки и воспоминания о путешествии по Англии, Франции, Бельгии и Германии в 1842 году профессора Симонова. Казань, 1844.
- Коммунистический Интернационал. 1937. № 12.
- Крейдлин Г. Невербальная семиотика. М., 2004.
- Путешествие капитанов Росса и Бухана в северные полярные страны. СПб., 1822.
- Стрейс Я. Я. Три путешествия. Рязань, 2006.
- Тело в русской культуре. Сб. статей / Сост. Г. И. Кабакова, Ф. Конт. М., 2005.
- Энниг Ж.-Л. Краткая история попы. М., 2006.
- Burke P. Eyewitnessing. The Uses of Images as Historical Evidence. L., 2001.
- Burleigh M. The Racial State: Germany, 1933–1945. Cambridge, 1991.
- Figes O. Natasha's Dance. A Cultural History of Russia. L., 2002.
- Horowitz E. The New World and the Changing Face of Europe // Sixteenth Century Journal. 1997. Vol. XXVIII. N 4.
- Levack B. The Witch-Hunt in Early Modern Europe. L., 1995.
- Man-Made Medicine. Women's Health, Public Policy and Reform / Ed. by K.C. Moss. Duke U.P., 1996.
- Reclaiming the Body of the 'Hottentot' // European Journal of Women's Studies. 2005. Vol. 12. Issue 2.
- Voyage autour du monde fait par ordre du Roi sur les corvettes de J.M. l'Ukraine et la Physicienne pendant les annees 1817, 1818, 1819, 1820. Atlas Historique. A Paris, 1825.

Соколов Андрей Борисович, д.и.н., профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета; sokolov_1457@mail.ru.

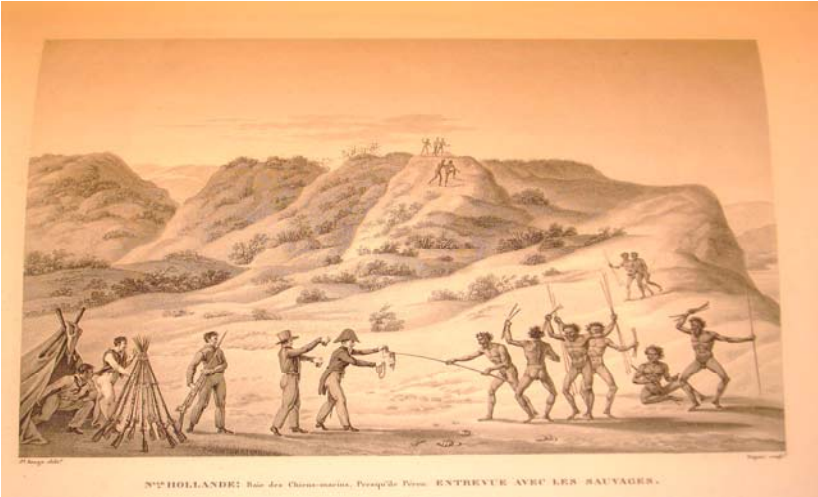
---

³⁹ Цит. по: Тело в русской культуре. С. 25.

Илл. 1.

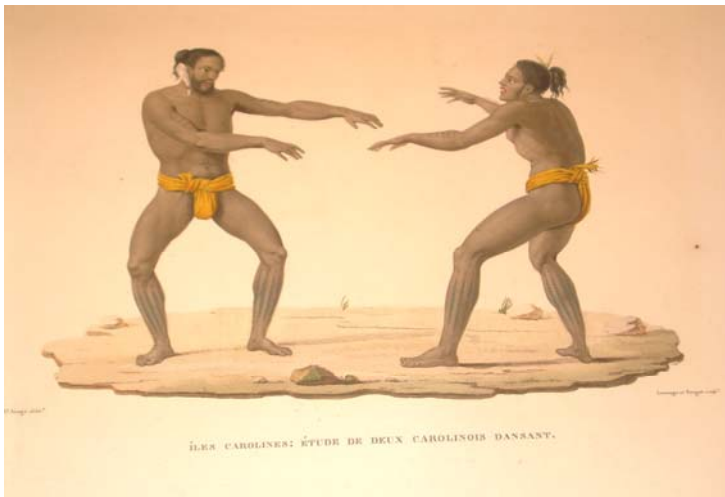
Илл. 2.

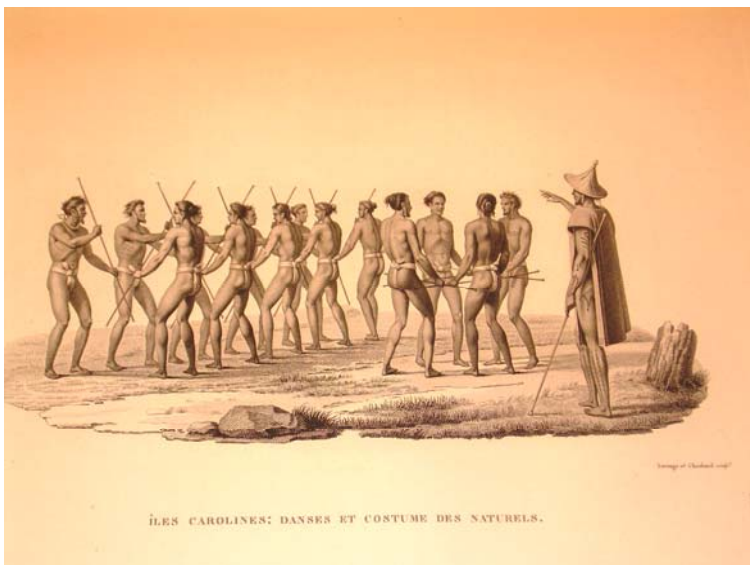

Илл. 3

Илл. 4

Илл. 5

Илл. 6

Илл. 7

Илл.8

Илл. 9

Илл. 10

Е. Н. МОИСЕЕВА

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА И КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ВО ФРАНЦУЗСКОМ ИМПЕРСКОМ ДИСКУРСЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX В.

В статье рассматривается имперский дискурс Франции в последней трети XIX в. во взаимосвязи с дискурсом национализма. Внимание сосредоточено на изучении конфессионального фактора французской имперской пропаганды. Анализируются тексты журналиста Г. Шарма, посвященные колониальной экспансии Франции в последней трети XIX в., ее миссионерской деятельности в Африке и на Востоке. Актуализация подобных пропагандистских текстов позволяет лучше понять интеллектуальную культуру Франции после ее поражения в войне с Пруссией.

Ключевые слова: национализм, имперский дискурс, Франция, колониальная экспансия, религиозная пропаганда, католический протекторат.

В последние десятилетия тема национализма находится в центре внимания практически всех наук об обществе. Сегодня, однако, подчеркивается необходимость ситуационного подхода в изучении уже не национализма, а национализмов¹. К. Калхун считает, что национализм может принимать различные формы и измерения: «Национализм — это риторика, которая используется для озвучивания слишком многих вещей, чтобы его можно было объяснить одной теорией»². По его мнению, национализм имеет три измерения. Национализм как проект — это социальные движения и государственная политика, посредством которых люди пытаются преследовать интересы общностей, которые они считают нациями. Национализм как способ оценки — это политические и культурные идеологии, утверждающие превосходство отдельной нации. Национализм как дискурс — это «производство отдельных разновидностей националистической мысли и языка в особых условиях и традициях»³.

В данной работе национализм рассматривается как «дискурсивная формация», как образ речи, мысли и действия. «Особыми условиями» для

---

¹ «С конца XVIII в. национализм находился в процессе модульного перенесения и адаптации, приспособляясь к разным эпохам, политическим режимам, экономическим и социальным структурам». Андерсон. 2001. С. 75.

² Калхун. 2006. С. 36.

³ Там же. С. 32-33.

«производства» французского варианта дискурса национализма стали годы, последовавшие за поражением Франции во франко-прусской войне — последняя треть XIX в. В это время во Франции утвердился республиканский строй, и новая Республика взялась за строительство новой Империи. III-я Республика, приняв в наследство от предыдущих режимов колониальные владения, заимствовала и колониальные идеи, которым пришлось уживаться с великими демократическими принципами, унаследованными республиканцами от Революции 1789 г. Одновременное существование нации и империи привело к возникновению дискурса, обеспечивавшего единство этих двух противоположных систем отношений: нации как относительно гомогенного пространства прав, обязанностей и языка, и империи как принципиально гетерогенного пространства.

Учитывая важность ситуативного подхода в изучении националистического дискурса, необходимо обратить внимание на сам факт поражения Франции во франко-прусской войне в 1871 г. Французская нация была разгромлена зарождающимся немецким национальным государством. Националистические чувства были особенно уязвлены потерей Эльзаса и Лотарингии и провозглашением Германского государства в Версале. Это обусловило особую эмоциональность французской националистической риторики⁴.

Для Франции послевоенный период был связан не только со становлением новой республиканской формы правления, но и с не менее ответственным для правящего класса выбором внешнеполитического курса. Униженная, лишенная территорий страна столкнулась с необходимостью восстановления былого престижа. Р. Жирарде говорит о противостоянии во Франции в это время двух типов национализма: имперского и континентального. Одни видели будущее Франции на Африканском и Азиатском континентах, а другие мечтали о реванше над Германией и скорейшем возвращении потерянных Эльзаса и Лотарингии⁵. И сторонники колониальной экспансии, и её противники считали себя патриотами, использовали националистические призывы, оперировали концептом «нация». Без этого они не могли рассчитывать на поддержку в обществе. Язык национализма во Франции в рассматриваемый период не был монополией какой-либо одной группы, партии, даже политического спектра. Крайне правые, умеренные, радикалы использовали его и боролись за единоличное владение им.

---

⁴ К. Калхун считает, что «дискурс наций выражается в основном на языке страсти». См.: Там же. С. 27.

⁵ *Girardet*. 1966. P. 108.

Реваншистские настроения были очень сильны. «Мой патриотизм во Франции»⁶, — заявил лидер радикалов Ж. Клемансо на парламентских дебатах 31 июля 1885 г. Ф. Пасси — либеральный экономист и депутат парламента резко высказывался против «этих авантюр, дорогостоящих и бесплодных экспедиций <...>, против потери золота и крови Франции»⁷. Э. Дрюмон представил французскую экспедицию в Тунис как еврейскую авантюру, которая обрекла на смерть французских солдат⁸.

Колониальную политику обвиняли в том, что она материально ослабляла нацию, обезоруживала страну перед континентальной угрозой, велась в угоду Германии, способствовала враждебности Англии, мешала главной цели — возвращению потерянных провинций. На уровне парламента и в прессе колониальная политика подвергалась атаке. При таком положении сторонники колониальной экспансии были особенно заинтересованы в эффективной пропаганде колониальных идей и в успешном овладении языком национализма. Все пропагандисты колонизации, стремясь утвердить в обществе свои идеи, хотели они того или нет, становились участниками националистического дискурса. Э. Хобсбаум писал, что «национализм только тогда приобретал настоящую популярность, когда он подавался в виде “коктейля”, то есть в сочетании с другими идеями»⁹. Перефразируя Э. Хобсбаума, можно сказать: колониальная идея только тогда могла завоевать общественное мнение, когда она подавалась в «коктейле» с национальной идеей.

Целью данного исследования является анализ имперского дискурса Франции в его тесной взаимосвязи с дискурсом национализма в последней трети XIX в. Следует помнить, что, рассуждая о проблемах Французской империи, идеологи колонизации размышляли о конгломерате колоний, значительно отличавшихся друг от друга. Империя не была единым целым, так же как и имперский дискурс не являлся чем-то законченным и однозначным. Современники редко предавались отвлеченным размышлениям об империи. Гораздо чаще они были непосредственными участниками политических баталий, исход которых напрямую зависел от их риторического мастерства.

Более пристальное внимание будет сосредоточено на изучении конфессионального фактора как важной составляющей цивилизаторского аргумента в пользу колониальной экспансии. Меня интересует,

---

⁶ Цит. по: *Girardet*. 1966. P. 108.

⁷ *Ibid.* P. 112.

⁸ См: *Drumont*. 1886. Т. 1. P. 477-478.

⁹ *Хобсбаум*. 1999. С. 240.

как идеологи колонизации использовали националистическую риторику в своих пропагандистских выступлениях, как обосновывалась польза миссионерской, в частности, католической деятельности на Востоке и в Африке для такой страны как Франция, какие аргументы выдвигались в защиту католической пропаганды на Востоке, какие задачи ставились перед миссионерами? Как, в конечном итоге, уживались конфессиональная и национальная риторика во французском имперском дискурсе? В данном исследовании я не собираюсь давать оценки идеям французских публицистов с позиций этики, прогресса, или политической конъюнктуры, а буду описывать их, признав, что идеи в строго эпистемологическом смысле не могут быть ложными. Они извлечены из опыта и являются субъективным отражением действительности (применительно к нашей теме исследования, колониальной действительности).

Представляется бесспорным тезис М. Ферро о том, что одна из специфических черт эпохи империализма — «народная поддержка экспансии», а «империализм — общественный феномен»¹⁰. Действительно, одной из причин длительного существования империй является наличие имперского сознания и его тесная связь с национальным сознанием. В колониальной истории Франции есть красноречивые примеры, подтверждающие этот тезис: вспомним ту относительную лёгкость, с которой Франция в XVIII в. отдала Канаду и отказалась поддержать завоевания Дюплекса в Индии. Не является ли это свидетельством того, что во Франции того времени в обществе еще не было того самого «имперского сознания», о котором писал Ферро? И напротив, тяжелое и кровавое расставание с Алжиром в XX в. говорит о том, что в своё время элита смогла навязать обществу представление об Алжире как об «Африканской Франции» и внушить французам, что защита интересов Франции в Алжире — патриотический долг каждого гражданина республики.

Исследуя причины колониальной экспансии европейских держав в Новое время, историки уже в середине XX в. обратили внимание на то, что имперские проекты не были экономически обусловлены, а были вызваны именно националистическими, политическими интересами¹¹. Д. Белл предполагает, что благодаря «исключительному чувству миссии

---

¹⁰ *Ferro*. 1994. P. 31.

¹¹ См.: *Brunschwig*. 1960; *Girardet*. 1966. Исследователи европейского национализма Ж.-К. Карон и М. Верну считают, что раздел Азии и особенно Африки после 1880 г. «есть следствие того, что Европа была разделена на конкурирующие нации», а «европейский национализм вышел из европейского пространства, чтобы распространяться по всей планете». См.: *Caron, Vernus*. 1996. P. 399-400.

и цели» французский национализм с конца XVIII в. и до середины XX в. обладал «особенным характером и сверхъестественной энергией»¹².

В 2005 г. издатели журнала *Ab Imperio* обратились к вопросу о взаимосвязи европейских империй и национальных государств, сформулировав тему так: «Языки самоописания империи и наций»¹³. Британский историк Э. Томпсон, исследуя язык империализма в Великобритании, говорит о важности осознания взаимовлияния и взаимосвязи национального и имперского дискурсов в эпоху «параллельного существования империй и национальных государств», о тесном переплетении определений «нация» и «империя» в конце XIX – начале XX в.¹⁴. Джейн Бурбак и Фредерик Купер считают неоправданным противопоставление империи национальному государству, так как каждый из этих типов организации государственной власти может принимать формы, свойственные другому, и «ни один тип политики не связан однозначно с демократией как руководящим принципом»¹⁵, а «тирания была и остается возможной как в империях, так и в национально гомогенных государствах»¹⁶. Авторы считают, что историческое многообразие и долговечность империй «ставит под сомнение саму идею о естественности и неизбежности национального государства»¹⁷.

Однако, французские исследователи колониальной истории Н. Бансель и П. Бланшар считают, что «Колониальная Республика», какой была Франция — это «ужасный гибрид», так как состоит из противоположных понятий. Они считают утопией «республиканскую империю», так как республиканские мечты о цивилизаторской миссии на деле сопровождались массовыми убийствами¹⁸. Во Франции не прекращаются споры о колониальном прошлом, но если в начале XX в. французские историки восхваляли империю¹⁹, то в начале XXI в. растет число тех, кто, по меткому выражению М. Ферро, пишет «Чёрную книгу» колонизации, то есть сосредоточивает своё внимание на ее негативных аспектах²⁰. Нередко даже ставится знак равенства между колониализмом

¹² Bell. 2001. P. 214-215.

¹³ См.: *Ab Imperio*. Исследования по новой имперской истории...

¹⁴ Томпсон. 2005. № 2. С. 21-62.

¹⁵ Бурбак, Купер. 2007. № 4. С. 50.

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 55, 57.

¹⁸ Bancel, Blanchard, Vergès. 2003. P. 11.

¹⁹ Histoire des colonies françaises...; Hardy. 1937.

²⁰ Le livre noire du colonialisme XVI–XXI siècle...; Vergès. 2001; Olivier Le Cour Grandmaison. 2005.

лизмом и тоталитаризмом²¹. Б. Стора за более нюансированный подход. Он считает, что изучать необходимо не французскую колонизацию, а различные варианты французской колонизации²².

Если идеальное национальное государство провозглашало общность и равенство всего населения, а идеальное имперское государство тяготело к подчеркиванию различий, то, по всей вероятности, «гибрид», каким, по мнению Н. Банселя была Франция, для того, чтобы выстоять должен был выработать некую идею, поддерживающую здание Империи, и в то же время не противоречившую республиканским принципам. Такой идеей стала «цивилизаторская миссия».

Идея цивилизаторской миссии Франции в мире приобрела в период правления республиканцев новое звучание. Термин «цивилизаторская миссия» появился в Европе в эпоху Просвещения и, начиная с 1789 г. стал ключевым словом колониальной Франции²³.

Чувство европейского превосходства утверждалось на протяжении Средних веков и Старого режима и, по мнению Ж.-К. Карона и М. Верну, было основано на христианстве, аристотелизме и платонизме²⁴. По мнению Н. Банселя, идея «цивилизаторской миссии» делала колониальное завоевание III Республики легитимным²⁵. Благодаря «цивилизаторской миссии» Республика выглядела «великодушной» по отношению к колонизируемым народам, ведь она взяла на себя обязательство освободить народы и нести варварам и дикарям идеалы Разума, Свободы, Просвещения и Прогресса. Но, как справедливо замечает Н. Бансель, цивилизаторская миссия имела еще одну цель — «покорить» (*asservir*)²⁶ колонизируе-

²¹ Жан-Фредерик Шоб считает, что говорить о пользе европейцев в Африке и Азии (транспорт, здравоохранение, образование) то же, что рассуждать о пользе фашизма, который покончил с безработицей, нацизма, который построил автобаны, сталинизма, который индустриализировал Россию. См.: *Schaub*. 2008. P. 627.

²² См.: *Stora, Hémerly*. 2007.

²³ *Ageron*. 1978. P. 62. Идея цивилизаторской миссии была тесно связана с мифом о национальной исключительности Франции, как о стране с богатой культурой, идеалами эпохи Просвещения, а также с мифом о превосходстве Западной цивилизации в целом над остальными народами мира. «Белый человек верил в свою миссию», — писал А. Руссио. См.: *Ruscio*. 1995. P. 93.

²⁴ Это чувство выражалось следующей формулой: «Земля — центр Вселенной, Европа — центр Земли». См.: *Caron, Vernus*. Op. cit. P. 8. Европоцентризм в середине XIX в. выражал уже не географические взгляды, а скорее определенное мировоззрение. Его сущностью было представление о Западной Европе, как о некоем «оазисе разума и цивилизации во мраке язычества и дикости». См.: *Ерофеев*. 1977. С. 182.

²⁵ *Bancel, Blanchard, Vergès*. 2003. P. 45.

²⁶ *Ibid.* P. 71.

мые народы, поставить их на службу Франции. Этой цели вполне могла служить миссионерская деятельность. В век Империй (1875–1914) колониальная экспансия вновь, как и в начальный период европейской колонизации оказалась тесно связанной с миссионерством²⁷.

Среди лиц, заинтересованных в колониальной экспансии особенно быстро росло осознание ценности и важности миссионерской деятельности для Франции. Однако в светском государстве, которое проводило активную антирелигиозную пропаганду внутри страны, рассуждать о религиозной пропаганде в колониях было непросто. В Африке, в Индокитае длительное время существовали католические миссии, но нужны ли они Республиканской Франции? Какую выгоду будет иметь французская нация, строящая колониальную Империю, от миссионерской деятельности? На эти вопросы нужно было найти ответ.

В годы II-ой Империи маркиз де Шасслу-Лоба (министр морского флота с 1859 по 1867 гг.) и Франсис Гарнье (офицер, географ, исследователь) внесли значительный вклад в разработку колониальной идеологии, поставив акцент на цивилизаторскую миссию Франции. Они видели будущее Франции на Дальнем Востоке в Индокитае. Шасслу-Лоба писал, что там необходимо установить «нашу христианскую цивилизацию», чтобы уничтожить существующие там жестокие нравы. Ф. Гарнье призывал нести «факел цивилизации» в «глубокую тьму Аннама»²⁸. Самым известным писателем, прославлявшим в годы II-ой Империи колонизацию, был Люсьен-Анатоль Превос-Парадоль. Этот либеральный мыслитель и политический деятель — противник императорского правления Наполеона III, был горячим сторонником колониального расширения Франции и строительства Средиземноморской Империи. Для него колонизация была средством увеличения роли Франции в мире. Он мечтал о

---

²⁷ М. Ферро отмечал, что колониальная экспансия и миссионерская деятельность взаимопроникают в XVI–XVII вв., но в эпоху империализма произошло перемещение акцентов; «христианизация отождествляется теперь с обязанностью цивилизовать, так как цивилизация может быть только христианской». *Ferro*. 1994. P. 27. Исследуя феномен европейского империализма, Э. Хобсбаум пишет, что «миссионерство отнюдь не являлось проводником империалистической политики, однако сами успехи миссионерского движения зависели от империалистической экспансии». *Хобсбаум*. 1999. С. 105. Р. Жирарде отмечает, что первое десятилетие после войны 1870 г. характеризуется всплеском миссионерской активности и созданием новых религиозных конгрегаций. См.: *Girardet*. 1972. P. 65-66. Ж. Пиррот пишет, что «Европа в XIX в. жила под флагом миссионерства, и миссионерская деятельность реализовывалась ежедневно, особенно в ходе модернизации традиционных культур» (*Pirrot*. 1982. Цит. по: *Стереотипы в общественном сознании...* С. 35-36).

²⁸ Цит. по: *Girardet*. 1972. P. 48-49.

том дне, когда французы, стеснённые в «африканской Франции» (так называли Алжир), придут в Марокко, Тунис и создадут «Средиземно-морскую Империю», которая должна была стать источником французского величия в мире²⁹. Североафриканский регион считался территориальным продолжением Франции, колонизацию в этом регионе рассматривали как расширение национальных границ. Деятельность Франции в Северной Африке представлялась как завершение дела цивилизации, некогда начатого римлянами³⁰. «Французы, — писал известный экономист и автор труда «Колонизация у новейших народов»³¹ П. Леруа-Больё, — настоящие последователи римлян в Африке»³².

С 1879 по 1885 г. серию статей о колониальной политике написал французский публицист Г. Шарм (1850–1886)³³. С 1874 по 1879 г. он был одним из редакторов *Journal des Débats*, активно сотрудничал с *Revue des Deux Mondes*. Он много путешествовал по Турции, Египту, Марокко. В своих статьях он продолжал развивать идеи Л. Превос-Парадоля о необходимости создания Средиземноморской империи.

Заботы о ранге Франции в мире, о восстановлении престижа после поражения во франко-прусской войне волновали Г. Шарма и заставляли его вновь и вновь обращаться к теме французской экспансии. «Спасение нашей страны, я повторяю это, в колониальной политике»³⁴, — писал он. Г. Шарм рассматривал захват колоний в контексте обеспечения экономических и стратегических интересов государства. Его статья «Колониальная политика» — это серьезное исследование, посвященное теоретическим и практическим вопросам колонизации, где затрагиваются экономические проблемы и вопросы управления колониями.

Пропаганда экспансии — основная цель статьи. Как националистическая риторика помогала ему в этом? Прежде всего, Г. Шарм опирался на националистические чувства людей. Достаточно было несколько броских образов, доходящих до сердца, напоминаний о великой коллективной вере, или обращение к исторической памяти, чтобы приобщить людей к своей идее. «Наши предки галлы, не они ли прошли

²⁹ *Prevost-Paradol*. 1869. P. 418-419. О Превос-Парадоле см.: *Guiral*. 1955.

³⁰ Эту идею в *Revue des Deux Mondes* отстаивал Г. Боасье в статьях «Римская Африка. Археологические прогулки по Алжиру и Тунису». См.: *Boissier*. 1894. T. 121. 15 janv.; *Boissier*. 1894. T. 121. 5 févr.

³¹ *Leroy-Beaulieu*. 1874.

³² *Leroy-Beaulieu*. 1881. P. 125.

³³ См.: *Charme*. 1879; *Charme*. 1883a; *Charme*. 1881; *Charme*. 1882; *Charme*. 1883c; *Charme*. 1883d; *Charme*. 1883b.

³⁴ *Charme*. 1883d. P. 90.

всю Европу, оставляя повсюду свои следы, <...> распространяя свои колонии до самой Азии?»³⁵ Яркий образ воинственных галлов будоражил в человеке воспоминания о событиях, хранимых веками. Это было достоянием большинства, основой нации, даже если она не осознавала этого. Согласно К. Калхуну, «национализм черпает значительную часть своей силы из феноменологического переживания простых людей, что их нации всегда существовали»³⁶. Г. Шарм, приводя в статье о колониальной политике пример галлов, опирался на давние этнические идентичности своих читателей. И потому с полным правом можем считать его носителем не только колониальной, но и националистической идеологии (при этом он являлся еще и сторонником либеральных принципов в экономике). Сложное сочетание националистических, либеральных и империалистических настроений было характерно для политических элит многих европейских государств, Г. Шарм не был исключением.

Ощущение принадлежности к группе галлов возникало у читателей в определенном контексте, в данном случае — в колониальном. Экспансионизм галлов должен был вызвать к жизни современный экспансионизм французов. Г. Шарм убеждал соотечественников в том, что они обладают некими «колониаторскими способностями» (*le génie colonisateur*)³⁷. Что это такое, автор не объяснил, но, вероятно, его понимали и так. Речь шла об определенных чертах национального характера, которыми наделяли себя сами французы. О французском характере писал еще Вольтер в статье «Француз» для «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера³⁸. Вопрос о том, есть ли у французов «колониаторские способности», не был праздным. Убедить нацию в наличии у нее этих способностей, значило пробудить интерес к колониальной экспансии. В 1891 г. вышла книга Л. Дешама, в которой он попытался изучить отклики на колонизацию в обществе с XVI по начало XIX в. Главный вопрос, который интересовал автора — имеют ли французы «вкус к колонизации», и отвечает или нет колониальная политика национальным чувствам³⁹. Дешам пришел к выводу, что «французская нация всегда интересовалась колониями и колониальными предприятиями»⁴⁰.

---

³⁵ Ibid. P. 51.

³⁶ Калхун. Указ. соч. С. 75.

³⁷ Charmé. 1883d. P. 57.

³⁸ Пименова. 2008. С. 102.

³⁹ Deschamps. 1891. P. 9.

⁴⁰ Ibid. P. 379.

Г. Шарм считал, что «здравый политический смысл и требования экономического порядка» толкали Францию к колониям, но для ведения успешной колониальной экспансии мало энтузиазма отдельных личностей, необходима последовательная государственная колонизация⁴¹.

Он предлагал правительству сделать действенным инструментом влияния Франции на Востоке и в Африке католические миссии, создать «католический протекторат». Под католическим протекторатом он понимал официальную поддержку государством французских католических миссий везде, где бы они ни были. В Республике парламентского типа, какой была III-я Республика, Палата депутатов то и дело сбрасывала кабинеты министров и препятствовала, по мнению Г. Шарма, планомерному развитию колониальной экспансии. «С какой же слепотой парламент отказывается признать, что религиозная пропаганда способствует прогрессу колонизации»⁴², — писал журналист. «...Наше влияние и наш престиж распространяются на религиозном фундаменте»⁴³.

Г. Шарм призывал учиться у англичан, правительство которых поддерживало протестантские миссии, а те, в свою очередь, платили ему той же монетой. Пропаганда протестантов «скорее английская, чем религиозная <...>; их главная цель — служение Англии». Иезуиты же и другие члены французских католических конгрегаций «принадлежат, прежде всего, церкви и своему ордену...»⁴⁴, поэтому они распространяли свою веру, но не французское влияние. Для Шарма христианское влияние было составляющей цивилизационного влияния. Г. Шарм призывал учиться колонизировать также у России, сравнивая католический протекторат Франции в Средиземноморье с православным протекторатом России в Сибири⁴⁵. Россия, по мнению Шарма, в отличие от Франции, умела использовать ту «моральную силу», какой являлась религия. Франция же зачастую сворачивала деятельность католических миссий, так как позиционировала себя как светская страна, борющаяся с клерикализмом. Но Г. Шарм считал, что можно было оставаться антиклерикалом в метрополии и защитником католических миссий в тех странах, где Франция намеревалась распространять свое влияние. Можно было про-

---

⁴¹ *Charme*. 1883d. P. 58.

⁴² *Ibid*. P. 63.

⁴³ *Charme*. 1883b. P. 762.

⁴⁴ *Ibid*. P. 763.

⁴⁵ *Ibid*. P. 790. Учиться колонизировать у России призывал французских политиков и П. Леруа-Болье. Он писал, что североафриканский регион для Франции — это то же, что Сибирь для России. См.: *Leroy-Beaulieu*. 1884. P. 282.

водить светскую политику внутри страны и использовать религиозную пропаганду в качестве действенного средства колонизации. Таким образом, Г. Шарм пытался доказать французским политикам, что поддержка католических миссий государством не противоречила интересам французской нации, а напротив, способствовала росту ее престижа в мире. В итоге все его рассуждения упирались в идею величия Франции⁴⁶.

По мнению Шарма, «французские и католические интересы на Востоке неразрывно связаны, и невозможно поколебать одни, не поколебав другие»⁴⁷. Если в самой республиканской Франции национальные интересы не совпадали с религиозными интересами, то на Востоке, они были едины. Туземцы должны были считать всякого француза католиком, а всякого католика — находящимся под покровительством Франции. Если в метрополии складывался образ Франции — носительницы великих принципов Революции 1789 г., то в колониях, по логике Шарма, Франция должна была оставаться Старшей дочерью католической церкви.

П. Леруа-Болье, чьи идеи, бесспорно, оказали на Шарма большое влияние, писал, что в «деле колонизации варварских народов религиоз-

---

⁴⁶ После поражения в франко-прусской войне столь многочисленные рассуждения о величии нации не являлись всего лишь демагогией. Националистическая риторика служила важным средством национального подъема общества. Как внутренняя, так и внешняя политика правящей республиканской партии была направлена на сплочение нации, её мобилизацию с целью укрепления могущества государства, повышения его престижа на международной арене. Обладание колониями как раз и стало для европейских наций фактором престижа. Влиятельный публицист Ш. Лаволе еще в 1863 г. писал, что процветание, политическое влияние многих наций напрямую зависит от выгодного расположения заморских территорий, которыми они обладают. Борьба за преобладание в мире переместилась далеко за пределы Европы, а вопрос величия стал вопросом обладания колониями: «...придет время, когда нация, не имеющая своих колоний в Азии и Америке (Африка в 60-е гг. XIX в. еще не была объектом пристального внимания европейских держав. — Е. М.), будет неполной нацией (*nation incomplète*)». См.: *Lavollée* 1863. P. 888. В 1882 г. в предисловии к книге «Тунисское предприятие» Ж. Ферри написал: «Великая страна, чья географическая позиция, интересы и надежды тесно связаны со всем европейским движением, чье могущество не просто континентальное, но средиземноморское, не смогла бы вновь закрыться в губительной изоляции и систематическом бездействии». Чтобы стоять в одном ряду с великими державами, такими как Великобритания, она должна была непрерывно наращивать свои территориальные владения: «...держась в стороне от всех европейских комбинаций, рассматривая как ловушку, как авантюру любую экспансию в Африку и на Восток, жить таким образом для великой нации <...> — значит отступить и через какое-то время, более короткое, чем вы можете предположить, спуститься с первого ранга на третий и четвертый». См.: *Ferry*. 1893-1898. Т. 5. P. 521-522.

⁴⁷ *Charme*. 1881. P. 775.

ная пропаганда — одно из самых мощных средств воздействия, а главным врагом нации является антирелигиозный фанатизм»⁴⁸. Ж. Ферри, выступая перед палатой депутатов 29 июля 1885 г., одним из аргументов в пользу колониальной экспансии выдвинул цивилизаторский аргумент. Он утверждал, что существуют «обязанности» высших рас по отношению к «низшим». В этой речи он не говорил о религиозной пропаганде, но сумел справиться с главным противоречием во французской колониальной идее со времен Великой революции 1789 г., а именно проблемой соотношения принципов Свободы, Равенства и Братства с практической колониальной деятельностью. Ж. Ферри отвечал своим противникам, что «Декларация Прав Человека была написана не для Чёрных в Экваториальной Африке», а потому нельзя до конца поддерживать тезис, построенный на «равенстве, свободе, независимости низших рас»⁴⁹.

Г. Шарм не делал таких заявлений, но, судя по всему, придерживался подобных взглядов. «В деле колонизации нет принципов, вернее есть только один — следовать поставленной цели»⁵⁰, — писал он. Для того, чтобы завоевать Конго, Тонкин, укрепиться или восстановить свой престиж на других территориях «недостаточно блестящих колониальных проектов и нескольких миллионов для их реализации», — считал Г. Шарм. «Нужно использовать любые средства, извлекать пользу из любой деятельности»⁵¹. Г. Шарм рассматривал заморские приобретения Франции в качестве составной части французской национальной территории и считал, что Франция должна была переносить туда свои законы, язык, цивилизацию. Католические миссии должны были стать действенным орудием распространения французской цивилизации⁵². Ни много, ни мало, он видел цель Франции в «моральном завоевании мира»⁵³.

Главной целью миссий должна была стать подготовка туземного населения к контактам с французскими коммерсантами. «Деловые отношения очень неустойчивы, если они не подкреплены моральными отношениями»⁵⁴. Экономический аргумент в пользу экспансии всегда

⁴⁸ *Leroy-Beaulieu*. 1882. P. 671.

⁴⁹ Речь Ж. Ферри перед Палатой депутатов 29 июля 1885 г. Цит. по: Jules Ferry. 1996. Т. 2. P. 318.

⁵⁰ *Charme*. 1883b. P. 761. В этой фразе скрывается намек на известную фразу Робеспьера по поводу колоний: «Да погибнут колонии во имя принципов». См.: *Meyer, Tarrade, Rey-Goldzeiguer, Thobie*. 1991. P. 289.

⁵¹ *Charme*. 1883b. P. 761.

⁵² *Ibid.* P. 763.

⁵³ *Ibid.* P. 791.

⁵⁴ *Ibid.* P. 764.

больше воздействовал на французскую буржуазию, чем высокие слова о цивилизаторской миссии, и Г. Шарм вновь и вновь доказывал необходимость поддержки католических миссий. Даже не имея должной поддержки, миссионеры, по его словам, делали огромную работу. Сам он был неверующим, но преклонялся перед деятельностью миссионеров, которую считал патриотической. Если бы они ограничились одной христианизацией туземного населения, возможно Г. Шарм не был бы столь горячим их защитником. Более всего он ценил образовательную и врачебную практику французских миссионеров и называл их «легионом мирных завоевателей»⁵⁵. Он считал, что обучение французскому языку — одна из приоритетных задач миссионеров. Он вспоминал свою встречу в пустыне недалеко от Мертвого моря с бедуинской женщиной, которая бегло говорила по-французски. Ее научили этому сестры одного из католических орденов. «Служба, которую сослужили Франции эти никому неизвестные в Европе сестры, огромна»⁵⁶, — писал Г. Шарм. «Повсюду, обучая языку, они прививали любовь к нашей нации»⁵⁷. В Триполи он встретил богатого мусульманского торговца, который сожалел о закрытии миссии, после того, как были убиты миссионеры. «Нет больше никого, кто лечил бы наши болезни»⁵⁸, — сказал ему этот торговец. Так ли искренни были его слова? Судя по тому, что миссионеров убили, далеко не все их любили. Но изучение отношения туземного населения к деятельности католических миссий не входит в задачи данного исследования. Здесь важно показать, как представлял миссионерскую деятельность французский колониальный идеолог Г. Шарм, и как его читатели вслед за ним представляли себе колониальный мир.

Г. Шарм, например, утверждал, что на Востоке невозможно светское образование, потому что религия играет огромную роль в жизни общества: «Мусульмане лучше будут водить детей в школу чужого Бога, чем в школу без Бога»⁵⁹. Наступит время, и человек не будет нуждаться в покровительстве сверхъестественных сил. Это произойдет тогда, когда «весь мир будет завоеван <...> и цивилизован»⁶⁰. Сейчас же нет смысла, по мнению Шарма, задумываться о том достойное ли это дело для Республики, поддержка католических миссий. Он не утвер-

---

⁵⁵ *Charme*. 1883b. P. 776.

⁵⁶ *Charme*. 1881. P. 777.

⁵⁷ *Ibid*. P. 777.

⁵⁸ *Charme*. 1883b. P. 767.

⁵⁹ *Ibid*. P. 779.

⁶⁰ *Charme*. 1883b. P. 785.

ждал, что католицизм имеет абсолютную ценность для всего мира. Правда для него была в том, что католицизм как «агент цивилизации» сослужит Франции неоспоримую службу везде, где Франция захочет закрепиться⁶¹. А если Франция откажется поддерживать католические миссии, то Италия, Испания, Германия и прочие страны сделают это. У Франции появлялось всё больше соперников. Снять французский флаг с завоёванных территорий значило пустить туда любую другую европейскую державу. Это повлекло бы за собой ослабление Франции. «Непреодолимое движение увлекает великие европейские нации на завоевание новых земель. Это как огромные скачки с препятствием на незнакомом пути»⁶², — так писал Ж. Ферри о развитии современной колонизации.

* * *

Пропаганда экспансии — основная цель работ Г. Шарма, посвященных колониальной политике. Националистическая риторика помогла ему в этом. Такие понятия, как «величие Франции», «патриотизм», «национальный долг», не были для него просто абстрактными понятиями. Они были наполнены конкретным содержанием. С помощью таких основополагающих понятий националистического дискурса как «общество», «нация», «отечество», «цивилизация» колониальные элиты пытались укрепить в обществе имперское самосознание. Термины «нация», «страна», «французский народ», «общество», «государство» то и дело употреблялись Г. Шармом как взаимозаменяемые. Таким образом, нация понималась им как политическое (гражданское) единство. Вместе с тем апелляция к прошлому (вспомним напоминание Г. Шарма о воинственных галлах), к коллективной памяти, к вере, чувствам говорит о его иррациональном «гердеровском» понимании нации как культурного единства, основанного на истории, языке, обычаях.

Ничто не сплачивает нацию лучше и не вдохновляет ее на новые свершения, чем чувство национальной гордости. Г. Шарм писал, что миссионеры прививают туземцам любовь к Франции, а арабская племенная верхушка, «почти вся, считает Францию самой великой страной Европы»⁶³. Трудно поверить в искренность арабов, если они вообще говорили подобное. Но в деле пропаганды все средства хороши. Обращаясь к публике, важно было отбирать слова. Умело воздействуя на нее, управляя ее воображением, талантливый публицист мог приобщить публику к своим идеям. Язык может пробудить в массах сильные чув-

---

⁶¹ Ibid. P. 784-785.

⁶² Tonkin et la mère-patris... 1890. P. 40.

⁶³ *Charme*. 1883d. P. 65.

ства и стойкие убеждения. В случае же империи язык, имел особое значение, поскольку большая часть населения никогда не была в колониях и могла познать их жизнь лишь в своем воображении.

Л. А. Пименова отмечает, что во Франции XVII в. национальные ценности были сакрализированы, а знаменитые проповедники одновременно взывали к патриотическим и религиозным чувствам подданных короля⁶⁴. В XIX в. национальный дискурс во Франции обмирщается, но в имперском дискурсе стало возможным использование одновременно националистической и религиозной риторики. Представляя публике католических миссионеров как «легион мирных завоевателей», а католицизм как «агента цивилизации», Г. Шарм связывал воедино имперский, национальный и конфессиональный дискурсы. Цивилизаторский аргумент в пользу колонизации приобретал конфессиональный акцент. «Империя», «величие нации», «католическая пропаганда» — эти понятия не исключали, а взаимно дополняли друг друга у Г. Шарма.

Много размышляя об интересах Франции в Средиземноморье⁶⁵, он считал, что любое завоевание необходимо готовить: создавать школы, больницы; обучать туземцев языку, ремеслам, обычаям Франции⁶⁶.

О «цивилизаторской миссии» Франции писали и говорили многие известные политики и общественные деятели (среди них Ж. Ферри, П. Леруа-Болье)⁶⁷. Особенно популярным стало осуждение рабства⁶⁸. В прессе велась активная аболиционистская пропаганда⁶⁹.

---

⁶⁴ Пименова. Указ. соч. С. 103-104.

⁶⁵ См.: *Charme*. 1882; *Charme*. 1883d.

⁶⁶ *Charme*. 1883b. P. 775.

⁶⁷ П. Леруа-Болье совместно с Э. Шёлшером возглавлял «Французское общество защиты туземцев колоний», от имени которого он требовал: предоставить арабам Алжира места в Законодательном собрании страны, увеличить кредиты на создание школ и миссий, прекратить ущемление прав туземцев Аннама и Камбоджи, окончательно отменить рабство, христианизировать языческое население чёрной Африки, терпеливо относиться к воинственному населению Сенегала, защитить права автохтонного населения на Мадагаскаре. См.: *Leroy-Beaulieu*. 1886. P. 338. Ж. Ферри был убеждён, что «несчастное население Африки стало счастливым, попав под протекторат французской нации», для которой «первым долгом и первым правилом» является борьба с работорговлей — «этой ужасной спекуляцией, рабством — этой подлостью». Цит. по: *Girardet*. 1972. P. 84.

⁶⁸ Об аболиционистском дискурсе см.: *Vergès*. 2001.

⁶⁹ Французские журналы публиковали многочисленные статьи, в которых разные авторы выступали за «морализацию и цивилизацию», за «возрождение Африки европейцами», и в том числе писали о роли миссионеров в борьбе с рабством. См.: *Thouvenin*. 1874.

К концу XIX в. в борьбу с рабством вступила католическая церковь. Интересно, что Г. Шарм оставил эту «модную» тему в стороне. Вероятно, это было связано с его терпимым отношением к чужим обычаям. Его главная идея, которую он отстаивал в своих статьях, состояла в том, что поддержка католических миссий Францией — залог ее международного престижа в мире. «Это правда, я в это действительно верю, что католические миссии, несмотря на критику в их адрес, являются одними из главных элементов нашего внешнеполитического могущества»⁷⁰. Он рассматривал деятельность католических миссионеров как составную часть цивилизаторской деятельности Франции, считая ее наиболее эффективной и патриотичной. Под цивилизаторской деятельностью он понимал распространение культурного влияния Франции в мире, которое должно было, прежде всего, повлечь за собой распространение ее политического и экономического влияния.

Призывы Г. Шарма к поддержке миссий, в конечном счете, не пропали бесследно. На Национальном колониальном конгрессе в декабре 1889 года особое внимание предлагалось уделить миссионерской деятельности Франции в Африке и Азии⁷¹. Миссии стали важным элементом культурной экспансии Франции.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001.
- Бурбанк Д., Купер Ф.* Траектория империи // *Ab Imperio*. 2007. № 4. С. 47-85.
- Ерофеев Н. А.* Английский колониализм в середине XIX в. Очерки. М., 1977.
- Калхун К.* Национализм / Пер. с англ. А. Смирнова. М.: «Территория будущего», 2006.
- Пименова Л. А.* Представления о национальной и религиозной идентичности во Франции XVIII в. // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе, Средние века – Новое время / Под ред. М. В. Дмитриева. М.: Индик, 2008. С. 97-126.
- Стереотипы в общественном сознании: (Социально-философские аспекты): Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1988.
- Томпсон Э.* Язык империализма и различный смысл понятия «империя»: имперский дискурс в политической жизни Великобритании 1895–1914 гг. // *Ab Imperio*. 2005. № 2. С. 21-68.
- Хобсбаум Э.* Век империи, 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
- Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 1998.
- Ageron Ch.-R.* France coloniale ou partie coloniale? Paris: PUF, 1978.

⁷⁰ *Charme*. 1883b. P. 791.

⁷¹ Problems in the history of colonial Africa... P. 174.

- Bancel N., Blanchard P., Vergès F.* La République coloniale, Essai sur une utopie. Paris, Albin Michel, 2003.
- Bell D. A.* The cult of nation in France: Inventing nationalism, 1680–1800. Cambridge (Mass.), L.: Harvard univ. press, 2001.
- Boissier G.* L’Afrique romaine. Promenades archéologiques en Algérie et en Tunisie. 1. Les indigènes // *Revue des Deux Mondes*. 1894. T. 121. 15 janv. P. 284-305, 764-787.
- Brunschwig H.* Mythes et réalités de l’impérialisme colonial français avant 1914. Paris: A. Colin, 1960.
- Caron J.-C., Vernus M.* L’Europe au XIX siècle. Des nations aux nationalismes 1815–1914. Paris: Armand Colin, 1996.
- Charme G.* L’insurrection militaire en Égypte. Le Triomphe du parti militaire // *Revue de Deux Mondes*. 1883a. T. 58. 15 août. P. 757-802.
- Charme G.* La France et le Protectorat Catholique en Orient // *Revue de Deux Mondes*. 1883b. T. 55. 15 févr. P. 760-797.
- Charme G.* La politique actuelle et la situation de l’Europe // *Revue de Deux Mondes*. 1883c. T. 59. 1 oct. P. 545-592.
- Charme G.* La politique coloniale // *Revue de Deux Mondes* 1883d. T. 60. 1 nov. P. 49-90.
- Charme G.* La République et les intérêts français en Orient // *Revue de Deux Mondes*. 1882. T. 53. 15 sept. P. 251-286.
- Charme G.* Voyage en Syrie. Impressions et souvenirs. Le Saint-Sulpice–Pèlerins et clergés // *Revue de Deux Mondes*. 1881. T. 45. 15 juin. P. 753-781.
- Charme G.* Un essai de gouvernement européen en Égypte. La formation du ministère anglo-français // *Revue de Deux Mondes*. 1879. T. 34. 15 août. P. 776-812.
- Deschamps L.* Histoire de la question coloniale en France. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1891.
- Drumont E.* La France juive, essai d’histoire contemporaine. Paris: C. Marpon et E. Flammarion, 1886.
- Ferro M.* Histoire des colonisations des conquêtes aux indépendances. XIII–XX siècle. Paris: Seuil, 1994.
- Ferry J.* Discours et opinions de Jules Ferry, publiés avec commentaires et notes, par Paul Robiquet. Paris: Colin, 1893–1898. T. 1-7. T. 5.
- Girardet R.* L’idée coloniale en France de 1871 à 1962. Paris: La Table Ronde, 1972.
- Girardet R.* Le Nationalisme français, 1874–1914. Paris: A. Colin, 1966.
- Guiral P.* Prevost-Paradol (1829–1870). Pensée et action libérale sous le Second Empire. Paris: Presses universitaires de France, 1955.
- Hardy G.* La politique coloniale et le partage de la terre aux XIX et XX siècles. Paris: Albin Michel, 1937.
- Histoire des colonies françaises et de l’expansion de la France dans le monde / Sous la direction de Hanotaux G. et Martineau A. Paris: Plon, 1929. T. 1.
- Jules Ferry. La République des citoyens / Présenté par O. Rudelle. Paris: Imprimerie Nationale, 1996. T. 2.
- Lavollée Ch.* La colonisation moderne // *Revue des Deux Mondes*. 1863. T. 43. 15 févr. P. 880-916.
- Le livre noir du colonialisme XVI–XXI siècle: de l’extermination à la repentance / Sous la dir. de M. Ferro. Paris: Hachette, 2003.

- Leroy-Beaulieu P.* De l'oeuvre colonisatrice de la France. Les écueils à éviter // *Economiste français*. 1882. № 47. P. 669-671.
- Leroy-Beaulieu P.* De la colonisation chez les peuples modernes. Paris: Guillaumin, 1874.
- Leroy-Beaulieu P.* La colonisation française et les voies ferrées dans le nord de l'Afrique // *Economiste français*. 1884. № 10. 8 mars. P. 281-283.
- Leroy-Beaulieu P.* Les progrès de la colonisation en Algérie // *Économiste français*. 1881. № 5. 29 janv. P. 125-127.
- Leroy-Beaulieu P.* Notre situation coloniale et nos procédés coloniaux // *Économiste français*. 1886. № 38. 18 sept. P. 337-339.
- Meyer J. Tarrade J., Rey-Goldzeiguer A., Thobie J.* Histoire de la France coloniale. Paris: A. Colin, 1991. T. 1. Des origines à 1914.
- Olivier Le Cour Grandmaison.* Coloniser, exterminer. Sur la guerre et l'Etat colonial. Paris: Fayard, 2005.
- Prevost-Paradol L.-A.* La France nouvelle. Paris: Michel Lévi, 1869.
- Problems in the history of colonial Africa. 1860–1960 / Edited by Robert O. Collins; Department of history University of California. Santa-Barbara. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1970.
- Ruscio A.* Le Credo de l'homme blanc. Regards coloniaux français XIX–XX siècle. Paris: Éd. Complexe, 1995.
- Schaub J.-F.* La catégorie «études coloniale» est-elle indispensable? // *Annales Histoire, Science sociale*. 2008. 63 anée. № 3, mai-juin. P. 625-646.
- Stora B., Hémerly D.* Histoire coloniale. Héritages et transmissions. Paris: Bibliothèque publique d'information, 2007.
- Thouvenin P.-D.* L'Esclavage à Zanzibare et la mission de sir Bartle frère // *Revue des Deux Mondes*. 1874. T. 5. 15 sept. P. 309-339.
- Tonkin et la mère-patrie. Témoignages et documents / Recueillis par L. Sentupery; Préface par J. Ferry. Paris: V. Havard, 1890.
- Vergès F.* Abolir l'esclavage. Une utopie coloniale Les ambiguïtés d'une politique humanitaire. Paris, Aldin Michel, 2001.

Моисеева Екатерина Николаевна, к.и.н., ассистент кафедры истории Нового и Новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского; moiseevaen@rambler.ru.

М. А. Липкин

МАРКИЗ ДЕ КЮСТИН В 1957 ГОДУ? ЗАПИСКА ФРАНЦУЗСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА О ТРЕХНЕДЕЛЬНОЙ ПОЕЗДКЕ В СССР

Статья посвящена анализу неизвестного документа из архива МИД Франции «Записка о трехнедельной поездке в Москву в августе 1957 г.». В записке французского участника Московского фестиваля молодежи содержится анализ политической ситуации в СССР и мире в 1957 г. Статья раскрывает представления французов об СССР, США и Франции на мировой арене и поднимает вопрос о связи между поездкой в августе 1957 г. и развитием западноевропейской интеграции (созданием ЕЭС и Евратома в марте того же года).

Ключевые слова: СССР, Франция, США, Европа, гонка вооружений, холодная война, европейская интеграция, цивилизация, культура, империализм.

Работая в новом архиве Министерства иностранных дел Франции в пригороде Парижа в Курнев-Обервийе, я обнаружил в фонде директора Департамента европейского экономического сотрудничества Оливера Вормсера весьма необычный документ — аналитическую записку неизвестного автора, составленную по итогам его поездки в Москву в рамках Всемирного фестиваля молодежи в августе 1957 г. (хотя он задержался в СССР на более длительный срок — 3 недели)¹.

Судя по широте анализа и попытке выработать собственную методику понимания Советской России, ее автор был далеко не простым наивным студентом, а обладал склонностью к обобщению и отправлялся в Москву с некоторыми познаниями русского языка. Он не раскрывает имен и число своих информаторов в СССР, но, судя по тексту записки, ему удалось побеседовать с людьми разных политических взглядов.

С самого начала автор предлагает внести ряд корректив в распространенные представления о Советской России и провести прямые аналогии между историей двух, казалось бы, столь непохожих друг на друга стран — СССР и Франции. Согласно видению французского визитера, если провести параллель между историческим опытом западноевропейских стран и СССР, то следует повернуть стрелки часов на 70 лет назад,

---

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ 09-01-00290а/Р.

¹ Note sur un séjour à Moscou (URSS) un août 1957. Paris 27.09.1957 // Papier Directeurs. Olivier Wormser. Direction économique, vol.14. Europe orientale, URSS. fols. 263-276.

т.е. вернуться в Западную Европу в 1890 г. Проведенная в СССР поздняя индустриализация, согласно этой логике, сопоставима с периодом западноевропейского развития середины – второй половины XIX в. — с 1917 г. (аналогия с революционной волной 1848 г.²) до 1957 г. (=1887 г.).

Продолжая свои наблюдения, основанные, по-видимому, на общении с участниками Фестиваля, он делает утверждение, что по уровню ментального развития советские люди соответствуют современным западноевропейцам в возрасте 12 лет. К столь малоприятному выводу он приходит единственно на основе анализа переводной французской литературы (по-видимому, известной его собеседникам в Москве) — «Три мушкетера», «Двадцать тысяч лье под водой», «Тартарен из Тараскона» и «Отверженные». Подобную подборку автор считает явно несерьезной. Он также отмечает наличие некоторых познаний об английской цивилизации (благодаря знакомству с творчеством Диккенса) и немецком романтизме (через труды Гегеля и Маркса). При этом со стороны автора нет ни малейшей попытки включить в свой культурно-цивилизационный анализ русских писателей, внесших бесспорный вклад в европейскую культуру — Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и др.

Анализ записки позволяет сделать вывод о том, что ее автор считает Францию культурной сверхдержавой. Что до СССР и США, то признавая за ними военно-политическую мощь, он явно относится к ним с некоторым пренебрежением³.

Выстраивая в записке своеобразную ментальную карту Европы, по уровню интеллектуальной культуры и развития искусства, ее автор однозначно относит СССР к ареалу европейской культуры. Впрочем, по его мнению, ее развитие опять же замерло где-то на уровне 1890 г. Но по критерию поведения советских людей французский аноним безапелляционно относит советскую цивилизацию к Дальнему Востоку. Аналогии им допускаются разве что с жителями штата Оклахома в США, которым противопоставляется цивилизованное население благополучного штата Нью-Йорк и респектабельного Гринвич-вилладж.

Несмотря на это, он дает неожиданно высокую оценку советской политической элите, утверждая, что ее уровень соответствует выпускникам Высшей политехнической школы во Франции или Оксфорда и

---

² В оригинале у автора стоит 1847 г. — ровно 70 лет назад, но как нам представляется, имеется в виду содержательное наполнение, а не формальная дата. Аналогия уместна именно с революционной волной, которая, как известно, случилась во Франции в 1848 г., хотя «революционная ситуация» сложилась к концу 1847 г.

³ Ibid. Fol. 273.

Кембриджа в Англии. Более того, проводя исторические аналогии, он уподобляет консолидацию коммунистического общества при Сталине деятельности Наполеона, который консолидировал национальное буржуазное государство, возникшее при Робеспьере⁴.

Анализ политической ситуации в СССР в 1957 г. несмотря на довольно спорную методiku, представляется крайне любопытным. Применяя классовый подход, автор делит политический слой на выразителей интересов крестьянства (армия и генералитет) и буржуазии (партийный аппарат). Под термином «буржуазия», тем более — «советская буржуазия», «буржуазная правящая прослойка», он явно подразумевает городское население страны, круги, представлявшие их интересы.

По наблюдениям автора, в 1957 г. правящий слой в СССР по большей части все еще состоял из выходцев из «довоенной буржуазии» (отцы, сыны, внуки). В качестве примера он рассматривает личность Г. М. Маленкова, отмечая его «буржуазное поведение» наряду с политическим и административным опытом, приобретенным в качестве соратника Сталина⁵. С человеческой точки зрения, по мнению автора, все это с учетом возраста и личного обаяния делало Маленкова лучшим кандидатом на роль политического лидера страны. Однако, несмотря на свои позитивные личные качества, Маленков выражал интересы коммунистов старого стиля, объединенных вокруг группы Молотова-Кагановича. Давая собственное объяснение удалению Маленкова с политической авансцены страны в июне 1957 г., автор записки пишет о том, что существовала опасность, что Маленков стал бы проводить политику систематического экспорта коммунизма, в первую очередь в странах Юго-Восточной Азии, используя в качестве форпоста Китай. Однако последствиями такой политики, согласно записке, стало бы падение уровня жизни в СССР. «Буржуазная правящая прослойка» не хотела допускать этого в городах. В той мере, в какой это касалось жизни на селе, не хотела этого допускать и армия (выразительница интересов села, согласно логике автора). В этих условиях «советская буржуазия» не поддержала группу Маленкова в тот момент, когда армейское руководство решило отстранить его от политической жизни страны, передав все внешние атрибуты власти одному лицу — первому секретарю компартии Н. С. Хрущеву.

«Но с человеческой точки зрения эта личность [Хрущева], по своему происхождению небуржуазная и больше пролетарская, чем крестьянская по происхождению, является и останется совершенно неприемлемой для

---

⁴ Ibid. Fol. 266.

⁵ Ibid. Fol. 267.

нынешней правящей прослойки, — прогнозирует автор. — Таким образом, рассчитывает ли она на окончательное падение Хрущева, т.е. его более-менее скорое смещение политическим деятелем буржуазного происхождения, но без поползновений на экспорт коммунизма, или квалифицированным представителем армии (если не буржуазным, то, по крайней мере, больше крестьянским, чем пролетарским по происхождению)...», — задается вопросом автор. Развивая свою мысль, он допускает сценарий, при котором смещение Хрущева осуществил бы Г. К. Жуков, опираясь на И. С. Конева и поддерживаемый В. Д. Соколовским и А. И. Антоновым. При этом отмечается, что Конев, в отличие от Жукова, якобы пользуется гораздо большей популярностью среди средних и низших армейских чинов советской армии⁶. Возможно, подобные нюансы связаны с тем, что среди его собеседников были именно низшие и средние армейские чины, плохо относившиеся к Жукову.

Впрочем, в дальнейшем автор сам подвергает сомнению оба сценария. Первый — по причине отсутствия гражданской фигуры должного калибра на политическом олимпе, приемлемой для «буржуазии» и способной заместить Хрущева во главе компартии. Второй — из-за крайне небольшой вероятности прямого захвата власти представителями армии. Отмечается, что несмотря на свои низкие личностные качества, первый секретарь учитывает интересы крестьянства и продолжает ориентировать экономический потенциал страны на развитие ВПК⁷.

Признавая невозможность точного прогнозирования будущего развития Советского Союза, автор предпринимает попытку систематизировать основные чаяния и оценки будущего, присущие представителям правящего слоя. В этой связи чрезвычайно любопытен и совершенно нехарактерен для англо-американской традиции написания аналитических справок специальный раздел «оптимизм и пессимизм» в СССР.

Пессимисты, согласно записке, считают, что шансы дожить до лучших времен весьма малы. Это связано с тем, что США де не пойдут на соглашение с СССР, которое предусматривало бы политическое равенство и сокращение вооружений. Оптимисты, напротив, верят что «после того как они (руками Хрущева) уничтожат коммунистическую идеологию (ее экспорт) и избавятся от недостойного индивидуума, весьма посредственного со всех точек зрения, услугами которого они вынуждены были воспользоваться [т.е. Хрущева], русский маршал с серыми глазами однажды встретится взглядом с голубоглазым американским генералом,

---

⁶ Ibid. Fol. 268.

⁷ Ibidem.

после чего установится полное и окончательное согласие на радость всем (кроме Тито и Гомулки)»⁸. Очевидно, что здесь автор опять возвращается к мнению неких советских собеседников, которые явно симпатизировали Коневу и желали смещения Хрущева еще в 1957 г.

Следуя логике условных «пессимистов» и «оптимистов» в СССР, автор выдвигает два взаимоисключающих сценария развития международных отношений. В первом случае США продолжали бы гонку вооружений, не опасаясь, что это повлияет на их уровень жизни, в то время как русские были бы вынуждены сдаться из-за падающих стандартов жизни. Во втором случае американцы вынуждены будут свыкнуться с мыслью, что русские не сдадутся, а гонка вооружений с большой долей вероятности в итоге приведет к войне, которая может обернуться безоговорочной капитуляцией США перед СССР.

Какова же роль Франции и отношение к Франции на фоне этих прогнозов? «Интерес, проявляемый в России к французской цивилизации, является всеобъемлющим», — утверждает автор. «Все то, что можно обозначить как «культурное», по определению обладает французскими корнями, а все, что французское, автоматически принимается как вершина прогресса»⁹. С этой точки зрения, согласно записке, американизация Франции воспринимается в СССР с большой тревогой. Напротив, сохранение или восстановление автономии французской цивилизации приветствуется во всех кругах. «Считается, — пишет французский визитер, — что Россия должна суметь вновь воспользоваться культурным вкладом, который бы ей обеспечила Франция, вновь став «независимой»».

В другом месте говорится о том, что те немногие в СССР, кто думают о Франции в политическом плане (упоминаются три человека «весьма умных и образованных»), вместе с представителями армии должны также приниматься во внимание¹⁰. Но «в целом Франция признается лишь как некая культурная единица»¹¹. Что же до ее притязаний на роль в мировой политике, то, по мнению автора, ожидаемое советско-американское «сердечное» согласие одной из своих целей имеет «нейтрализацию» Франции, что подразумевает, с одной стороны, сохранение ее независимости, а с другой, окончание ее мировой политической роли. При этом сохраняется возможность оказывать политическое влияние в культурном плане, особенно учитывая существующий в

---

⁸ Ibid. Fol. 271.

⁹ Ibid. Fol. 273.

¹⁰ Ibid. Fol. 272-273.

¹¹ Ibid. Fol. 273.

СССР интерес к возрождению тесных связей между русской культурой (которую автор понимает самым поверхностным и примитивным образом) и культурой французской¹².

Говоря об отношении в СССР к идее нейтралистской политики в духе «третьей силы» в лице Франции или всей Западной Европы с участием Великобритании, записка отмечает несерьезную, даже ироничную реакцию. В условиях холодной войны никто не верил в «нейтралитет» или самостоятельность отдельно взятой Франции, или «Европы шести» (ЕЭС) или Британского Содружества (пусть даже интегрированного с Европой). Они воспринимались как слишком слабые для проведения самостоятельной военно-политической линии, независимой от США.

Таким образом, формулируется один из ключевых выводов записки — отношение СССР к «Европе шести» в лице шести западноевропейских стран, подписавших в марте 1957 г. Римские соглашения об образовании ЕЭС и Евратома, не вызывает особого уважения. СССР стремится к «Антанте» с США и в рамках этой «Антанты» видит Европу нейтральной. Идея же альтернативной Антанты с Францией или Европой в широком смысле, включая Англию — в высшей степени утопия, это невыгодно и даже опасно для СССР. «Подобный союз ничего не принес бы СССР и весьма чувствительно бы его ослабил, делая практически невозможным продолжение гонки вооружений, которая предполагает поддержание определенной “строгости” с советской стороны»¹³.

Что же делать Франции в условиях существования двух сверхдержав? Автор пишет, что пока США считают себя сильнее СССР, никакое соглашение между ними невозможно. А считают они себя таковыми, полагая, что смогут восстановить Римскую империю, пытаясь втянуть Сирию и Египет в американскую сферу влияния и восстановив контроль над Средиземноморьем. И тут появляется уникальная возможность для Франции выйти на мировую политическую авансцену, используя свои скрытые резервы. В качестве главного геополитического ключа при такой раскладке оказываются бывшие французские колонии, в особенности Тунис, который в 1957 г. обрел самостоятельность во главе с первым президентом в его истории — Хабибом Бургиба.

«Если говорить о Бургибе без Франции, то это американский агент, который будет способствовать установлению прямого управления США над Средиземноморским бассейном и тем самым поддерживать у американцев иллюзию политического и военного превосходства, которая

---

¹² Ibidem.

¹³ Ibid. Fol. 274.

сделала бы невозможной соглашение с СССР. Напротив, если бы Франции удалось объединиться с Бургией, к французскому Магрибу естественным образом примкнули бы остальные страны арабского мира и все это в целом управлялось бы «Европой шести», где Германия была бы нейтрализована Францией, которая [Европа] стала бы в экономическом отношении достаточно сплоченной для того, чтобы превратиться в полюс притяжения остатков бывшей Британской империи»¹⁴.

С этой точки зрения успехи СССР в Египте и Сирии по противодействию американскому влиянию оцениваются лишь как временные. Увлекаясь, автор предвещает начало возрождения Римской империи с Галлии, т.е. Французской республики. При этом Франция отождествляется с Европой, которая, несмотря на скептическое отношение к ней в СССР, стала бы новым центром силы. «Тот факт, что арабский мир был бы тогда под управлением Франции (Европы), а Франция эта имела бы западную (проамериканскую) ориентацию, не имело бы никакого значения. Что имело бы значение — так это то, что мир не управлялся бы напрямую из Вашингтона». При этом адекватная французская политика в этом регионе могла бы послужить цели, разделяемой всеми в СССР — соглашению с США на условиях закрепления строгого паритета сил. «Таким образом, две страны разделяли бы опеку над слаборазвитыми странами, сообщая гарантируя политический нейтралитет экономически развитой и процветающей зоны стран, входивших некогда в состав Римской империи»¹⁵.

Общий вывод автора записки таков: только французский империализм может сделать Францию политически интересным партнером в глазах СССР. Франция в качестве нейтральной Швейцарии не интересна ни для СССР, ни для США.

Что же остается в сухом остатке после прочтения данного документа? Во-первых, 1957 год — важная веха как в советской истории, так и в истории европейской. Для СССР это год удаления с политической арены группы Маленкова-Кагановича-Молотова на июньском пленуме ЦК КПСС и беспрецедентный Международный фестиваль молодежи в августе 1957 года — собственно, на его волне и появилась анализируемая записка. Для Западной Европы март 1957 года — это подписание знаменитых Римских соглашений об образовании Европейского экономического сообщества и Евратома — решающий шаг в истории всей западноевропейской интеграции. Впрочем, в 1957 г. еще мало кто понимал, как будет развиваться объединившаяся «Европа шести». Для

---

¹⁴ Ibid. Fol. 276.

¹⁵ Ibidem.

Франции 1957 год — это время начала глубокого кризиса IV республики, связанного с экономическими неурядицами, распадом французской колониальной империи и серьезными проблемами во внутривнутриполитической жизни страны, которые в итоге привели к появлению фигуры генерала де Голля на посту президента страны и идеологии «голлизма». Для Средиземноморского региона это было время обострения борьбы за колониальное наследство (период между «Суэцким кризисом» 1956 года и до наступления «года Африки» в 1960 г.).

Собственно, отражение всех этих процессов и наложило свой отпечаток на аналитическую записку. Редкий опыт соприкосновения с крайне закрытой до того страной и ее гражданами привел к совершенно очевидным преувеличениям и заблуждениям ее автора, отсутствию некоторой отстраненности, необходимой для объективной оценки высказываний московских корреспондентов о внешней и внутренней политике СССР (на основе которых строятся ключевые выводы). Это накладывалось на нескрываемый франкоцентризм автора, не говоря о комплексе имперских амбиций. Можно сказать, что подобно маркизу де Кюстину в 1839 г., французский визитер в 1957 г. претендовал на некое новое осмысление процессов во внутренней и внешней политике СССР, оставаясь во власти весьма субъективных представлений о предмете анализа.

Вместе с тем, тот факт, что записка попала в личное дело руководителя Департамента экономического сотрудничества, отвечавшего за участие Франции в «Общем рынке» (причем с ним работали — в тексте отдельные места подчеркнуты от руки), говорит о том, что документ имел хождение в кругах, причастных к принятию ключевых внешнеполитических решений. Судя по вниманию, уделяемому ее автором проблеме европейского нейтралитета и Европы — «третьей силы», возможно, его поездка была напрямую связана с задачей определения советской позиции в отношении новой конструкции Европы.

Безусловно, крайне любопытная записка расширяет наши представления о состоянии общественного мнения в СССР после XX съезда компартии, об уровне общения в дни Международного фестиваля. Французский автор смог вызвать на откровенный разговор представителей разных профессий и выявить столь нетипичную для СССР палитру общественного мнения в отношении высшего советского руководства. Он верно нащупал наличие конфликта в советской элите, приведшей осенью 1957 г. к отстранению Жукова от власти. Некоторая надменность и чувство культурного превосходства в оценках были, вероятно, типичными для представителя французской элиты того времени (возможно, автор — интел-

лектуал из академической среды, кругов, близких французскому МИД или даже дипломат под прикрытием). В развиваемых им в записке идеях участия Франции в некоем мировом триумvirате великих держав (СССР-Франция-США) можно усмотреть отдаленные аналогии с идеей мирового триумvirата или директората с «мировой ответственностью» в рамках НАТО: Англии, Франции и США, выдвинутых в секретном меморандуме де Голля в сентябре 1958 г.¹⁶

Пожалуй, самое интересное — это видение Франции как центра не только европейской цивилизации, но и собирателя земель бывшей Римской империи. Записка прямо говорит о стремлении использовать европейскую интеграцию в качестве своеобразного трамплина для сохранения (и даже приумножения за счет бывших британских колоний) мировой зоны французского влияния. Это говорит о необходимости более тщательного анализа менталитета и идеологии французских дипломатов на ранних этапах европейской интеграции, чья картина мира порою радикально отличалась от более поздних «адаптированных» версий создания европейских сообществ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Note sur un séjour á Moscou (URSS) un août 1957. Paris 27.09.1957 // Papier Directeurs.

Olivier Wormser. Direction économique, vol.14. Europe orientale, URSS. fols. 263-276.

Липкин М. А. Британия в поисках Европы. Долгий путь в ЕЭС: 1957-1974г г. СПб.: Алетейя, 2009.

Липкин Михаил Аркадьевич, к.и.н., старший научный сотрудник, зам. директора Института всеобщей истории РАН; mli@igh.ru.

---

¹⁶ *Липкин*. 2009. С. 69-70.

ИСТОРИЯ, РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА

Н. Д. КЛЕНЬШЕВА

РОЖДЕНИЕ РЕБЁНКА В ДРЕВНЕРИМСКОЙ СЕМЬЕ БОГИ И РИТУАЛЫ

В статье сквозь призму религиозных верований и ритуалов рассматривается отношение древнеримского общества к беременности и младенцам, а также к социализации маленьких детей. Исходя из данных о богах-родовспомогателях и божествах-защитниках, делается вывод о том, что, несмотря на ценность новорожденных, римлян гораздо больше заботили жизнь и здоровье рожениц. Римские малыши становились членами сообщества не раньше, чем получали имя, что фиксировалось как на частном, так и на государственном уровнях.

Ключевые слова: древнеримская семья, частные римские культы и ритуалы, беременность, роды и социализация ребенка в Древнем Риме, древнеримские боги-родовспомогатели и боги-защитники новорожденных.

Тема женщин и детей в Древнем Риме широко исследована в зарубежной историографии. В основном авторы уделяли внимание социальным и медицинским аспектам данной проблемы: количеству женщин и детей, правовому положению тех и других, врачебной помощи¹. Данная работа представляет собой попытку заполнить лакуну в изучении римской семьи с религиозно-ритуальной точки зрения, ведь нельзя упускать из виду, что верования и обряды отражают отношение человека к окружающей действительности и закрепляют его.

Исследователи, изучающие демографию и античную медицину, на основании анализа различных данных делают вывод о том, что примерно треть римских новорожденных не доживала до года². И хотя говорить о статистике для античности проблематично, нет сомнений, что детская

---

¹ Balsdon. 1962; Evans. 1991; Rawson. 1991; Idem. 1992. См. обзор литературы по теме: Павлов, Елизарова. 2001. С. 174-205. О римской медицине см.: Scarborough. 1969; Prioreschi. 1998; Keller. 1998; Flemming. 2000; Nutton. 2004; Cruse. 2004. В отечественной науке данная проблематика лишь начинает разрабатываться: Женщина в античном мире...; Павлов. 2001а. С. 9-28; Он же. 2001б. С. 174-205.

² К. Хопкинс говорит о 28% (Hopkins. 1983. P. 225), Т. Паркин о 32% (Parkin. 1992. P. 92-94), М. Голден о 30-40% (Golden. 1988. P. 156). Историографию проблемы см.: Soren D., Soren N. 1999. P. 482. Вопрос о демографии древнего Рима остается дискуссионным. См. указ. труды К. Паркин, К. Хопкинс и Р. Саллера (Saller. 1994).

смертность была тогда велика. В нарративных источниках и особенно в надписях на надгробиях нередко попадаются указания на то, что у женщины был выкидыш, или она умерла от родов, или родился мёртвый ребёнок, или не удалось спасти ни мать, ни дитя³. Несомненно, высокая детская смертность влияла на восприятие рождения и детства.

Как же воспринимали деторождение и первые дни жизни ребёнка римляне? И с какого момента ребёнка начинали воспринимать как члена семьи? Можно ответить на эти вопросы, рассмотрев божества и семейные ритуалы, которые были связаны с деторождением. Следует отметить, что восприятие этого важного события, представление о ценности малыша могло меняться с течением времени, и поэтому нельзя однозначно утверждать, что оно было одинаковым у римлян царского периода, Республики и в имперские времена.

В сохранившихся источниках на удивление мало материала о рождении детей и обычаях, связанных с этим событием⁴. Тем не менее, примерная реконструкция возможна. Необходимо оговорить: речь пойдёт не об эмоциях и чувствах родителей, а о том, как общество через обряды проявило своё отношение к беременности и младенцам. Кроме того, для задач данного исследования не важно, имеем ли мы дело с прозвищами и эпитетами богов или же с многочисленными божествами как таковыми: и то, и другое показательно.

Античная традиция сообщает о целом сонме божеств, связанных с вынашиванием и рождением детей. Сложность состоит в том, что в некоторых случаях упоминания о каком-либо божестве или ритуале единичны, однако, и единичный факт можно рассматривать как отражение общей тенденции, если он не противоречит культурной традиции. Особенно важны данные Варрона, Овидия, Тертуллиана, Августина, Сервия и Феста. При том необходимо иметь в виду, что, хотя Тертуллиан и Августин использовали книги Варрона, трудно сказать, насколько точно они передали его сведения. Кроме того, сложно выяснить, существовала ли вера во всех этих богов в одно и то же время.

Среди божеств, имеющих отношение к деторождению, можно выделить несколько групп. Во-первых, это божества, которые заботятся о ребёнке в утробе матери и способствуют своевременным родам.

---

³ *Val. Max.* IV. 6. 4; *Plin.* Epist. VIII. 10; *Suet.* Cal. 12; CIL. III. 2267; VI. 12403, 17935, 23790.

⁴ С. Диксон справедливо отмечает, что «дети как таковые не очень хорошо представлены в древних источниках, а маленькие дети почти отсутствуют». — *Dixon.* 1988. P. 104. См. также: *Manson.* 1983. P. 149-159.

Тертуллиан в апологии «К язычникам» называет Флувионию⁵, «которая питает младенца во чреве», Диеспитера, «который доводит беременную до родов» (*Tert. Ad nat. II. 11*), и Алемону, «которая охраняет плод до родов» (*Tert. De anima. 37*)⁶. Даже если они появлялись в римских верованиях постепенно, их наличие отражает вполне естественный страх, что женщина не выносит ребёнка.

Относительно много сведений имеется о Парке (Парках). Чаще всего она упоминается у Овидия, но у него она всегда синонимична слову «судьба», «рок»⁷. Согласно Авлу Геллию, цитирующему Варрона и Цезелия Виндекса, существуют три богини судьбы: Нона (Nona), Децима (Decima) и собственно Парка. Имена Ноны и Децимы произведены от времени родов, а Парки — от partus (рождение, роды). Он упоминает также о богине судьбы Морте, но считает это ошибкой Цезелия Виндекса, который вместо «Моега» («Судьба») читает «Морта» (прослеживается связь со словом «mors» «смерть») ⁸. А. И. Немировский по этому поводу заметил, что древнейший образ трех Парок содержит италийские черты: «В этих именах нет никаких ассоциаций с прядением или вращением веретена, вызываемых именами греческих Мойр... Со свойственным первобытному мышлению конкретностью Nona, Decima означают месяцы рождения ребенка (на девятом или десятом месяце). Труднее понять значение имени третьей Парки. Может быть, от неё зависело рождение мёртвого ребёнка, как полагает Латте... Представление о парках-пряках было распространено у поэтов и образованной публики, в народе же долгое время удерживалось совершенно иное представление о духах деторождения, пока функции этих богов не приняла Juno Lucina»⁹. Таким образом, своевременные роды зависели от Ноны и Децимы, которые следили за тем, чтобы ребёнок не родился недоношенным, а значит нежизнеспособным.

⁵ Флувиония одновременно и богиня менструаций.

⁶ *Diespiter* — более редкая форма имени Юпитера. *Wissowa*. 1905. Sp. 478–479.

⁷ *Ovid. Amor. II. 6. 46; Heroid. XI. 105; Trist. III. 6. 15, V. 3. 14, Ex Pont. IV. 15. 36; Epicedon Drusi. 164.*

⁸ *Gell. III. 16.10: Antiquos autem Romanos Varro dicit non recepit huiusmodi quasi monstruosas raritates, sed nono mense aut decimo neque praeter hos alia partionem mulieris secundum naturam fieri existimasse, idcircoque eos nomina Fatis tribus fecisse a pariendo atque decimo mense. "Nam "Parca" inquit "inmutata una littera a partu nominata, item "Nona" et "Decima" a partus tempestivi tempore. Caesellius autem Vindex in lectionibus suis antiquis: "tria" inquit "nomina Parcarum sunt: "Nona", "Decima", "Morta", et versum hunc Livii, antiquissimi poetae, ponit ex "Odyssea": Quando dies adveniet, quem profata Morta est. Sed homo minime malus Caesellius "Mortam" quasi nomen accepit, cum accipere quasi Moeram deberet.*

⁹ *Немировский. 1964. С. 35–36.*

Во-вторых, боги, помогавшие непосредственно при родах: Луцина, Кармента (Карменты), Di Nixi и Нацияна. Упоминаний о них больше всего. О Луцине намного больше сведений¹⁰, чем о прочих божествах. К. Латте полагал, что у каждой женщины первоначально была своя Луцина и Юнона, а затем Луцина стала одним из прозвищ Юноны; последнюю версию передаёт античная традиция¹¹. Интересный пассаж содержится у Овидия в «Метаморфозах» (IX. 295-315). Луцина, из-за гнева Юноны враждебно настроенная к рожаящей Алкмене, садится на алтарь, положив ногу на ногу, переплетает пальцы и шепчет заклинания, тем самым препятствуя родам. Служанка Алкмены обманом заставляет богиню вскочить и всплеснуть руками, и тогда Алкмена благополучно разрешается от бремени. Вера в то, что узлы и завязывание, а также перекрещивание рук и ног как бы перекрывают путь младенцу, встречается у многих народов. Необходимо отметить, что у Овидия Луцина выступает и как самостоятельное божество (Met. IX. 295-315), и является прозвищем Юноны (Fast. II. 435-450; III. 55; VI. 39). Овидий излагает легенду о рождении Геракла, поэтому в «Метаморфозах» Луцина — сторонница Юноны, а не сама Юнона. Луцина, согласно этимологии Варрона (LL. V. 69), это богиня, которая связана со светом и луной, из-за чего она и даёт глазам детей увидеть свет¹². Ведь само её имя образовано от lux (свет). Считалось, что Луцина облегчает родовые муки, и что роды в полнолуние более лёгкие, чем в другое время¹³.

В образе Луцины заметны и общеиндоевропейские представления о Луне. Тертуллиан (Ad nat. II. 11) сообщает, что при родах присутствует богиня Канделифера¹⁴, потому что рожали при свете свечи. Л. Преллер полагал, что горящая свеча символизировала свет как таковой, потому

¹⁰ Plaut. Truc. 476; Ovid. Met. IX. 294; Fast. III. 257; Serv. Ad Aen. IV. 518; Varro LL. V. 50; 74; Dionys. IV 15. 5; Plin. NH. XVI. 235; Macrobian. Sat. VI. 4. 13; Tert. De anima. 39.

¹¹ Latte. 1927. Sp. 1648-1649.

¹² Ср.: Cic. De nat. deor. II. 27. 68.

¹³ Cic. De nat. deor. II. 27. 68: «Полагают, что Диана и Луна одна и та же (богиня)... Луна названа от «светить» (a lucendo)... поэтому как у греков зывают к Диане, и она же Луцифера, так у нас во время родов к Юноне Луцине» (пер. С. Блажеевского); Ovid. Fast. II. 449: «Слава Луцине! Она святую прославила рошу, 450 Где она каждой жене матерью стать помогла. 451 Милостиво пощади беременных жен ты, Луцина, 452 И безболезненно в срок дай им детей приносить» (пер. Ф. Петровского); Plut. Quaes. Rom. 77: «...а ещё её (Юнону. — Н. К.) называют Луциной, то есть светлою (lucina) или светящеюся (lucida). Римляне считают, что она приносит помощь при родах, как Луна: “Через купол сияющих в звездах небес / И помощницу в родах Селену” и очень многие полагают, что родильные муки в полнолуние не так сильны» (пер. Н. В. Брагинской).

¹⁴ Имя состоит из candēla (свеча) и ferre (нести), т.е. она «свеченосительница».

что ребёнок появляется на свет¹⁵. По мнению Э. Замтера, объяснение Преллера слишком отвлечённое¹⁶. Согласно реконструкции Э. Аушта, зажженные свечи связаны с Луциной как богиней света, а Канделифера может быть прозвищем Луцины¹⁷. Как бы то ни было, показательна связь со светом¹⁸. Чёрное и темнота, согласно римским представлениям, принадлежали подземным богам. Можно сделать вывод, что Луцина и Канделифера (или Луцина Канделифера) противопоставлены безымянным подземным силам. Здесь, видимо, отразилось опасение, что подземные боги, связанные со смертью, могут внезапно явиться и «утащить» за собой новорожденного. Обращение к Луцине и Канделифере — надежное средство против смерти младенца.

Следующим значимым для деторождения божеством была Кармента (Карменты). Согласно Овидию, у Карменты были спутницы-сестры Поррима и Постверта: Поррима связана с «правильным/прямым» положением ребёнка в чреве, а Постверта — с перевёрнутым, т.е. неправильным¹⁹. Карменте были посвящены праздничные дни 11 и 15 января, которые отмечены в календаре Нумы; некогда у неё был даже свой фламмин (flamen Carmentalis) — при том, что всего в Риме их было пятнадцать²⁰. Жертвы Карменте приносили понтифики (*Ovid. Fast. I. 461*). Э. Ауст предположил, что Porrima, Prorsa (Прямая), Antevorta и Postverta — это прозвища Карменты, призыв защитить роженицу и плод, а не самостоятельные божества²¹. В любом случае, обращение к ним должно было предотвратить неправильное расположение плода и, следовательно, родовые патологии.

Кроме Луцины, родовспомогателями были Di Nixi. Согласно Фесту, «Di Nixi называются три коленапреклонённые статуи на Капитолии перед святилищем Минервы, как покровители рожениц во время родовых схваток...»²². Здесь же он сообщает, что они были привезены после

¹⁵ *Preller, Jordan. 1882. S. 208.*

¹⁶ *Samter. 1911. S. 67.*

¹⁷ *Aust. 1899. S. 223. Idem. 1899. Sp. 1464-1465.*

¹⁸ Обычай освещать помещение при рождении существовал и позднее. Так, в Германии начала XX века было принято зажигать во время родов свечу, и она должна была гореть до крещения ребёнка. *Samter. Op. cit. S. 68.*

¹⁹ *Ovid. Fast. I 631-634.* У Тертуллиана (*Ad nat. II. 11*): «римляне полагали, что помощь при родах рожденному оказывали Карменты: тому, кто рождался неправильно, помогала Постверта, а правильно рожденному — Проза» (пер. И. И. Маханькова).

²⁰ *Cic. Brut. 56; CIL. VI. 31032.* Их список с указаниями на источники см.: *Wissowa. 1912. S. 504. Anm. 4.*

²¹ *Aust. 1899. Sp. 1594.*

²² *Fest. 182L: Nixi di appellatur tria signa in Capitolio ante cellam Minervae genibus nixa, velut praesidentes parentium nixibus...* См. также: *Non. De prop. serm. 80. P. 13L; Ovid. Met. IX. 294.*

победы над Антиохом, т.е. не ранее 188 года до н.э. Г. Виссова считал, что описание Феста (nīxi от nīxus — родовые схватки, потуги) возникло из-за позднейшего ошибочного понимания этимологии слов, особенно если учесть, что это мужские фигуры²³. Л. Дойбнер, дискутируя с Виссовой, указывал на обычай кувады, когда мужчина символически брал на себя страдания рожающей женщины. Поэтому, как он полагал, речь об абсурдности предположения nīxi от nīxus не должна идти²⁴. Э. Замтер, как и Дойбнер, не видел никакого противоречия в том, что Di Nīxi мужские божества: этнографические данные фиксируют практику мужского «ритуального разрешения от бремени» у разных народов, чего Виссова не учитывал²⁵. А. И. Немировский на основании слов Овидия (Met. IX. 294) и посвятительной надписи, которую приводит К. Латте²⁶, заключил, что Di Nīxi связаны с Луциной²⁷, а «почитание в Неми наряду с нимфой-родовспомогательницей Эгерией мужского божества Вирбия свидетельствует о том, что мужское множество могло трактоваться как безымянные родовспомогатели, имитирующие акт рождения и этим магическим подражанием облегчающие рождение новой жизни»²⁸. Вопрос о сущности этих божеств остаётся открытым. Тем не менее, ясно, что они несли ту же функцию, что и Карменты: обеспечить нормальное деторождение.

В ряду богов-родовспомогателей можно назвать Национу. Согласно Цицерону, рассуждающему о том, кого следует полагать божеством, а кого нет, «если боги таковы, что участвуют в человеческих делах, также и Национу, которой мы обычно приносим жертвы, когда обходим святыни в Ардейской области, должно считать богиней, потому что она оберегает роды женщин; от «рождающихся» (nascentes) она названа Национой» (Cic. De nat. deor. III. 47). Других сведений об этой богине нет.

Отдельно следует сказать о Пилумне, Пикумне, Интерцидоне и Деверре. Согласно Варрону, процитированному римским грамматиком Нонием Марцеллом (P. 848L), если новорождённый был жизнеспособный и поднят повивальной бабкой, его устанавливали (statuebatur) на земле, чтобы увидеть, насколько он стройный²⁹. Сервий сообщает, что Пилумну и Пикумну (у Сервия «Питумн») за благополучие роженицы ставили

²³ Wissowa. 1912. S. 249.

²⁴ Deubner. 1909. P. 669.

²⁵ Samter. Op.cit. S. 8-9.

²⁶ Latte. 1960. S. 52.

²⁷ Немировский. Указ. соч. С. 36.

²⁸ Там же. С. 37.

²⁹ Non. P. 848L: Varro de vita populi Romani lib. II “natus si erat vitalis ac sublatus, ab obstetrice statuebatur in terra ut aspiceretur reclus esse; dis coniugalibus Pilumno et Picumno in aedibus lectus sternebatur”. О переводе этого пассажа см.: Samter. Op. cit. S. 10-14.

ложе для угощения в атриуме после того, как выяснилось, что новорожденный жизнеспособен; Пилумн и Пикумн — боги детей³⁰. Таким образом, богов этих благодарили за успешные роды.

Но была у них и другая функция. Со ссылкой на Варрона Августин сообщает о следующем ритуале. Чтобы Сильван ночью не вошел и не потревожил роженицу, к ней призываются трое богов. В знак их присутствия три человека должны обойти дом. Затем по очереди один из них ударяет о порог топором, второй — пестиком, а третий обметает порог метлой. Объяснение ритуалу дается следующее: «этими... знаками обработки не дано было богу Сильвану войти, потому что, как считают, ни деревья не срубают всё же без железа, ни хлеб не готовят без пестика, ни плоды не складывают в кучу без веника; от этих трёх названных вещей также три названных бога, Интерцидона (*Intercidona*) от «рассекания топором» (*intercisio*), Пилумн (*Pilumnus*) от «пестик» (*pilum*), Деверра (*Deverra*) от «выметать метлой» (*devergere limen scopis*), каковыми богами-стражами родившая защищена от силы Сильвана»³¹.

Сообщение Варрона и его объяснения вызвали в историографии оживленную дискуссию. Обсуждался и смысл ритуала, и имена названных Варроном богов. А. Де Марки задал вопрос, в какой степени данный ритуал вообще касался сельского хозяйства, и дал отрицательный ответ³². Большинство исследователей считает, что объяснение Варрона не противоречило действительности³³. Так, К. Латте полагал, что задача этого ритуала — помешать неким внешним силам войти в дом и потревожить роженицу с младенцем, а *devergere* (выметать) — это «выметание несчастья», такое же, как и при погребальном ритуале³⁴. Но все же эти два «подметания» нельзя смешивать: в случае похорон «выметают» душу или

³⁰ *Serv.* Ad Aen. X. 76: Varro Pilumnus et Pitumnus infantium deos esse ait eisque pro puerpera lectum in atrio sterni, dum exploretur an vitalis sit, qui natus est.

³¹ *Aug.* Civ. Dei. VI. 9: mulieri fetae post partum tres deos commemorat adhiberi, ne Silvanus deus per noctem ingrediatur et vexet eorumque custodum significandorum causa tres homines noctu circumire limina domus et primo limen securi ferire, postea pilo, tertio *devergere scopis*, ut his datis culturae signis deus Silvanus prohibeatur intrare, quod neque arbores caeduntur ac putantur sine ferro, neque far conficitur sine pilo neque fruges coacervantur sine scopis; ab his autem tribus rebus tres nuncupatos deos, *Intercidonam* a securis *intercisio*, *Pilumnus* a pilo, *Deverram* a scopis, quibus diis custodibus contra vim dei *Silvani* feta conservaretur.

³² *De-Marchi.* 1896-1915. P. 167; *Wissowa.* 1916. Sp. 1608.

³³ *Mannhard.* 1877. S. 124; *Marquardt.* 1876. S. 12; *Preller, Jordan.* 1881. S. 376-379, 392; *Deubner.* Op. cit. P. 649; *Wissowa.* 1912. S. 244; *Aust.* 1905. Sp. 260-261; *Rose.* 1926. P. 133; *Palmer.* 1978. P. 222.

³⁴ *Latte.* Op. cit. S. 94-95.

духа покойника, чтобы он не возвращался в дом, а в случае рождения метла преграждает вход злым внешним силам. Согласно верованиям многих народов, злые силы можно отпугнуть орудиями труда и оружием. Так, в Германии для этой цели использовали топор. Его могли положить под кроватью или же рядом с кроватью роженицы и ребёнка. В Румынии во время родов жены муж должен был ударить о конёк крыши двумя топорами; в Венгрии под кровать роженицы клали разобранный топор³⁵. Подметание помещения как средство, отпугивающее духов и ведьм, также является известной практикой. В Силезии в углу комнаты ставили две метлы или клали одну перед порогом, чтобы ни ведьма, ни домовая не потревожили домочадцев. В Шварцвальде на страстную пятницу ночью или на рассвете подметали комнату, а метлу выбрасывали на перекрёстке дорог; эти метлы там лежали целыми кучами. Что касается пестика, то, согласно исследованию Э. Самтера, родственный обычай наблюдался в Индии, когда перед дверью роженицы клали пестик, и отдалённая аналогия наблюдалась в Богемии, где в колыбель к ребёнку клали скалку³⁶. Таким образом, ритуал можно однозначно трактовать как защитный³⁷. Отдельный вопрос, какое «зло» имеется в виду, и что следует понимать под «*pe vexet*». Глагол *vexare* переводится как «швырять, колебать, беспокоить, угнетать, мучить, разрушать, портить». Очевидно, нет речи о том, что Сильван может *погубить* мать и дитя; он либо «мучает», либо «беспокоит»³⁸. Возможно, римляне подразумевали под мучением или беспокойством какую-то болезнь, которая может поразить мать и новорождённого. Отметим, что во всех случаях «злу» преграждали дорогу предметами человеческого мира, «домашнему» противопоставлены те злые силы, над которыми человек не властен и которые являются извне.

Таким образом, вынашивание плода и роды в ритуальном отношении предстают детализированным процессом: беременность, рождение как таковое, первые часы и дни после него. С каждым этапом связаны божества-защитники. Римляне опасались, что мать не выносит плод, он будет неправильно расположен, роды могут быть с патологиями, мать и дитя поразит какая-то болезнь³⁹. Главная задача родовспомогателей —

³⁵ Samter. Op. cit. S. 49-50.

³⁶ Ibid. S. 34, 37, 52.

³⁷ Трактовке этих ритуалов Т. Кёвес-Цулауф посвятил вторую главу своей книги, она так и называется «*Intercidona, Pilumnus, Deverta*» (*Köves-Zulauf*. Op. cit. S. 95-217).

³⁸ В переводе Маркуса Додса (Marcus Dods) на английский соответствующего отрывка стоит глагол «*molest*».

³⁹ Возможно, это связано с распространением малярии: маленькие дети легче заражаются, чем более взрослые, а у беременных малярия вызывает выкидыши. Анализ

помочь роженице, но о младенце речь не идёт. Родовспомогатели не отвечают за то, чтобы ребёнок был здоровым.

Отсюда вытекает вопрос об отношении к младенцу. Он, безусловно, воспринимался как ценность, что отразилось в желании уберечь его от безымянных зловредных сил. Но вместе с тем до определённого момента он не рассматривался как член общества. Родители могли даже «выставить» младенца, т.е. унести прочь из дому и уже не заботиться о его судьбе. В историографии господствует точка зрения, что малыша клали под ноги отцу, и тот либо «поднимал» его, либо нет, тем самым признавая либо не признавая его право на существование⁴⁰. Однако не все исследователи её разделяют. Т. Кёвес-Цулауф специально рассматривает проблему «поднимания детей». Согласно его трактовке, ребёнка «укладывали» на землю, чтобы проверить его жизнеспособность, поднимала его акушерка, а вовсе не отец. Об этом автор пишет в главе «Tollere infantem»⁴¹. Исследователь рассматривает общеизвестные ссылки, которые приводятся в доказательство ритуала «признания ребёнка». Из них можно сделать только один вывод: младенец какое-то время лежит на земле. Кёвес-Цулауф отмечает, что обычай класть дитя на землю появился позже, а первоначально роды происходили на земляном полу, и в этом нет ничего удивительного. Как указывает Э. Самтер, роды на земле практиковались у разных народов в ранние периоды их истории⁴². По мнению Т. Кёвес-Цулауфа, хотя, безусловно, новорожденного показывали отцу, это не было ритуальным действием. Необходимо отметить: источники не подтверждают существование «церемонии признания». Поэтому мнение немецкого исследователя представляется обоснованным. Brent D. Шоу в статье «Поднимание и убийство детей: два римских мифа» ту же проблему рассматривает с юридической точки зрения и соглашается с Т. Кёвес-Цулауфом⁴³.

Но когда и как новорождённый становился членом общества? Для ответа на эти вопросы необходимо вспомнить, какие ритуалы, согласно данным римской традиции, связаны с рождением.

детских костей, обнаруженных на позднеимском кладбище при вилле в Луньяно, показал, что дети были больны лихорадкой: *Soren D., Soren N.* 1999. P. 522, 633.

⁴⁰ *Harris.* 1874. P. 8; *Marquardt.* 1879. S. 81-82; *Dieterich.* 1905. P. 6-12; *Samter.* Op. cit. S. 1, 3-7, 19-20; *Weiss.* 1921. Sp. 467; *Radin.* 1925. P. 337-343; *Harmon.* 1978. P. 1596; *Dixon.* 1988. P. 237-240; *Harris.* 1994. P. 15 (исследователь не сомневается в этом праве и его содержании).

⁴¹ *Köves-Zulauf.* Op. cit. S. 1-27; 68-69.

⁴² *Samter E.* Op. cit. S. 5-8.

⁴³ *Shaw.* 2001. P. 31-77.

Во-первых, это церемония защиты от Сильвана, о которой было рассказано выше. Т. Кёвес-Цулауф делает вывод, что именно этот ритуал вводит новорождённого в семью, переводя его из власти хаотических природных сил под сень дома, т.е. человеческого общества. Однако в любом случае мы явно имеем здесь дело с апотропеическим действием, целью которого было преградить путь некоему «злу», каковое располагалось за порогом дома. Поэтому с выводом Кёвес-Цулауфа трудно согласиться, несмотря на широкую аргументацию, в которой немецкий исследователь обращается в числе прочего к греческой мифологии. Кроме того, при объяснении смысла ритуала Кёвес-Цулауф как будто «забывает» о Сильване и большую часть аргументации посвящает богам Пикумну, Пилумну и Луцине⁴⁴.

Второе религиозное действие также относится ко дню рождения (*dies natalis*). Согласно сообщению Стация, в день рождения ребёнка оплетали дверные косяки, возжигали огонь на праздничном жертвеннике, а также, вероятно, совершали возлияние вином и молились⁴⁵. Кроме того, к отцу приходили друзья и поздравляли с прибавлением в семье. Домашние и гости дарили ребёнку маленькие подарки, которые называли *crepundia* (погремушки, от *creper*). Можно сравнить это торжество с празднованием дня рождения взрослых, о чём традиция сохранила немало больше сведений. Важно, что праздник дня рождения не подразумевал кровавых жертвоприношений и был посвящён *гению*. Гений — это спутник человека, он есть у всех граждан, даже у мёртвых⁴⁶. Во время праздника изображение Гения украшали венками из цветов, на его алтаре приносили жертву: воскуряли ладан, ставили пищу и пирог. Этот пирог, говоря словами Овидия, «отмечает годы»⁴⁷. Виновник торжества надевал белую одежду, к нему приходили гости, поздравляли его и приносили подарки, а затем начинался пир. Праздник не был исключительно семейным, в нём участвовали и гости. Из этого сходства можно сделать вывод, что праздник *natalis* повторял тот ритуал, который сопровождал появление ребёнка на свет. Это была, вероятно, ежегодная благодарность Гению за помощь.

---

⁴⁴ См. критические обзоры книги Т. Кёвес-Цулауфа, сделанные Д. Линдерски (*Linderski*. 1992. P. 304) и Г. Гарднером (*Gardner*. 1992. P. 93).

⁴⁵ *Stat. Silv.* IV. 8. 35-40: 35 *Cumque tibi vagerit tertius infans / protinus ingenti non venit nuntia cursu / littera, quae festos cumulare altaribus ignes /38 et redimire chelyn postesque ornare iuberet /39 Albanoque cadum sordentem promere fumo /40 et cantu signare diem?*

⁴⁶ *Otto*. 1910. Sp. 1163.

⁴⁷ *Ovid. Trist.* III. 13. 17; *Mart.* X. 24. 3-4.

В-третьих, источники сообщают об «очистительном дне» (*dies lustricus*). Наиболее важные сведения находятся у Макробия и Феста (Р. 120L). Согласно Макробию, «есть у римлян также богиня Нундина, названная от девятого дня, каковой именуется “очистительным”. И также “очистительный день” (тот), в который детей очищают и дают (им) имя; но для мальчиков это (день) девятый, для девочек — восьмой»⁴⁸. У Тертуллиана (*De idol.* 16) сохранилось сообщение о неких «торжествах наречения имени» (*solemnitates nominalium*). В чём именно эти торжества заключались, у нас сведений нет. Й. Марквардт полагал, что *solemnitas* — торжественная трапеза в честь дня рождения ребёнка⁴⁹. Д. П. Хармон считает, что торжества наречения имени (*solemnitates nominalium*) у Тертуллиана идентичны очистительному дню (*dies lustricus*)⁵⁰. Оба предположения кажутся логичными. По мнению Виссова, люстрационный ритуал, который проводили на девятый день над младенцем, аналогичен очищению после похорон⁵¹. Действительно, внешнее сходство есть: принеся на могиле жертву на девятый день после похорон, семья давала «девятидневный обед» (*cena novendialis*) и завершала период траура⁵². Э. Замтер по этому поводу замечает: внешнее подобие может присутствовать, но всегда следует учитывать, что эти ритуалы по своим задачам радикально отличались⁵³. При рождении мы имеем дело не с проводами, а со встречей, поэтому и смысл всех действий меняется. Следовало не только очистить дитя, мать и дом от скверны, но и зафиксировать появление нового члена фамилии в присутствии «общества», в качестве которого можно рассматривать друзей. У Стация, поэт I в. н.э., есть сообщение, что к счастливому отцу с поздравлениями приходит друг (*Stat. Silv.* IV. 8. 40).

Можно предположить, что *dies natalis* и *dies lustricus* — это ритуалы, представляющие собой элементы одного и того же праздника. Именно благодаря сакральным действиям в эти дни ребёнок становился членом фамилии: он получал имя и Гения. Этот же день впоследствии отмечался как день рождения — не в смысле появления на свет, а в

⁴⁸ *Macrob.* Sat. I. 16. 36: Est etiam Nundina Romanorum dea a nono die nascentum nuncipata, qui lustricus dicitur. Est autem dies lustricus quo infants lustrantur et nomen accipiunt; sed is maribus nonus, octavus est feminis.

⁴⁹ *Marquardt.* Op. cit. S. 82.

⁵⁰ *Harmon.* Op. cit. P. 1597.

⁵¹ *Wissowa.* 1912. S. 391-392.

⁵² *Tac.* Ann. VI. 5; *Prophr.* Ad Hor. Ep. 17. 48. У Петрония (*Sat.* 65. 3) дано другое название трапезы — *lautum novendiale*.

⁵³ *Samter.* Op. cit. S. 4-7.

смысле рождения для человеческого сообщества. Бессмысленно праздновать появление на свет как таковое. Отдалённую аналогию можно провести с христианскими именинами, которые могут не совпадать с днём рождения. Но младенец должен был, образно говоря, «стать человеком» не только на частном (семейном) уровне. Согласно Дионисию Галикарнасскому (*Dionys. IV 15. 5*), за новорожденных необходимо было сделать взнос в сокровищницу храма Юноны Луцины, чтобы все граждане государства были учтены.

Таким образом, можно выделить два аспекта восприятия рождения ребёнка. Во-первых, рождение физическое, связанное с обращением за помощью к различным богам и ритуальной оплатой этой помощи. Беременность и роды рассматривались римлянами как чрезвычайно опасные процессы, о чем свидетельствует значительное число различных богов-родовспомогателей. Внешние злые силы могли напасть на мать и младенца в первые же часы после рождения, соответственно, оно сопровождалось преимущественно защитными ритуалами, целью которых было избавить мать и дитя от множества безымянных (исключая Сильвана) враждебных сил. Мать и ребёнок в таком случае воспринимались как нераздельное целое. При этом бросается в глаза, что боги-защитники призваны помочь именно роженице, другими словами, именно она, в отличие от ребёнка, представляла наибольшую ценность. Во-вторых, — «общественное» появление нового члена семьи и фиксация этого события. Оно включало ритуальное очищение, наречение имени, препоручение новорожденного Гению и «публичное» — с участием друзей — празднование. При этом объект направленности обрядов менялся: это уже дитя само по себе, и оно — не просто новое живое существо, но будущий член римской общины. Иными словами, из безымянного младенца ребёнок превращался в конкретного человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Aug. Civ. Dei. VI. 9.*
Aust E. Candelifera // RE. Halbbd. 3. Stuttgart, 1899. Sp. 1464-1465.
Aust E. Carmenta // RE. Halbbd. 6. Stuttgart, 1899. Sp. 1594.
Aust E. Deverra // RE. Halbbd. 10. Stuttgart, 1905. Sp. 260-261.
Aust E. Religion der Römer. Darstellungen aus dem Gebiete der nichtchristlichen Religionsgeschichte. Münster, 1899.
Balsdon J. P. Roman women. Their history and habits. London, 1962.
Cic. Brut. 56; CIL. VI. 31032.
Cic. De nat. deor. II. 27. 68.
Cruse A. Roman Medicine. Oxford, 2004.
De-Marchi A. Il culto privato di Roma antica. Milano. 1896-1915.

- Deubner L.* Birth (Greek and Roman) // ARW. Edinburg, 1909.
- Dieterich A.* Mutter Erde. Ein Versuch über Volksreligion. Leipzig, 1905.
- Dionys.* IV 15. 5.
- Dixon S.* The Roman mother. London-Sydney, 1988.
- Evans J. K.* War, Women, and Children in Ancient Rome. London, New York, 1991.
- Fest.* 182L.
- Flemming R.* Medicine and the Making of Roman Women: Gender, Nature, and Authority from Celsus to Galen. Oxford, 2000.
- Nutton V.* Ancient medicine. London, New York, 2004.
- Gardner G.F.* Birth rites // The Classical Review. Vol. XLII. № 1. 1992.
- Gell.* III. 16.10.
- Golden M.* Did the ancient care when their children died? // G&R 1988. Vol. 35. № 2.
- Harmon D. P.* The Family Festivals of Rome // ANRW. Bd. 16. Belin, New-York, 1978.
- Harris G.* Domestic Everyday Life, Manners, and Customs in the Ancient World // Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 3. 1874.
- Harris W. V.* Child-Exposure in the Roman Empire // JRS. Vol. LXXXIV. 1994.
- Hopkins K.* Death and Renewal. Sociological Studies in Roman History. Cambridge, 1983. Vol. 2.
- Keller A.* Die Abortiva in der römischen Kaiserzeit. Stuttgart, 1998.
- Latte K.* Lucina // RE. Halbbd. 13. Stuttgart, 1927. Sp. 1648–1649.
- Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960.
- Linderski J.* Romische Geburtsriten by Thomas Koves-Zulauf // AJPh. Vol. 113. № 2. 1992.
- Macrob.* Sat. I., VI.
- Mannhard W.* Antike Wald- und Feldkulte. Berlin, 1877.
- Manson M.* The emergence of small child in Rome (third century BC – first century AD) // History of Education. 1983. Vol. 12. № 3. P. 149-159.
- Marquardt J.* Das Privatleben der Römer. Leipzig, 1879.
- Marquardt J.* Römische Staatsverwaltung. Bd. 2. Leipzig, 1876.
- Mart.* X. 24. 3-4.
- Non.* De prop. serm. 80.
- Otto W. F.* Genius // RE. Halbbd. 13. Stuttgart, 1910.
- Ovid.* Amor. II. 6. 46; Heroid. XI. 105; Trist. III. 6. 15, V. 3. 14, 13. 17; Ex Pont. IV. 15. 36; Epicedon Drusi. 164. Met. IX. 294; Fast. I 631-634.
- Palmer R. E. A.* Silvanus, Sylvester, and the Chair of St. Peter // Proceedings of the American Philosophical Society. Vol. 122. № 4. 1978.
- Parkin. T. G.* Demography and Roman Society. Baltimore, 1992.
- Plaut.* Truc. 476.
- Plin.* Epist. VIII. 10.
- Plin.* NH. XVI. 235.
- Plut.* Quaes. Rom. 77.
- Preller L., Jordan H.* Römische Mythologie. Bd. 1. Berlin, 1881; Bd. 2. Berlin, 1882.
- Prioreschi P.* Roman medicine. Omaha, 1998.
- Prophr.* Ad Hor. Ep. 17. 48.
- Radin M.* The Exposure of Infants in Roman Law and Practice // The Classical Journal. Vol. 20. № 6. 1925. P. 337-343.
- Rawson B.* Children in the Roman Familia // The Family in Ancient Rome: new perspec-

- tives. London, New York, 1992.
- Rawson B.* Marriage, Divorce, and Children in Ancient Rome. Oxford, 1991.
- Rose H. J.* Primitive Culture in Italy. London, 1926.
- Saller R.* Patriarchy, Property and Death in the Roman Family. Cambridge, 1994.
- Samter E.* Geburt, Hochzeit und Tod. Beiträge zur Vergleichenden Volkskunde. Leipzig-Berlin, 1911.
- Scarborough J.* Roman Medicine. London, New York, 1969.
- Serv. Ad Aen.* IV, X.
- Shaw Brent D.* Raising and Killing Children: Two Roman Myths // *Mnemosyne*. Fourth Series. 2001. Vol. 54. № 1. P. 31-77.
- Soren D., Soren N.* A Roman villa and a late Roman infant cemetery: excavation at Poggio Gramignano, Lugnano in Teverina. Roma, 1999.
- Stat. Silv.* IV. 8. 35-40: 35.
- Suet. Cal.* 12; *CIL*. III. 2267; VI. 12403, 17935, 23790.
- Tac. Ann.* VI. 5.
- Tert. De anima.* 39.
- Val. Max.* IV. 6. 4.
- Varro LL.* V. 50; 74.
- Weiss E.* Kinderaussetzung // *RE*. Halbbd. 21. Stuttgart, 1921. Sp. 467.
- Wissowa G.* Diespiter // *RE*. Halbbd. 5. Stuttgart, 1905. Sp. 478-479.
- Wissowa G.* Intercidona // *RE*. Halbbd. 18. Stuttgart, 1916. Sp. 1608.
- Wissowa G.* Religion und Kultus der Römer. Aufl. 2. München, 1912.
- Женщина в античном мире. Сборник статей / Под ред. Л. П. Маринович, С. Ю. Сапрыкина. М., 1995.
- Немировский А. И.* Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964.
- Павлов А. А.* Брак: любовь или добродетель (античные этюды) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001а. № 2. С. 9-28.
- Павлов А. А.* Физиология любви Лукреция // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001б. № 4. С. 174-205.
- Павлов А. А., Елизарова Е. Ю.* Женщина в античном Риме: новые зарубежные исследования // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001. № 3. С. 174-205.

Кленьшева Наталья Дмитриевна, преподаватель кафедры теории, лингводидактики и межкультурной коммуникации Липецкого государственного педагогического университета; arenataly@rambler.ru.

Ю. Я. Вин

МОТИВАЦИИ АКТОВ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТЧУЖДЕНИЙ ВИЗАНТИЙСКИХ КРЕСТЬЯН

*...психологическое толкование
лежит в основе всех остальных методов
исторической интерпретации источников.*

А. С. Лаппо-Данилевский

В статье анализируются мотивы поземельных сделок византийских крестьян: отчуждений, обменов и завещаний.

Ключевые слова: акты, поземельные отчуждения, дарение, завещание, обмен, купля-продажа, мотивы, средневековый менталитет, психология, византийское крестьянство, собственность, натуральная экономика.

Акты поземельных отчуждений византийских крестьян, которые относятся главным образом к последнему периоду истории Византии (XIII–XV вв.), весьма многообразны по содержанию. Исследование характера крестьянского землевладения и объема правомочий разных категорий селян, принципиальных отличий мелкой и крупной земельной собственности настоятельно требует пристального анализа купчих, дарственных и завещаний. При этом на передний план выходят некоторые детали их формуляра, которые обнаруживали себя с наибольшей ясностью именно в поздневизантийский период, благодаря чему дипломатика частного акта этого времени неоднократно оказывалась предметом специального изучения¹. Как правило, подобные документы отражают факты покупок, дарений и завещаний недвижимости, произведенных в пользу монастыря, в архиве которого они хранились².

При использовании актов дарения, завещания и продажи, исходящих от частных лиц, зачастую возникают трудности с установлением общественного положения контрагентов сделки. Безусловно, во многих

---

¹ Подробнее см.: *Вернадский*. 1925. С. 35-43; *Каждан*. 1950. С. 387-393; *Каждан*. 1952. С. 28-36; *Медведев*. 1979. С. 124-147; *Медведев*. 1988. С. 43-99; *Ferrari*. 1910. P. 8-111; *Ferrari*. 1935. P. 249-263; *Simon*. 1971. S. 155-181; *Kravari*. 1992. S. 77-88.

² Лишь очень немногие из них содержат свидетельства об отчуждении крестьянских имуществ светским собственникам. Например, в кодексе Патмосского монастыря ряд документов начала XIII в. отображает процесс скупки крестьянских наделов протовестиаритом Георгием Евнухом. ММ. VI. 156-158, 158-160, 160-162, 162-164, 164-165. Подробнее см.: *Фрейденберг*. 1956. С. 118; *Морозов*. 2005. С. 49.

документах зарегистрированы отчуждения земельных имуществ представителей господствующих групп общества. Иногда социальное положение дарителя или продавца выясняется непосредственно из содержания документа. Часто основанием для установления статуса служат особенности формуляра акта³. Для дарителей и продавцов, занимавших высокое общественное положение, характерно тщательное нотариальное оформление, которое подтверждает юридически дееспособность контрагента сделки⁴. Важен и статус свидетелей сделки, поскольку скрепление документов подписями высоких должностных и сановных лиц может указывать на соответствующий статус контрагента сделки.

Особое значение играет преамбула документа. Ведь именно она в первую очередь, как видно на примерах многих завещаний, раскрывает «причины составления акта», а в пространных их редакциях содержит «экспозицию» — раздел, в котором обычно излагаются биографические сведения о завещателе⁵. Но даже при отсутствии ярко выраженной преамбулы почти любой акт сохраняет вводные формулы «духовного содержания», которые мотивируют юридические действия ссылками не только на предписания формуляра, касающиеся здоровья, добровольности распоряжения, приближения кончины и т.п., но и конфессиональную догматику⁶. Без сомнения, витиеватые библейские цитаты и реминисценции святоотеческой литературы не просто свидетельствуют о духовном устроении завещателя, как и дарителя или продавца⁷. Подчас содержащиеся в тексте рассказы о причинах, побудивших к заключению сделки, цитата из священного писания, а иногда и ссылка на ту или иную норму права, изобличая начитанность или другие особенности общественного поведения, становятся надежным признаком высокого социального статуса главных субъектов соответствующих правовых действий⁸. Наилучшим доказательством тому служит завещание Феодора Сапуа, трапезундского землевладельца и воителя, поднявшегося на долгом жизненном пути до уровня авторитетного церковного деятеля, игумена монастыря. Вышедший из-под пера Феодора документ отличает наглядная своеобычность, выделяющая его из общего

³ Об условном формуляре частного акта подробнее см.: *Медведев*. 1979. С. 124-147; *Медведев*. 1988. С. 43-99.

⁴ *Kravari*. 1992. P. 78, 85, 87.

⁵ *Гепд*. 1994. С. 243 и далее, 245.

⁶ Там же. С. 244 и далее.

⁷ Ср.: *Гепд* 1994. С. 254.

⁸ Напр., ср.: ВА. № 52; № 60; № 65; № 79; № 100; *Chil.** № 53; № 69; № 99; *Xén.* № 8; № 9.

ряда поздневизантийских завещаний общей архитектурой изложения причин последнего волеизъявления⁹.

Документы об отчуждении земельных наделов, совершаемых мелкими земельными собственниками, достаточно многочисленны. Нередко акты сделок, произведенных разными мелкими землевладельцами, бывают объединены или скопированы вкуче, составляя один, общий для всех документ¹⁰. В свое время М. М. Фрейденберг соотносил свидетельствующие, по его мнению, о возникновении отношений личной зависимости краткие формулировки документов с типом акта дарения, не распространяя того же критерия на акты продажи¹¹. В настоящее время у византинистов не вызывает сомнения то обстоятельство, что и для актов продаж, как и для дарений и завещаний мелких землевладельцев, характерен сжатый формуляр и скудость сведений о контрагентах сделки¹². Поэтому использование актов этой категории правомерно только после сопоставления всех сведений о каждом контрагенте такой сделки и всех ее свидетелях, которые приводятся в различных документах. Необходимо особо отметить, что типичной чертой поземельных сделок крестьянства являлась практически непременная причастность к ним членов семей и родственников землевладельцев, скреплявших своими подписями акты отчуждения земельных участков. При этом сведения о домочадцах и односельчанах, выступивших свидетелями сделок, позволяют изучать как семейно-родственные отношения, так и нормы общинного землепользования¹³.

Благодаря своим сведениям акты отчуждения семейной собственности, может быть, как никакие иные, предоставляют возможность для раскрытия важнейших особенностей крестьянской ментальности. А. Е. Лаиу, придерживаясь формально-правовой интерпретации актов, отмечает, что нередко отчуждения недвижимости сопровождало составление договоров, сочетавших в себе черты и продажи, и — одновременно — дарения. Исходя из мотивации экономических интересов покупателей и продавцов к получению наибольшей «прибыли» — своей главной теоретической посылки, Лаиу объясняет казусы продаж, якобы замаскированных под дарения, устремлением партнеров подобных сделок избежать юридических ограничений. В их числе она назы-

⁹ ВА. № 107. Ср.: *Герд*. 1994. С. 244-245.

¹⁰ Напр., см.: *Chil.* * № 109; *Zogr.* № XIX; *Xér.* № 16. Также см.: *Медведев*. 1988. С. 32-33; *Kravari*. 1992. P. 85.

¹¹ *Фрейденберг*. 1956. С. 118-119.

¹² *Kravari*. 1992. P. 85-86.

¹³ См.: *Kravari*. 1992. P. 85-88.

вает нормы, обусловленные правом предпочтения, а также ранневизантийским законодательством, которые касались размеров уплачиваемых за отчуждаемые имущества денежных сумм в соответствии с представлениями византийцев о «справедливой цене»¹⁴. Не оспаривая это суждение, отсылающее нас к постановлениям Диоклетиана (С.IV.44.2) и Юстиниана (С.IV.38.15; I.III.23.1)¹⁵, нельзя не процитировать меткого высказывания А. С. Лаппо-Данилевского о затруднениях, с которыми при изучении подобных документов встречается историк: «ведь даже для понимания какого-либо обоюдостороннего акта, вроде например, купчей, он далеко не всегда в состоянии установить “общее намерение” сторон: замечая, что каждый из контрагентов преследует свою цель, он не всегда может определить “общую” их волю, хотя бы в одном только юридическом ее смысле...»¹⁶.

Итак, в актах можно отыскать немало примеров обусловленного теми или иными причинами сочетания сделок продаж и дарений. Например, рассмотрим форму отчуждения земельного надела некоего Иоанна, его супруги и детей, которые, вероятно, в начале XI в. уступили в монастырь Гомату свои «засеянные хорафии (пашенные поля)» в окрестностях Хрисиппу. В то время как совершившие это отчуждение землевладельцы говорят о «таковом даре» (τὴν τοιαύτην δωρεάν) и «необратимом дарении» (τὴν... ἀμετάρρητον δωραίαν), в описании сделки упоминается денежное «возмещение» (ἀντιστρέφην)¹⁷. На первый взгляд этот факт полностью подтверждает правоту А. Лаиу. Вместе с тем, обращает на себя внимание непосредственное упоминание о сочетании двух видов отчуждений в акте афонского прота Феодора, который в 1257 г. принял решение передать одну из разрушенных обителей настоятелю монастыря Алопу Феофану. Он, в свою очередь, предъявил «написанный заверенный документ в части обмена и продажи» (ἔγραφον πεπιστωμένον δικαίωμα ἐν μέρει ἀνταλλαγῆς καὶ πρᾶσεως), полученный от предшествующего святогорского главы Дометия Иерусалимита и его сподвижников¹⁸. Схожий вариант двойной сделки представляет акт отчуждения городской усадьбы в Фессалонике, которое совершили в 1315 г. местный клирик Никифор Кладон и его супруга в пользу Ксенофонтова монастыря¹⁹. Одну половину своей недвижимо-

¹⁴ Laiou- Morriison. 2007. P. 227-228.

¹⁵ Подробнее см.: Дождев. 1999. С. 570.

¹⁶ См.: Лаппо-Данилевский. 2006. С. 335.

¹⁷ См.: Kutl. № 5.1-12, 19-21.

¹⁸ См.: Kutl. № 2.1-3 etc.

¹⁹ См.: Χέν. № 10.

сти они передают названной обители в качестве дара, а другую — продают. При этом, однако, на первый план вынесены благочестивые мотивы их дарения, объясняемые посвящением памяти господина Никифора Кладона, архиепископа Веррои Никифоре, монастырского настоятеля Феодосии. Что же касается проданной доли входивших в усадьбу домов, то размеры денежной платы мотивирует «общее и удовлетворение, и желание» обеих сторон, что удостоверил целый ряд свидетелей²⁰. Да и ближайшие соседи по кварталу, среди которых назван протопапа Георгий Каталакт, не остались в стороне от совершенной сделки, на что указывает преамбула акта²¹. Более того, в обеспечение гарантии сделки продавец «отказывает» (παραιτοῦμαι) и доселе принадлежавшее ему «право близости» (τοῦ πλησιασμοῦ δίκαιον), то есть право предпочтительной покупки, которое отныне переходит Ксенофонтову монастырю вместе с проданными и посвященными домами²². Очевидно, что сходными благочестивыми намерениями руководствовалась и семья Иоанна Сисиния, когда в 1327 г. жертвовала Алипийскому монастырю «некую долевою» (τί μερικὸν), точнее — одну четвертую, часть (μερίδιον) наследственной мельницы близ Ревифиона. Однако это не стало препятствием для продавцов, чтобы получить за их дар от монастырского эконома в виде денежной компенсации «самую маленькую цену» (τίμημα μικρὸν), и для «достойных веры свидетелей», чтобы подтвердить законность совершенной сделки²³.

Анализируя обстоятельства подобных отчуждений, необходимо указать на совершенно справедливое мнение И. П. Медведева, согласно которому смешению в документе формулярных признаков продаж, дарений и других типов сделок присущ сугубо эклектичный характер, объясняемый преломлением в повседневной действительности правовых установок византийцев²⁴. В этом свете не нуждается в особых комментариях, к примеру, и выявленный вселенским судьей Николаем Матарангом при рассмотрении в 1341 г. условий продажи монастырю владельцем садового участка в г. Серры факт «некого уменьшения достойной цены» (τινος ἐλαττώσεως τοῦ ἀξίου τιμήματος) «ради душевного спасения»²⁵. Иначе говоря, сугубо средневековая природа актов отчуждения семейной и иных разновидностей собственности обуслов-

²⁰ Xén. № 10.18-21 etc.

²¹ Xén. № 10.1 etc.

²² Xén. № 10.43-48.

²³ Kutl. № 13.1-10 etc.

²⁴ См.: *Медведев*. 1979. С. 128-129 и далее; *Медведев*. 1988. С. 49-50.

²⁵ См.: Kutl. № 19.35-36.

лена, думается, нерасчлененным восприятием людей далекой от нас эпохи материальных и духовных явлений их жизни.

Простейшее соединение дарений и продаж демонстрирует серия свыше 50-ти актов поземельных отчуждений, в том числе дюжины дарственных, с упрощенным (ввиду краткости) формуляром, которые составлены мелкими собственниками в 1310 г. и в последующие годы в пользу монастыря Ксиропотаму²⁶. В общем ряду требует внимания сделка Георгия Контотрику. Из пяти небольших земельных участков — виноградников и пашенного поля, которые передал в монастырь названный селянин, он продал только один, а четыре жертвовал ради своего «душевного спасения»²⁷.

Средневековые отчуждения недвижимости были мотивированы, как правило, благочестивыми намерениями. Так, в серии более 20-ти отчуждений — продаж, дарений и завещаний — в пользу Ватопедского монастыря, совершенных в 1308-12 гг. окрестными мелкими собственниками (надо полагать, крестьянами и вотчинниками), выделяется акт дарения иерея Феодора Корма. Сущность его дарения, как и в других аналогичных вкладах, выражает глагол «дать» в аористной форме 1 л. ед. ч. (ἔδωκα) и, несмотря на немногословность документа, благочестивая мотивация, облеченная в формулу «ради душевного спасения», которой предшествует указание на размер полученного, тем не менее, денежного вознаграждения. Этой записи сопутствует разъяснение о том, что отчуждаемый участок ранее был выкуплен Феодором у его брата «кира» («господина») Константина²⁸. При этом было бы опрометчиво подозревать священника в попытке укрывать характер отчуждения от родного брата с целью предотвратить иск о праве предпочтения, поскольку, вероятно одновременно, Константин Корм и сам идет на двойную сделку с монастырем, которому одно пашенное поле продает в присутствии свидетелей, включая иерея Феодора Корма, а другое дарит «ради душевного спасения»²⁹. Таким образом, природа его дарения предстает как результат целенаправленного действия: сначала Феодор выкупает пашенное поле у своего брата, а затем совершает вклад в монастырь, получив от него компенсацию за предшествующие издержки. В любом случае, мотивация поступков Феодора Корма, как и его брата, заключалась в их благочестивой заботе о спасении своей души.

²⁶ См.: Хέρ. № 16.

²⁷ Хέρ. № 16.293-298.

²⁸ См.: Vatop. I. № 43.XIX.104-105.

²⁹ См.: Vatop. I. № 43.XX.106-108.

В той же серии актов отметим аналогичным образом совершённые вклады на помин души. Например, отчуждения наделов Ирины и ее сестры Зои, дочерей «кира» Георгия, покойного иерея и протопапы епископии Иериссо. Они, сначала от своего имени, как подчеркивается в документе — по воле их дяди, также «кира» Георгия, иерея и хартофилакса названной епископии, продали Ватопедскому монастырю свое пашенное поле³⁰. А затем, уже от имени их дяди, но при прямом участии племянниц — дочерей покойного «зятя», совершено отчуждение в названный монастырь другого пашенного поля, которое, как писали родственники, «мы передаем» в монастырь, поскольку покойный, дескать, этот свой надел «оставил на кончину ради душевного спасения»³¹.

Подобные усложненные схемы отчуждений земельных наделов мелких собственников характерны и для их обменов, о чем свидетельствует вторая серия в архиве Ватопедского монастыря кратких актов отчуждений небольших земельных участков, которые были произведены в 1337–38 г.³² Главной особенностью документов этой серии, включающей сведения о более чем 110-ти сделках, является тот факт, что все они совершены в пользу Феодоры Ангелины Кантакузины, матери Иоанна VI Кантакузина³³. Судя по всему, незадолго до своей кончины в 1342 г. она пожертвовала приобретенную ею землю в названный монастырь, о чем упоминает ватопедский практик 1368 г.³⁴ Абсолютное большинство актов этой серии составляют никак не мотивированные продажи, наряду же с ними следует отметить единичные образчики дарений и обменов. В частности, выделяется выпадающий из общего ряда обмен пашенного поля, на который пошли монахи монастыря Кувуклиев. Возможно, однако, подразумевается дарение или, не исключено — двойной обмен. Судя по не вполне вразумительным объяснениям монахов, прежде чем заключить соглашение с Феодорой, они предварительно совершают сделку с Николаем Мавром, выкупившим в свою очередь земельный надел у иерея Димитрия Куписта, видимо, мелкого землевладельца, поскольку интересовавший монахов участок лежал «вблизи нас», то есть по соседству с их монастырем³⁵.

За исключением описанного случая все остальные обмены второй ватопедской серии актов отчуждения осуществлены индивидуальными

³⁰ См.: Vatop. I. № 43.IV.22-27.

³¹ См.: Vatop. I. № 43.V.28-33.

³² См.: Vatop. II. № 80.

³³ Подробнее см.: PLP 5. № 10942.

³⁴ См.: Vatop. II. № 128.6-7.

³⁵ См.: Vatop. II. № 80.14.83-89.

собственниками, в том числе обмен пашенного поля Поту, также выкупленного заранее у другого владельца — семьи Влизимадов³⁶. Можно предположить, что эта сделка с Феодорой Кантакузиной была проведена как первый в ряду других обмен наделов, которые, вероятно, были связаны между собой. Дело в том, что названному Поту был продан другой участок, на который семья некоего Иоанна и Марии обменяла с Феодорой принадлежавшее им пашенное поле³⁷. Отметим также не только дарение Феодоре Кантакузине надела некоего Иеракия³⁸, но и целый ряд индивидуальных ее обменов с группой мелких землевладельцев, одному из которых была при этом выплачена денежная компенсация. Все указанные процедуры произведены в «новом», как подчеркивается, имении («зевгилатии») Феодоры³⁹. Вероятно, эта деталь раскрывает подлинную причину всех остальных сделанных аристократичной собственницей ста девяти приобретений. Они объясняются организацией крупного хозяйственного комплекса, который его создательница изначально собиралась жертвовать в монастырь, о чем говорят произведенные в пользу Феодоры дарения, с одной стороны, и с другой — отвечают потребностям мелких земельных хозяйств, чьи владельцы в своем большинстве нуждались, по всей видимости, в денежных средствах, а если нет, то обусловлены (в случаях обменов) территориальным расположением наделов. В силу данных обстоятельств формуляр отчуждений в пользу Феодоры Кантакузины полностью свободен от клаузулы, провозглашающей целью «душевное спасение» или «благочестивое пожертвование» прежних владельцев земельных участков. Вместе с тем нет оснований утверждать, что сочетание продаж с дарениями и обменами продиктовано стремлением к «чистогану»: скорее, речь идет не о наживе, а о компенсации произведенных мелкими земельными собственниками и держателями расходов.

Привлеченные примеры позволяют поставить вопрос о важности изучения материалов продаж, дарений и других видов имущественных операций, совершаемых в конкретных районах. Они, по мнению современной исследовательницы, имевшей в виду натуральный характер производимых отчуждений, порою отображают в высшей степени «средневековый» тип экономики⁴⁰. Благодаря большой повторяемости личных имен, административных и топографических названий материа-

³⁶ Vatop. II. № 80.25. Также см.: Ibid. № 80.26.169.

³⁷ Vatop. II. № 80.52. Также см.: Ibid. № 82.74-75.

³⁸ См.: Vatop. II. № 80.102.

³⁹ См.: Vatop. II. № 80.103.

⁴⁰ Ср.: *Saradi-Guelph* 1995. S. 412.

лы актов обеспечивают возможность изучать историю отдельных крестьянских семейств и их хозяйств. Удастся проследить жизненный путь и некоторых представителей мелкоземельного землевладения, и общие закономерности общинного землевладения. Так, изучение имен свидетелей в актах продаж, дарений и других документах Вазелонского монастыря косвенно подтверждает не только действенность основных норм права предпочтения, но и специфику их восприятия в сознании рядовых жителей поздневизантийского села, несомненно, весьма значимую для регулирования поземельных отношений между ними и сохранения общинных связей.

Изучение мотиваций актов земельных отчуждений византийских крестьян дает основу для понимания восприятия жизни средневековым человеком. Он, выступая лицом, от имени которого византийские делопроизводители составляли документ, можно сказать — его «автором», вольно или невольно обращался к тем или иным стереотипам формуляра. Однако акты сделок рядовых селян, в чьих документах формулярные клаузулы, как правило, сведены к минимуму, свидетельствуют, что именно собственное волеизъявление агента сделки (продавца, завещателя, дарителя) определяло ее характер и форму отчуждения недвижимости, отражая реальные отношения и раскрывая в мотивациях актов особенности средневековой ментальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вернадский Г. В.* Заметки о византийских купчих грамотах XIII в. // Сборник в честь на Василь Н. Златарски. София, 1925. С. 35-43.
- Герд Л. А.* Византийские завещания: функции преамбулы // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1994. Вып. 25. С. 240-255.
- Дождев Д. В.* Римское частное право. М., 1999.
- Каждан А. П.* Аграрные отношения в Византии XIII–XV вв. М., 1952.
- Каждан А. П.* Локальные формуляры поздневизантийских грамот // ВВ. 1950. Т. 3. С. 387-393.
- Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. М., 2006.
- Медведев И. П.* Дипломатика частного византийского акта // Проблемы источниковедения западноевропейского Средневековья. Л., 1979. С. 124-147;
- Медведев И. П.* Очерки византийской дипломатики. Л., 1988.
- Морозов М. А.* Монастыри средневековой Византии: хозяйство, социальный и правовой статусы. СПб., 2005.
- Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.* Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV веков. Л., 1927.
- Фрейденберг М. М.* Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI–XII вв. // Ученые записки Великолуцкого госпедина-та. Великие Луки, 1956. Т. 2. С. 103-134.

- Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosich, J. Müller. Vindobonae, 1890. Vol. VI. T. 3.
- Actes de Chilandar / Publ. par L. Petit, B. Korablev. Première Partie: Actes Grecs / Publ. par L. Petit // Византийский временник (везде — ВВ.). СПб., 1911. Т. XVII. Приложение I.
- Actes de Vatorédi. Texte / Ed. dipl. par J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Chr. Giros. Paris, 2001.
- Actes de Vatorédi. Texte / Ed. dipl. par J. Lefort, V. Kravari, Chr. Giros, K. Smyrlis. Paris, 2006.
- Actes de Xénophon. Texte / Ed. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986.
- Actes de Xéropotamou. Texte / Ed. dipl. par J. Bompaire. Paris, 1964.
- Actes de Zographou / Publ. par W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // ВВ. 1907. Т. XIII. Приложение I.
- Ferrari G. I documenti greci medioevali di diritto privato dell' Italia meridionale e loro attinenze con quelli bizantini d' Oriente e coi papiri greco-egizii. Leipzig, 1910.
- Ferrari G. Registro Vaticano di atti bizantini di diritto privato // Studi bizantini e neoellenici. Roma, 1935. Vol. 4. P. 249-263.
- Kravari V. Les actes privés des monastères de l' Athos et l' unité du patrimoine familial // Eherecht und Familiengut in Antike und Mittelalter. München, 1992. S. 77-88.
- Laiou A. E., Morrisson C. The Byzantine Economy. Cambridge, 2007.
- Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Erst. von E. Trapp u. a. Wienn, 1983. Fasc. 5.
- Saradi-Guelph H. Evidence of Barter Economy in the Documents of Private Transactions // BZ. 1995. Bd. 88, Hft. 2. S. 405-418.
- Simon D. Ein spätbyzantinisches Kaufformular // Flores Legum: H.J. Scheltema antecessori groningano oblato. Gröninge, 1971. S. 155-181.

Вин Юрий Яковлевич, к.и.н., старший научный сотрудник Центра «Проблемы исторического познания» ИВИ РАН; hkn@igh.ras.ru.

Л. Б. СУКИНА

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ПОСАДСКОМ» ЭЛЕМЕНТЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ РУССКОГО ГОРОДА XVII В.

В статье рассматривается и корректируется содержание понятия «посадский», распространенного в историографии русского города XVII в. На примере анализа текста Уложения 1649 г. и источников, связанных со строительством храмов в городах XVII в., показано, что термин «посадский» следует применять с осторожностью, так как он обладает конкретной социокультурной семантикой и неприложим ко всем явлениям городской культуры этого времени.

Ключевые слова: историография, культура, город, посадское население.

В своей известной книге, рассуждая о перспективных течениях современной исторической науки, Л. П. Репина отмечает, что новая культурная история формируется в болевых точках новой социальной истории, ставших в процессе переопределения самой категории социального точками роста¹. Одной из таких точек, несомненно, стали социокультурные особенности жизни русского города на рубеже Средневековья и Нового времени. В связи с этим анализ и корректировка содержания некоторых традиционных понятий, используемых отечественной историографией для описания культурных и социальных процессов и явлений указанного периода, представляется насущной необходимостью.

Употребление словосочетаний «посадское» население, «посадская» литература, архитектура, «посадское» искусство распространено в отечественных гуманитарных науках, изучающих различные аспекты русской культуры и социума XVII в.² Под «посадскими» исследователи обычно подразумевают явления, связанные с деятельностью торгово-ремесленного населения городов³. При этом как бы само собой разуме-

---

¹ Репина. 2009. С. 250.

² См. работы В. Г. Брюсовой, Б. В. Гнедовского, И. В. Поздеевой и др.

³ Семантически понятие «посадские» в текстах источников скорее связано с населением не «городов», а «пригородов». «Посад» — поселение, предгорье, предместье (Срезневский. 1989. Т. II. Ч. 2. «П». Стлб. 1228). В «советской» историографии оно получило другой смысловой оттенок, что было связано с необходимостью обоснования особой роли в жизни и развитии русского государства «трудящейся» части горожан — социальных «предшественников» фабричного пролетариата. Это приводило к противоречиям в определении понятий «посад» и

ется, что почти все постоянное население русского города XVII столетия, за исключением немногочисленной знати, дворянства и духовенства, было более или менее однородным и обладало какими-то общими социальными признаками, ценностными представлениями и художественными вкусами. В то же время документы государственной власти и другие письменные источники XVII в. свидетельствуют о том, что городские жители делились на социальные группы, экономическое и правовое положение которых значительно отличалось, и что никакого единого торгово-промышленного населения, которое можно было бы определить общим термином «посадское», не было вовсе.

Исследовательница истории русского купечества XVII–XVIII вв. Л. А. Тимошина в своих работах впервые обратила внимание на тот факт, что в статьях Соборного Уложения 1649 г. среди так называемых городских «торговых» людей официально выделялось несколько социальных категорий: гости, представители гостиной и суконной сотен, посадские⁴. Кроме того, торговлей и ремеслом в городах могли заниматься царские, помещичьи и монастырские крестьяне, бобыли, ямщики, стрельцы, подьячие государственных учреждений и т.п. Чтобы подкрепить это наблюдение приведем обширную цитату из главы XIX Соборного Уложения «О посадских людях»:

«А которые городовые торговые люди написаны в гостиную и суконную сотню, и велено им жити на Москве, а те городовые торговые люди живут по городом на старых своих дворах, и с торговыми всякими промыслы в тех городех торгуют, а тягла с тех своих дворов и с промыслом в городех с посадскими людьми не платят, а тяглыми своими двора и промыслы владеют по прежнему, и тем городовым торговым людем, которым велено быть в гостиной и суконной сотне, в городех тяглые свои двора и с промыслы продать тех же городов посадским тяглым людем, а самим жити на Москве в гостиной и в суконной сотне. А будет они тех своих городских тяглых дворов и промыслов продать не похотят и им с тех своих городских тяглых дворов и с промыслов в городех з городскими с посадскими людьми платить тягло по прежнему»⁵.

Из текста статьи явно видно, что «посадскими» называли тяглое население городов, несшее основные налоговые повинности, а предста-

---

«посадские». Так, в «Советском энциклопедическом словаре» в соседних словарных статьях «посад» определяется как существовавшее в Русских княжествах X–XVI вв. «торгово-промышленное поселение вне городских стен, ставшее позднее частью города» (СЭС. 1979. С. 1055), а «посадские люди» как торгово-промышленное городское население в Русском государстве, которое несло государственное тягло и в 1755 г. было разделено на купечество и мещан (Там же. С. 1056).

⁴ См., напр.: Тимошина. 2004. С. 190.

⁵ Соборное Уложение 1649 года. Гл. XIX. Ст. 34. С. 102.

вители гостиной и суконной сотен относились к более привилегированному слою, основным местом жительства которого считалась Москва. Понятие же «торговые люди» означало в то время не социальную принадлежность, а род занятий, уровень доходности которого у представителей разных социальных групп тоже был не одинаков.

Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. фиксировало давно сложившуюся социальную ситуацию. Существенные различия между слоями и группами «торгово-промышленного» городского населения России были уже очевидны одному из самых внимательных иностранных путешественников XVII в. — голштинскому послу Адаму Олеарию, посещавшему страну в 1633–1634 и 1635–1636 гг. Описывая тогдашнюю Москву, он отмечал, что в непосредственной близости от Кремля бок о бок с князьями — родовитой знатью жило большинство, «притом самых знатных», купцов, называемых «гостями», купцы гостиной и суконной сотен, которые «по временам уезжают на торг по стране», жили в Белом городе вместе с вельможами и детьми боярскими. Из мелких купцов и ремесленников здесь имели право селиться только торговцы съестными припасами, преимущественно булочники. Стрельцы, солдаты и «другое простонародие» обитали в Стрелецкой слободе на окраине столицы⁶.

Гости и члены гостиной сотни, будучи по своему «чину» государственными служилыми людьми, не только занимались торговлей по всей стране и за границей, но и выполняли дипломатические поручения и некоторые надзорные функции⁷. Гости и купцы гостиной сотни были своего рода торговой знатью того времени, социально и культурно сближавшейся со знатью родовитой и высшим слоем духовенства.

Могли ли русские горожане XVII в., столь сильно отличавшиеся по своему социальному положению и образу жизни, создать какую-то общую культуру, которую мы имели бы право назвать «посадской»? Попробуем понять это на достаточно ярком, по нашему мнению, примере — практике городского храмового зодчества этого времени.

К счастью, от XVII в. сохранилось не только значительное количество купеческих и посадских храмов в старинных русских городах, но и достаточный корпус письменных источников, освещающих различные аспекты их строительства. Кроме того, большинство построек сохранило и свои храмовданные надписи или вмонтированные в стены храмов плиты с именами ктиторов и датами строительства церковью. Все это по-

---

⁶ Иностранцы о древней Москве... С. 318.

⁷ Подробнее об этом см.: *Голыкова*. 1998. Т. 1. С. 88-253.

зволяет выстроить довольно точную хронологическую последовательность возведения каменных купеческих и посадских храмов на городских улицах. Наблюдения над этой последовательностью приводит к выводу о том, что процесс строительства купеческих и посадских храмов в XVII в. делится на два хронологических отрезка: до 1649 г. и после него. Водоразделом при этом служит уже упоминавшееся выше Соборное Уложение, во многом изменившее социальный климат в стране.

При таком делении сразу же бросается в глаза, что в 1620–40-е годы немногочисленные большие каменные храмы за пределами городских кремлей, которые исследователи архитектуры по сложившейся традиции называют «посадскими», были построены вовсе не представителями посадского населения, а гостями или членами гостинои сотни. В их числе знаменитая московская церковь Троицы в Никитниках (Григорий Никитников, 1628–1653)⁸ и хрестоматийные примеры «посадского» строительства — ярославские церкви Николы Надеина (Надея Светешников, 1620–22), Рождества Христова (Анкудин и Гурий Назарьевы, 1644), Ильи Пророка (Иоанникий и Вонифатий Скрипины, 1647–50)⁹; а также костромская церковь Воскресения на Дебре (Кирилл Исаков, 1645–51)¹⁰. Аналогичные примеры можно привести и в отношении других крупных торговых городов, в которых «гости» и члены гостинои и суконных сотен вели «заморский торг»: Архангельска, Великого Устюга. Таким образом, строившиеся на городских посадах в первой половине XVII в. церкви не были ни «посадскими», ни даже приходскими. Это типичные и для более раннего времени так называемые ктииторские храмы, контроль над которыми, включая подбор причта, было делом их строителя и благотворителя — ктитора. Разнообразные источники свидетельствуют о том, что перечисленные храмы в течение десятилетий находились под покровительством основателей и их наследников¹¹. Их стены были расписаны дорогостоящими фресками, иконостасы и киоты пополнялись иконами письма известных мастеров, в их ризницы приобретались драгоценные сосуды, рукописные и печатные книги. Все это делалось на средства и при непосредственном участии представителей высшего купеческого слоя, находившегося в особых служебных отношениях с государственной властью. И если строительство во второй

---

⁸ Овчинникова. 1970. С. 5-7.

⁹ Добровольская, Гнедовский. 1981. С. 54-116.

¹⁰ Разумовская. 1989. С. 35-37.

¹¹ См., например, опубликованные материалы по церкви Ильи Пророка в Ярославле: Рутман. 2001. С. 7-15.

половине XVI в. большого Успенского собора в Сольвычегодске гостями Строгановыми воспринималось как исключение, возможное только благодаря царской благосклонности к этой именитой купеческой семье, то в XVII в. такой размах благочестия купеческой элиты выглядел как нечто само собой разумеющееся. Сохранилось также достаточно свидетельств того, как легко и быстро представители этой социальной группы получали архиерейские благословения на строительство новых храмов.

Ктитор часто не только давал деньги на строительство, но и определял внешний облик будущей церкви, ее планировку, нередко включавшую мемориальный придел семьи покровителей и даже их усыпальницу¹². Художественный замысел определялся заказчиком, вероятно, с учетом практических и эстетических соображений. Например, в 1630 г. ярославский купец Егор Лыткин, жертвуя 50 руб. на строительство нового храма взамен сгоревшего в далекий Красногорский монастырь на реке Пинеге, высказал и настойчивое пожелание о том, как строящаяся на его деньги церковь должна выглядеть, и какие иметь архитектурные формы, «ради того, что высокие церкви Божиим повелением молнией пожигает»¹³. Таким же образом в процесс храмового строительства несколько десятилетий спустя вторгались представители другой социальной группы — московской знати. И. Л. Бусева-Давыдова на примере судебного дела зодчего Я. Г. Бухвостова с боярином П. В. Шереметевым по поводу строительства церкви Спаса Нерукотворного в Уборах показала, как это происходило¹⁴. Можно привести пример такого вмешательства даже в постройку сооружения на территории довольно известного монастыря. Князь И. П. Барятинский в своей порядной записи на строительство за счет его вкладных денег трапезной палаты и настоятельского корпуса в Даниловом монастыре Переславля-Залесского детально описал, как должно выглядеть это сооружение¹⁵.

Серьезные изменения в городском храмодательстве происходят после утверждения Земским собором в сентябре 1649 г. Соборного Уложения, которое, отменив привилегии «белых» слобод и уравнив все рядовое городское население, более равномерно распределяя на него «государево тягло», создало условия для укрепления материального положения «посадских людей». В то же время, закрепляя ремесленников и торговцев за

¹² Так было, например в ярославской церкви Ильи Пророка.

¹³ Цит. по: Бусева-Давыдова. 2004. С. 318.

¹⁴ Бусева-Давыдова. 1988. С. 43-53.

¹⁵ Текст порядной записи опубликован в приложении к кн.: Добронравов. 1908. С. 65-67. См. также: Грамоты о строительстве Данилова монастыря...

конкретным посадом, оно насильственно стабилизировало городское общество, в том числе и церковные приходские общины¹⁶. Вся социальная жизнь горожанина и его семьи, включая религиозное окормление, была сосредоточена в той городской слободе, к которой он был приписан. Разбогатевшее посадское население демонстрировало свое благочестие, усердствуя в строительстве и украшении приходских храмов. Именно в это время многие деревянные церкви перестраиваются в камне. И именно их можно уже с полным правом назвать «посадскими» и рассуждать о специфике посадской храмовоздательной традиции.

Со всей очевидностью эта тенденция проявляется во второй половине XVII в. в традиционной религиозной жизни Москвы, Ярославля, Костромы, Нижнего Новгорода и менее крупных поселений, стоявших на основных водных и сухопутных путях того времени.

В Москве XVII в. средоточием посадской жизни был Земляной город, который в это время представлял собой территорию внутри валового кольца, застроенную многочисленными слободами, перемежавшимися луговинами и пустырями. Исследовательница истории застройки Земляного города М. И. Домшлак отмечала, что мелкие деревянные дворы жителей ремесленных слобод теснились вокруг приходских церквей. Эти храмы в первой половине XVII в. были деревянными, а во второй половине столетия стали довольно быстро сменяться каменными, строившимися местным населением¹⁷.

Некоторые из построенных тогда московских слободских церквей сохранились до нашего времени и свидетельствуют о благочестивом усердии столичных ремесленников. Это церкви Рождества (1649–52) в Путинках¹⁸, Воскресения (1649) и Успения (1654) в Гончарах,¹⁹ Симеона Столпника (Введенская) (1676–79) на Поварской,²⁰ Успения (1695) в Печатниках,²¹ неоднократно перестраивавшаяся в течение XVII в. известная с 1625 г. церковь Власия во дворцовой Большой Конюшенной слободе²². Кроме ремесленников большое рвение в храмовом строительстве демонстрировали также стрельцы: памятниками их благочестия служат церковь Троицы в Листах, возведенная на средства стрельцев

---

¹⁶ Соборное Уложение 1649 года. Гл. XIX. Ст. 1-40. С. 99-103.

¹⁷ Памятники архитектуры Москвы... С. 15.

¹⁸ Там же. С. 177.

¹⁹ Там же. С. 291; 303-304.

²⁰ Там же. С. 135.

²¹ Там же. С. 221.

²² Там же. С. 104-105.

кого полка в 1650–61 гг.²³; и Знамения за Петровскими воротами, построенная в 1680 г. стрельцами полковника Колобова на месте сгоревшего деревянного храма Святого Климента²⁴, а также Спаса на Песках, заменившая в 1711 г. упоминаемую в документах XVII в. деревянную церковь Стрелецкой слободы²⁵. Посадские и стрелецкие церкви соперничали в размерах и изощренности архитектурных форм со строившимися здесь же, в Земляном городе, храмами служилой дворянской знати (чьи усадьбы были разбросаны среди слобод) и государевых дьяков. Слобожане вслед за знатью и купцами-ктиторами стремятся к архитектурному разнообразию построек, выделяя их хотя бы некоторыми деталями убранства среди прочих церквей, строившихся в это же время. Например, церковь Николая Явленного на Арбате отличалась искусно выполненным кованым ажурным крестом, формы которого были использованы для креста главного городского собора в Вологде²⁶.

Не отставали от Москвы и жители больших торговых городов на Волге — главной торговой артерии страны. В Нижнем Новгороде бум каменного храмового строительства также начинается в 1649 г. с постройки на горе за речкой Почайной крупной церкви Жен-мироносиц²⁷. В течение следующей половины века почти все деревянные храмы, располагавшиеся в посадской части города, были заменены каменными.

К сожалению, большинство из известного по документам десятка крупных нижегородских церквей второй половины XVII в. не сохранилось или было перестроено, в том числе и неоднократно упоминаемые историками архитектуры традиционные для столичного и провинциального зодчества этого времени пятиглавые, с позакомарным покрытием храмы Ильи Пророка на Ильинке (1655), Николая (1656), Троицы (1663), Козьмы и Дамиана на Нижнем посаде (1660-е), Иоанна Предтечи на Торгу (1683), Казанской Богоматери на Почайне (1687)²⁸. Примерно половина больших каменных храмов Нижнего Новгорода была построена отдельными купцами-ктиторами: Рождества на Бичеве, Николая «что у Гостиного двора», Воскресенская в кремле — солепромышленником и строительным подрядчиком Семеном Задориным, Иоанна Предтечи — Гаврилой Дранишниковым, Троицы — Иваном Языковым,

---

²³ Там же. С. 220.

²⁴ Там же. С. 214.

²⁵ Там же. С. 106-107.

²⁶ Там же.

²⁷ Агафонов. 1987. С. 44.

²⁸ Там же. С. 45.

Казанской Богоматери, Сергия, Успения на Ильинской горе — Афанасием Олисовым²⁹. Остальные церкви, располагавшиеся в менее престижных местах городского посада, дальше от кремля, возводились на средства групп наиболее зажиточных членов их приходов.

Аналогичную картину можно было наблюдать во второй половине XVII в. и в Ярославле — втором по значению после Москвы торговом и ремесленном центре, очень выгодно расположенном на пересечении водного Волжского и сухопутного Беломорского путей, по которым перемещалось большое число товаров, в том числе и иноземного происхождения. Ярославские храмы второй половины XVII в. сохранились лучше нижегородских и более тщательно изучались.

Начало массового строительства каменных храмов в Ярославле тоже можно датировать 1649 г. В 1649–54 гг. на средства посадских людей Ивана и Федора Неждановских была построена церковь Иоанна Златоуста в Коровницкой слободе. Позднее сами ктитория были похоронены в южной галерее храма. В последующем усилиями прихожан — жителей Коровников, скотоводов и гончаров, рядом с ним была построена зимняя церковь Владимирской Богоматери (1669), 37-метровая колокольня (1680-е) и Святые ворота (рубеж XVII–XVIII вв.)³⁰.

В перечневой описи Ярославля первой половины XVII в. упоминается 40 приходских церквей³¹. Во второй половине века около двух десятков из них были перестроены в камне³². Иногда процесс строительства особенно больших церквей затягивался на десятилетия: Михаила Архангела (1658–82); Николы Мокрого (1665–72); Иоанна Предтечи в Толчковой слободе (1671–87); Богоявления (1684–93); Благовещения (1688–1702)³³. Особенностью ярославского купеческого и посадского храмоздательства является строительство целого ансамбля, состоявшего из летней и зимней церквей, колокольни и церковной ограды: комплексы в Коровниках и Толчкове, пара Никола Мокрый — Тихвинская, пристройка к церкви Николы Мученика 1641 г. в конце XVII в. большой колокольни. Это ансамблевое строительство производилось уже не отдельным ктиториям или ктиториями, но всей приходской общиной, иногда даже соединялись усилия богатых купцов и зажиточных

---

²⁹ Там же. С. 45. См. также: Писцовая и переписная книги...

³⁰ Добровольская, Гнедовский. 1981. С. 116–129.

³¹ Перечневая опись города Ярославля 1630 г. С. 271.

³² Этот процесс продолжался и в XVIII столетии, так что к началу XIX в. практически все храмы Ярославля стали каменными.

³³ Добровольская, Гнедовский. 1981. С. 140–175.

посадских. Например, заказчиками известной ярославской церкви Николая Мокрого выступали представители гостинной сотни Афанасий Лузин и Андрей Лемин и посадские Федор Выморов и Степан Гарабаев³⁴.

Какими мотивами были движимы купцы и посадские люди, тратя немалые средства и труды на строительство больших каменных церквей, которые своими размерами, вычурностью архитектуры, богатством внутренней отделки затмевали древние монастырские комплексы и постройки митрополичьего двора? Современному человеку наиболее подходящим объяснением представляется честолюбие, желание продемонстрировать свое благосостояние и влияние. Именно соперничество между собой богатых торговых и ремесленных слобод, как считали многие архитектуроведы³⁵, стало двигателем массового строительства больших каменных храмов во второй половине XVII века. Более ранние постройки, осуществленные купцами-ктиторами, авторы исследований по истории архитектуры пытались представить как способ самоутверждения формирующегося «третьего сословия» в противоборстве с государственной и церковной властью³⁶. Возможно, что эти мотивы и играли какую-то роль. Одним из примеров, подтверждающих вероятность такой мотивации, является строительство в 1684–93 гг. в Ярославле на земле бывшей монастырской Спасской слободы Богоявленской церкви на средства гостя Алексея Авраамова Зубчанинова, отец и дед которого были приписанными к монастырю ростовщиками-«закладчиками»³⁷.

Огромная красивая церковь Богоявления, краснокирпичные стены которой отделаны муравленными изразцами, и сейчас соперничает с ансамблем Спасо-Преображенского монастыря. Она построена возле моста через Которосль в непосредственной близости от монастырской ограды (между церковью и монастырем проходит часть московской дороги, которая во второй половине XVII в. отделяла монастырскую территорию от посадских слобод). Наглядным аргументом в пользу того, что церковь строилась Алексеем Зубчаниновым не только для демонстрации собственного благочестия, но и в укор и назидание монастырской братии, служит включение в программу ее фресковой росписи, выполненной по заказу ктитора, не традиционного символично-догматического Христолю-

---

³⁴ Там же. С. 177.

³⁵ Там же. С. 191. Аналогичное мнение высказывалось и в других работах, посвященных памятникам русской архитектуры XVII в.

³⁶ Там же. С. 54-116. См. также: *Агафонов*. 1987 и др. работы, посвященные архитектуре старинных русских городов, вышедшие в 1960–90-е гг.

³⁷ *Добровольская, Гнедовский*. 1981. С. 167-171; *Крылов*. 1860. С. 107.

гического цикла, а цикла «Земная жизнь Иисуса Христа». Особое внимание обращает на себя редкий для русской монументальной живописи сюжет спора Христа с книжниками и фарисеями о сущности веры³⁸. Христос требовал от фарисеев следовать тому, что они сами же и провозглашали: соблюдать чистоту предания старцев, пост, поддерживать обязательность церковной десятины (Мф. 21:1–39). Осуждению со стороны Христа подвергается не учение фарисеев, а их лицемерное поведение: «ибо они говорят, и не делают» (Мф. 23:3). Роль фарисействующих книжников в русской культуре XVII века могла принадлежать только духовенству, для которого одной из главных обязанностей было поучение паствы. Вероятно, ктитора Богоявленского храма также раздражал не столько соседствующий с его храмом и двором Спасский монастырь как таковой, сколько монастырская братия, пытавшаяся занимать в экономической и социальной жизни богатого торгового города место, не только не подобающее духовным лицам, но и противоречащее их религиозной функции. Богатый, влиятельный гость счел для себя возможным встать на сторону веры, а не монастырских властей, которые, с точки зрения христианского учения, были всего лишь людьми, которым доверили читать и толковать священное писание. Отметим, что на такое поведение гость Зубчанинов имел некоторое право. Собор 1682 г. хоть и отказался принять проект реформирования церкви, предложенный царем Федором Алексеевичем и его окружением, который привел бы к подчинению церковных властей светским, но страшась роста раскольнических настроений среди населения страны, вынужден был просить воевод, приказных и служилых людей, землевладельцев участвовать в укреплении благочестия на местах и следить за нравственностью и соблюдением норм церковной жизни среди местных церковнослужителей — приходских священников, настоятелей монастырей и монахов³⁹.

Но подобные случаи, когда при строительстве храма ктитору руководствовались какими-то особенными идеями и задачами, осмысленными с правовой и религиозной точек зрения и выразившими специфические стороны индивидуальности заказчика церкви, были все-таки редки. Изучая их, нельзя понять причины роста каменного храмового строительства, особенно «посадского» храмовоздательства второй половины XVII в. Основной побудительной целью этого процесса было что-

---

³⁸ Добровольская, Гнедовский. Указ. соч. С. 174.

³⁹ Виноградский. 1899. С. 54.

то другое, тесно связанное с культурным и социальным сдвигом, коснувшимся всего городского социума в целом.

Входившая в круг благочестивого чтения того времени «Повесть о Варлааме и Иоасафе» однозначно трактовала богатство как одного из недобрых «друзей» человека, влекущих его душу к гибели. А предисловия синодиков пестрели примерами из жизни «неправедных богачей». Об этом же писал и Симеон Полоцкий в виршах «Купецтво» из «Вертограда многоцветного», который также включался в состав предисловий многих синодиков конца XVII в.: «Чин купецкий без греха едва может быти, на многи бо я злобы враг обыче лстите; Изряднее лакомство в купцах обитает, еже во многия грехи оны убеждает»⁴⁰. Поэтому рост материального благосостояния населения русских городов в середине – второй половине XVII в. сопровождался увеличением масштабов его храмоздательной деятельности. Таким способом часть приобретенного богатства возвращалась богу. От предыдущей эпохи практически не сохранилось имен жертвователей на строительство городских и большинства монастырских церквей. В XVII же веке ктитория и донаторы, вероятно, сознательно стремятся зафиксировать в документах и храмозданных надписях не только свое имя, но и точный размер имущества или денег, пожертвованных на богоугодное дело. Думается, в этом следует видеть не столько тщеславие представителей зажиточных слоев населения, сколько заботу каждого доброхотного дателя о собственной душе, судьба которой зависела от его прижизненной щедрости.

Жители ремесленно-торговой Толчковской слободы города Ярославля, получившие разрешение на постройку каменной церкви Иоанна Предтечи, удивительно точно указали свои пожертвования в росписи 1676 г.⁴¹ Среди жертвователей числятся, как отдельные лица, так и целые семьи. Пятуую часть донаторов составляют жены и вдовы сапожников и кожевников, владевшие, очевидно, своей долей семейной собственности. Размеры дач колеблются от 2935 руб. 12 алтын и 2 денег, суммарно вложенных богатыми торговыми семьями Солодиловых, Жуковых, Оглодаевых и Семеном Топлениным (указано, что ими еще было обещано сверх того 185 руб. 22 алтына 2 деньги), и 150 руб., единолично пожертвованных Павлом Денисовским, до мишурных кружев на 32 рубля — жертва Власа Власова. Значительная часть пожертвований была осуществлена имуществом, ко времени составления росписи, видимо, не реализованным и не получившим денежной оценки: вдова Евдо-

⁴⁰ Памятники литературы Древней Руси... С. 101.

⁴¹ Опубликовано в кн.: *Успенский*. 1906. С. 5-6.

кия Семенова Дехтева дала 69 зернят жемчуга; вдова Осипа Гуневкина Евдокия — три лавочных порожних места в сапожном и ветошном ряду; некоторые вкладчики передали дворы с постройками и огородной землей, а трое из них — дворы с кожевенными заводами.

Возводя новые каменные храмы, коллективные ктиторы из посадских жителей стремились, вероятно, не столько превзойти другие приходы в размерах и красоте церкви, сколько быть «не хуже других». Историки архитектуры уже давно выделили основные типы церковных построек на ярославском посаде: высокие четырехстолпные и небольшие бесстолпные храмы с трапезными, в обоих случаях завершающиеся пятиглавием⁴². Ориентация коллективных ктиторов на местные посадские образцы хорошо иллюстрируется текстом «Повести о создании Федоровской церкви». Прихожане этого храма, задумав в 1687 г. заменить деревянную постройку каменной, оказались перед выбором между особенно нравившимися им церквями Петра Митрополита в Спасской слободе и Вознесенской в Кондаковой слободе. После обмеров периметра обеих они остановились на Вознесенской как более крупной. Любопытно, что прихожане сами разметили на земле план будущего храма, а затем «весь народ» копал рвы и выводил фундамент. Только после этого приход «наяша каменноздателей»⁴³. Создается впечатление, что прихожане боялись, будто нанятые зодчие не смогут или не захотят точно передать «меру» облюбованного ими образца.

В памятниках посадского церковного зодчества середины – второй половины XVII в. отразились особенности коллективного религиозного сознания представителей определенной социальной группы городского населения — зажиточных торговцев, не принадлежащих к высшему купечеству, и ремесленников, имеющих налаженное производство каких-либо товаров и использующих наемный труд. Лишь в редких случаях, как, например, при строительстве церкви Николы Мокрого в Ярославле, объединялись усилия нескольких наиболее богатых прихожан из разных социальных групп — купцов гостиной сотни и посадских. В архитектуре посадских храмов заметно стремление к следованию определенным образцам. Но таковыми служили уже не царские и монастырские храмы, а постройки, возведенные, как правило, в том же городе более именитыми и богатыми ктиторами, благочестию и чувству «меры и красоты» которых остальное население, видимо, доверяло.

---

⁴² Добровольская, Гнедовский. 1981. С. 139-140.

⁴³ Там же. С. 185.

Ктиторские постройки гостей и членов их родов в торговых городах, наряду с вотчинными и ктиторскими монастырскими храмами знати XVII в., представляют собой наиболее «индивидуализированные» памятники русского церковного зодчества позднего Средневековья и раннего Нового времени. Даже в архитектурных формах и размерах зданий, несмотря на строгое соблюдение общего канона, отразились воля и вкус заказчиков, их представления о благочестии верующего человека и благолепии храма. Обращает на себя внимание и тот факт, что названных ктиторов, столь заметно проявивших в традиционном храмовладельческом благочестии свою индивидуальность, объединяет не только и не столько принадлежность к высшим слоям общества, сколько широта взглядов в такой консервативной сфере как храмовое и монастырское строительство и знакомство с европейской культурой и образом жизни. Вероятно, именно таких людей имел в виду А. Олеарий, когда писал, что среди русской городской знати и купцов ему приходилось встречать достаточно хорошо сведущих в вопросах веры и позволяющих себе рассуждать о служении богу вполне рационально⁴⁴.

Таким образом, различия в храмовых постройках высшего слоя купечества и торговых людей из посадского люда очевидны. Вряд ли правомерно определять и те, и другие как «посадское» зодчество. Аналогичный анализ литературы и иконописи XVII в. приведет нас к подобным же выводам. Особо следует отметить, что определение «посадская культура» не имеет никакого отношения к источниковой реальности того времени, а представляет собой историографическую конструкцию в чистом виде, при этом конструкцию сильно социологизированную. Более того, данная конструкция не выражает сущность русской городской культуры позднего Средневековья и раннего Нового времени, а, наоборот, ведет к ее ложному пониманию и истолкованию.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агафонов С. Л.* Горький. Балахна. Макарьев. М., 1987.
- Бусева-Давыдова И. Л.* О роли заказчика в организации строительного процесса на Руси в XVII в. // Архитектурное наследство. № 36. М., 1988. С. 43-53.
- Бусева-Давыдова И. Л.* О так называемом запрете шатровых храмов патриархом Никоном // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 314-322.
- Виноградский Н.* Церковный собор в Москве 1682 года: Опыт историко-критического исследования. Смоленск, 1899.

---

⁴⁴ *Олеарий.* 2003. С. 454-455.

- Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1.
- Грамоты о строительстве Данилова монастыря в Переславле-Залесском средствами боярина И. П. Барятинского и о запрещении дальнейшего строительства после окончания этого. 1697 г. // Ростовский филиал Государственного архива Ярославской области (ГАЯО). Ф. 329. Оп. 1. Ед. хр. 58.
- Добровольская Э. Д., Гнедовский Б. В. Ярославль. Тутаев. М., 1981.
- Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908.
- Иностранцы о древней Москве. М., 1991.
- Крылов А. П. Церковно-археологическое описание губернского города Ярославля. Ярославль, 1860.
- Овчинникова Е. С. Церковь Троицы в Никитниках. М., 1970.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 257-486.
- Памятники архитектуры Москвы. Земляной город / Авт. колл. Ю. И. Аренкова и др.; Ред. А. И. Комеч, В. И. Плужников. М., 1989.
- Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга третья. М., 1994. С. 101.
- Перечневая опись города Ярославля 1630 г. // Ярославские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1861. № 35. С. 271-272.
- Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду // Русская историческая библиотека. СПб., 1896. Т. 17. С. 15-27.
- Разумовская И. М. Кострома. Л., 1989.
- Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-ое, исправленное и дополненное. М., 2009.
- Рутман Т. А. Храмосдатели церкви Ильи Пророка Вонифатий и Иоанникий Скрипины // 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле. С. 7–15.
- Соборное Уложение 1649 года: Текст, комментарии / Подг. текста Л.И. Ивиной; Коммент. Г.В. Абрамовича, А.Г. Манькова, Б.Н. Миронова, В.М. Панеяха; Рук. авт. колл. А.Г. Маньков. Л., 1987.
- Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка [Репринтное издание]. М., 1989. Т. II. Ч. 2. «П». Стлб. 1228.
- Советский энциклопедический словарь (СЭС). М., 1979.
- Тимошина Л. А. Распространение книг Московского Печатного двора в середине XVII в. среди высшего купечества России // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 189–204.
- Успенский Ф. Предтеченская церковь в Ярославле. Ярославль, 1906.

Сукина Людмила Борисовна, кандидат культурологии, зав. кафедрой гуманитарных наук Института программных систем УГП имени А.К. Айламазяна; lbsu-kina@gmail.com.

О. Д. ШЕМЯКИНА

ПРОТИВОРЕЧИЯ РОССИЙСКОГО МОДЕРН-ПРОЕКТА И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ*

В статье анализируются противоречия российского модерн-проекта на различных стадиях его развертывания («Санкт-Петербургская» Россия, советская эпоха, постсоветский период). В центре внимания автора — научный дискурс, его становление, потенциал и пределы возможностей. Как показано в статье, именно в контакте с традицией научный дискурс обнаруживает свои возможности и типики. Поэтому второй главный объект исследования — традиционная культура (главным образом старообрядческая), особенности тех «ответов», которые она дает на «вызовы» модернизации.

Ключевые слова: традиционная культура, старообрядчество, модерн-проект, научный дискурс, университетская корпорация, утилитаризм, «бедный рационализм», культура слова, культура молчания.

Научный дискурс, сформировавшийся в посткартезианскую эпоху, претерпевает в настоящее время существенные изменения, которые затронули и отечественную либеральную мысль. В некоторых недавних публикациях представителей этого направления отчетливо прослеживается тенденция к архаизации. Изучая традиционную культуру русского старообрядчества, невольно задаешь себе вопрос — а кто больший традиционалист, староверы, сохраняющие в христианской культуре значительный пласт доосевых традиций, или русские либералы, создающие новый миф о русской культуре. Не справляясь с реальными противоречиями бытия, удобнее всего описывать свою культуру как чужую, надевая ее по классическим законам мифа всеми атрибутами скотства, варварства, граничащего с людоедством¹.

Демонология в работах представителей этого течения тщательно разработана, а риторика тяжеловесна и мрачна, создается миф, который может претендовать на то, чтобы стать классикой жанра. Сама же традиционная культура, создавая свои мифологемы образа чужого, например, старообрядцев не своего согласия (в частности, бегунов, ведущих максимально уединенный образ жизни, и потому порождавший множество ле-

---

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 06-01-02085а.

¹ Яковенко. 2007. С. 73-194.

генд), могла быть не столь серьезной. Страшное пронизано веселой небывальщиной, снижавшей пафос серьезности².

Власть, пожирающая людей, уничтожающие собственную плоть ее подданные, в работе И. Г. Яковенко вполне вписываются в метафору власти как поедания, которая была одной из важнейших в политической жизни Средневековья³ и основывалась на известном библейском пассаже о подчинении Ною всего животного мира, ставшего для него источником питания⁴. В работах либералов метафоры феодальной культуры как радиация пронизывают всю русскую историю, опять же по законам мифа, а он внеисторичен. Между тем, Новое время породило новую метафору государства-машины, вписывавшуюся в механистическую парадигму. Репрессии государства-машины были не менее страшны и масштабны, потому что были рационально организованы. Господствовала не inferнальная мироотреченность, а рационально выстроенная политика по вычеркиванию деталей (колесиков и винтиков) с целью достижения максимальной скорости работы механизма (что, кстати, стало так важно для мобилизационного типа экономики). Абат де Сен-Пьер так описывает устройство государственного механизма в условиях, когда необходимо было быстро принимать решение: «Умножение числа колес делает ход машины более мощным и точным, но в ущерб скорости, при необходимости можно будет уменьшить число колес и сделать так, чтобы главные пружины срабатывали беспрепятственно и незамедлительно, и тогда скорость машины будет достаточной»⁵. Уничтожив класс собственников в деревне, загнав середняка в колхоз и создав тракторные станции, советская власть упростила механизм (выкинув из истории ненужные и опасные человеческие ресурсы) и вмонтировала в него новый блок путем создания новой материально-технической базы сельскохозяйственного производства. Человеческие потери были ужасны, не нужной оказалась и вера с ее личностными интенциями, сомнениями и духовной автономией. Механизм есть механизм, какое уж тут решение экзистенциальных проблем. Характер подобного упрощения предельно четко сформулирован старообрядкой, которая называла со-

---

² Соловьева Таисия Максимовна, беспоповка максимовского согласия, так описывает контакты с бегунами («красноверами»): «Оська Шатров (председатель сельсовета) пришел в Заполье, где попался к семье красноверов. Они его чуть не съели. Он сбежал и после этого сдвинулся. Говорят, крестится шепотью (т.е. как никонианин — *О. Ш.*)». Архив... Дневник Ю. А. Писаревского. С. 27.

³ *Тогоева*. 2007. С. 118.

⁴ Там же.

⁵ *Пименова*. 2007. С. 156.

ветского управленца «бесляпошным гвоздем»⁶. И забить нельзя, и выдернуть. Вот такая механистическая картина мира. Поневоле задаешь себе вопрос, кто более краток и точен в определениях — представители традиционной культуры или ученые.

Петр I, когда утверждал, что умных людей в народе нет⁷, безусловно так не считал, просто он отказал народу в уме, присвоив право на интеллект власти. А между тем здравый смысл «простеца» обнаруживает себя повсюду — и в «хищном глазомере простого столяра» (О. Мандельштам), который строил город Петра и новый российский флот, и даже в эсхатологических представлениях, как бы примеряясь к будущим испытаниям. Христинья Никитьевна Казакова, рассказала московской исследовательнице И. Куликовой, что в «предпоследние времена гром не будет греметь, наводнения здесь не будет — на горе село стоит. Может, басенько (красиво — *О. III.*) все будет»⁸.

Научный дискурс именно в контакте с традицией обнаруживает свои возможности и тупики, чему и посвящена данная статья.

***

Несколько слов об истории формировании современного научного дискурса и университетов. Университетская система знаний и институтов, сформировавшаяся в Средневековье (книгохранилища, скриптории, колледжи, университеты, институт творческих диспутов), была ориентирована на поддержание сакрального знания. На переломе Средних веков и Нового времени это знание вырвалось из собственных пределов. «Та культура сомнения, которая возникла вместе с сократовским философским дискурсом, и отчасти — через римский состязательный судопроизводственный процесс, через греко-и латиноязычную апологетику и патристику и через арабо-язычную философию — была включена в духовный арсенал христианства (сомнение в самом себе, в мире, а в моменты глубочайших переживаний Страстной седмицы — отчасти даже в Боге), — оттачивалась в парадоксальном искусстве церковной проповеди, в схоластических словопрениях, в богословских трактатах. А уж на заре Нового времени, со времен Декарта, Галилея и Вико, культура сомнения, во многом коррелировавшая инновационному этосу XVII–XVIII столетий, да к тому же подкрепленная математически обоснован-

---

⁶ Архив... Верхокамье, 2000 г. Дневник И. Куликовой. Л. 87.

⁷ Богданов. 2006. С. 105–106.

⁸ Архив... Верхокамье. Дневник М. Куликовой. Л. 73.

ными суждениями, легла в основу последующего философского и научного, а вместе с ними — и общественного развития»⁹.

Институциональный и духовный опыт России во многом отличался от европейского: университеты здесь возникли в результате этактистского проекта, который воспроизвел европейские формы, не имевшие корней в культурной практике предшествующего периода; традиционная образованность и книжность в средневековой России была сосредоточена в монастырях. Первым из русских степень доктора философии получил Петр Постников, выпускник Славяно-греко-латинской академии, посланный в Падуанский университет и успешно его закончивший в 1694 г.¹¹. Открытие первого российского университета в 1755 г. в Москве означало новый этап в истории формирования интеллектуальной элиты российского государства — без ученого сословия осуществление модернизационного этактистского проекта было невозможно. Однако тип ученого, в совершенстве владеющего формально-рассудочным методом и полезного с точки зрения утилитаризма, не был полностью культурно санкционирован — монашествующий аскет утвердился в России как наиболее культурно значимый тип интеллектуала.

Учение не тому, как надо думать, но тому, как надо жить ради спасения души, закрепившееся в исихазме, добротолубии, старчестве невозможно было выразить в конечных определениях рассудка, оно могло быть воплощено в глубинных образах и символах иррациональной философии, обращавшейся к пластическим средствам искусства, вдохновенной проповеди и религиозной медитации. Отечественная внепрофессиональная по формальному признаку корпоративной принадлежности мысль несла больший содержательный заряд, чем профессиональное, академическое, прагматическое знание¹². Эта традиция пришла из Византии, где сложилось особое представление об аскетической философии, вырабатывавшейся практикой монашествующих, которые почитали за подлинного философа освободившегося от мирских забот подвижника духа, носителя не абстрактной теоретической, но жизнестроительной, практической философии. Необязательно быть монахом по званию, можно быть аскетом и подвижником в миру. Такими мона-

---

⁹ Рашковский. 2008. С. 93-94.

¹¹ Громов, Мильков. 2001. С. 20.

¹² «Издавна Русь более привлекала линия Платона и неоплатоников в христианизированном ее виде, где любви, эросу, сердцу уделено повышенное внимание, где процесс познания понимается не как холодный, рассудочный, отстраненный от субъекта акт, но как страстное стремление к истине, глубоко личностное, интимное, теплое, окрашенное гаммой эмоций, взволнованное состояние души». — Там же. С. 94.

шествующими в миру были и Николай Федоров, и Алексей Федорович Лосев. Впрочем, последний тайно принял постриг и был подлинным иноком, но вне монастырских стен¹⁴. К этому же типу подвижника можно отнести и Андрея Дмитриевича Сахарова.

Кардиогносия (познание сердцем) предполагает особый тип рефлексии, в которой сомнение побуждалось удивлением и страданием¹⁶. Один из героев немецкого писателя К. Шефера высказал, на мой взгляд, очень верную мысль о разнице между удивлением и пониманием. «Удивление начинается там, где заканчивается понимание... понять означает также использовать... когда мы чему-нибудь удивляемся, мы подходим к этому феномену с почтительно склоненной головой»¹⁷. Не бесовство словесное в полемике, а тихая вдумчивая внимательность к собеседнику, негромкость, дающая возможность услышать другие голоса, были и будут характерны для русского интеллигента. Это прежде всего сомнение в собственной самооценности, до немоты, дабы не «соблазниться» умом собственным и не попасть под чье-то влияние. И в этом смысле такой тип мышления можно назвать архаичным.

В послепетровское время сомнение усилилось кризисом идентификации — трагизмом неписанности в мировую гармонию¹⁸, метаниями между западническими и почвенническими полюсами. Причем метания эти чаще всего протекают в исторически закономерном и психологически понятном модусе обиды¹⁹.

Итак, сомнение побуждалось не только удивлением и страданием, но и обидой на неполноту включенности в мир западной культуры или на разрыв с традициями и ценностями допетровской Руси. А обида лишала четкой артикуляции дискурс — как в понимании головоломной диалектики антиномий Запада (формализованной иерархичности и эгалитаризма, состязательности и социального сострадания и т.д.)²⁰, так и в понимании потенциальных возможностей трансформации традиционной культуры. Ведь как для героя известной книги для детей неважно, лопнул шарик или нет — главное обидеться. Это не дистанцирование или идентификация себя с объектом изучения, а молчаливая фронда с самим собой и окружающим миром — познавательную ситуацию этого рода можно охарактеризовать как рефлексию, замещенную травмой.

---

¹⁴ Там же. С. 100.

¹⁶ Там же. С. 95.

¹⁷ Шефер. 2008. С. 145.

¹⁸ Джидарьян. 2001. С. 20.

¹⁹ Рашковский. Указ. соч. С. 165.

²⁰ Там же. С. 93, 97.

Секуляризация образования в послепетровский период предполагала совершенно иное, чем прежде, соотношение веры и разума. В контексте задач, поставленных в данной статье, хотелось бы обратить внимание на такой культурный феномен, как бедный рационализм. Бедный рационализм означает восприятие «чисто рационалистических в своем существе концептов (наука, разум, социальная справедливость, борьба за существование, национальный суверенитет и т.д.) не как предметов теоретической рефлексии, но как предметов веры и стало быть — идеологической мобилизации архаических или традиционных пластов массового сознания... Собственно, знакомое нам по прежним десятилетиям, но забытое ныне уникально-русское слово “идейность” как раз и означало религиозное отношение к рациональным понятиям» (Раиковский. В печати). Полиморфизм бедного рационализма приобретает чудовищные очертания в сочетании с восприятием мира в модальности «мир-средство», с утилитарным типом нравственности:

«В противовес традиционалистским установкам на самоотречение, самозабвение и аскетизм, утилитаризм санкционирует как достойные такие человеческие проявления, как удовольствие, счастье, стремление к удовлетворению потребностей, успеху. Для него типична партиципация к имманентному, профанному, посюстороннему. При этом в сравнении с традиционализмом утилитаризм менее нетерпим к противоположным смыслам — трансцендентному, сакральному, потустороннему, которые им не отвергаются, но лишь отодвигаются на второй план, подчиняясь все-сильному принципу пользы, становятся предметом утилитарного манипулирования.

Важнейшей характеристикой утилитаризма можно считать его отказ от абсолютизации каких-либо смыслов. Высшее благо утилитаризма — “благо человека” — понятие относительное, отсюда и сам утилитаризм неотделим от релятивизма. Господство принципа пользы определяет ценностную “всеядность” утилитаризма, который не только формирует некоторые свои специфические утилитарные ценности, но использует и другие — традиционные, либеральные. Ценностно-смысловое поле утилитаризма представляет собой чрезвычайно эклектичное, подвижное образование. Спектр утилитарных мотиваций простирается от умеренного конформизма, гибкого приспособленчества и соглашательства до откровенного цинизма.

Моральный закон приобретает формулу утилитаристской максимы “нравственно то, что приносит максимальную пользу человеку или обществу”. Вследствие этого моральный долг не фиксирован: должное попадает в зависимость от сущего, практика определяет наполнение идеальных норм. Образцы поведения становятся зависимыми от ситуационной пользы...»²².

---

²² Яркова. 2001. С. 29.

В российской интеллигентской нравственной культуре в результате соединения бедного рационализма и утилитаризма сложился фантастический симбиоз фанатизма (каждое из учений понималось как откровение, догма) и цинизма²³. А фетишизация той или иной идеи, например, идеи партиципации к почве — крестьянству или реанимация обожествления матери-природы, или идея построения безрелигиозного государства, включала в себя реальную антиномичность бытия только в качестве самых простых бинарных оппозиций (добро и зло, свет и тьма, гонители — хранители и т.д.). В сочетании с утилитаристской ориентацией на личный успех, карьеру и благополучие создавалась гремучая смесь сакрализованных форм и профанного содержания, высоких идеалов (если они не симулировались) и иезуитских методов их воплощения, особенно опасных, если они опирались не на личные резервы, а на аппарат принуждения.

Рефлексирующий подвижник и циничный фанатик, столь различно разные персонажи в истории модерн-проекта, сформировавшего чисто российский тип рефлексии и отличные от классической западной разновидности рационализма, схожи в одном — в святой или извращенной форме удерживания сакральных смыслов. И в этом смысле они оба почвенны, как исконно почвенно состояние между святыми и демонами в русской культуре.

А вот с издержками глобалистской открытости, выразившимися в «смесительном упрощении» (если вспомнить терминологию Конст. Лентьева) «на низших, захлестывающих мир уровнях массовой и сугубо сегодняшней, электронно-компьютерной культуры — уровнях, где сходятся и потребительская горячка, и утрата культурной памяти и попытки компенсации своей внутренней несостоятельности»²⁴, русская культура столкнулась сравнительно недавно, в постперестроечный период. Этот вид интеллектуального кадавризма (съедем, все что движется, можем даже Абсолют просчитать, если финансируют) лишен инерции определенности и поэтому, как ни парадоксально, отчасти безопасен с точки зрения длительного времени — когда-нибудь, где-нибудь, в каком-нибудь месте Кадавра разорвет — он обожрется и «помрет», либо культурно санкционируется, загрузив о вечном.

Но вернемся к особенностям радио и бедному рационализму Нового времени. Сам главный реформатор России был примером соединения веры в иностранный разум как источник более продуктивных образцов жизнедеятельности и традиционалистских способов осуществления мо-

²³ Там же. С. 252.

²⁴ Рашковский. 2008. С. 166.

дерн-проекта²⁶. Народ стал средством достижения утилитарной цели блага государства и объектом дистанцирования как воплощение отсталости²⁷. Петр был традиционалистом не только в методах экономической деятельности. Борясь с искоренением суеверий, он обращался к магическим практикам, причем обоснование «волшебных знаний» включало в себя понятие «государственного блага». «Есть немало свидетельств, что сам Петр I отдавал дань суевериям, когда речь шла о пользе государства. А. Востоков описал дело столбцов Сибирского приказа о донском казаке Емельяне Шадрине, в 1718 г. кричавшем “слово и дело”. Шадрин сообщал, что знает способ, как победить врагов — пустить под них воду, а сверху туман. Для этого был надобен только камень из нутра ворона, сидящего на птенцах. Петр весьма заинтересовался делом. Преображенский приказ потратил немало сил и средств для поимки ворона и добычи камня. Император лично присутствовал при опытах. Только после очевидной неудачи казак Щардин был бит крутом и сослан на 10 лет в каторгу»²⁸.

«Политическое волшебство» как культурная практика со временем сходит на нет, но идеологически санкционированный скепсис в отношении традиционных культурных ценностей, в характерной для России логике инверсии, продолжал провоцировать, как ни парадоксально, подспудную традиционализацию социальных и культурных новшеств. И речь идет не о «подлом» сословии, а о представителях верхних слоев общества. Столетием спустя после царских опытов по извлечению магического камня из тела ворона, такое культурное новшество как кофепитие, было превращено графом А. А. Аракчеевым в квазирелигиозный

---

²⁶ «Противоречивость петровских реформ заключалась не столько даже в идее заимствования и насаждения западных образцов деятельности, сколько в отрыве от ценностей, освящающих эти образцы. Чрезвычайно противоречивой была сама форма, в которую отливались западные технологические идеи на русской почве. Старинная проблема России — проблема асинхронности и диспропорциональности развития утилитаризма правящей элиты и массы — решается Петром I не утилитарными, а типично традиционалистскими авторитарными способами. В первую очередь это касалось массы крестьян. Крестьянство рассматривалось правящей элитой ... как средство достижения государственного блага. Податное обложение населения при Петре I увеличилось в три раза, при этом сам механизм установления налогов был далеко не рыночным, продиктованным ситуационным эгоистическим государственным интересом и удобством». — Яркова. 2001. С. 177-178.

²⁷ «Убеждение в том, что крестьянское сословие интеллектуально недееспособно и требует властного надзора, лежат в основе известной резолюции Петра по поводу возможности введения в России шведской системы приходского самоуправления: «Из крестьянства умных людей нет». — Богданов. 2006. С. 105-106.

²⁸ Смилянская. 2003. С. 156-157.

ритуал. Аракчеев в своем имении завел обычай чтить память Павла I выливанием чашки кофе к подножию установленного в саду бюста императора. В мемуарах современника сохранилось следующее описание этого странного обряда. «Обязанный первоначальным своим возвышением императору Павлу Петровичу, Аракчеев до конца жизни глубоко чтил память своего благодетеля. В грузинском саду неподалеку от дома, в котором жил Аракчеев, был поставлен бюст императора. В летнее время, когда Аракчееву угодно было приглашать к себе на обед грузинскую служебную знать, обеденный стол обыкновенно накрывался у этого бюста, против которого всегда оставалось незанятое место и во время обеда ставилась на стол каждая перемена кушанья: в конце обеда подавался кофе, и Аракчеев, взявши первую чашку, выливал ее к подножию императорского бюста, после этого возлияния он брал для себя уже другую чашку»²⁹. В. А. Богданов интерпретирует это действие как традиционное для русской культуры «кормление покойника» на поминках, но не лишенное также античных реминисценций — инсценирования символического жертвоприношения сакрализуемому императору³⁰.

* * *

Заимствование западного опыта не означало выпадения из традиции, архаика быстро реанимировалась именно благодаря тому, что социальные практики и ценности традиционного общества входили в поле актуальных смыслов и методов их реализации правящей элиты.

Создание системы университетского образования, как было отмечено выше, было этатистским проектом, но порожденный этим проектом культурный социальный институт обладал собственным культурным бытием³¹. Университеты, являясь источником формирования интеллектуальной элиты, в своей организационной структуре (автономия) и этике своей профессиональной деятельности (стремление к автономии от власти) были структурой, стремящейся к независимости. Корпоративный этос поведения, с точки зрения идентификации был значимее, чем социальное происхождение. И в этом смысле (духовного и институционального иммунитета) университеты обнаруживают неожиданную параллель с крестьянской общиной, которая, выражению Кропоткина, представляла собой «universitas, “мир” в себе самой».³² Равенство членов корпорации в

---

²⁹ Цит. по: Богданов. С. 66.

³⁰ Там же.

³¹ Кулакова. 2006.

³² Кропоткин. 2007. С. 106.

сочетании с патриархальными традициями, до сих пор сохраняющимися в университетской среде, во многом напоминают традиции общинного самоуправления и ответственности старших в роде «за молодых». Эта изоморфность структур (не буквально, конечно) является предпосылкой сближения горизонтов и понимания представителями университетской корпорации, в частности, общины староверов (и земельной, и конфессиональной). Но одно обстоятельство провоцирует возможные конфликты в поле взаимодействия университетской и традиционной среды. Речь идет о последствиях этагистского комплекса в обеих институциях. Общину государство использовало в своих интересах, не располагая необходимым количеством собственных управленцев, а это порождало такое явление в общинной среде, как доносительство.

Вечный кадровый голод российского государства провоцировал использование исследовательской практики интеллигенции, компенсируя недостаток собственных кадров. И в таком случае изучение, например, традиционной культуры становилось на службу утилитарным целям государства — научная деятельность превращалась в печально известное средство достижения задач, не имеющих ничего общего с исследовательской практикой.

На начальном этапе модерн-проекта преобладала «минус-идентификация» с почвой. Кинула в лету традиция переодевания нерадивых студентов в мужичье с целью наказания³³. Но «минус-идентификация» осталась — использование исследовательской практики как средства государственного манипулирования (особенно в период преследования религии) приводило к нарушению исследовательской этики. Служить государству можно, дистанцируясь идентификационно от «почвы», и это порождало сложнейший клубок противоречий во взаимоотношениях интеллигенции и представителей традиционной культуры.

Эта проблема касалась не только университетской среды. Можно привести в качестве примера книгу Тигрия Дулькейт «Лыковы»³⁴, в которой «преследователи» и «жертвы», «дозиратели» и «дозираемые» были в столь сложной ситуации добровольной и недобровольной взаимозависимости, что книга достойна жанра социального детектива. С одной стороны, государство нанимало староверов, ушедших в труднодоступные места тайги в качестве государственных служащих — наблюдателей заповедника. Государство решало свои кадровые вопросы, а

---

³³ Кулакова. Указ. соч. С. 275.

³⁴ Дулькейт. 2005.

староверы избегали принудительной коллективизации и получали возможность жить на своих заимках. С другой стороны, государство использовало сотрудников заповедника, которые должны были заниматься исследовательской и природоохранной деятельностью, в репрессивных акциях против староверов в ситуациях, когда автономия жизни староверов рассматривалась советским государством как угроза внутренней безопасности. Кадровый голод, когда репрессии накрывали всю страну, вынуждал использовать научных сотрудников в своих целях. Надо отдать должное мужеству автора книги, который сумел дать честную картину событий, происходящих вокруг семьи Лыковых.

Но дело было не только в репрессивных акциях — контролировать тысячи километров тайги, в которых могли найти убежище неугодные режиму люди, только опираясь на аппарат насилия было невозможно, — поэтому ученых и «привлекали». И в более спокойный период функции были не разделены. Неразделенность функций — извечная проблема российской социальности, в которой власть претендовала на то, что бы быть единственно реальным институтом, а все остальные институты приобретали полиморфный характер — главными были задачи, поставленные в данный момент властью, а не инерция сложившейся функции. Полиморфизм функций в сочетании с такой разновидностью бедного рационализма, как «идейность» (религиозное отношение к рациональному понятию идеологии), мобилизовали традиционные и архаические пласты массового сознания. А миф тотален, он не оставляет свободных от «дозирования» зон. Дышать свободно в этой системе было нельзя — если не репрессии, то «перевоспитание»³⁵.

Когда староверы становились объектом атеистической работы, миссия по ее «исполнению» могла поручаться студентам. Студенты томских вузов, энтузиасты-атеисты должны были способствовать добровольному отказу староверов-странников от своих взглядов³⁶.

В 1965 г. в томско-чуйскую тайгу отправляется экспедиция института научного атеизма АОН при ЦК КПСС. Цикл статей по ее итогам вызвал «благодарность властей, заключивших, что белобородовские скиты — «явление любопытное на фоне нашего сегодняшнего», и его следует изучать «силами университета и прочих заинтересованных лиц»³⁷. Скиты были сохранены как «местная экзотика» и идеальный полигон для атеистической пропаганды.

---

³⁵ Дутчак. 2007. С. 284-285.

³⁶ Там же. С. 285.

³⁷ Там же.

Решение о преждевременности административных мер было продиктовано утилитарными соображениями. Результатом счастливого для белобородовских странников стечения обстоятельств стало заключение уполномоченного по делам религий Г. П. Добрынина:

«Опасности для общества скиты не представляют, поэтому ставить вопрос о ликвидации пустыни нет необходимости. Опыт ее ликвидации в 1947 г. показал живучесть “пустынничествов”. Дезертиры были выявлены и наказаны, а фанатичные сектанты постепенно вернулись на свои места, построив кельи, лучше прежних. Более правильным будет органам власти взять на персональный учет заимки, хутора, “кельи” и каждого человека, проживающего в них, и не реже одного раза в год проверять, кто и откуда прибыл вновь, чтобы выявлять преступные элементы. Пустынники обеспечивают себя всем необходимым, поэтому нет необходимости государству брать заботу о них на себя. Главная забота местных органов власти и атеистов — профилактическая работа по предотвращению пополнения их рядов»³⁸.

Такая комбинация задач «дозирования» и перевоспитания и желания минимизировать усилия (томско-чулымская тайга, мягко говоря, не слишком комфортное место для идеологической работы) дала возможность староверам ослабить хватку государства. Но это в период «оттепели», а во время жестоких репрессий, когда вера расценивалась как уголовное преступление, сбор информации и «дозирование» с помощью представителей высшей школы становились неадекватными методами — в этой ситуации действовали специалисты силовых структур. И тогда тотальность мифа представляла во всей полноте, в его обрядовой практике: «чужой» не имел права на существование.

* * *

А теперь вернемся к университету уже в наше время, в период новой рецепции западных идей — эпохи постмодерна, пришедшей на смену модерн-проекту.

Выше были затронуты лишь некоторые аспекты вхождения России в модерн-проект. Деформации, сопровождающие процесс рецепции западных новаций (этатизм как средство осуществления модерн-проекта, полиморфизм социальных институтов и ролей, традиционалистские методы достижения утилитарных целей, «бедный рационализм» и т.д.), не исчезли и сегодня, модерн-проект до сих пор в России не завершен, в то время как на Западе произошел реально новый поворот. Наши интеллектуалы спешат выровнять ситуацию, игнорируя то обстоятельство, что на Западе эпоха постмодерна была реакцией на слишком жесткий и прямо-

---

³⁸ Там же. С. 285-286.

линейный акцент на общезначимость рациональности, на предсказуемость в реализации программ, которые выдвигались прежними бюрократическими институтами, олигархическими корпорациями, политическими и философскими учениями³⁹. Спрашивается, от чего устали мы? Очередная рецепция западной научной мысли сопровождается судорожной боязнью не отстать от Запада, а на вопрос, насколько исчерпаны потенции модерн-проекта, вряд ли могут или хотят ответить. Рецепция носит характер магической завороченности («новым поворотом»).

Системный подход предшествующего периода, лишенный груза грехов линейной детерминации, работая со сложными структурами, должен был ответить на вопрос о том, как система действует, и это было названо постмодернистами тоталитаризмом. Устать от этого «тоталитаризма» довольно трудно — история изучения старообрядчества имеет обширную библиографию, а вот работ, в которых был реализован системный подход чрезвычайно мало⁴⁰. Но именно в них были выявлены высокая степень вариативности жизненных ориентаций и стратегий старообрядческих общин в процессе приспособления к трансформирующейся метасистеме при условии сохранения базовых конфессиональных ценностей. Существование статичной автомодели (в ее основе лежат доминанты, унифицирующие разнородные элементы и служащие кодом для самопознания и самодешифровки текстов⁴¹) предполагает функционирование и динамичной модели; которая позволяет объяснить коррекцию интеллектуальных и социальных практик, эволюцию системы ценностей⁴². Целостность такого рода представляет собой сложную комбинаторику вызовов–ответов, что позволяет понять пределы адаптации системы, эволюционирующей, но не теряющей своего культурного качества. И эта сложноорганизованная целостность и изучение ее системным подходом атрибутируется как тоталитарный акт мышления, потому что реально в постмодернистском дискурсе лишь особенное⁴³.

В истории России мы сталкиваемся с множеством деформаций, имевших следствием полиморфизм, отсутствие чистых форм, породивших особый тип системности, который можно назвать барочным⁴⁴. От-

---

³⁹ Рашковский. 1999. С. 38.

⁴⁰ Дутчак. 2007; Бахтина, Дутчак. 2008.

⁴¹ Дутчак. 2007. С. 29.

⁴² Там же. С. 298.

⁴³ Манифестируется «бессвязное знание мира во всем многообразии его живых, но не сопричастных друг другу деталей». Рашковский. 1999. С. 33.

⁴⁴ Шемякина. 2009. С. 114-125.

существование в системах такого рода жесткой центральной оси, одновременное сосуществование различных сакральных смыслов означает не господство равнодушной эклектики и потерю центрального смысла, а бесконечную расширительность контекста интерпретаций значимого. Изучение этого типа системности предполагает поиск механизмов сопричастности оппозиций, изучение специфики функционирования исторической памяти, кардиогносии как метода познания и соединения разных смыслов. И это гораздо сложнее, чем мыслить особенное. Изучение отдельных нарративов напоминает скорее капитуляцию перед сложностью действительности, чем выход на новый уровень познания. Как справедливо отметил Г. Померанц, «на плоскости всеобщего равенства ценностей можно шагать бесконечно, не поднимаясь ни на один вершок. И охватывает великая тоска, от которой Ставрогин удавился»⁴⁵.

Запад может позволить себе роскошь мыслить чистыми формами, рожденными ясностью социальных функций и имеющими инерцию автономного существования. Вот только где их взять в России, где все сплошное оборотничество и наследие неразрешенных противоречий. До какой степени нужно раздробить действительность, чтобы она освободилась от императивов прошлого, и отшелушить ее от сопричастностей настоящего? Остается надеяться, что университеты, как консервативные и архаичные структуры проспят царство небесное «нового поворота», что было бы чрезвычайно полезно для изучения традиционной культуры — сохранилась бы почва для разговора традиционалиста с традиционалистом, существующих на осколках галактики Гутенберга. Галактика Гутенберга, смыслообраз, введенный в научный оборот канадским филологом и культурологом Маршаллом Мак-Люэном — это культура печатного текста, печатного слова, печатной речи:

С гутенберговской эпохой были связаны «великие приобретения реформационной культуры: искусство личного погружения в текст, искусство текстологических исследований, на чем стоит вся последующая наука и культура, в частности религиозная. Ведь интенсивный анализ библейских текстов для кого-то означал эрозию религиозного чувства, а для кого-то — новое вдохновение, новый стимул к духовным исканиям. Гутенберговская ситуация обусловила искусство чтения и толкования как священных текстов и, шире, вообще текстов и в индивидуальном порядке, и в малых группах.

Поэтому не случайно в философии начала XX века возникают такие категории обозначения основных ценностей человеческой жизни, как “durée” Бергсона. “Durée” (фр.) длительность, субъективное время, когда

---

⁴⁵ Померанц. 1996. С. 152.

время течет в глубине нашей души и мы можем возвращаться к одним и тем же ассоциациям, пересматривать их в разных аспектах. В российской философской культуре эквивалентом *durée* была категория “искусства медленного чтения” М. О. Гершензона с возвращением к одному и тому же отрывку, с длительным переживанием одного и того же отрывка, с сопоставлением отрывков. Для Гершензона это была одна из величайших ценностей европейской и российской культуры»⁴⁶.

Личное собеседование человека традиционной культуры со священным текстом и поиск истины и смысла бытия в религиозных, философских текстах учащегося юношества, замыкало их в общую культурную ситуацию личного погружения в текст. Каждый искал свою потопленную Атлантиду и свое Беловодье. Именно эта общность поиска создавала поле для понимания — тексты дневников участников экспедиций содержат информацию, которая всегда шире стандартной фиксации работы по вопросу.

До глубин познания другого, которое было возможно в видении другого сердцем (кардиогносии) нужно расти долго, и это удел немногих. Издержки бедного рационализма в сочетании с утилитаристскими методами (когда традиционная культура является средством достижения научного результата, или задач, поставленных властью) в эпоху смягчения нравов становятся все менее актуальными. А вот проблемы понимания — все более актуальными. Еще раз подчеркну, что понимание шире задач, поставленных вопросником (кто, где, когда, сколько и т.д.). Полевые дневники практически всегда содержат «избыточную» информацию. Книжное знание традиции провоцируется ситуацией живого общения, а оно всегда непрогнозируемо и обнаруживает границы понимания другого. Вот на этой информации, содержащейся в дневниках, я считаю нужным остановиться.

Культура разговора человека городской культуры и человека из деревни отличается не уровнем интеллекта и присутствием диалектизмов, а прежде всего потребностью выразить себя в слове. В. Шубарт противопоставлял культуру слова и культуру молчания:

«Нормирующие культуры римская или прометеевская — всегда были культурами слова, поскольку законы требуют слова. Цицерон с его болтливой риторикой — вечный тому прообраз... через Лютера слово само входит в святая святых. Центральным местом службы становится проповедь. Современная европейская культура — самая многословная и самая громкая из всех когда-либо существовавших. Это подлинно культура города, а не культура лесов, как у индусов, или степей — как у русских. Культура степей

---

⁴⁶ Рашковский. 2008. С. 172.

любит тишину, уединение и размышление: городская же любит суматошность и риторику. Крестьяне скупы на слова, горожане болтливы»⁴⁷.

Старообрядцы считали, что много говорить грех, это была норма, о которой староверы сообщали участникам экспедиции: Мария Петровна Селезнева рассказывала о своей свекрови как о женщине строгой веры, избегающей не только пустых, но и вообще разговоров, молящейся лишь при керосиновой лампе⁴⁸. Немногословность была поддержана и недоверием к интеллигенции: учителя в деревне никогда так отчаянно не бедствовали, как крестьяне в колхозах, кроме того, учителя были проводниками советской идейности, борьбы с религией. Да и века гонений, необходимость «схрониться», чтобы сохраниться, не способствовали разговорчивости с чужаками. В дневнике И. Соломина содержится замечательное описание этой битвы за право молчания, в которой одержала победу над приехавшими студентами Анна Федотовна Меркушева:

«На большинство вопросов она ухитрилась ответить «да не знаю я», или «беспутная, ничего не знаю», или «вы все это знаете лучше меня» (при том, что на каждый праздник она с Лукерьей Федотовной молится, при том, что из всех живых ныне соборных максимовцев N-ского района, она самая грамотная: 7 классов школы, при том, что у нее одна из самых больших библиотек старопечатной литературы в округе)⁴⁹. «Так и расстались мы с Анной Федотовной несолоно хлебавши, не вытянув из нее равным счетом никакой информации, пораженные хитростью и силой характера этой простой (внешне) женщины. После трудного и крайне неудачного разговора мы пошли набраться душевных и физических сил под тенистый вековой тополь, тот, что стоит близ тропинки, ведущей к колоде. Автор сего дневника спустился к колоде, дабы остудить ключевой водицей закипающее в черепной коробке серое вещество. Как вы думаете, кого он там увидел? Верно — приснопамятную Анну Федотовну. Она стояла спиной к нему расслабленная и явно гордая тем, что спровадила двух назойливых вопрошателей. Это была совершенно другая женщина, не прятаяшаяся за личиной настороженности и недружелюбия»⁵⁰.

Мария Лебедь, студентка, обладавшая острым и точным умом, попала, тем не менее, в силки, расставленные студентам Евдокией Никитиной Снегиревой, в доме которой несколько лет хранилась соборная библиотека. Бисерным четким почерком на полях дневника написано «агностицизм» напротив записи о показе ее личной библиотеки. «При описании «Щита веры», упоминании последних времен и Антихриста

⁴⁷ Шубарт. 2003. С. 186-187.

⁴⁸ Архив... Верхокамье, 2000 г. Дневник И. Куликовой. Л. 33.

⁴⁹ Там же. Дневник И. Соломина. С. 26.

⁵⁰ Там же. С. 48.

Евдокия Никитьевна заинтересованно спросила: «Есть Бог-то?» Получив максимально уклончивый ответ, призналась: «Ни я, ни дед не знаем, до конца не верим». В подтверждение вспомнила народную мудрость: «Бог-то Бог, да не будь сам плох» и «На Бога надейся, а сам не плошай»⁵¹. Невестка духовницы собора с сожалением говорила о потере такой соборной (Евдокия Никитьевна ушла, рассорившись с неприятными ей людьми). В результате молится она со своим стариком дома, много читает вслух, особенно зимой⁵². Наверно, чтобы поупражняться в агностицизме (да простит Бог мне эту иронию в отношении талантливой студентки).

Современный прозаик Евгений Шкловский в романе «Нелюбимые дети» дает удивительно точную характеристику такого «непонимания»:

«В этом смысле народ Артема восхищал, но и озадачивал. Вроде бы прямой и простодушно добрый, он вдруг выказывал какую-то непостижимую, из неведомых глубин проступающую лукавость... Всякий раз он терялся перед ней, даже некоторый страх испытывал, чувствуя себя вдруг словно просвеченным насквозь, с потрохами, со всеми тайными мыслями и намерениями, в которых, может, и сам-то не очень отдавал себе отчет.

В том-то и дело, что это была не обычная интеллигентская ирония, эдакая вечная полунасмешка над всем и вся, включая и себя, — с этим-то он давно свыкся и уже почти не обращал внимания. Здесь же совсем иное во всяком случае, так казалось) — как бы усмешка самого бытия, которое не издевается, и не язвит, и не отрицает, а испытывает тебя, выпытывает, ускользя само, едва только возрадуешься, что ощутил твердую почву. Какое-то метафизическое “ку-ку”, подстраиваемое человеку — ему ли или кому другому. Оно словно напоминало, что в мире все относительно, переменчиво, многослойно, подвижно, странно, загадочно, страшновато — ни в чем нельзя быть твердо уверенным»⁵⁴.

И еще об одном отличии. Существуют вполне понятные в научном сообществе критерии успеха результатов полевых исследований: количество и качество привезенного материала, подготовка публикаций, выступлений на конференциях, получение ученых степеней и т.д. Иными словами, «гениальность» исследователя имеет четкую количественную меру, выраженную в «табели о ранге» ученой корпорации. Ученое достоинство как выражение внешнего параметра общественной значимости личности, зафиксированное в «табели о ранге» отражало общеевропейский принцип

---

⁵¹ Архив... Верхокамье. 2000 г. Дневник М. Лебедь. Л. 31.

⁵² Там же. Л. 30.

⁵⁴ Шкловский. 2008. С. 395.

иерархического строения социума⁵⁵. Освобождение же внутреннего достоинства от внешнего возможно путем философствования⁵⁶.

Можно выстраивать научную карьеру, можно только «философствовать», самые замечательные представители ученой корпорации сочетают в своем жизненном пути и то, и другое. Считаю нужным подчеркнуть, что существуют общезначимые конвенции, позволяющие выделить понятие Личности в мире науки.

Параметризовать понятие Личность в традиционной культуре значительно сложнее. Протуберанцы активности личности, выраженные в текстах культуры (вербальных, письменных, поведенческих) должны быть вписаны в устойчивую «неподвижность» общины⁵⁷. Любые протестные, конфликтные или конформистские формы проявления личности в традиционной культуре необходимо рассматривать с точки зрения коллизий устойчивости и изменчивости.

Появление новых толков и согласий всегда было связано с активностью конкретной личности, не случайно их название содержало часто имя собственное (федосеевцы, «Костина вера» и т.д.). Но за этими бесчисленными расколами внутри старообрядческого мира стояло создание новой общины, несущей коллективную ответственность за спасение. Поводом для разделов были «своеобычность и упрямство»⁵⁸, но результатом этого упрямства было создание новой «экклесии», и только в этом контексте протуберанцы личной активности могут быть рассмотрены. Так что никакое «свободное философствование» вне общины было невозможно, внутренний «гений» и внутреннее достоинство, в отличие от человека новоевропейской культуры, не существовали в автономии от общины. Это с одной стороны, а с другой, даже тогда, когда община была иерархически организована, формализованная иерархичность не могла превратиться в светский «табель о рангах», идея равенства во Христе несли в себе потенции эгалитаризма, а в конфликтах восточнохристианской церкви быстро всплывало обвинение в «папизме».

И вот что еще хотелось бы добавить в отношении столь значимого для новоевропейского человека концепта «гения», одаренности, имею-

---

⁵⁵ Степанов. 2004. С. 754.

⁵⁶ Ю. С. Степанов считает, что предельно ясно этот путь выражен словами Марка Аврелия в его книге размышлений «Путь к самому себе». «Философствовать значит оберегать внутреннего гения от поношения и изъяна, добиваться того, чтобы он стоял выше наслаждений и страданий...». — Там же. С. 755.

⁵⁷ Дутчак. 2007. С. 3-36.

⁵⁸ Архив... Вятка, 2001 г. Дневник А. Дадыкина и А. Исэрова. С. 61.

щих свою меру. Мера в русской культуре была индивидуализирована и ускользала от стандарта (в отличие от табели о рангах, где иерархические позиции определяло государство). Мы все меряем на свой аршин, а он у каждого разный. И речь идет не только о материях трудноуловимых для измерения, но и вполне конкретных вещах. Даже наши студенты, когда перед ними стояла задача похозяйственного описания, меряли огородные культуры не просто шагами (а у всех шаг разный), но и шажочками: «лук — 10 шагов — 6 грядок... картошки немерено густо, если считать грядки, измерение шагами длины грядок затруднялось наличием забора с одной стороны, и с другой — кустов уже далеко не молодой и безобидной крапивы, морковка уместилась в 3 шажочка, также как и свекла, чеснок в 4, фасоли и бобов было “не пришей кобыле хвост”, т.е. ни к селу, ни к городу, и с гулькин нос»⁵⁹. Главное, что все понятно, хотя до точности далеко, и для хозяев не страшно, ведь ненастоящий обмер, не фиксируемый, его не запротоколируешь. И в этом отношении к мере горожанин-студент и деревенский житель единодушны и традиционны. Пример забавный, но симптоматичный.

Помимо индивидуализации меры (и в этом отношении каждый может быть на свой лад гениальным) для русского человека была вообще менее значима социальная, посюсторонняя мера взвешивания степени общественной значимости (одаренности) человека. Речь идет о понятии дара — оно означало некий неделимый духовный дар, «благодать божию» вообще и уже только затем различные конкретные проявления этой благодати в человеке⁶⁰.

Одаренность может быть в разных областях, но все эти дары есть милость, проявление в человеке одного и того же Божия дара, одного и того же Духа. Человеку, принадлежащему к христианской традиции, свойственно сомнение в собственной значимости, в собственных силах выстраивания успеха, который так любит изучать и фиксировать новоевропейский человек. Верующий человек хоронится от навязывания самопрезентации, даже если речь идет о вполне земных занятиях. Хозяйствующий мужик не будет хвастать своими достижениями, скорее со скрипом вообще разговорится, будет упираться на трудности и скорее переадресует исследователя к другому информанту. В итоге разговора В. Трухина с местным фермером произошла такая переадресовка: «В Никишатах Жданов Иван... хозяйственный мужик, немногословный, медлительный такой, во мужик, короче не то что я сухопарый. Мощный

⁵⁹ Архив... Верхокамье, 2000 г. Дневник А. Назаровой. С. 10.

⁶⁰ Степанов. 2004. С. 760-761.

мужик, работать может»⁶¹. Какая уж тут прущая изо всех щелей достижительность. Прикинуться ветошью, схорониться, направить по другому следу — это средства избегания активных форм контакта, выработанные культурой молчания. Человеку науки нужны для анализа тексты, в которых личность презентует себя, а она старается стать максимально незаметной («я-то чё, я-то так, живу помаленьку»). Вот эта инаковость традиционной культуры и рационально организованный дискурс (не бедный рационализм!), стремящийся к поиску эйдоса на «форуме полей» (О. Мандельштам), сталкиваются во взаимном непонимании. Избежать помех можно только при длительном общении. Хочется особо обратить внимание на отсутствие чистых форм — смысловое поле русской культуры «барочно» по структуре, асинхронно по природе, состоит из сочетания спорящих друг с другом смыслов. А с одним и тем же информантом работают студенты разных специальностей, в результате утрачивается тот тип цельности, которая обретает себя через доминанту многообразия смыслов, сохраняющей устойчивость через взаимоупор несопадающих друг с другом ценностей.

Неразвитость и слабость институализированных форм социальной жизни обусловили значимость личного пути в обретении смыслов, в выстраивании целеполагания. И путь этот (если человек действительно идет) невозможно стандартизировать, потому что социальность размыта, а ритм истории состоит из разломов. Достаточно вспомнить образ щели у С. Кржижановского. Человек наедине с родимым хаосом, шевелящимся под ногами (Ф. Тютчев). И обрести равновесие только молитвой сложно — практика магии была способом управления нерационализируемой и духовно непросветленной стихией. Переплетение смыслов не статично, оно подвижно, в зависимости от пути, которым идет человек. Можно от бедного рационализма и магии прийти к христианству и наоборот.

Дневники чрезвычайно ценны тем, что в них зафиксированы перипетии жизненного пути людей, с которыми велась беседа, она всегда неформализуема никаким даже самым ценным вопросником. Как правило, она содержит сведения о судьбах других людей — в условиях слабой институализации норму или ее отсутствие человек обретает в судьбе другого. Так старообрядка Марфа Сазоновна Шатрова рассказала Н. Панкратову о настоятеле храма, который был ярым атеистом и уверовал в Бога «после того, как родилась девочка калека. Говорят страшно смотреть. С ее рождением связана интересная история. Когда

---

⁶¹ Архив... Верхокамье, 2000 г. Дневник В. Трухина. С. 76.

его жена носила ребенка, он ходил на охоту и мать жены сказала: “Ты бы с ружьем поосторожнее”. Здесь считается, что пока жена на сносях, охотиться нельзя. Иначе души умерших животных могут отомстить. Но он не послушался, вот и получил. После чего стал жутко верующим»⁶². А живущий в д. Никишата Момотов Василий Александрович (православный) рассказал о том, что недавно звонила главный зоотехник фермы, спрашивала, венчаны ли, если венчаты, то ей нужно было венчальное кольцо, чтобы вывести лошадей из лога, лошади потерялись недели две назад, а найти их никак не могут. Тропы в лесу видят, а потом они вдруг исчезают»⁶³. А через день в селе Соколово уже от старообрядки студентка узнала подробности гадания по кольцу.

Магия входила в повседневную практику обратного воздействия человека на природу — непокоренная, она «отменяла» созерцательную неспешность и становилась актуальной, когда необходимы были оперативные действия — потерялись ведь лошади, что тут сделаешь.

* * *

Одно из самых оригинальных и значительных направлений в русской средневековой книжной графике — тератологический орнамент, украшавший рукописи. Характерная особенность тератологии — неразрывная комбинация причудливых животных форм и плетения. «Причем в инициалах сочетание плетения со звериными мотивами не дают ясного каркаса или контура буквы. Объясняется это тем, что очертания животных, опутанных плетением, настолько произвольны, что нарушают основной контур буквы и делают ее нечеткой. Позднее, с переходом на Русь, недостаток этот в новгородской письменности восполняется синим или серовато-голубым фоном. Как в инициалах, так и в заставке, синий фон до известной степени намечает очертания инициала»⁶⁴.

Ухватить неготовность бытия русской традиционной культуры принять четкую форму, восстановить переплетение множества смыслов в исследовании, намечающим контуры, очертания традиции, не впадая в «невроз рубрикации», членищей действительность, и не вовлекаясь в новый поворот и в гуманитарном знании, для которого все смыслы существуют как рядоположенные, — задача, стоящая перед исследователями. Перед учителями и учениками.

---

⁶² Архив... Верхокамье, 2001 г. Дневник Н. Панкратова. С. 37-38.

⁶³ Архив... Верхокамье, 1999 г. Дневник И. Редьковой. С. 42.

⁶⁴ Щепкина. 1974. С. 219.

Если бы не академические рамки проекта, в ракурсе изложенных задач, стоящих перед исследователями, данную статью можно было бы назвать так: «Поиск эйдоса на форуме полей и метафизическое “ку-ку” русской традиционной культуры». Необходимо расширять поле внутренних взаимосвязей в культуре, нелинейных по своей природе, чтобы собственную глухоту не приписать реальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье, 1999 г. Дневник И. Редьковой. 96 с.
- Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье, 1999 г. Дневник Ю. А. Писаревского. 96 с.
- Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье, 2000 г. Дневник И. Куликовой. 96 с.
- Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье, 2000 г. Дневник И. Соломина. 96 с.
- Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье, 2000 г. Дневник А. Назаровой. 96 с.
- Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье, 2000 г. Дневник В. Трухина. 96 с.
- Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье, 2001 г. Дневник Н. Панкратова. 96 с.
- Архив Археографической лаборатории МГУ. Верхокамье. 2000 г. Дневник М. Лебедь. 96 с.
- Архив Археографической лаборатории МГУ. Вятка, 2001 г. Дневник А. Дадыкина и А. Исэрова. 96 с.
- Бахтина О. Н., Дутчак Е. Е.* От «книги читаемой» к «человеку читающему»: из опыта работы археографической экспедиции Томского университета (1986–2006 гг.) // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья. История, книжность и культура российского старообрядчества. Часть 2. Ярославль: Ремдер, 2008. С. 285-299.
- Богданов А. К.* О крокодилах в России. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 352 с.
- Громов М. Н., Мильков В. В.* Идеиные течения древнерусской мысли. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 960 с.
- Джидарьян И. А.* Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: «Алетейя», 2001. 242 с.
- Дулькейт Т.* Лыковы. Бийск: Формат, 2005. 111 с.
- Дутчак Е. Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: Адаптационные возможности таежных общин староверов-странников. Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2007. 414 с.
- Кропоткин П. А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2007. 240 с.
- Кулакова И. П.* Университетское пространство и его обитатели. М.: Новый Хронограф, 2006. 336 с.

- Пименова Л. А.* Тело, семья, машина: игра социальных метафор во Франции XVIII в. // Одиссей: человек в истории. История как игра метафор. Метафоры истории, общества и политики. М.: Наука, 2007. С. 148-168.
- Померанц Г. С.* Вокруг предвечной башни // Дружба народов. 1996. № 10. С. 149-156.
- Рашковский Е. Б.* Постмодерн: культурная революция или культурная контрреволюция? // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сб. 4. Мировая культура на пороге XXI века. М.: ИМЭМО РАН, 1999. С. 9-86.
- Рашковский Е. Б.* Религиозная динамика эпохи постмодерна. В печати.
- Рашковский Е. Б.* Смыслы в истории: исследования по истории веры, познания, культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 376 с.
- Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. М.: «Индрик», 2003. 464 с.
- Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
- Тогоева О. И.* «Мертвец возвращается к свету...»: религиозные метафоры средневекового правосознания // Одиссей: человек в истории. История как игра метафор. Метафоры истории, Общества и политики. М.: Наука, 2007. С. 111-126.
- Шемякина О. Д.* Концепция барочности Алехо Карпентьера и типы творческой активности российских предпринимателей // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 114-125.
- Шеффер К.* Немой свидетель. М.: «Иностранка», 2008. 320 с.
- Шкловски Е.* Аквариум. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 608 с.
- Шубарт В.* Европа и душа Востока. М.: Эксмо, 2003. 480 с.
- Щепкина М. В.* Тератологический орнамент // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. II. М.: Наука, 1974. С. 219-239.
- Яковенко И. Г.* Манихео-гностический комплекс русской культуры // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М.: Наука, 2007. С. 73-194.
- Яркова Е. Н.* Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 392 с.

Шемякина Ольга Дмитриевна, старший лаборант археографической лаборатории истфака МГУ, shemyakinX3@gmail.com.

ИСТОРИЯ НАСТОЯЩЕГО

Е. А. ОСИПОВ

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИДЕИ ЖОРЖА ПОМПИДУ

В статье анализируются выдвинутые вторым президентом Пятой республики тезисы по «завершению, углублению и расширению» ЕЭС.

Ключевые слова: *Президент Франции, ЕЭС, «Общий рынок», конфедерация.*

Создание «объединенной Европы» — один из наиболее значимых факторов в истории международных отношений XX века. Началом европейской интеграции принято считать так называемый «план Шумана» (по фамилии министра иностранных дел Франции Робера Шумана) 1950 г., который предусматривал объединение металлургической, каменно-угольной и железнодорожной промышленности. Эту идею поддержали шесть стран: Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция и ФРГ. Именно тогда и образовалась «шестерка» европейских государств, которым было суждено начать строительство единой Европы.

В 1951 г. на основе «плана Шумана» появилось Европейское объединение угля и стали (ЕОУС). В 1957 г. был сделан следующий, очень важный, шаг на пути к европейской интеграции. Речь идет о двух подписанных в Риме договорах, декларировавших создание Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Римский договор значительно расширил сферу интеграционного строительства. Первостепенное значение имело учреждение ЕЭС (или «Общего рынка»), предусматривавшего создание таможенного союза стран-членов, ведение общей аграрной и торговой политики, а также проведение дополнительных мероприятий, направленных на углубление сотрудничества.

Европейская составляющая голлизма предполагала строительство независимой (или «европейской», т.е. свободной от вмешательства как со стороны СССР, так и США) и конфедеративной Европы. Эти идеи вступали в противоречие с взглядами «отцов» европейской интеграции. Для де Голля создание любого наднационального института было неприемлемо. «Объединенную Европу» он видел только как «Европу отечеств», конфедеративный союз, в котором каждое государство сохраняло бы свой суверенитет: «Нет сомнения в том, что народы, которые объе-

диняются, должны сохранять свою самобытность и что путь, по которому нужно идти, это путь организованного сотрудничества государств, ведущего к образованию могущественной конфедерации»¹. Он также заявлял, что «нужно построить конфедерацию, то есть коллективный организм, в котором различные государства, не теряя своей территории, своей души и неповторимого лица, делегировали бы часть своего суверенитета в областях стратегии, экономики, культуры»². Цель де Голля заключалась «в адаптации французского общества и государства к вызовам времени, при сохранении в то же время национальной идентичности французов, их верности наследию великого прошлого страны»³. Для этого необходимо было создать инструменты гармонизации экономических, научных, технических и политических усилий стран «Общего рынка».

Жорж Помпиду, многолетний соратник де Голля, в основных чертах продолжил политику генерала. В 1969 г., когда он стал президентом Франции, «Общий рынок» находился на переходном этапе своего существования. Таможенный союз к тому времени уже был создан, теперь странам ЕЭС предстояло перейти к следующей фазе интеграции.

В июле 1969 г. Помпиду выдвинул свою европейскую программу, ставшую в итоге стержнем всей его внешней политики. Программа подразумевала «завершение, углубление и расширение» ЕЭС. Под «завершением» имелись в виду конец переходного этапа, приведшего к созданию таможенного союза, выработка единой сельскохозяйственной политики и создание однородного экономического пространства в рамках «Общего рынка». «Углубление» означало развитие кооперации в различных сферах. Речь шла о сотрудничестве в таких областях, как «техника, наука, энергетика, транспорт, права человека и, что очень важно, финансовое и валютное сотрудничество»⁴. Планировалось создание экономического и валютного союза. Предполагалось и развитие сотрудничества в сфере политики, то есть в конечном итоге «углубление» означало превращение союза шести стран в настоящее сообщество. «Расширение» же должно было привести к принятию в ЕЭС новых стран, в том числе Великобритании.

На совещании в Гааге в декабре 1969 г. программа Помпиду была принята всеми странами ЕЭС. По выражению известного журналиста Андре Фонтена «саммит в Гааге закончился с успехом, на который ни-

---

¹ Цит. по: *Prat*. 1996. С. 57.

² *Gaulle*. 1970. P. 574.

³ *Рубинский*. 2004. С. 40.

⁴ Цит. по: *Coûté, Visine*. 1974. P. 105.

кто не надеялся еще несколько месяцев назад»⁵. В ходе переговоров удалось прийти к соглашению по вопросу об общей сельскохозяйственной политике, важность которой Помпиду неоднократно подчеркивал в своих выступлениях. Так, 22 декабря 1971 г. он заявил следующее: «Если общий сельскохозяйственный рынок будет подорван, то в тот же момент... исчезнет надежда на экономический и валютный союз, не будет больше перспективы для политического союза»⁶. В Гааге участники совещания договорились, что все вопросы, касавшиеся сельского хозяйства, должны быть урегулированы еще до конца 1969 г., что являлось безусловным успехом французской делегации и лично президента.

В 1970 г. в соответствии с решениями гаагского саммита был создан так называемый «комитет Вернера» (по фамилии премьер-министра Люксембурга Пьера Вернера). В феврале 1971 г. он был утвержден на Совете Министров ЕЭС. За 10 лет участники союза собирались в три этапа решить следующие задачи: ввести полную взаимную обратимость валют, обеспечить свободу передвижения капиталов, объединить все официальные золотовалютные резервы и создать фонд валютного сотрудничества; твердо зафиксировать обменные курсы и, возможно, перейти к единой валюте⁷. Однако, «план Вернера» не был осуществлен из-за разразившегося экономического кризиса.

Европейская программа Помпиду, будучи планом действий на ближайшее время, предусматривала развитие политического сотрудничества, однако, строительство подлинного политического объединения, то есть Европейского союза, в качестве конечной цели в ней не значилось. Европейский союз был делом отдаленного будущего.

Помпиду, как и де Голль, в единой Европе видел прежде всего средство усиления французского государства, защиты национальных интересов. Франция должна была сама решать свою судьбу, следовательно, не могло быть и речи о делегировании суверенитета какому-либо наднациональному органу. С другой стороны, Франция стремилась к повышению своей роли в международных делах, что подразумевало политическое сотрудничество между странами ЕЭС, так как в одиночку она не имела возможности противостоять США или СССР. Все это неизбежно вносило некоторые противоречия во взгляды французского президента. Историк Шарль Деббаш верно отмечает, что «Помпиду отказывался от политического союза, но при этом был первым

---

⁵ *Fontaine*. 1970. № 190. P. 16.

⁶ *Pompidou*. 1975. P. 90.

⁷ Европейский союз... 2003. С. 134.

сторонником политического взаимопонимания между “девяткой”⁸. Действительно, политическая составляющая европейской концепции Помпиду не шла дальше консультаций, обменов мнениями или переговоров для сближения позиций. Наследник де Голля никогда не отвергал саму идею Европейского союза, но выступал за постепенное, поэтапное движение к конечной цели, до которой было еще очень далеко. В выступлении от 2 июля 1970 г. Помпиду заявил: «Все зависит от того, что называть политическим сотрудничеством. Я сторонник того (и мы уже на это согласились), чтобы правительства и министры иностранных дел встречались и обсуждали не только внутренние проблемы, но и проблемы политики в целом. В ходе таких встреч они могли бы не только информировать друг друга, но и консультироваться, и по возможности гармонизировали свои позиции. Что касается мыслей о том, что завтра будет создана общая европейская политика... Европейская политика станет реальностью в тот день, когда, по меньшей мере, будет создана европейская конфедерация. Со своей стороны я нахожу возможным и желательным двигаться к европейской интеграции поэтапно». В том же выступлении он пояснил, что страны-участницы ЕЭС руководствуются слишком разными целями и ведут разную политику, «поэтому на настоящий момент нет никаких шансов, что политика будет общей»⁹.

Аналогичные мысли Помпиду высказывал и относительно властных институтов сообщества. Он выступал против расширения полномочий таких органов, как Комиссия европейских сообществ и Европейский парламент: «Я враждебно отношусь к расширению власти Комиссии. Никто не должен думать, что однажды Европой станет управлять этот орган <...> Позже, возможно будет создано правительство Европы, состоящее из собрания высших представителей стран-членов, а не из комиссии, которая должна выполнять только второстепенную роль координации и исполнения <...> В целом я не против всеобщих выборов в Европейский парламент, но это произойдет не завтра. И в любом случае, даже избранные напрямую народом, европейские парламентарии не должны стоять выше, чем национальные законодательные органы»¹⁰.

Помпиду последовательно выступал за конфедеративную «Европу государств», идентичную «Европе отечеств» де Голля. Он много раз повторял, что наднациональная Европа невозможна в существующих условиях и что единственный реальный вариант интеграции — объеди-

---

⁸ *Debbasch*. 1974. P. 157.

⁹ *Pompidou*. Op. cit. P. 79-80.

¹⁰ *Roussel*. 1984.

нение по конфедеративному принципу. В большинстве случаев Помпиду не уточнял, что конкретно имеется в виду под термином «конфедерация». Однако, 19 мая 1971 г. в интервью бельгийской газете «Суар» он сделал следующее заявление: «Для меня речь идет о конфедерации государств, которые отказываются от своих прерогатив по отношению к институтам сообщества только на добровольной основе и только ради развития самого сообщества. Важно сохранить внутри союза богатство национальных различий»¹¹. 21 января 1971 г. Помпиду снова высказался по этому вопросу: «Речь может идти только о создании на основе того, что существует, конфедерации государств, решивших гармонизировать свою политику и интегрировать свою экономику, и если так будет, то мы увидим, что спор о наднациональности — ложный спор»¹².

Очевидно, что именно «Европа государств» отвечала национальным интересам Франции, так как в федеративной, наднациональной Европе, неизбежно увеличилось бы влияние других членов Сообщества (особенно, если учитывать планы расширения ЕЭС), что автоматически снизило бы влияние Франции. Сохранению лидирующего положения Франции внутри Европы должен был помочь и принцип принятия важных решений путем единогласного голосования. Для Помпиду этот вопрос имел большое значение. Он говорил: «Если все придерживаются одного мнения, то все хорошо; если нет, возникает большинство и меньшинство. В этом случае, меньшинство, понимая, что вопрос не жизненно важен, уступает, или думает наоборот и раскалывает коалицию. Вполне очевидно, что при нашей европейской концепции нельзя ничего разрывать, иначе все разрушится. Отсюда я делаю вывод, что важные решения могут приниматься только единогласно»¹³. Такой принцип голосования позволял Франции быть застрахованной от невыгодных ей решений со стороны других участников «объединенной Европы».

Таким образом, политическую часть европейской программы Помпиду составляли мысли о поэтапном, медленном строительстве единой Европы, в которой каждая страна сохраняла бы свою национальную идентичность. Полноценный политический союз как конечная цель всего европейского проекта французским президентом не отвергался, но пока для Помпиду строительство единой политической Европы означало прежде всего координацию действий между лидерами го-

---

¹¹ Цит. по: *Cousté, Visine. Op. cit. P. 32.*

¹² *Ibid. P. 113.*

¹³ *Ibid. P. 42.*

сударств и гармонизацию отношений между странами. Только в этом смысле можно было говорить о единой европейской политике.

Помимо «завершения» и «углубления» программа Помпиду предполагала еще и «расширение» ЕЭС. Пожалуй, это была одна из главных дипломатических задач Франции в рассматриваемый период. Политика, направленная на «расширение», должна была открыть двери в Сообщество для новых стран, и, прежде всего, для Великобритании. Известно, что в период президентства де Голля отношения между Францией и Англией были достаточно сложными. Переговоры о вступлении Великобритании в ЕЭС открылись еще в начале 1960-х гг., но прийти к соглашению стороны так и не смогли. Генерал дважды, в 1963 и 1967 гг., накладывал вето на продолжение переговоров с британской делегацией.

Де Голль был настроен против кандидатуры Великобритании в первую очередь из-за «особых отношений» между США и Англией, которые, в случае вступления последней в «Общий рынок», могли бы изменить саму сущность ЕЭС. Великобритания, по его мнению, вела недостаточно «европейскую» политику и, следовательно, не соответствовала принципу «европейской» Европы. Отметим, что изначально для де Голля единая Европа была союзом между Францией и ФРГ, а Англия могла стать его частью только в качестве ассоциированного партнера.

В период президентства Помпиду Великобритания все-таки стала членом «Общего рынка». Было ли это связано с изменением курса французской дипломатии, или же стороны пошли на взаимные уступки в силу объективных причин, которые нельзя было игнорировать? Более логичным представляется второй вариант.

По словам французских исследователей Кусте и Визина, «Европа для де Голля была возможностью, а для Помпиду — необходимостью»¹⁴. Действительно, для генерала в 1963 и 1967 гг. достижение договоренности с Великобританией не было жизненно важной целью, да и английское правительство не имело достаточной воли, чтобы преодолеть все трудности, возникшие в ходе переговоров. Для Помпиду же Европа стала приоритетным направлением внешней политики. Расширение ЕЭС и принятие в него Англии было на самом деле необходимо для Франции в рассматриваемый период по целому ряду причин.

Главной причиной была все усиливающаяся экономическая мощь ФРГ. Как мы уже говорили, основой первоначальной европейской концепции голлизма был союз между Францией и ФРГ. Однако, со временем в нее пришлось вносить коррективы. Елисейский договор 1963 года

---

¹⁴ *Coûté, Visine. Op. cit. P. 10.*

стал одновременно и кульминацией и началом охлаждения во франко-западногерманских отношениях. С одной стороны, он предусматривал активизацию сотрудничества, регулярные встречи на высшем уровне, но с другой стороны, в текст договора по настоянию германского правительства была включена статья о приоритетных отношениях с НАТО, что не входило в планы французской дипломатии.

К 1969 г. экономическое лидерство Западной Германии в Европе было очевидным для всех. Без сомнения, у Франции были свои неоспоримые преимущества перед ФРГ в других областях, прежде всего военной. Но в годы президентства Помпиду мир был уже не таким как в 1950–60-е гг. Достижение военного паритета между СССР и США привело к понижению роли военной силы. На первый план в международных делах выходила экономическая мощь, в которой Франция (как и Англия) сильно уступала Западной Германии. Усиление ФРГ ставило под угрозу лидерство Франции в «объединенной Европе». Было понятно, что со временем именно Западная Германия будет диктовать свою волю в ЕЭС. Великобритания же могла стать неким противовесом (речь идет о триумvirате Париж-Лондон-Бонн, в котором все три страны будут взаимно уравнивать друг друга). Скорее всего именно поэтому Помпиду выступил инициатором расширения Сообщества. Такого мнения придерживаются многие исследователи данного вопроса. Например, Андре Фонтен пишет: «Помпиду понимал, что Бонн рано или поздно будет доминировать в Сообществе»¹⁵.

Зимой 1968–1969 гг. Помпиду еще будучи премьер-министром в разговоре с английским дипломатом заявил, что, «если он станет президентом, то не будет противиться вступлению Соединенного Королевства в “Общий рынок”». А 14 мая 1969 г., во время предвыборной президентской кампании, он отметил, что «было бы неразумно оставлять Англию за пределами Европы»¹⁶. Таким образом, еще не став президентом, Помпиду уже четко сформулировал свое положительное отношение к вопросу о расширении Сообщества.

Помпиду, как и де Голль, был сторонником «европейской» Европы, независимой от американского влияния. Существует мнение, что к концу 1960-х гг. «особые» англо-американские отношения ушли в исто-

---

¹⁵ Fontaine. 1982. P. 159. А. Гроссер писал: «Вступление Великобритании в Сообщество, без сомнения, не состоялось бы, если бы Париж не беспокоился по поводу усиления ФРГ» (Grosser. 1984. P. 242).

¹⁶ Цит. по: Roussel. Op. cit. P. 369.

рию¹⁷. Для нас важно, что сам Помпиду по-прежнему находил англо-американские отношения «особыми». Такой вывод следует из выступления президента на пресс-конференции, где он говорил: «...Мы видим Великобританию, которая хочет войти в Сообщество, но в то же время, сохраняет особые отношения с США, которые находятся не в Европе...»¹⁸. Но эти отношения были «особыми» в политической или военной сферах. Помпиду же в первую очередь думал об экономике¹⁹.

Расширение ЕЭС было необходимо для Помпиду еще и потому, что все остальные пять партнеров Франции по европейскому строительству, жизненно заинтересованные во вступлении Великобритании в ЕЭС, отказывались от дальнейшего продвижения по пути интеграции, пока не будет положительно решен британский вопрос. Став президентом, Помпиду однажды сказал: «Когда я пришел к власти, Европа, в действительности, была в тупике. Наши партнеры по Европе шести не хотели, чтобы Англия оставалась за ее пределами. Великобритания не могла мириться с Европой шести, которая в какой-то степени ей напоминала о наполеоновской империи и континентальной блокаде»²⁰. Расширение ЕЭС позволило «объединенной Европе» развиваться дальше. Добавим к этому, что на гаагском совещании, по словам самого французского президента, все проблемы, касающиеся функционирования общей сельскохозяйственной политики, были улажены в обмен на возобновление переговоров с Англией. Таким образом, быстрое решение важного для Франции сельскохозяйственного вопроса стало возможным благодаря вступлению Великобритании в «Общий рынок».

Расширение ЕЭС было выгодно Франции и тем, что английское руководство тоже представляло будущую Европу как конфедеративный союз государств. Известно, что страны Бенилюкса стояли на федералистских позициях относительно будущего развития Европы. Они выступали за такую структуру Европы, в которой решения принимались большинством голосов, что заставило бы более крупные страны учиты-

---

¹⁷ Известный историк Ф. Бедарида отмечает: «Лишь растущее отчуждение между всемогущей заокеанской державой и утрачивающей влияние Великобританией, слишком поздно вернувшей свое благорасположение Европе, в шестидесятые годы показало, что выражение «особые отношения» безнадежно устарело, а обозначаемого им понятия давным-давно не существует». — *Бедарида*. 2009. С. 267.

¹⁸ *Pompidou*. Op. cit. P. 79-80.

¹⁹ По словам Ю. И. Рубинского, «в его прагматичной шкале приоритетов независимость и величие Франции определялись не столько политическими или военными, сколько прежде всего экономическими категориями». — *Рубинский*. 2004. С. 40.

²⁰ *Pompidou*. Op. cit. P. 127.

вать их интересы. За федеративную Европу выступала и ФРГ. Таким образом, Франция в лице Англии нашла себе союзника в решении очень важного вопроса о политической структуре будущего объединения.

Немаловажной причиной были и интересы торговли. Дело в том, что франко-британская торговля в 60-е гг. развивалась крайне медленно. Так, Франция в 1969 г. экспортировала в Соединенное королевство товаров на сумму примерно в 3 миллиона франков, что составляло всего 4% от общего экспорта²¹. Примерно такие же цифры можно привести и относительно французского импорта из Великобритании. Выше приведенные данные показывают, что для развития франко-британской торговли расширение ЕЭС было необходимо.

Отметим еще и тот факт, что Великобритания была лидером ЕАСТ, альтернативного европейского объединения, конкурирующего с ЕЭС. Вступление Англии в «Общий рынок» означало, что отныне будущее проекта по объединению Европы будет связано именно с ЕЭС.

Итак, расширение «Общего рынка» и вступление в него трех новых стран, включая Великобританию, не было изменением французской дипломатии и отходом от голлистских принципов²². Голлистская внешнеполитическая концепция, как и любая другая доктрина, предполагает постановку глобальной цели. Но методы ее достижения меняются в зависимости от времени и обстоятельств. Сам де Голль неоднократно менял направления своей дипломатии, и это не было отходом от голлизма. В целом, переговоры закончились удачно благодаря обоюдному желанию идти на компромисс, вызванному объективными факторами.

Европейская политика Помпиду, конечно, была более прагматичной и не такой эмоциональной, как дипломатия до Голля, но она оставалась в рамках голлизма.

Подводя итоги, отметим, что в годы президентства Помпиду произошло первое расширение «Общего рынка». «Шестерка» стала «девяткой», соперничество между двумя проектами европейского объединения разрешилось в пользу ЕЭС. Начала функционировать общая сельскохозяйственная политика. Единая Европа развивалась по конфедеративному принципу. Сотрудничество в области политики не выходило за рамки консультаций, совещаний и попыток гармонизации позиций. Что касается экономического развития, то в рассматриваемый период странам ЕЭС

---

²¹ Notes et études documentaires... Р. 48.

²² По мнению французской обозревательницы Женевьевы Табуи: «Ликвидация конфликта основана на сближении взглядов двух правительств. Это не является результатом изменения французской политики». (Цит. по: *Лебедев*. 1988. С. 55).

не удалось добиться в этой области значительных успехов. Амбициозный «план Вернера» в силу объективных причин осуществлен не был. Однако, в начале 1970-х гг. получили свое дальнейшее развитие многие глобальные экономические идеи (например, введение единой европейской валюты), которые были реализованы позднее.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бедариде Ф.* Черчилль. М.: Молодая гвардия, 2009.
- Европейский союз: справочник-путеводитель / Под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко, И. Д. Иванова. М.: Деловая литература, 2003.
- Лебедев А. А.* Очерки британской внешней политики. М.: Международные отношения, 1988.
- Прат А.* Франция в Европе. М.: Воскресенье. 1996.
- Рубинский Ю. И.* Национальная идея в политической культуре Франции. М.: Огни, 2004.
- Coüsté P.-B., Visine F.* Pompidou et l'Europe. P.: Litec, 1974.
- Debbasch Ch.* La France de Pompidou. P.: P.U.F., 1974.
- Fontaine A.* Histoire de la «detente», 1962–1981: Un seul lit pour deux rêves. P.: Fayard, 1982.
- Fontaine A.* Une diplomatie moins ombrageuse // Le monde diplomatique. 1970. № 190.
- Gaulle Ch. de.* Discours et messages. Dans l'attente. P.: Plon, 1970.
- Grosser A.* Affaires extérieures: La politique de la France, 1944–1984. P.: Flammarion, 1984.
- Notes et études documentaires. 1970. № 3725-3726.
- Pompidou G.* Entretiens et Discours. 1968–1974. P.: Plon, 1975.
- Roussel E.* Le Président d'avant la crise. Saint-Amand: Marabout, 1984.

Осипов Евгений Александрович, аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук; kolesnicgonitel@yandex.ru.

Н. И. ПУПЫКИН

ОТ ГОЛЛИЗМА К НЕОГОЛЛИЗМУ ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕОЛОГИИ И ПОЛИТИКИ

В статье представлен анализ эволюции идеологии голлизма на рубеже XX–XXI вв. Рассматриваются основные постулаты идеологии голлизма, особенности неоголлизма как идейно-политического течения, социально-экономическая и политическая эволюция базовых принципов идеологии голлистской партии в разных сферах государственного развития.

Ключевые слова: ОНР, ЮМП, голлизм, неоголлизм, Ш. де Голль, Ж. Ширак, Н. Саркози, Конституция Франции, НАТО, ЕС.

Голлизм занимает особое место среди идейно-политических течений современной Франции. На протяжении всей истории Пятой республики важную политическую роль играла голлистская партия. Следует отметить, что за это время партия несколько раз меняла свое название. Все началось с появления в 1946 г. Объединения французского народа (РПФ). Основанный в 1958 г. Союз за новую республику (ЮНР) в 1962 г. после присоединения к нему левоголлистского Демократического союза труда (ЮДТ) стал ЮНР-ЮДТ. В 1967 г. партия была переименована в Союз демократов за Пятую республику (ЮД-У), перед парламентскими выборами 1968 г. она поменяла название на Союз демократов за республику (ЮДР). Все эти партии были созданы еще при жизни генерала де Голля и за редким исключением придерживались идеологии традиционного, ортодоксального голлизма.

В декабре 1976 г. Жаком Шираком была образована партия Объединение в поддержку республики (ОПР). Именно в этот период появились понятия «ширакизм» и «неоголлизм», с которыми многие исследователи связывают обновление традиционной идеологии и появление неоголлизма как политического течения. В 2002 г. после первого тура президентских выборов был образован Союз за президентское большинство (ЮМП) с целью поддержки кандидатуры Ж. Ширака. Данный блок включил в свои ряды представителей ОПР, либеральных демократов и некоторых членов центристской партии Союз за французскую демократию (СФД). Позже новая политическая сила была переименована в Союз за народное движение (ЮМП).

Вхождение ОНР в ЮМП вызвало бурю возмущений со стороны многих голлистов. В прессе появились гневные статьи, заявлявшие о «смерти» голлизма. Известный историк Рене Ремон заявил: «Похоронив свою партию, представители ОНР порвали с идеологией Генерала. Вот почему это объединение правых символизирует исчезновение голлизма»¹. Однако инициаторы создания ЮМП говорили о другом. Министр обороны кабинета Доминика де Вильпена Мишель Алльё-Мари объявила лишь о сближении партий, обвиняя всех критиков в архаизме².

Современные неоголлисты постоянно обращаются к наследию основателя Пятой республики. Однако все больше исследователей, особенно во Франции, говорят о смерти голлизма как политического течения: «То, что носит имя голлизма находится отныне в правом лагере <...>, а неоголлизм, который воплощает ширакизм, является узким голлизмом <...>, обедненным идеологически»³. В 1990 г. Жак Ширак заявил, что необходимо «строить современный голлизм»⁴. В связи с этим невозможно изучать идеологию современного неоголлизма, не обратившись к его корням.

Наиболее очевидная связь современных неоголлистов с наследием генерала де Голля просматривается в их взглядах на государственный строй Франции. Свои идеи по вопросу конституционного строительства де Голль изложил еще в послевоенные годы. Они заключались в том, что исполнительная и законодательная власть должны быть разделены, и что более широкими полномочиями должен обладать президент: «Именно ему должно принадлежать право назначать министров и, прежде всего, премьер-министра, который руководит политикой и работой правительства»⁵. После принятия Конституции 1958 г. многие современники оценили новый режим как систему персонализированной власти де Голля. Однако преданные голлисты так не считали. Давний соратник генерала Мишель Дебре говорил, что исторически во Франции «всякая концепция демократии видит априори в президенте и главе государства опасность и угрозу для Республики»⁶ и призывал отказаться от этих пережитков. Советский исследователь голлизма Н. Новиков указал на то, что «по существу, в Пятой республике действуют буржуазно-демократические инсти-

---

¹ Rémond. 2002.

² Rossi-Landi. 2002.

³ Rémond. 1982. P. 334-335.

⁴ См.: Lachaise. 1994. P. 25.

⁵ Discours du général de Gaulle à Bayeux... 1959. P. 191.

⁶ Debré. 1959. P. 21-22.

туты, которые приобрели авторитарный характер в силу исключительных социально-политических условий⁷. Хотя полностью авторитарной власть президента считать нельзя, поскольку переход ему больших полномочий не означал искоренения демократических свобод, завоеванных предшествующими революциями и республиками, а наоборот, помог перейти к более эффективному централизованному руководству экономикой, что принесло позже ощутимые плоды.

Политическая система Пятой республики выдержала испытание временем на протяжении сорока с лишним лет. Это в особенности доказали два президентства социалиста Ф. Миттерана (1981–1995). Вплоть до 2000 г. в Конституцию 1958 г. было внесено всего 12 поправок, которые по существу не затронули основ государственных институтов. Однако постепенно представители ОНР поменяли свое отношение к институту президентства. Здесь прослеживается первый разрыв с идеологией традиционного голлизма. Ж. Ширак предложил сократить срок президентских полномочий с семи до пяти лет. Его главным аргументом стало наличие во Франции практики «сосуществования» президента и премьер-министра, представляющих разные политические лагеря. По его замыслу, выборы главы государства и в Национальное собрание должны проходить в один год. Подобное предложение вызвало широкую полемику в политических кругах. После принятия данной поправки политолог Роббер Понсейри заявил, что это изменение характеризует «не поворот в истории Пятой республики, как это было в случае роспуска Национального собрания в 1997 г., а конец “деголлевской Республики”»⁸. Свое мнение о новой редакции Конституции высказывали и видные правые деятели. Руководитель фракции ОНР в Национальном собрании Жан-Луи Дебре отметил, что «эта реформа идет в разрез с желанием создателей Конституции 1958 г., так как ускоряет политические ритмы. Но, в конце концов, наши институты постоянно обеспечивают легитимность, преемственность и эффективность политической власти»⁹.

При этом у большинства французов данная поправка не вызвала особого интереса. В референдуме 24 сентября 2000 г. приняли участие 30,19% от числа лиц, имеющих право голоса (самый низкий процент участия), из них положительный ответ дали 73,2%, отрицательный — 26,8%. Многие аналитики отметили также значительное число воздер-

---

⁷ Новиков. 1984. С. 58.

⁸ Boissieu. 2006.

⁹ Debré. 2006.

жавшихся граждан, оставивших бюллетени для голосования пустыми — 16,09% принявших участие в народном волеизъявлении.

После референдума усилились призывы созвать Конвент в поддержку Шестой Республики «с подлинной парламентской властью» ради развития демократии. Голлистские деятели полагают, что подобные призывы исходят от сторонников «европейского федерализма» и «регионализма» и направлены на ликвидацию Пятой республики с помощью «парламентских олигархий»¹⁰. Накануне выборов 2007 г. вновь развернулись дебаты о необходимости реформы государственных институтов, поскольку опросы общественного мнения показывали, что 53% французов считали, что демократия во Франции не функционирует как положено¹¹. Тем не менее, лидеры правых отказывались от любых идей по пересмотру Конституции 1958 г. На партийном съезде ЮМП в феврале 2007 г. кандидат на пост президента Николя Саркози заявил, что «французская демократия не нуждается в новой конституционной революции»¹². Однако он не отрицал возможного введения пропорциональной системы избрания в Сенат, что позволило бы оппозиционным и небольшим партиям получить представительство в верхней палате парламента. После победы на выборах Саркози не предпринял значимых шагов в данном направлении.

Другой разрыв неоголлизма с голлистской практикой кроется в политической ответственности главы государства перед нацией. С момента своего прихода к власти де Голль не переставал говорить о доверии народа, упомянутом им еще в 1962 г. во время первого референдума Пятой республики. Следуя этому принципу, генерал ушел в отставку с поста президента республики на следующий день после поражения на референдуме 1969 г. по вопросу о поддержке региональной реформы и преобразования Сената. В 1997 г. Ширак, имевший на своей стороне подавляющее большинство правых депутатов в Национальном собрании (до весны 1998 г.), решил распустить парламент и назначить досрочные выборы. Однако лидер правых отказался покинуть свой пост после убедительной победы левых сил. Не сделал он это и в 2005 г., после провала проекта европейской конституции на всенародном референдуме.

---

¹⁰ Новиков. 2001. С. 24.

¹¹ Le Monde, 26 mars 2007.

¹² Discours de Nicolas Sarkozy... URL: http://www.u-mp.org/site/index.php/ump/s_informer/discours/le_congres_de_1_u_mp_le_14_janvier_2007 (время доступа 10.10.2008).

Но не стоит полагать, что современные правые полностью отказались от наследия генерала. Голлистская преемственность проявляется в полной мере во внешнеполитическом курсе Франции. В свое время внешняя политика де Голля вызывала критику «атлантистов» и «европеистов», центристских и даже некоторых правых группировок. Тем не менее, его внешнеполитические принципы воспринимались всеми основными французскими политическими партиями, хотя и в разной мере. Они остались основой государственной политики на международной арене во время президентства и лидера независимых республиканцев В. Жискара д'Эстена, и социалиста Ф. Миттерана.

Именно во внешней политике можно увидеть продолжение и развитие идей Шарля де Голля. Жесткая позиция Жака Ширака против американского вторжения в Ирак в 2003 г. неразрывно связана с представлениями де Голля о роли Франции, являющейся союзницей Соединенных Штатов, но независимой от них. Генерал был полон решимости вернуть Франции ее былую международную роль. Он был убежденным сторонником самостоятельной политики Французской республики. Однако существование НАТО лишало Францию независимости в своих действиях. В связи с этим, де Голль был намерен вывести свое государство из военной организации Североатлантического Альянса и снабдить Францию мощным ядерным оружием. В конце концов, он реализовал все эти замыслы, что, безусловно, придало его стране престижа на международной арене. Американский исследователь Вальтер Шульц выделил три основных фактора, побудивших Францию выйти из военных структур НАТО: 1) значительная роль США в принятии решений в Альянсе; 2) несоответствие НАТО военным и стратегическим реалиям времени, поскольку на первый план вышло обладание оружием массового поражения; 3) НАТО в условиях биполярной системы мира лишало Европу самостоятельности в вопросе проведения интеграции¹³.

Несмотря на то, что с 5 декабря 1995 г. Жак Ширак вернул Францию в Военный комитет НАТО, он сохранил приверженность нейтральному атлантическому вектору внешней политики. Некоторое углубление сотрудничества Франции с НАТО вызвано двумя основными причинами. Во-первых, европейские и французские вооруженные силы не могли самостоятельно решать военные задачи, что показали события в бывшей Югославии. Во-вторых, отсутствие Франции в военных органах Альянса ограничивало ее возможности участвовать в решении мировых проблем. К тому же Ширак стремился таким образом выторговать у

---

¹³ См.: *Schutze*. 1966. P. 112.

США право для европейцев распоряжаться силами НАТО в Европе по своему усмотрению, однако получил жесткий отказ.

Значительное изменение идеологии неоголлистов в атлантическом вопросе произошло уже после ухода Ширака из Елисейского дворца. В марте 2009 г. Николя Саркози заявил, что «настал момент полностью вернуть страну в военные структуры НАТО»¹⁴. Саркози напомнил, что курс на постепенное сближение с НАТО был инициирован его предшественниками — Франсуа Миттераном и Жаком Шираком, но проводился «негласно». С резкой критикой президентской инициативы выступили два бывших премьер-министра Франции Ален Жюппе и Доминик де Вильпен. Последний в частности посчитал этот шаг «ошибкой, которая заставит Францию пойти на унижительные условия другой страны»¹⁵. Тем не менее, предложение президента было одобрено парламентом.

Наиболее острые споры в неоголлистской среде вызвало другое направление внешнеполитического курса Франции — европейское строительство. Голлистская Европа — это, с одной стороны, «Европа государств», исключая всякую наднациональность, с другой, — «европейская Европа», то есть свободная и независимая от сверхдержав, точнее от США. Де Голль считал возможным объединение Европы только при сохранении суверенитетов государств. Он не раз указывал, что «каждый народ отличается от других своей несравнимой, постоянной и не подлежащей изменению индивидуальностью. Если вы хотите объединить народы, не пытайтесь сделать это, как смешивают каштаны в поре»¹⁶. Французский историк Филипп Ульмон убедительно доказывает, что генерал «не верил в европейское Отечество, но допускал возможность прихода к согласию европейских государств посредством принятия межправительственных соглашений»¹⁷. Следуя идеям де Голля, Франция участвовала в создании «общего рынка» и стремилась убедить Великобританию перестать «увлекать за собой Запад к атлантической системе, несовместимой с возможностями европейской Европы»¹⁸.

Эти два тезиса и являются предметом противоречий среди представителей французских правых партий. Значительная их часть критикует современное европейское строительство, указывая на то, что оно наносит удар по национальным суверенитетам. Депутат-голлист Николя

---

¹⁴ L'Express, 8 mars 2009.

¹⁵ L'Express, 1 avril 2009.

¹⁶ *Gaullie de*. URL: <http://gaullisme.free.fr/GEIAReorienter.htm> (время доступа 12.02.2009).

¹⁷ *Oulmont*. 2008. P. 88.

¹⁸ *Антюхина-Московченко*. 1971. С. 101.

Дюпон-Энян раскритиковал «единый ультралиберальный рынок 1990-х гг. и строительство супергосударства, развитие которого вот уже 20 лет возложено на плечи граждан»¹⁹. Однако большая часть голлистов заявляет лишь о делегировании части суверенитета, а не о полном отказе от него. Ширак в частности придерживался лозунга «Европа наций»: «Европейский Союз, федерация государств-наций, будет продвигаться вперед, уважая самобытность и оригинальность каждой из стран, которые входят в него»²⁰. В программе ЮМП, представленной перед парламентскими выборами 2007 года, был сделан акцент на следующие направления европейской интеграции: соблюдение принципов субсидиарности и пропорционального представительства стран; введение постов президента и министра иностранных дел ЕС; усиление роли национальных парламентов в европейском строительстве; разрешение для некоторых стран более углубленной интеграции²¹.

Что касается атлантической политики в отношениях с Европой, то социалист Жак Делор наиболее четко определил «европейский тупик голлизма»: «Если мы желаем настоящей европейской внешней политики, мы должны держать в уме тот факт, что большинство правительств одновременно и европейские, и атлантические... Если Франция исключит атлантические страны, то с кем она будет строить политическую Европу?»²². Концепция Шарля де Голля «европейской Европы», независимой от США, объясняет оппозицию голлистов плану создания Европейского оборонительного сообщества в 1954 г. и противостояние европейских государств французскому проекту политического союза Европы (план Фуше 1962 г.). Некоторые нотки атлантической политики проявились в позиции Франции по вопросу вступления в ЕС стран Восточной и Юго-Восточной Европы, которые в определенной степени находятся в политической зависимости от США. Во многом по этой причине неоголлисты выступают против вхождения Турции в Союз, особенно после 2005 г., объясняя это иными причинами: «В историческом контексте Турция не участвовала ни в одном из главных событий в европейской истории. Что касается географии, только 5% ее территории и 8% населения находятся в Европе»²³.

---

¹⁹ Boissieu. 2005.

²⁰ Chirac. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2004/juin/juin_2004.12663.html (время доступа 15.02.2009).

²¹ См.: *Projet UMP...* 2007. P. 48.

²² Boissieu. 2006.

²³ Turque: NON à l'adhésion... URL: <http://www.u-m-p.org/site/index.php/ump/debattre/dossiers/europe> (время доступа 15.12.2008).

Преимственность политики французских правых прослеживается и в отношениях с Россией. Де Голль выстраивал внешнюю политику на Востоке в духе «привилегированного» партнерства. Еще во время Второй мировой войны генерал сознательно пошел на сближение с СССР, что принесло свои результаты при построении послевоенного мира. Позиции руководителей Французской республики и Советского союза совпадали по многим международным проблемам: арабо-израильский конфликт, война во Вьетнаме. Отношения с СССР были для генерала своеобразным козырем в проведении в жизнь идеи «величия» Франции. В 1990-х гг. после некоторого похолодания в отношениях, связанного с распадом СССР и политикой Москвы в Чечне, Ширак предпринял ряд мер по нормализации отношений, указывая, что «Россия и Франция всегда оставались внимательными партнерами, уважающими друг друга, стремящимися понять друг друга и обеспечить будущее Европы»²⁴. Похожей позиции придерживается и Н. Саркози, который продолжает развивать российско-французские отношения по всем направлениям, особенно в экономике. К тому же президент Франции принял активное участие в переговорах по урегулированию конфликта в Южной Осетии и в реализации плана «Медведев-Саркози». Лидер неоголлистов проявил себя как посредник между ЕС и Россией и активно выступал против возможного применения санкций к Российской Федерации.

Довольно неоднозначна социально-экономическая политика неоголлистов. Одной из главных «ударных идей» генерала было проведение реформы в духе «ассоциации труда и капитала», которая «предполагалась в качестве альтернативы существовавшей системе социальных отношений»²⁵. По мнению представителей голлистского РПФ, она дала бы возможность рабочим и служащим стать соучастниками производства наравне с предпринимателями при сохранении частной собственности. Н. Н. Наумова полагает, что «противопоставляя классовую борьбу трудящихся классовое сотрудничество... голлисты стремились заменить все ранее существовавшие организации рабочего класса»²⁶. Это была своеобразная форма «участия» рабочих в капитале предприятий.

Руководство ОНР с момента образования этой партии очень активно пропагандировало идею «участия». Преобразование социальных отношений в «третий путь» общественного развития рассматривалось ими как прагматическая мера, нацеленная на повышение эффективно-

---

²⁴ Ширак. 1997. С. 51.

²⁵ Арзаканян. 1991. С. 49.

²⁶ Наумова. 1991. С. 42.

сти производства методами материального стимулирования наемных работников в прежней системе «свободного предпринимательства». Как это ни парадоксально, но идея единения нации путем интегрирования рабочего класса была реализована в основном к концу 1980-х гг. благодаря социальным реформам социалистов.

В связи с рассмотрением социально-экономической политики традиционного голлизма уместно задать вопрос: были ли национализации и создание Плана, проведенные де Голлем, проявлением дирижистской идеи, или же они вызваны лишь обстоятельствами, диктуемыми восстановлением хозяйства? В первом случае, неолиберализм, который начал доминировать как на правом, так и на левом политическом фланге с 1983 г., означал бы, что в экономических вопросах голлизм не отличается от других правых течений. Эволюция голлистских идей свидетельствует о том, что дирижизм, хотя и соответствовал «политической философии» голлизма, вовсе не был неизменным ее элементом. Проникновение либеральных идей в политический курс ОНР представляется одним из наиболее явных разрывов с деголлевскими представлениями. Французский политолог Ж. Бадюэн заявил, что «ОНР последовательно освобождалось от деголлевского наследия <...>, чтобы предаться шарму неолиберализма»²⁷. Во втором же случае получается, что каждый волен сам в зависимости от собственного понимания ситуации воплощать тот или иной тип экономической политики. Это частично подтвердило то, что в 1990-х гг. правые правительства Э. Балладюра и А. Жюппе провели серию приватизаций, значительно уменьшив долю государственной собственности и, тем самым, несколько ослабив возможности государства проводить дирижистскую политику.

Безусловно, современные неоголлисты не могут слепо продолжать реализацию идей де Голля. Во-первых, изменилась экономическая обстановка в стране, и уже нет необходимости проводить жесткое планирование хозяйственной деятельности, поскольку многое в современном мире диктует рынок. Во-вторых, некоторые из методов голлистов-основателей не смогут дать тот результат, который они приносили раньше. Однако при этом французская модель управления хозяйством до сих пор является одним из ярких примеров индикативного планирования при сохранении всех институтов рыночной экономики, и никто во Франции не собирается менять что-либо в сложившейся практике, особенно в свете разразившегося в 2008 г. экономического кризиса.

---

²⁷ *Baudouin*. 1984. P. 55.

В целом, стоит отметить, что цели, поставленные де Голлем в социально-экономической сфере, так и не были достигнуты в полном объеме. Современные правые, похоже, оставили в стороне эту часть идеологии традиционного голлизма, поскольку в данном направлении не предпринимается до сих пор сколько-нибудь значимых шагов.

В основном неоголлисты придерживаются наследия генерала де Голля. В ноябре 2000 г. газета *Фигаро* провела опрос общественного мнения на тему «Голлизм 30 лет спустя», где был задан вопрос «Какая партия больше всего придерживается идей де Голля?». Большинство респондентов отдали свой голос за ОНР Ширака (36%), при этом на втором месте оказался ответ — «никакая» (32%)²⁸.

«Наследники» генерала де Голля действуют уже в иных внутренних и внешних обстоятельствах, что, конечно, не может не влиять на их политический курс. Основоположник голлизма был нацелен на создание новой политической системы, стабилизацию экономического развития, возвращение Франции в ранг основных акторов международных отношений. В целом в идеологии традиционного голлизма акцент делался на политических целях, в то время как социальные и экономические вопросы отходили на второй план. Голлисты-основатели противопоставляли идеям и атлантистов, и марксистов концепцию «третьего пути», которая была слабо подкреплена теорией. В связи с этим антиатлантизм стал постепенно смягчаться, и в итоге неоголлисты вообще отказались от идеи построения особой экономической модели. Они стали увлекаться неолиберальными методами. В экономике произошел отказ от полного доминирования государства и переход к указательному планированию. Хотя полностью исключать идею «особости» неоголлисты не стали. Она до сих пор прослеживается в позиции Франции по различным вопросам мировой политики и европейского строительства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Антюхина-Московченко В. И. Шарль де Голль // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 86-112.

Арзаканян М. Ц. Шарль де Голль // Вопросы истории. 1991. № 2-3. С. 38-61.

Наумова Н. Н. Голлизм в оппозиции. Партия «Объединение французского народа» в политической жизни IV республики. М.: Издательство Московского университета, 1991. 190 с.

Новиков Г. Н. Голлизм после де Голля. Идейная и социально-политическая эволюция. 1969–1981. М.: Наука, 1984. 302 с.

Новиков Г. Н. Два этюда о де Голле и голлизме. Иркутск: Оттиск, 2001. 56 с.

---

²⁸ Le Figaro, 10 novembre 2000.

- Ширак Ж.* Франция и Россия // *Международная жизнь*. 1997. № 10. С. 51-57.
- Baudouin J.* “Gaullisme” et “chiraquisme”: reflexions autour d'un adulateur. *Le RPR // Pouvoirs*. 1984. № 28. P. 53-66.
- Boissieu de L.* Querelles sur la pensée européenne de Charles de Gaulle // *La Croix*, 12 avril 2005.
- Boissieu de L.* Que reste-t-il du gaullisme // *La Croix*, 11 novembre 2006.
- Chirac J.* Déclaration sur l'accord pour une Constitution pour l'Europe. 19 juin 2004 [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: http://www.elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2004/juin/juin_2004.12663.html (время доступа 15.02.2009).
- Debré J.-L.* Entretien dans *La Croix* // *La Croix*, 9 novembre 2006.
- Debré M.* La nouvelle Constitution // *Revue française de science politique*. 1959. Vol. 9. № 1. P. 7-29.
- Discours de Nicolas Sarkozy au Congrès de l'UMP. 14 janvier 2007 [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: http://www.u-m-p.org/site/index.php/ump/s_informer/discours/le_congres_de_l_ump_le_14_janvier_2007 (время доступа 10.10.2008).
- Discours du général de Gaulle à Bayeux (16 juin 1946) // *Revue française de science politique*. 1959. Vol. 9. № 1. P. 188-192.
- Gaulle de Ch.* Réorienter la construction européenne [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <http://gaullisme.free.fr/GEIIAReorienter.htm> (время доступа 12.02.2009).
- Lachaise B.* Le RPR et le gaullisme. Les infortunes d'une fidélité // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*. 1994. Vol. 44. № 1. P. 25-30.
- L'Express*, 8 mars 2009.
- L'Express*, 1 avril 2009.
- Le Figaro*, 10 novembre 2000.
- Le Monde*, 26 mars 2007.
- Oulmont Ph.* De Gaulle. Paris: Editions Le Cavalier Bleu, 2008. 126 p.
- Projet UMP 2007. Contrat de législation. 2007–2012. Paris, 2007. 70 p.
- Rémond R.* La seconde mort du gaullisme // *Le Nouvel Observateur*, 19 septembre 2002.
- Rémond R.* Les droites en France. Paris: Editions Aubier-Montaigne, 1982. 544 p.
- Rossi-Landi G.* Mort du gaullisme? // *La Lettre politique et parlementaire*, 23 septembre 2002.
- Schutze W.* La France et l'OTAN // *Politique étrangère*. 1966. Vol. 31. № 2. P. 109-118.
- Turquie: NON à l'adhésion, OUI au partenariat privilégié [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <http://www.u-m-p.org/site/index.php/ump/debattre/dossiers/europe> (время доступа 15.12.2008).

Николай Иванович Пупыкин, аспирант кафедры всеобщей истории исторического факультета Орловского государственного университета; nickset@mail.ru.

С. М. ГАВРИЛОВА

СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ

Данная статья посвящена обзору исследований российских ученых, рассматривающих события политической жизни Итальянской Республики в 1991–2008 гг. В ней показаны основные тенденции российской историографии, касающиеся оценки событий, предшествующих переходу от Первой ко Второй Республике в Италии, а также причины этого перехода и следовавшие структурные изменения в политической, социальной и экономической сферах.

Ключевые слова: республика, парламент, партийная система, экономика, интеграция, конституция, выборы, референдум.

История Итальянской республики последнего десятилетия XX – начала XXI в. представляет собой уникальный процесс изменения политической структуры государства. При сохранении существующего государственного строя наблюдается его частичная трансформация: изменяется соотношение политических сил в стране. Спустя почти полвека после принятия Итальянской Конституции начинается чередование левых и правых политических сил у власти. Коррупционные скандалы приводят к обновлению политической элиты. Перемены, касающиеся властных структур, неизбежно приводят к последствиям экономического, культурного и социального характера; перед новыми политическими силами страны встают проблемы европейской интеграции, тесно связанные с внутривластным развитием.

Политические, экономические и социальные преобразования итальянского государства в рассматриваемый период находятся в центре внимания зарубежных исследователей. Рассмотрим подробнее посвященные этому периоду работы отечественных исследователей.

С 1990-х гг. начинаются переломные процессы в политическом развитии Италии. «Последние десятилетия Первой республики в Италии были отмечены глубоким кризисом политических институтов, погрязших в коррупции, интригах “партократии”, выхолащивающих демократическое содержание представительной системы»¹, — пишет К. Г. Холодковский. Важным моментом в политической истории Италии конца XX в., по мнению автора, становится реорганизация деятельности

---

¹ Холодковский. 1999. С. 4.

парламента: «Кампания против тайного голосования в 1988 году привела к реформе регламента палаты депутатов, что фактически положило начало преобразованиям всей политической системы, постепенному переходу от Первой республики ко Второй»². В. П. Любин утверждает: «Италия вступила в полосу политической нестабильности, которую пыталась преодолеть в конце XX - начале XXI в. Трансформация, переходный этап от Первой ко Второй республике связаны с сущностным изменением итальянской демократии, приданием ей более совершенных форм»³.

Большинство исследователей считают, что к кризису итальянской демократии привели как внутренние, так и внешние факторы, в том числе падение «режимов так называемого реального социализма в Восточной Европе»⁴. Многие ученые считают крушение СССР одним из ключевых моментов перехода ко Второй республике в Италии. Так, Н. П. Комолова отмечает, что «важным катализатором политических сдвигов в Италии стал тот цивилизационный слом, который произошел во второй половине 80-х и в 90-е гг. в России»⁵.

Относительно перестройки политической системы Италии И. В. Григорьева замечает: «В последнее десятилетие XX в. страна вступила под знаком кризиса, затронувшего не только отдельные политические институты (парламент, партии), но самые основы ее государственного устройства, оформленного республиканской конституцией 1947 г. Стало распространяться утверждение о начавшемся переходе от Первой Республики ко Второй»⁶. Начинают происходить изменения в партийной системе: традиционные партии Италии вступают в полосу кризиса, меняется их структура. Так, к 1991 г. перестала существовать в прежней форме вторая по политическому весу партия Италии — Итальянская коммунистическая партия (ИКП), а с ее уходом изменилась и вся политическая система Первой республики. В. П. Любин полагает, что «с изменением курса ИКП рухнула скреплявшая итальянскую партийно-политическую систему подпорка в виде антикоммунизма»⁷.

---

² Холодковский. 1997. С. 158.

³ Любин. 2007в. С. 418.

⁴ См., например: Любин. 1999б. С. 105.

⁵ Комолова. 2000. С. 211.

⁶ Григорьева. 2006. С. 232.

⁷ Любин. 2007в. С. 436. Ю. П. Лисовский пишет, что «кризис этой противоречивой и шаткой политической системы не повлек за собой, как можно было ожидать, победы и торжества традиционных оппонентов коммунизма, которых объединяла и сплачивала враждебность к общему противнику». — Якимович, Григорьева, Лисовский, Любин, Павлова. 1997. С. 46.

К. Г. Холодковский отмечает, что «“фактор К” (коммунистический характер оппозиции) препятствовал эффективной политической конкуренции, обновлению правящей элиты и политического курса, ограничивал круг государственных деятелей и высших чиновников одними и теми же лицами в течение многих лет»⁸. Действительно, с исчезновением «коммунистической угрозы» ситуация оказалась разблокированной, но большинство исследователей связывают крах партийно-политической системы в Италии именно с уходом с политической арены ИКП, считая идеи антикоммунизма связующим звеном всей системы. И. В. Григорьева подчеркивает, что «к началу 90-х годов роль ХДП как постоянного противовеса коммунистам оказалась исчерпанной — как потому, что ИКП в ее прежнем виде перестала существовать, так и в силу кардинальных изменений международной ситуации (распад СССР и конец “холодной войны”». В этих условиях ХДП лишалась защитного барьера, ограждавшего ее от расплаты за коррупцию, связи с преступным миром и другие последствия, по существу, монопольного распоряжения властью»⁹.

Преобразования политической системы в Италии происходят в несколько этапов. В. П. Любин пишет о том, что итальянские историки выделяют три фазы трансформации прежней и возникновения новой системы в Италии в 1990-е гг. и в начале XXI в. «Первая фаза началась с распада прежней системы в конце 80-х годов и продолжалась до парламентских выборов 1992 г. В тот период на политической арене появились и закрепились силы наподобие Лиги Севера. Вторая фаза (1992-1994) связана с операцией “Чистые руки”, когда выяснилось, насколько политический класс коррумпирован. Тогда же была распущена опорная партия прежней системы (ХДП) и произошел ее окончательный распад. Третья фаза знаменовалась возникновением и консолидацией новой партийной системы»¹⁰. Автор указывает на то, что «начальной датой перехода от Первой ко Второй республике одни считают начавшееся весной 1992 г. преследование политиков-коррупционеров. Другие ведут отсчет с образования весной 1993 г. первого правительства технократов во главе с Карло Адзелио Чампи»¹¹. Российские ученые называют и другие даты. По-видимому, можно говорить лишь об этапах перехода, связанных с определенными политическими событиями.

В 1991 г. начинается реформа избирательной системы, касающаяся и парламентских, и местных выборов. Согласно рефор-

---

⁸ Холодковский. 1999. С. 15.

⁹ Григорьева. 2006. С. 232.

¹⁰ Любин. 2007в. С. 434.

¹¹ Там же. С. 440.

ме, по пропорциональной системе избиралась теперь лишь четверть депутатов, остальные места распределялись по мажоритарной системе в одномандатных округах. М. Д. Диманс так пишет, что реформа избирательной системы была проведена «в попытках устранения чрезмерной фрагментации политической системы»¹². Фактически, новая система предопределила соотношение сил на политической арене Италии и чередование коалиций у власти в последующие годы.

Парламентские выборы 1992 г., прошедшие по старой системе голосования, не зафиксировали существенных изменений в расстановке сил: Христианско-демократическая партия (ХДП) набрала 29,7% голосов, Демократическая партия левых сил (ДПЛС) и Партия коммунистического воссоздания (КВ) — наследницы ИКП — 16,1% и 5,6% соответственно. Тем не менее, В. П. Любин утверждает, что «главным результатом выборов можно считать крах функционировавшей на протяжении почти полувекового периода старой партийно-политической системы»¹³. В. П. Любин и Ю. П. Лисовский пишут также, что итоги этих выборов «свидетельствовали об утрате доверия избирателей к традиционным политическим партиям (эта тенденция выявилась уже в ходе выборов и многочисленных референдумов 80-х годов)»¹⁴. Весной 1992 г. премьер-министром страны становится социалист Джулиано Амато. Менее чем через год его сменяет кабинет Карло Адзелио Чампи.

В 1990-х гг. в стране состоялись важные референдумы, главный из которых касался изменений в избирательной системе, введения мажоритарного (взамен пропорционального) голосования. Его исход (83% «за») вынудил кабинет Амато уйти в отставку. «Начался период переходных правительств, первым из которых стал кабинет Чампи»¹⁵. И. Б. Левин подчеркивает, что теперь «гарантии незыблемости Основного закона стали призрачными, ибо то большинство, которое требуется для его пересмотра (и которое так трудно было собрать при пропорциональной системе) теперь оказалось легко достижимым»¹⁶.

Референдумы, касающиеся реорганизации правил формирования парламентских палат проводились в Италии в 1991 и 1993 гг. В 1993 г. большинство граждан проголосовало за изменение правил выборов в сенат. В. П. Любин считает, что «пришедшее на смену правительству Амато правительство технократа Чампи было создано главным образом

---

¹² Диманс. 1999. С. 21.

¹³ Любин. 1997б. С. 37.

¹⁴ Лисовский, Любин. 1996. С. 51.

¹⁵ Любин. 2007в. С. 418.

¹⁶ Левин. 2001а. С. 57.

для того, чтобы помочь президенту страны подготовить в короткий срок новый избирательный закон, регулирующий выборы, в том числе и в Палату депутатов»¹⁷. Согласно новому закону, принятому в августе 1993 г., сенат избирался на региональной основе. «Изменения коснулись механизмов голосования и распределения мест в сенате и палате депутатов, критериев формирования списка кандидатов... Они затронули и такие важные моменты, как порядок определения мест в одномандатных округах, способ занятия освободившихся мест, границы избирательных округов»¹⁸. Закон 1993 г., как замечает А. Г. Антонос, также отменил государственное финансирование партий, а «для контроля отчетов по расходам партий, движений, списков и групп кандидатов был создан специальный орган»¹⁹. Изменения в структуре государственных и партийных органов фактически стали следствием антикоррупционных кампаний, о которых следует сказать подробнее.

Поворотным моментом для истории Первой республики, и с этим согласны все исследователи, стало проведение операции «Чистые руки» под руководством следователя Антонио Ди Пьетро. Операция выявила разветвленную систему коррупционных связей представителей политической элиты и крупного бизнеса с преступным миром: «тесное переплетение мафиозной деятельности с коррупцией высших эшелонов политической власти в Италии стало знаменем времени <...>, дело приобретало общенациональный масштаб»²⁰. Разоблачения затронули в первую очередь ХДП и ИСП, поскольку обе долгое время имели доступ к высшим эшелонам власти²¹. «Партии правительственного лагеря теряли почву под ногами, раскалывались на мелкие группы и исчезали с политической сцены»²², — пишет И. В. Григорьева. В. П. Любин и Ю. П. Лисовский полагают, что «в Италии глобальные и устрашающие размеры приобрело развитие коррупции в гипертрофированных бюрократических структурах и рост организованной преступности. Коррупция такого масштаба способна парализовать любые государственные системы управления и любые реформы»²³. Итогом операции стали аресты многих крупных предпринимателей, государственных чиновников,

---

¹⁷ Любин. 1997а. С. 27.

¹⁸ Там же. С. 28.

¹⁹ Антонос. 2004. С. 90.

²⁰ Лисовский. 1997. С. 52-53.

²¹ В. П. Любин считает, что «фактически, деньги получали и правившие партии, и оппозиционные». — Любин. 2007в. С. 414-415.

²² Григорьева. 2006. С. 233.

²³ Лисовский, Любин. 1996. С. 62.

политических деятелей различного уровня (члены парламента пользовались иммунитетом и аресту не подлежали), четверых бывших премьер-министров. В. П. Любин подчеркивает, что «анализ причин краха Первой республики не может проводиться без обращения к вопросу о финансировании системы итальянских партий»²⁴, тесно связанной с разоблачениями кампании «Чистые руки». И. Б. Левин заявляет: «кампания разоблачений обернулась подлинным политическим землетрясением, обрушившим всю партийно-политическую конструкцию предыдущего полувека и похоронившим под ее руинами главные правительственные партии, ХДП и ИСП»²⁵. Таким образом, операция «Чистые руки» стала одной из основных вех в процессе перехода от Первой республики в Италии ко Второй.

Теперь остановимся на изменениях в политической структуре Итальянской республики. Параллельно с уходом традиционных партий, начинают появляться и новые политические организации. Самой заметной из них стала партия медиамагната Сильвио Берлускони «Вперед, Италия» (ВИ). К активной политической деятельности переходят такие организации как региональная партия Лига Севера и неофашистский Национальный альянс (НА). Г. А. Антонос пишет: «после периода громких скандалов и почти полной политической дестабилизации произошла перегруппировка политических сил, и наступило некоторое политическое равновесие: главные и второстепенные действующие силы итальянской политической сцены определились, и появилась потребность в большей стабильности»²⁶.

Парламентские выборы 1994 г. принесли победу правому блоку (ВИ — НА — Лига Севера) «Полюс свободы», получившему 43% голосов. Согласно новой избирательной системе правый блок получил 58% мест в парламенте. Премьер-министром нового правительства становится лидер ВИ С. Берлускони. Примечательно, что неофашисты собирают 13% голосов избирателей, и это «был знак уже явно патологической реакции на переживаемые обществом потрясения»²⁷. С. В. Карпов также считает, что «успех на выборах не мог быть достигнут без переворота в массовом сознании, коренного изменения отношения итальянцев к этой партии»²⁸. Раздробленная ХДП в общей сложности набрала

---

²⁴ Любин. 1997а. С. 22.

²⁵ Левин. 2001а. С. 53.

²⁶ Антонос. 2004. С. 90-91.

²⁷ Левин. 1995. № 2. С. 49.

²⁸ Карпов, Любин. 2004. С. 134.

около 15% голосов, а левые партии собрали больше голосов, чем на предыдущих выборах (ДПЛС — 20,4%, КВ — 6%). ИСП и ДПЛС, объединившись в Альянс прогресса, получили в итоге незначительное число мест в парламенте. В. П. Любин в связи с этим отмечает, что «обновленные левые силы, учитывая накопленный ранее исторический опыт рабочего, коммунистического и социалистического движения, должны по-новому подходить к проблеме завоевания политической власти»²⁹.

Мелкие традиционные партии, занимавшие место в центре партийной системы Итальянской республики (Республиканская, Либеральная, Социал-демократическая), по итогам выборов в парламент не прошли. Как замечает И. В. Григорьева, «главным итогом стало то, что впервые за время существования республики к власти пришла коалиция правых сил»³⁰. Относительно результатов выборов 1994 г. для левых партий И. Б. Левин пишет: «исход голосования выявил как минимум два просчета левых. Во-первых, они недооценили эффект масмедийных политтехнологий, пущенных в ход Берлускони в поддержку своей партии. Во-вторых, стало очевидно, что для победы на выборах уже недостаточно избирательного блока, составленного путем присоединения к главной силе — ДПЛС — “младших партнеров”, отобранных по критерию политической “совместимости”»³¹.

В. П. Любин считает, что «преимущественное голосование итальянских избирателей за правые партии можно объяснить, прежде всего, психологическими, социальными и экономическими причинами». Он отмечает, что «выборы 1994 г. и приход к власти правых сил означали несомненный шаг вперед в дальнейшем развитии процесса перехода от Первой ко Второй республике. Правые партии стали такой же признанной частью политического истеблишмента страны, как и традиционные партии»³². И. Б. Левин считает, что именно после выборов 1994 г. «одна эпоха кончилась, началась другая: Первая республика в Италии умерла — родилась Вторая»³³. Ю. А. Вялков также отмечает, что «выборы 1994 г. по новому избирательному закону ознаменовали начало перехода Италии к новой партийно-политической системе»³⁴.

---

²⁹ Любин. 1999а. № 7. С. 100.

³⁰ Григорьева. 2006. С. 234. В. П. Гайдук также подчеркивает, что «в конце марта 1994 г. итальянцы впервые в истории республики избрали парламент с абсолютным большинством правых партий». — Гайдук. 1998. С. 267.

³¹ Левин. 2001а. С. 53.

³² Любин. 1997а. С. 38.

³³ Левин. 1995. С. 44.

³⁴ Вялков. 2004. С. 119.

Правительство Берлускони просуществовало всего 7 месяцев и в декабре 1994 г. ушло в отставку. Причиной тому послужили невыполненные предвыборные обещания, попытка проведения пенсионной реформы, вызвавшая массовые протесты, и распад правительственной коалиции: под воздействием внутренних разногласий из нее выходит Лига Севера. И. Б. Левин обращает внимание на то, что «центральной проблемой итальянской экономики (да и политики тоже) был государственный долг <...>, решая эту проблему Берлускони начал с сокращения “непроизводительных расходов”, выбрав в качестве объекта пенсионную реформу, но, получив в ответ всеобщую забастовку, тут же отступил»³⁵. С конца 1994 г. до парламентских выборов апреля 1996 г., прошедших досрочно, во главе «технического правительства», состоявшего из беспартийных специалистов, стоял Ламберто Дини, занимавший ранее пост министра иностранных дел.

Парламентские выборы 1996 г. принесли успех коалиции левых сил «Олива», объединившей ДПЛС и левых католиков во главе с Романо Проди. Однако разрыв между правыми и левыми составил всего 1,3% (43,4% у левых и 42,1% у коалиции правых). При этом Лига Севера, не присоединившаяся к союзу «Вперед, Италия» и Национального Альянса, набрала 10,1% голосов. Таким образом, налицо был парадоксальный перекося симпатий избирателей вправо. И. Б. Левин отмечает: «становится очевидным, что левые силы в Италии могут демократически прийти к власти лишь в союзе с другими, центристскими политическими силами»³⁶. В. П. Любин относительно итогов выборов пишет: «ситуация в стране качественно поменялась, когда правые оказались в меньшинстве после парламентских выборов апреля 1996 г. <...> была сразу же сделана заявка на широкое представительство в объединении “Олива” разнообразных политических направлений»³⁷.

Приход к власти левых оценивается в литературе как весьма значительный поворот в развитии политической ситуации в Италии в переходный период. В. П. Любин пишет: «так, бывшие коммунисты после постоянного пребывания в оппозиции, наконец, оказались у власти на национальном уровне <...>. Этот факт был расценен как коренная перемена в итальянской политической жизни, дальнейший шаг на пути процесса перехода, трансформации современного итальянского государства

---

³⁵ Левин. 1995. С. 55. В. П. Любин также пишет о том, что «предложенные правой коалицией методы лечения больной экономики за счет уменьшения расходов в социальной сфере не встретили поддержки у населения». — Любин. 1997а. С. 32.

³⁶ Левин. 2001в. С. 435.

³⁷ Любин. 1997а. С. 164-165.

из “Первой” во “Вторую” республику»³⁸. Таким образом, автор, говорит о начале Второй республики после выборов 1996 г., в отличие от своих коллег, называющих 1994 год. И. Б. Левин пишет, что «факт прихода к власти левых воспринимался как “исторический поворот”, <...> позитивной была реакция рынков, наиболее влиятельная часть экономических кругов делала ставку именно на левых»³⁹. Таким образом, правительство левых могло опираться на различные группы общества. И. В. Григорьева, однако, обращает внимание на то, что «переход правительственной власти к блоку “Олива” не означал принципиальных изменений во внутривластном курсе — в частности, в сфере экономической и социальной политики»⁴⁰. Как считает В. П. Гайдук, «новое правительство не преминуло выдвинуть в качестве приоритетной задачу, требующую безотлагательного решения, — поднять уровень присутствия Италии в Европе»⁴¹. Рассмотрим подробнее этот вопрос.

В 1993 г. Италия присоединяется к Маастрихтскому договору. И. Г. Животовская подчеркивает, что «экономическое развитие Италии в 90-е годы <...> определялось “европейскими вызовами” и необходимостью соответствовать требованиям Маастрихтского договора. Для Италии было принципиально важным стать полноправным членом Экономического и валютного союза (ЭВС) и перейти на единую европейскую валюту <...>, в противном случае, она рисковала потерять свое влияние на европейской арене, а также экономические преимущества от европейской интеграции»⁴². Эти внешнеполитические задачи во многом определили дальнейший курс левого правительства.

Присоединение к Маастрихтскому договору возлагало на страну ряд серьезных обязательств, связанных с сокращением государственного регулирования экономики, необходимостью снижения государственного долга и дефицита бюджета. В связи с этим начинают возникать проблемы социального характера: курс на жесткую экономию был несовместим с широкими социальными льготами государства. Попытки правительства сократить социальное обеспечение натолкнулись на широкое сопротивление. «Провести действительно необходимые преобразования в социальной сфере, — пишет И. В. Григорьева, — можно было лишь путем согласования различных позиций, поисков компромисса — и именно такой линии старались придерживаться левые силы как до,

---

³⁸ Там же. С. 166.

³⁹ Левин. 2001а. С. 55.

⁴⁰ Григорьева. 2006. С. 236.

⁴¹ Гайдук. 1998. С. 268.

⁴² Животовская. 2004. С. 30-31.

так и после того, как они стали участвовать в правительстве»⁴³. Еще в 1992 г., по соглашению профсоюзов, Конфедерации промышленников и правительства, была отменена подвижная шкала заработной платы. О. Н. Барабанов указывает на то, что «жесткая налоговая и финансовая политика левых привела к заметному падению популярности правительства Проди, в том числе и среди левых социальных слоев. Помимо этого, правительство столкнулось с жесткой оппозицией своему курсу как справа, так и слева»⁴⁴. Он также акцентирует внимание на том, что «итальянские события 1996-1998 гг. могут быть рассмотрены как весьма характерный пример адаптации экономики и политики конкретного государства к изменившимся международным требованиям»⁴⁵.

В 1996 г. в качестве одной из мер оздоровления экономики с целью вступить в «зону евро» вводится специальный евроналог, который сыграл положительную роль в выравнивании дефицита бюджета. Помимо экономических препятствий вступлению Италии в «зону евро», сложности существовали, в сфере «оптимизации регионального финансового управления; <...> не менее важной проблемой являлась недостаточная координация действий между ключевыми министерствами»⁴⁶. И. Б. Левин считает, что «переход на единую валюту был вызовом европейской интеграции и означал более серьезное, чем любое предыдущее, умаление национального суверенитета», и обращает внимание на положительные результаты финансовой политики левых в противовес деятельности правого правительства: «Левоцентристская коалиция “Олива”, опиравшаяся отчасти на поддержку крупных промышленных компаний, <...> исходила из стратегических выгод, которые давал Италии переход на евро в числе передовой группы стран ЕС. Именно эта линия, в конечном счете, одержала верх и в дальнейшем стала восприниматься как главный успех, который левоцентристская коалиция ставила себе в заслугу»⁴⁷.

Острой проблемой в 90-е гг. становится для Италии массовая, часто нелегальная, иммиграция из развивающихся стран. Правительственный курс в этом вопросе был сформулирован как «открытые двери для тех, кто прибыл, чтобы трудиться, и суровая рука для тех, кто едет, чтобы преступить закон»⁴⁸. В 1997-98 гг. Палата депутатов и Сенат принимают новый закон об иммиграции, который ужесточил нормы в отно-

---

⁴³ Григорьева. 2006. С. 236.

⁴⁴ Барабанов. 2002. С. 69.

⁴⁵ Там же. С. 74.

⁴⁶ Там же. С. 90.

⁴⁷ Левин. 2004/2005. № 4 (10). С. 95, 105.

⁴⁸ Цит. по: Григорьева. 2006. С. 237.

шении нелегальных иммигрантов и существенно расширил компетенции местных органов управления. И. Б. Левин отмечает: «складывалась чрезвычайно противоречивая ситуация. С одной стороны, национальная экономика и общество испытывали потребность в расширении иммиграции, <...> с другой, наплыв чужестранцев вызывал раздражение, рост ксенофобии, питавшей популярность правоцентристской оппозиции»⁴⁹.

О. Н. Барабанов вполне справедливо указывает на то, что «масштабность и укорененность в итальянском обществе всех этих проблем (социальных, финансовых, иммиграционных — С. Г.) усложняли работу кабинета Проди по оздоровлению финансово-экономической системы. Поэтому большим успехом правительства следует считать включение Италии в ЭВС с самого начала. Этот успех воспринимается еще более серьезно, поскольку “борьба за ЕВРО”, приведшая к серьезной перестройке и экономики, и общественного мнения в стране, была вызвана, прежде всего, внешними причинами и вызовами. Пожалуй, именно преобразования 1996-98 гг. впервые так прочно закрепили в Италии представления о необходимости соответствия внутренней политики государства вызовам современного мира, а не противодействия им»⁵⁰.

Как отмечает В. П. Любин, важным моментом стало то, что «в итоге победы на парламентских выборах 1996 г. коалиции левых сил ситуация в стране изменилась, и обозначилась тенденция воссоединения всех политических группировок социалистической ориентации»⁵¹. При этом главным достижением левых автор считает «тот факт, что коалиционному правительству Проди при парламентской поддержке других политических сил удавалось находить путь посередине между суровой необходимостью экономии и удовлетворением социальных нужд»⁵². И. Б. Левин считает, что «левые стали жертвами результативности собственной политики, затронувшей некоторые болевые точки национальной идентичности <...>, попытки левого центра упорядочить социальное государство и повысить его эффективность с помощью рыночных механизмов повлекли за собой скорее разочарование и недовольство масс»⁵³.

Важным моментом политического развития Италии стало образование в 1997 г. с целью пересмотра Основного закона специальной Двухпалатной комиссии (Бикамерале), деятельность которой, однако, не принесла серьезных результатов. Комиссия представила проект новой

---

⁴⁹ Левин. 2001а. С. 61.

⁵⁰ Барабанов. 2002. С. 120.

⁵¹ Любин. 1998. С. 155.

⁵² Любин. 1997а. С. 35.

⁵³ Левин. 2001а. С. 66.

Конституции (в неприкосновенности оставались демократические и социальные основы государства, но изменялось его устройство: вводился принцип федерализма, должность президента становилась всенародно выборной, ужесточались условия проведения референдумов), который «был позитивно оценен обществом как реальный шанс разрешения проблем итальянской демократии»⁵⁴. И. Б. Левин пишет, что «очевидно было четкое намерение сделать более действенной и прочной исполнительную ветвь власти»⁵⁵. Представленный комиссией проект предусматривал переход от парламентской республики к президентской, уменьшение числа членов палат парламента, более четкое разграничение функций палаты депутатов и сената, внесение элементов федерализма в государственную структуру. Проект не был принят из-за отказа партии «Вперед, Италия» от сотрудничества с левыми при его обсуждении в палате депутатов и низкой явки избирателей на назначенный по этому поводу референдум. В связи с этим И. В. Григорьева замечает: «судьба конституционной реформы в Италии свидетельствует о том, что процесс перехода от Первой республики ко Второй не может к началу XXI в. считаться завершенным. В то же время примечательно, что избиратели проявили слабый интерес к референдуму относительно пересмотра конституции. Такая политическая пассивность — немаловажный симптом настроений, распространившихся в обществе»⁵⁶.

В октябре 1998 г. правительство Проди получает вотум недоверия при обсуждении проекта бюджета в парламенте и уходит в отставку. Новый кабинет возглавляет один из лидеров левых демократов Массимо Д'Алема. Как отмечает И. В. Григорьева, «правление блока “Олива” вызывало нарастающее разочарование избирателей, что проявилось на проходивших в конце 90-х годов муниципальных и провинциальных, а весной 2000 г. — областных выборах. Левые проигрывали повсюду»⁵⁷. И. Б. Левин пишет о том, что «левый центр не смог избежать типичной — для итальянской политической традиции — частой смены министерств, хотя и мог продержаться у власти все пять лет, от выборов до выборов — правда, ценой все большего смещения оси внутреннего равновесия коалиции вправо»⁵⁸. В результате Д'Алема вынужден был уйти в отставку, и правительство возглавил социалист Джулиано Амато. И. Б. Левин отмечает, что «блок “Олива”, состоявший в момент прихода

---

⁵⁴ Там же. С. 59.

⁵⁵ Левин. 2001б. С. 333.

⁵⁶ Григорьева. 2006. С. 239.

⁵⁷ Там же. С. 240.

⁵⁸ Левин. 2001в. С. 445.

к власти из семи политических организаций, в результате расколов и размежеваний к концу легислатуры насчитывал уже вдвое больше субъектов. Это и послужило одной из причин, предопределивших поражение левоцентристов на выборах 2001 г.»⁵⁹.

«Начало XXI века, — пишет З. П. Яхимович, — ознаменовалось новым всплеском дискуссий о путях сохранения целостности итальянского государства, о судьбах и перспективах нации и о новых формах национальной идентичности. Переход к федерализму оказался сопряжен с бурным ростом сепаратистских, местнических настроений как на Севере, так и в других регионах»⁶⁰. В результате парламентских выборов 2001 г. у власти вновь оказывается правая коалиция «Дом свобод» во главе с Берлускони (45,4% голосов против 43,7% у «Оливьи»). По сравнению с предыдущими выборами партия Левые демократы потеряла 4,5% голосов избирателей, политика «Оливьи» вызвала противоречивые последствия. А. И. Моргунова отмечает, что «“Левые демократы” получили на выборах 2001 г. самое низкое число голосов в своей политической жизни»⁶¹. «Одной из причин неудачи на выборах стало неприятие осуществляемой правящей коалицией конституционной реформы»⁶², — заключает В. П. Любин.

Кабинет Берлускони, переформированный весной 2005 г. в результате неудачи на местных выборах, просуществовал в итоге весь период легислатуры (до 2006 г.). И. Б. Левин замечает, что «летом 2004 г. правительство Берлускони побило рекорд продолжительности пребывания у власти, но одновременно потерпело поражение на “европейских” и муниципальных выборах»⁶³. Он считает, что «уже после первых двух лет господства “Дома свобод” наметилась тенденция к сокращению его электоральной поддержки»⁶⁴. В период правления Берлускони существенно активизируются тенденции федерализма, осуществляются попытки передачи ряда властных полномочий из центра на места. В. П. Любин указывает на то, что «на рубеже веков в Италии на смену концепции децентрализации пришла концепция федерализации. Принимались новые законы, изменяющие конституционные основы государства»⁶⁵. Курс кабинета Берлускони встретил мощное сопротивление оппозиции левых.

---

⁵⁹ Левин. 2004/2005. С. 107.

⁶⁰ Яхимович. 2004. С. 23.

⁶¹ Моргунова. 2004. С. 149.

⁶² Любин. 2006. № 3. С. 89.

⁶³ Левин. 2004/2005. С. 112.

⁶⁴ Левин. 2007. С. 267.

⁶⁵ Любин. 2006. С. 88-89.

Закон о федерализации страны в 2005 г., пройдя через палату депутатов и сенат, вступает в силу, однако, левая оппозиция объявила его «шагом назад». «Вопрос о федерализации страны стал острейшей темой политической борьбы двух противостоящих блоков»⁶⁶.

Ряд реформ, проведенных правительством Берлускони, затронул разные социальные слои. Жесткие меры в экономике и социальной сфере встречали резкий протест: частыми становятся забастовки и манифестации. В 2001 г. в силу вступает конституционная реформа, инициированная еще левым правительством, а в 2002 г. регионы получают компетенцию законодательства в сфере образования, здравоохранения и охраны общественного порядка. В. П. Любин положительно оценивает действия правительства в этой области, считая, что «с помощью нового регионализма удастся преодолеть прежние государственные рубежи, содействуя восстановлению общности соседних территорий...»⁶⁷.

В 2005 г. правительство проводит через парламент закон о новых правилах выборов, согласно которому полумажоритарная система заменялась на ранее практиковавшуюся пропорциональную. Весьма противоречивую реакцию вызвала отмена правительственным законом налога на наследство и экономическая «амнистия» (легализация утаенных состояний, льготные условия для возврата капиталов в страну). В июле 2002 г. был принят «закон Босси – Фини», регулирующий вопросы иммиграции, согласно которому вводилось обязательное сотрудничество на государственном уровне со странами, из которых в Италию идет поток иммигрантов. В. П. Любин подчеркивает, что «лидер ВИ был занят внешнеэкономическими проблемами, формированием госбюджета, предоставлением большей автономии регионам, радикальной конституционной реформой, в процессе которой предполагается превратить Италию в президентскую республику по голлистскому образцу»⁶⁸.

Парламентские выборы 2006 г. приносят победу левому блоку «Союз», главными участниками которого становятся Левые демократы, Европейские республиканцы и партия «Ромашка». В. П. Любин отмечает, что «коалиция изначально являлась довольно рыхлой»⁶⁹. Число избирателей партии Берлускони снижается почти на 6%, и «Союз» получает в палате депутатов незначительное большинство. Однако И. Б. Левин считает, что «победа левых происходит с таким ничтожно малым перевесом — менее 25 тыс. голосов (0,07%), что впору говорить

---

⁶⁶ Там же. С. 90.

⁶⁷ Любин. 2004б. С. 62.

⁶⁸ Любин. 2004а. С. 109.

⁶⁹ Любин. 2006. С. 87.

не о победе, а “ничьей”»⁷⁰. Результаты выборов большинство ученых объясняет тем, что оба блока — правый и левый — совершили ряд тактических просчетов. Так, союзники Берлускони, не рассчитывая на победу, дистанцировались от своего лидера, а участники левой коалиции старались в преддверии победы выдвинуться в качестве лидера. Сыграла свою роль и новая избирательная система. «Против авторов избирательной реформы (правых — С. Г.) обернулись два введенных ими новшества: принцип “премии большинству” и предоставление права голоса зарубежным соотечественникам»⁷¹.

В том же 2006 г. президентом страны был избран один из бывших руководителей ИКП Джорджо Наполитано. В июне был проведен референдум по конституционной реформе, содержащей поправки к Основному закону, центральной из которых была та, «которая значительно расширяла автономию областей в вопросах организации образования, здравоохранения и — особенно — охраны порядка, <...> сепаратисты из “Лиги Севера” рассматривали ее как первый шаг к образованию отдельного от остальной Италии государства — Падании — из шести северных областей»⁷². Большинство в 62% голосов закон был отвергнут.

Важным моментом в развитии политической ситуации в Италии в начале XXI в. становится нарастающее ухудшение экономического положения страны. И. Б. Левин считает, что «политическое представительство экономических интересов ныне определяется соображениями выгоды, и второй приход левого правительства на смену правому — лучшее тому подтверждение <...>, итог минувшего политико-электорального цикла свидетельствует, вместе с тем, что процесс перехода от Первой республике ко Второй далеко не завершен»⁷³. В данном вопросе автор противоречит ранее высказанной им точке зрения о том, что переход ко Второй республике в Италии произошел еще в 1994 г.

В сложившейся в начале XXI в. в Италии политической ситуации, дальнейшее развитие институтов Второй республики, осложняется, по мнению З. П. Яхимович, позициями правого блока: «правый центр претендует на роль защитника либеральных и демократических ценностей, европеизма и неонатлантизма и стремится внедрить эту позицию через средства массовой информации и систему образования, отказывая своим оппонентам в праве отстаивать их воззрения»⁷⁴. При этом левоцен-

---

⁷⁰ Левин. 2007. С. 268.

⁷¹ Там же. С. 270.

⁷² Там же. С. 268.

⁷³ Левин. 2007. С. 276.

⁷⁴ Яхимович. 2004. С. 13.

тристы «ведут поиск новой стратегии, способной сочетать императивы глобализации и модернизации с защитой гуманистических, демократических и общецивилизационных ценностей»⁷⁵. И. Б. Левин в 2007 г. считал, что «даже наталкиваясь на постоянные обструкции в парламенте, кабинет левого центра имеет лучшие, чем принято считать, шансы продержаться и принести пользу стране; помимо всего прочего, ближайшие три года в Италии обещают быть “электорально спокойными”»⁷⁶. Однако события 2008 г. — победа на внеочередных парламентских выборах правого блока — свидетельствуют об обратном.

Согласимся с тем, что «на рубеже веков в Италии в отличие от аномальной партийной системы периода Первой республики, утвердилась, хотя и неустойчивая, двухблоковая система, партии объединены в правую и левую коалицию»⁷⁷. При этом «хотя основные политические силы и оказались сгруппированы в двух объединениях — правом и левом, тем не менее, в партийный спектр, представленный в парламентских структурах и в органах местной власти, входят вместо полутора десятков партий в период Первой республики теперь уже более двух десятков партий и движений. В завершающее десятилетие XX в. левые пытались перестроиться и создать блок с партиями центра. Противоположный правый блок тоже пытался создать устойчивое правоцентристское большинство. Эти процессы протекали в контексте биполяризации партийной системы»⁷⁸. И. Б. Левин считает, что «важность перемен невозможно уменьшить. В Италии наконец-то возникла равновесная политическая система. На месте прекратившего существование расплывчатого центра (ХДП) обозначились два противостоящих друг другу блока — правый и левый, — вроде бы легитимно претендующие на власть; после полувекового бездействия заработал механизм ротации политических сил у власти, <...> возросла устойчивость правительств»⁷⁹. При этом «из пепла Первой республики странным образом воскресало довольно точное подобие все той же “республики партий”»⁸⁰.

Итак, в работах российских исследователей, посвященных истории современной Италии, переходному периоду от Первой ко Второй республике уделяется особое внимание. Одни ученые сходятся во мнении, что именно итоги парламентских выборов 1994 г. и приход к власти

---

⁷⁵ Там же. С. 22.

⁷⁶ Левин. 2006. С. 63.

⁷⁷ Любин. 2007в. С. 460.

⁷⁸ Любин. 2006. С. 85-86.

⁷⁹ Левин. 2006. С. 60.

⁸⁰ Левин. 2001б. С. 339.

правой коалиции являются рубежом перехода ко Второй республике, другие считают, что это происходит в 1996 г. Большинство исследователей приходят к убеждению, что, несмотря на значительные прогрессивные изменения в партийно-политической системе Италии в 90-е годы (чередование правых и левых коалиций у власти, привнесение элементов федерализма в государственное устройство, проекты конституционной реформы и реформирование избирательных законов), процесс перехода ко Второй республике еще не завершен, и политическая система до сих пор не является подлинно демократической.

В заключение согласимся с В. П. Любиным в том, что «ранее почти не было исследований, посвященных переходу от одного типа демократии к другому из-за недостатка подобного исторического опыта. Тому, что происходит в Италии, можно найти лишь некоторое соответствие во Франции, а именно переход от Четвертой к Пятой республике»⁸¹. Опыт Италии является уникальным.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антонос Г. А.* Парламентские выборы и финансирование партий (обзор) // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004. С. 79-93.
- Барабанов О. Н.* Италия после Холодной войны: от «средней державы» к «миру протагонистов». Москва: РОССПЭН, 2002.
- Вялков Ю. А.* Лига Севера: проекты отделения Севера от Юга (обзор) // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004. С. 112-126.
- Гайдук В. П.* Россия и Италия в переходный период (90-е годы) // Россия и Италия. Вып. 3. Москва: Наука, 1998. С. 264-275.
- Григорьева И. В.* Италия в XX веке. М.: Дрофа, 2006.
- Диманс Д. М.* Будущее демократии и перспективы многопартийности в Европе // Политические партии Европы: стратегия и тактика в период между выборами. М. ИНИОН РАН, 1999. С. 12-23.
- Животовская И. Г.* Экономика Италии (обзор) // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004. С. 26-42.
- Карпов С. В., Любин В. П.* Эволюция неофашистов: Национальный альянс // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004. С. 127-140.

---

⁸¹ Любин. 2007в. С. 440-441.

- Комолова Н. П.* Италия в поисках новой демократической альтернативы // Политика и власть в Западной Европе XX в. Москва: ИВИ РАН, 2000. С. 186-211.
- Левин И. Б.* Италия в поисках национальной идентичности // Космополис. М., Зима 2004/2005. № 4 (10). С. 93-113.
- Левин И. Б.* Италия: в чью пользу электоральная ничья? // Год планеты. М., 2007. С. 267-280.
- Левин И. Б.* Италия и «третий путь» (уроки «оливкового пятилетия» в Италии) // Социал-демократия Запада перед вызовами современности. Сборник статей. Москва: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 2001а. С. 49-70.
- Левин И. Б.* Италия: пейзаж после битвы // Мировая экономика и международные отношения. Москва, 2006. № 12. С. 53-63.
- Левин И. Б.* Италия после Первой республики // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна: Феникс+, 2001б. С. 330-357.
- Левин И. Б.* Первое «пятилетие левых» в Италии // Левые в Европе. Москва: ИВИ РАН, 2001в. С. 426-463.
- Левин И. Б.* Размышления об итальянском кризисе // Полис. Проблемно-тематический сборник. Москва, ИНИОН РАН 1995. № 2. С. 44-56.
- Лисовский Ю. П.* Терроризм в Италии // Актуальные проблемы Европы: проблемы терроризма. Проблемно-тематический сборник. Москва: ИНИОН, 1997. С. 34-83.
- Лисовский Ю. П., Любин В. П.* Политическая культура Италии. Москва ИНИОН, 1996.
- Любин В. П.* Берлускони и «Вперед, Италия» // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004а. С. 96-110.
- Любин В. П.* Европейские левые: Дискуссия о проблемах и перспектива // Мировая экономика и международные отношения. Москва: Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999а. № 7. С. 98-107.
- Любин В. П.* Итальянская партийно-политическая система в 90-е годы: переход от Первой ко Второй республике. Москва, ИНИОН РАН, 1997а.
- Любин В. П.* Итальянская партийно-политическая система на переходе от Первой ко Второй республике // Политические партии Европы: стратегия и тактика в период между выборами. М. ИНИОН РАН, 1999б. С. 96-120.
- Любин В. П.* Итальянская социалистическая партия: славная история и бесславный конец? // Актуальные проблемы Европы: Социал-демократия в Европе на пороге XXI века. Проблемно-тематический сборник. Москва: ИНИОН РАН, 1998. С. 152-156.
- Любин В. П.* Итальянские партии в 90-е годы // Из истории европейского парламентаризма: Италия. Москва: ИВИ РАН, 1997б. С. 161-168.
- Любин В. П.* Левые партии Италии: Споры о прошлом и будущем // Актуальные проблемы Европы: Социал-демократия в Европе на пороге XXI века. Москва, 2006. № 3. С. 80-91.
- Любин В. П.* Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники. Москва: Наука, 2007в. 462 с.

- Любин В. П.* Федерализация Италии // Современная Италия Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004б. С. 52-67.
- Моргунова А. И.* Итальянские политологи о модели правительства (обзор) // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004. С. 148-154.
- Холодковский К. Г.* Парламент Первой республики: положительный и отрицательный опыт // Из истории европейского парламентаризма: Италия. Москва: ИВИ РАН, 1997. С. 151-159.
- Холодковский К. Г.* Партийно-парламентская система Первой республики в Италии: историческая обусловленность и кризис // Эволюция политических институтов на Западе. Москва, Институт Мировой экономики и международных отношений, 1999. С. 4-17.
- Яхимович З. П.* Италия перед вызовами XXI столетия // Современная Италия: сборник обзоров и рефератов. Москва: Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН, 2004. С. 10-25.
- Яхимович З. П., Григорьева И. В., Лисовский Ю. П., Любин В. П., Павлова Т. В.* Проблемы демократии в теоретической мысли итальянского социализма. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня основания газеты «Аванти». Москва: ИВИ РАН, Университет итальянской культуры, 1997.

Гаврилова Светлана Михайловна, аспирантка Государственного академического университета гуманитарных наук; lana.come@gmail.com.

ЧИТАЯ КНИГИ

О. В. БОДРОВ, И. И. ШАРИФЖАНОВ, Б. М. ЯГУДИН

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Ключевые слова: Б. Г. Могильницкий, история исторической мысли, историографическая революция, методология истории.

В 2008 г. был опубликован заключительный том фундаментальной трилогии по истории исторической мысли XX в., автором которой является известный российский ученый, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Томского государственного университета Борис Георгиевич Могильницкий¹.

Трилогия Б. Г. Могильницкого — не первая попытка в отечественной историографии подвести итоги ушедшего века, провести своеобразную интеллектуальную инвентаризацию всемирного «Дома истории», поразмышлять о судьбе профессии, о достижениях и упущенных возможностях, о месте человека в истории и роли самой истории в обществе в трагическую эпоху, когда, казалось, сбылось пророчество Ницше и наступили «сумерки богов». Усилия по реконструкции целостной картины развития исторической науки в XX в. с разной долей успешности и с разных точек зрения, предпринимались с 2000 г.².

Трилогия выделяется из этого ряда по глубине замысла, содержательности и форме изложения материала. Она на сегодняшний день является, без преувеличения, уникальной профессиональной лодией в безбрежном океане истории, хотя сам автор скромно представил ее в качестве учебного пособия. Работа эта действительно выросла из цикла спецкурсов под общим названием «История исторической мысли XX в.», которые профессор Могильницкий читал студентам истфака Томского университета с конца 1980-х гг., когда впервые в учебных планах появилась новая дисциплина «Методология истории». Именно поэтому стиль произведения предельно отточен, отсутствует излишняя детализация, текст не перегружен специальными и «новомодными» на-

---

¹ Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. В 3-х вып. Вып. 1. Кризис историзма. Томск, 2001. 206 с.; Вып. 2. Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. 178 с.; Вып. 3. Историографическая революция. Томск, 2008. 554 с.

² Историография истории нового и новейшего времени...; Биск. 2007; Смоленский. 2007; Калимонов. 2006; Румянцева. 2002; Репина, Зверева, Парамонова. 2004.

учными терминами и «фактологическими айсбергами». Автор уделяет внимание, прежде всего, анализу гносеологических основ исторической науки, ее глубинным мотивациям, обусловленным внутренними закономерностями трансформации исторического познания. Во-вторых, он стремится охватить онтологические корни исторического познания, охарактеризовать влияние на него глобальных процессов, пронизывающих насквозь парадоксальный и драматичный XX век.

Б. Г. Могильницкий называет свой труд «историей исторической мысли» и в таком ключе до сегодняшнего дня в России не было обобщающих работ, включающих общественную и философскую мысль, идеологические постулаты различных идейно-политических течений и доктрин, собственно теоретико-методологические концепции и конкретно-исторические практики, а при этом еще и содержательный анализ биографий творческих носителей этих идей.

Именно *проблемно-биографический подход*, на наш взгляд, делает структуру работы более репрезентативной, удобной и интересной для восприятия, когда узловые проблемы на том или ином этапе развития исторической мысли доносятся до читателя не из абстрактного «мира идей», а прорастают из гуши действительности, из творческих судеб и жизненных коллизий реальных персонажей истории. В этом и заключается тот несомлаемый «диалог во времени», в котором прошлое (в лице историка) и настоящее (в лице его исследователя) встречаются лицом к лицу. Только тогда, когда это происходит, начинаешь глубже осознавать мотивы поступков, понимать, что теоретико-методологические взгляды и концепции — не что-то надуманное, отвлеченное и формальное, но это твоя жизненная позиция, способ включенности в общественную жизнь и, в конечном итоге, — твоя судьба. Именно так воспринимаешь биографию и социальный активизм историков-солдат: М. Блока, А. Пиренна, И. Хейзинги, Ф. Броделя, Л. Февра.

Трилогия Б. Г. Могильницкого отличается также спецификой *страноведческого подхода*. Это означает, что в ней присутствует «бие и дух» интеллектуальной жизни Франции, когда речь заходит об «Анналах»; Германии и Англии, когда повествуется о М. Вебере и А. Тойнби. Автор сумел охватить не только западноевропейскую историческую мысль: российская и американская также присутствуют в тексте в фигурах своих ярких представителей и в проблемах их творчества.

Первый том «Кризис историзма», открывающий трилогию, охватывает период с последней трети XIX в. до 1960-х гг., т.е. почти 100 лет. Автор прослеживает сложный путь развития исторической мысли в самое трудное «сумеречное» время истории XX в. — в эпоху двух миро-

вых войн и выделяет в ней несколько узловых проблем и этапов. Он дает развернутое определение таким фундаментальным понятиям, как «парадигма» в истории и некоторым другим. Но все же ключевое понятие, которому уделено основное внимание, — это кризис исторической науки и здесь автор вносит несколько принципиально новых штрихов. В его понимании, кризис — это не только выражение упадка науки, но и необходимая предпосылка ее дальнейшего развития, своеобразный «момент истины». По меткому выражению Б. Г. Могильницкого, это тот «питательный бульон», из которого вырастает новая научная парадигма. Но кризис в исторической науке имеет еще и ярко выраженный социальный аспект, который существенно осложняет положение предшествующей научной парадигмы. На наш взгляд, можно назвать это своеобразной обратной связью исторической науки и жизни, или, по Тойнби, алгоритмом «вызов-ответ». Поэтому Б. Г. Могильницкий употребляет понятие кризиса в двух смыслах: узком (как методологический) и широком (как общий кризис исторической науки в XX в.).

Второй том трилогии озаглавлен «Становление «новой исторической науки» и, на первый взгляд, хронологически совпадает с первым выпуском. Тем не менее, в нем представлена совершенно иная, альтернативная картина развития исторической мысли, зажатая годами «военного лихолетья» и эрой двух мировых катастроф, когда строго говоря, было, в общем-то, не до истории. Однако, именно эта эпоха предстает под пером автора с жизнеутверждающей силой, полной интеллектуальной энергии и с жадной борьбой за свое собственное будущее.

Если общая тональность первого тома проникнута пессимизмом, утратой старого образа истории XIX в., потерей веры в ее могущество и в высшее предназначение как «царицы наук», то второй том дает обнадеживающий ответ на эти вызовы. Красной нитью проходит главная мысль о бескомпромиссных и беспощадных «боях за историю», которые вели ее лучшие представители (в том числе и ценою собственной жизни), для которых победа в войне с фашизмом и бои за преодоление «кризиса основ» слились в единое силовое и духовное поле. Не случайно столь большое место автор уделяет деятельности первого «боевого» поколения выдающихся анналистов М. Блока и Л. Февра, в предвоенные и военные годы теоретически сформулировавших и обосновавших в своей конкретно-исторической практике основные принципы построения «новой истории», несмотря на то, что востребованными они оказались в мировой науке в 1960-е и, особенно, 1970-е гг., в пору на-

чавшейся методологической революции. Они оказались своеобразным мостом между «старой» XIX в. и «новой» историей века двадцатого.

Вторая половина тома посвящена анализу послевоенной ситуации в духовной и научной жизни стран Запада, когда живительные и плодотворные для исторической мысли идеи неопозитивизма и марксизма способствовали укреплению общенаучного статуса истории, преодолению кризиса и обновлению ее фундаментальных теоретических основ.

Третий том «Историографическая революция» венчает собою плоды многолетних усилий ученого в изучении полного драматизма и противоречий развития исторической мысли в XX в. Хронологически он охватывает период с последней трети XX в. и включает первое десятилетие XXI в. В этом томе представлена широкая панорама напряженных теоретических поисков и практических усилий в окончательном преодолении «кризиса основ», а также выработке новых методологических принципов, отражающих новые веяния в социогуманитарном знании и укрепляющих сциентистский и социальный статус исторической науки.

Данный том, как и два предыдущих, имеет собственную специфику. По словам автора, речь идет практически о современном историографическом процессе, еще не вылившемся в законченные формы. Поэтому в основе своей он остается недостаточно отрефлексированным³. Следующую особенность автор увязывает с множественностью и полицентризмом нарождающихся познавательных принципов и исследовательских стратегий, что намного осложняет проблему отбора историографических фактов для их последующего анализа. И здесь ученый полноправно вступает в свое авторское право выбора наиболее ярко проявившихся тенденций, а посему речь может идти только об идеально-типической картине историографического процесса, имеющей гипотетический характер. Выбранный автором подход позволяет в масштабной и полифоничной интеллектуальной «картине мира» рубежа веков убедительно и последовательно выделить две разнонаправленные тенденции, первая из которых — «сциентизация исторической науки», вторая — «субъективный поворот» (или «вызов постмодернизма»). Именно они обе отразили глубокие перемены, происходившие в общественном сознании, порожденные, в первом случае, научно-технической революцией с ее культом науки и научного знания, а во втором — бурными социально-политическими процессами последних десятилетий XX в., начало которым положил взрыв студенческого движения в 1968 г.⁴

---

³ Могильницкий. 2008. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

Хотелось бы указать еще на одно отличие третьего тома, а именно, с каким неослабным, пронизательным и по отечески мудрым взглядом автор наблюдает за современной историографической ситуацией в нашей стране. В тексте представлены наиболее заметные фигуры отечественных историков, плоды усилий которых Б. Г. Могильницкий поднимает на уровень теоретико-методологического осмысления, вступает с ними в незримый диалог и, таким образом, включает в качестве равноправных участников в процесс историографической революции, охватившей научный мир Запада.

И еще одно, центральное, понятие присутствует в книге — это, собственно, сама «историографическая революция», являющаяся ключевым феноменом рассматриваемого периода. В ее характеристике автор исходит из броделевской трактовки революции как диалектического единства кратковременных событий — взрывов и длительных латентных процессов, их подготавливавших. Речь идет о некоем *историческом и историографическом континууме*, в котором происходит нарастание критической массы, завершаемое революционным взрывом. Другими словами, историографическая революция, утверждает историк, это и событие, и процесс, имеющий свою предысторию, освещению которой были посвящены предыдущие тома. Это именно процесс, а не серия спонтанных, дискретных, разнонаправленных взрывов, подготовленный как внутренней логикой развития исторической науки, так и всепроникающим влиянием жизни, многообразными импульсами, исходящими от общества, на которые она всегда чутко реагирует⁵.

Автор указывает на принципиальное отличие историографической революции последней трети XX в. и «образа истории XIX в.». Первая органически связана с преодолением общего кризиса историзма, поставившего профессию историка на грань выживания как научную дисциплину, способную дать адекватное знание о прошлом. В общественно-историческом сознании была восстановлена связь времен, открывшая возможность постижения закономерностей движения истории. Но это не было реанимацией правившей в XIX в. эмпирико-позитивистской парадигмы истории. Между этой последней и «новой исторической наукой» стоял опыт XX в., отразившийся на ее эпистемологических основаниях и на общем облике. Историческая наука утратила былую самоуверенность всезнайства, но, обогащенная реалиями XX в., обрела новое понимание *человека в истории* как ее настоящего предмета⁶.

---

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же. С. 11-12.

Каковы же основные этапы развития историографической революции, можно ли их с уверенностью выделить? Б. Г. Могильницкий дает на это утвердительный ответ. Он считает, что в самом общем виде этот процесс имеет три периода: объективистский (сциентистский), субъективистский (постмодернистский) и синтезирующий. Первый из них падает на 1960–1970-е гг., второй охватывает 1980-е – начало 1990-х гг., третий начинается в 1990-е гг. Автор подчеркивает при этом, что периодизация носит достаточно условный характер, ибо в одно и то же время сосуществовали и конкурировали различные методологические подходы и исследовательские практики, — но она помогает выделить присущие каждому этапу доминанты⁷.

Ученый артикулирует важнейшую, по его мнению, характеристику сциентистского этапа — рывок истории к социальным наукам. Его следствием стало широкое обращение к междисциплинарным исследованиям, придавшим дисциплине новое измерение. В этот период главной доминантой была «новая научная история», а ее сердцевиной — проект «глобальной истории» Ф. Броделя. В то же время, отмечая триумфальное шествие по научному миру «школы Анналов» и приоритет социологизированной истории, автор указывает и на ее слабые места, которые, в конечном итоге, приведут к ее смене другой доминантой. Так, кризис школьного преподавания истории во Франции, на что обращал внимание, в том числе, и президент Ф. Миттеран, был связан с опасностью растворения истории в социальных науках и вытекающей отсюда ее фрагментаризации. А быстрый рост разнокачественных в методологическом плане субдисциплин создал реальную угрозу целостности исторической науки, которая стала «превращаться в дом с наглухо закрытыми дверями, но зато широко распахнутыми окнами»⁸.

Второй этап начинается в 1980-е гг., когда пришло осознание исчерпанности эвристического потенциала «новой научной истории», а, вместе с нею, вся сциентистски ориентированная историография представлялась уже анахронизмом, не дающим ответа на запросы общества. Параллельно этому разворачивался процесс переключения интереса историков со структур — на человека, их творца. Наступало время второго этапа историографической революции, когда вместо глобальных макроисторических построений доминантой становится микроистория, изучение единичного события, индивидуальной ситуации, даже казуса. Это не было возвращением к неокантианскому идиографизму, так как в

---

⁷ Там же. С. 20.

⁸ Там же. С. 26-27.

каждом единичном случае отражалось общее, что и привлекало к нему внимание исследователя. «Душой» нового этапа стал «антропологический поворот», когда представители микроистории погрузились в мир внутренних переживаний отдельной личности, ее мировосприятия и жизненных установок в различных исторических ситуациях⁹. Это, в свою очередь, оживило интерес к субъективному началу в истории, а с ним накатила новая волна релятивизма и постмодернистской критики. Автор обоснованно замечает, однако, что постмодернистский этап историографической революции, взятый в его чистом виде, был самым коротким в ее бурном течении. От себя добавим, что насколько коротким он был, настолько же революционным и взрывным, он принес с собою идеи радикального обновления теоретико-методологических основ профессии историка и поставил больше вопросов, чем дал ответов.

Третий этап, интегрирующий достижения первых двух, очень точно определяется автором как синтезирующий. Фокусируя историческую профессию на изучении мира человеческой субъективности, он не только не исключает, но и прямо предполагает обращение к широкому социальному контексту, в который погружен человек. Личность так же творит социальные, политические и иные структуры, как и они формируют ее: возможно именно здесь, по мнению автора, в поле, очерченном диалектикой объективного и субъективного в историческом процессе и познании, и следует искать черты новой парадигмы истории — XXI в.¹⁰

Говоря о состоянии, переживаемом мировой исторической наукой на рубеже XX–XXI вв., автор отмечает, что эта «историографическая революция» не первая и, скорее всего, не последняя¹¹. В такие переломные моменты только возрастает глубокая зависимость историков от современной эпохи и ее перипетий, когда под воздействием внешних импульсов и осмысления роли и места в них исторической науки, ее теоретической, статусной и «целевой» составляющих, ученым приходится пересматривать взрастившую их историографическую традицию, опыт и знания, накопленные поколениями предшественников, менять перспективу своего видения прошлого. «Вот почему, — пишут авторы содержательного учебного пособия по методологии истории, — так необходимо рассматривать изменения в проблематике исторических исследований, развитие и анализ научных концепций, подходов, интер-

---

⁹ Там же. С. 33–34.

¹⁰ Там же. С. 39.

¹¹ *Патрушев*. 2000. С. 413 и др.

претаций в контексте личных судеб и общественных процессов сквозь призму индивидуального и профессионального восприятия...»¹².

В этом смысле Б. Г. Могильницкий остается верным своему проблемно-биографическому подходу и прослеживает новейшие тенденции в мировой историографии через творчество и ценностные установки их носителей на примере представителей «школы Анналов», изначально объединенных общими методологическими установками и общим целеполаганием. Творчество яркого выразителя идей третьего поколения анналистов Ж. Ле Гоффа автор определяет как промежуточное звено в движении к антропологизации исторического познания, сопровождающегося отказом от историко-социологических построений в духе «глобальной» истории Броделя. Это был качественно новый этап в «трансформации «Анналов», который обозначается как «антропологический поворот»¹³. Но особенно кризис макротеорий, подобных структурализму и марксизму, нарастание тенденций неокантианского идиографизма и субъективизма, постмодернистский вызов с определенной антициентистской направленностью (что все вместе являлось содержанием второго, субъективистского этапа историографической революции), по мнению Б. Г. Могильницкого, получил наиболее развернутое выражение в творчестве четвертого поколения «Анналов». Автор подробно анализирует два его программных манифеста 1988 и 1989 гг., за которыми стояли такие историки, как Бернар Лепти, Жак Ревель, Роже Шартье, Пьер Нора, Жак-Ив Гренье, провозгласившие поворот к субъективности как генеральную линию развития современной исторической мысли¹⁴. Творчество перечисленных историков и наиболее репрезентативного из них, по выбору автора, П. Нора, с его акцентированным вниманием к проблеме исторической памяти, отразило основные направления современной французской историографии. Начатое уже в рамках третьего поколения превращение школы в широкое научное движение получило здесь свое логическое завершение.

Таким образом, в спорах об «Анналах», которые ведутся на протяжении последних десятилетий в мировой историографии, российский историк занял четкую и оптимистичную позицию. Эта авторская линия определена им в главе V «Новая научная история», в которой утверждается, что творчество третьего поколения «Анналов» предельно раскрыло познавательные возможности «новой научной истории». Именно во

---

¹² Ретина, Зверева, Парамонова. 2004. С. 280.

¹³ Могильницкий. 2008. С. 98.

¹⁴ Там же. С. 243.

Франции, впервые были сформулированы и получили блестящую реализацию в исследовательской практике фундаментальные принципы центрирующейся *вокруг человека* «новой социальной истории»¹⁵. Подробно характеризует автор и другие дисциплины «новой научной истории», такие как история ментальностей, психоистория, клиометрия и др. Б. Г. Могильницкий особо выделяет тот факт, что именно с «новой научной историей» был связан определенный поворот во взаимоотношениях между западными и советскими историками. Среди достижений последних он справедливо выделяет такие направления, как изучение западноевропейской средневековой культуры (А. Я. Гуревич) и применение количественных методов и математических моделей к изучению истории (И. Д. Ковальченко). Данный факт, на наш взгляд, не просто дань уважения к коллегам по «профессиональному цеху», но и одно из доказательств наличия «всемирно-исторического контекста в историографической революции», общих магистральных путей ее поисков.

Эта мысль Б. Г. Могильницкого о «включенности» и достойном вкладе российской исторической науки в «копилку» «историографической революции» особенно громко звучит в заключительных IX и X лекциях III тома. Автор прорисовывает отчетливое «женское лицо» отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. в творческих портретах наших уважаемых профессоров Л.П. Репиной, Н. Л. Пушкаревой и И. Ю. Николаевой. Каждая из них внесла свой вклад в теорию и практику женских и гендерных исследований. Первооткрывательницей направления «женской истории» в России Б. Г. Могильницкий называет Н. Л. Пушкареву, перу которой принадлежит фундаментальная монография¹⁶ и ряд других содержательных работ¹⁷. Он отмечает их новаторский характер не только в российской, но и в мировой науке. Выполненные в режиме большого времени, ее труды по истории частной жизни русской женщины основываются на органическом включении гендерных сюжетов в широкий исторический контекст. Благодаря им в современной гендерной истории был освоен широкий массив ранее неизвестного уникального материала, касающегося русской цивилизации. Знаковым событием называет Б. Г. Могильницкий создание в 2007 г. Российского национального комитета Международной федерации по изучению женщин, председателем которого стала Н. Л. Пушкарева¹⁸.

---

¹⁵ Там же. С. 138-139.

¹⁶ Пушкарева. 2002.

¹⁷ Могильницкий. 2008. С. 359.

¹⁸ Там же. С. 385-386.

Дальнейшее развитие женских и гендерных исследований в России автор связывает с научным коллективом, сформировавшимся на базе ИВИ РАН, под руководством Л. П. Репиной, президента Общества интеллектуальной истории, главного редактора известных периодических изданий «Адам и Ева» и «Диалог со временем», автора капитальной монографии¹⁹, выход в свет которой Б. Г. Могильницкий называет событием в научной жизни страны. Главный посыл ее творчества связан с изучением очередной «стадиальной формы исторической науки», смысл которой — в синтезе новейшей социальной и интеллектуальной истории, постепенно трансформирующихся в социокультурную историю. Именно в такой широкий контекст Л. П. Репина органично вписывает женские и гендерные исследования²⁰. Следующим шагом в их осмыслении стала еще одна содержательная книга Л. П. Репиной²¹.

На примере трудов Н. Л. Пушкаревой и Л. П. Репиной автор делает вывод, что в своих личностных выражениях женские и гендерные исследования в России быстро обрели концептуально самостоятельный характер, корнящийся в отечественной традиции широких историко-социологических построений²².

В качестве примера интенсивного развития современных женских и гендерных исследований в регионах России Б. Г. Могильницкий приводит деятельность Центра гендерных исследований в Томском университете под руководством проф. И. Ю. Николаевой. Результатом научно-исследовательской и учебно-методической работы Центра, по мнению Б. Г. Могильницкого, стало рождение в рамках Томской историографической школы особого научного направления, концентрирующегося на изучении гендерной идентичности в России и Западной Европе в Средние века и раннее Новое время²³. Магистральное направление обозначено в недавнем капитальном труде И. Ю. Николаевой²⁴, где центральное место занимает исследование бессознательного, рассматриваемого в широком социально-историческом контексте посредством привлечения взаимодополняющих исследовательских стратегий, выработанных в различных областях гуманитарного знания (так называемый метод междисциплинарного изучения ментальных явлений на базе компле-

---

¹⁹ Репина. 1998.

²⁰ Могильницкий. 2008. С. 386-388.

²¹ Репина. 2002.

²² Могильницкий. 2008. С. 397.

²³ Там же. С. 432-433.

²⁴ Николаева. 2005.

ментарных концепций)²⁵. Гендерная же составляющая данной проблемы связывается с приближением к пониманию различий гендерного сознания и поведения на разной культурно-исторической почве²⁶.

Заключительная лекция X озаглавлена «Исторический синтез в перспективе «долгого времени»: новые подходы» и посвящена третьему, синтезирующему этапу историографической революции, который становится заметным с 1990-х гг. В пестрой палитре красок, характеризующих нынешнюю интеллектуальную ситуацию, Б. Г. Могильницкий усматривает все отчетливее проступающие «макроисторические тона», позволяющие говорить о новом витке интереса к крупномасштабным построениям, ориентированным на выявление общих закономерностей исторического процесса. Вновь возвращается парадигма общих законов истории, уходящая своими корнями к Геродоту, но отвергнутая неоконтианским идиографизмом на рубеже XIX-XX вв., то самое «золотое руно» нашей науки, за которое весь XX век шли «бои за историю».

Автор анализирует указанную традицию на двух ярких примерах, воплощенных в концепции миросистемного анализа и теории цивилизаций. Он подчеркивает существенную черту этих подходов, указывающих не только на движение истории к социальным наукам, но и *на обратное движение*. Тем самым проблема междисциплинарности приобретает новый аспект. «Если до этого, — пишет историк, — она рассматривалась в наших лекциях под углом зрения обращения истории к социальным и гуманитарным наукам, то сейчас речь идет о включении этими последними **исторического измерения как базового** в их социокультурных проектах, эффективно использующих язык долгого социально-исторического времени. Сам этот факт может рассматриваться как свидетельство возросшего в годы историографической революции научного потенциала истории. Вопреки постмодернистским попыткам «убийства истории» как науки, ее научность явилась фактором трансформации социальных наук, их **историзации**»²⁷.

Основателем миросистемного анализа стал один из самых ярких и парадоксальных современных мыслителей, американский социолог И. Валлерстайн. Говоря о формировании его взглядов, Б. Г. Могильницкий указывает на особую роль марксизма, леворадикальных идей и методологии «школы Анналов». Классический образец концепции Вал-

---

²⁵ Могильницкий. 2008. С. 406-407.

²⁶ Там же. С. 409.

²⁷ Там же. С. 437.

лерстайна представлен в его фундаментальной трилогии²⁸. В ней базовым объектом социально-исторического исследования является не общество, не формация или цивилизация, а миросистема. Это не система в мире, а *система, которая сама есть мир*. Могильницкий подчеркивает, что многочисленные выступления Валлерстайна 1990-х гг., собранные в недавнем сборнике²⁹, проникнуты верой в социологию XXI в. как *единую историческую социальную науку*, построенную на прочных нравственных основаниях, что свидетельствует об органическом единстве его теоретических взглядов и исследовательской практики³⁰.

Наряду с миросистемным анализом свидетельством интереса к макроисторическим построениям являются оживленные дискуссии вокруг проблем глобальной истории или глобалистики. Автор отмечает, что последняя позиционируется как одно из самых перспективных направлений макроистории³¹. В этих разработках активно присутствуют и труды российских исследователей А. С. Ахиезера, В. П. Булдакова, И. Н. Ионова, М. А. Чешкова, В. М. Хачатурян и др. Предметом изучения глобалистики являются локальные цивилизации, рассматриваемые во взаимосвязи с другими цивилизациями. Именно в такой форме глобальные исследования получают сегодня широкое распространение в отечественной историографии, а также внедряются в учебный процесс в качестве школьных учебников³². Цивилизационный подход возвращается в историческую науку и образование на качественно новом этапе макроисторических исследований, поскольку российский локальный феномен цивилизации прочно вписан во всемирно-историческую канву.

Подводя итог третьему тому, да и всей трилогии в целом, следует подчеркнуть исторический оптимизм и уверенность ее автора в познавательных возможностях исторической науки. Б. Г. Могильницкий утверждает тезис о востребованности истории в грядущем мире:

«Чтобы создавать его и жить в нем, человек должен владеть историей, соединяющей настоящее и прошлое в одну цепь, и чем более настоящее не подходит на прошлое, тем настоятельнее становится необходимость прояснения его корневой системы, чтобы в нашем сознании не прервалась великая связь времен. В этом смысле мы вправе именовать **XXI век историческим**, разумея под этим возрастающее значение исторического измерения в его пости-

---

²⁸ Валлерстайн. 1974–1989.

²⁹ Валлерстайн. 2003.

³⁰ Могильницкий. 2008. С. 438.

³¹ Там же. С. 458.

³² Там же. С. 473.

жени, а значит, и в социальной адаптации человека к быстро и кардинально меняющимся реалиям его жизни»³³.

Тем более что катастрофический по своим последствиям XX век дает наглядный пример выживания и борьбы истории за свои права и свое предназначение, что так блестяще и масштабно продемонстрировал Б. Г. Могильницкий в своем фундаментальном труде.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Биск И. Я.* Методология истории. Курс лекций. Иваново, 2007.
- Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI в. М., 2003.
- Валлерстайн И.* Современная миросистема. В 3 тт. 1974–1989.
- Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: Учеб. пособие для студентов / Под ред. И. П. Деметьева, А. И. Патрушева. М., 2000.
- Калимонов И. К.* Основы научных исследований: зарубежная история. Учеб. пособие. Казань, 2006.
- Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли XX века: курс лекций. В 3-х вып. Вып. 1. Кризис историзма. Томск, 2001. 206 с.
- Вып. 2. Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. 178 с.
- Вып. 3. Историографическая революция. Томск, 2008. 554 с.
- Николаева И. Ю.* Проблема методологического синтеза и верификация в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.
- Патрушев А. И.* Некоторые тенденции в развитии западной исторической науки на пороге XXI века // Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки: Учеб. пособие. М., 2000.
- Пушкарева Н. Л.* Русская женщина: история и современность. Два века изучения женской темы российской и зарубежной наукой. 1800–2000. Материалы и библиография. М., 2002.
- Репина Л. П.* Женщины и мужчины в истории: новая картина европейского прошлого. М., 2002.
- Репина Л. П.* Новая историческая наука и социальная история. М., 1998.
- Репина Л. П., Зверева В. В., Пармонова М. Ю.* История исторического знания: Пособие для вузов. М., 2004.
- Румянцева М. Ф.* Теория истории. М., 2002.
- Смоленский Н. И.* Теория и методология истории: Учеб. пособие. М., 2007.
- Бодров Олег Вячеславович**, к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Казанского государственного университета; hist.dep@ksu.ru.
- Шарифжанов Измаил Ибрагимович**, д.и.н., профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Казанского государственного университета; Email.Sharifzhanov@ksu.ru.
- Ягудин Булат Мухамедович**, к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории Казанского государственного университета; Boulat.lagoudin@ksu.ru.

---

³³ Там же. С. 529.

А. В. Юдин

ПОРТРЕТ ИСТОРИКА

Ключевые слова: В. И. Герье, русские дореволюционные историки, преподавание всеобщей истории в XIX в.

Владимир Иванович Герье, без сомнения, является уникальной фигурой как в отечественной исторической науке, так и в истории российского образования. Однако его жизненный и творческий путь, научные изыскания и поистине титанические усилия в деле организации высшего женского образования и учреждения самостоятельной университетской кафедры всеобщей истории сравнительно мало освещены в нашей науке. Недавно вышедшая в свет книга Татьяны Николаевны Ивановой представляет В. И. Герье как исследователя широкого круга проблем всеобщей истории, педагога и организатора образования¹.

В. И. Герье занимался широким кругом проблем всеобщей истории от Античности до Нового времени, особенно Франции XVIII в., он касался ряда важнейших тем методологии и истории исторического знания. В. И. Герье стоит в одном ряду с его старшими современниками М. С. Куторгой и С. В. Ешевским, и с младшими современниками — М. М. Хвостовым, В. М. Хвостовым, В. И. Модестовым, И. М. Гревсом, Д. М. Петрушевским, в том числе и с его учениками Р. Ю. Виппером, М. С. Корелиным, Н. И. Кареевым и П. Г. Виноградовым².

Появление монографических исследований о В. И. Герье в 2003–2009 гг. представляется в определённом отношении знаковым явлением, которое следует рассматривать в общем контексте современной российской исторической науки, отличающимся всплеском интереса к персоналиям отечественных историков предшествующих поколений. Ярким проявлением этого исследовательского интереса стала публикация серии сборников «Портреты историков: время и судьбы» в 2000–2004 гг. (статья о В. И. Герье написана Е. С. Кирсановой). Важно, что большинство авторов книг и статей о русских дореволюционных историках продолжают

---

¹ *Иванова Т. Н.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 382 с.

² Начало комплексного монографического изучения персоналий русских дореволюционных историков приходится на вторую половину 1970-х годов, когда вышли в свет книги Б. Г. Сафронова «Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время» (1976 г.) и А. С. Шофмана «Михаил Михайлович Хвостов» (1979 г.).

свои исследования, вводя в научный оборот новые архивные данные и по-новому освещая те или иные вопросы, связанные с их деятельностью.

Монография Т. Н. Ивановой основана на большом количестве архивных источников, в ней рассмотрены практически все работы В. И. Герье, в том числе и неопубликованные, в контексте главных проблем истории русской исторической науки и системы высшего образования последней трети XIX – начала XX в.

Открывает монографию очерк изучения творчества В. И. Герье историками разных поколений, с выделением этапов «герьеведения». Во вводной части также дана характеристика структуры личного архива В. И. Герье в ОР РГБ, обоснованы актуальность и новизна исследования, заключающиеся, главным образом, в осуществлении всестороннего анализа научного наследия, педагогической деятельности и частной жизни учёного — всего того, без чего портрет Герье был бы не полон.

Первая глава книги посвящена происхождению В. И. Герье, его детским и юношеским годам и становлению как молодого учёного, в том числе генезису ряда его идей и подходов к оценкам многих событий всеобщей истории, которые будут развиты в лекционных курсах, статьях и монографиях уже в годы его профессорства. Так, по мнению автора, уже в монографии «Борьба за польский престол в 1733 г.», вышедшей в свет в 1862 г., Герье высказал свои самые ранние воззрения на сущность революционных событий во Франции конца XVIII в., которая представлялась ему как «буря», уничтожившая остатки «дряхлого и обветшалого» феодального строя (С. 59). Также в первой главе показано влияние научных командировок В. И. Герье за границу и личных контактов с зарубежными учёными на его становление как исследователя римской истории, истории Средних веков и Нового времени.

Отдельную часть первой главы книги Т. Н. Иванова посвящает первому лекционному курсу В. И. Герье, опубликованному под названием «Очерк развития исторической науки» в 1865 г. Действительно, это было важным событием и в истории русской исторической науки, и в истории университетского образования. «Очерк развития исторической науки» представляет собой практически первое в России обобщающее исследование основных фактов, закономерностей и этапов истории мировой исторической мысли и первый самостоятельный курс историографического содержания, читанный в русском университете. Не вдаваясь в детальный анализ историографических и методологических исследований В. И. Герье, заметим, что в «Очерке...» едва ли не впервые в отечественной исторической науке употребляется термин

«школа» применительно к сообществу учёных-историков на примере Бартольда Нибура³. Многие мысли, изложенные в «Очерке...», Герье развил в другой своей работе, — «Философия истории от Августина до Гегеля» (1915 г.), ставшей дополненным и заметно расширенным продолжением «Очерков...». Вместе с тем, между «Очерками...» и «Философией истории...» лежат практически неизученные и почти не введённые в научный оборот лекционные курсы В. И. Герье историографического и методологического содержания, которые ожидают их исследования. Одним из таковых является фактически отдельное специальное исследование историографии истории Античности — лекционный курс 1893–1894 гг. «Римская история. Историография до Моммзена», в котором рассматривается история исследований Древнего Рима через призму накопления источников, эволюции отношения учёных к вопросу о степени их достоверности (особенно по отношению к истории царского и раннереспубликанского Рима) и развития проблематики работ историков, филологов, правоведов и специалистов в области искусства⁴.

---

³ Герье. 1865. С. 83. Вводя в оборот названную дефиницию, Герье в качестве критерия выделения «школ» использует ведущий метод познания прошлого, который они применяли в своих исследованиях — филологический или историко-критический, выводя «историко-критическую школу Нибура» из «филологической школы» XVIII века. «Как первые серьёзные занятия историей связаны с возникновением классической филологии в XVI столетии, — писал Герье, — так и первая научная обработка истории была следствием высокого процветания, которого достигла филология в конце прошлого столетия (т. е. в конце XVIII в. — А. Ю.) в Германии. Из строгой филологической школы вышел Нибур, первый историк в современном смысле этого слова» (там же. С. 83-84).

⁴ В лекциях по истории изучения Древнего Рима В. И. Герье как бы вскользь, не вдаваясь в детализацию терминологии, употребляет важные для историографического исследования понятия — «школа», «научное движение» и др. Под словом «направление» Герье, как десятилетием позже В. П. Бузескул (*Бузескул*. 2005. С. 426, 447, 448, 544) и двумя десятилетиями позже И. Н. Бороздин (*Бороздин*. 1914. С. 85-86), понимает подход к интерпретации источников и к оценке их достоверности. Так, говоря о Вико, Герье упоминает о двух «направлениях» (подходах) исследования им римской истории: «признание традиционной римской истории недостоверною» и замена её «другой, согласной с общей теорией Вико», причём оба «направления» «обуславливают друг друга и находятся в тесном взаимодействии». (ОР РГБ. Ф. 70. К. 3. Ед. хр. 3. Л.д. 9, 9об., 27об., 28). Рассуждая же о подходах к оценке и интерпретации сведений античной традиции представителей «популярного рационализма» XVIII века, Герье упоминает «скептическое направление», к которому относит П. Бейля, Дж. Толанда, Я. Перизония и др., и «гармоническое направление», старавшееся «при передаче различных исторических фактов согласовать разноречивые данные, обходить противоречия или устранять их», к которому отнесён Ш. Роллен (там же. Л.д. 35, 35об.). В. И. Герье также выделяет в истории изучения

Т. Н. Иванова корректно полемизирует с другими современными исследователями творчества Герье. Она аргументировано опровергает тезис П. Ю. Савельева и А. Ф. Киселёва о том, что причиной провала Герье при избрании в первый раз на должность профессора Московского университета в 1868 г. было мнение о нём как о консерваторе (С. 98-99). С опорой на материалы личного фонда Герье в ОР РГБ, исследовательница корректирует предложенную Д. А. Цыганковым датировку, уточняет хронологию некоторых фактов, связанных с преподавательской деятельностью Герье, в особенности год начала работы его «семинария» Герье — 1865 год (С. 81).

Во второй главе монографии автор, используя широкую источниковую базу, подробнейшим образом описывает педагогическую деятельность учёного в Московском университете, в Лазаревском институте восточных языков и на Московских высших женских курсах. Кроме того, в книге получили детальное освещение взгляды Герье на гимназическое и университетское образование в целом и о месте в образовании учащихся разных поколений курсов по разным разделам истории. Весьма полезна сравнительная хронологическая таблица лекционных курсов и основных научных работ Герье (С. 138-140). При этом по лекционным материалам и текстам собственно научных исследований Герье, автору удалось выявить и в систематизированном виде представить основные черты концепции всеобщей истории учёного (С. 141-172), а также показать его вклад в изучение Великой Французской революции (С. 172-195).

Третья глава монографии посвящена деятельности В. И. Герье в Московском университете по совершенствованию системы преподавания различных разделов всеобщей истории, отдельных курсов по историографии и методологии истории и системе подготовке молодых учёных, призванных в дальнейшем занять университетские кафедры. Выделение особой главы, посвященной деятельности В. И. Герье в Московском университете, представляется вполне оправданным. Практически впервые в данной монографии проведён тщательный анализ взглядов Герье на необходимость развития университетской автономии, увеличения штата профессоров, расширения лабораторной базы, организации публичных лекций и курсов общеобразовательного содержания, призванных поднять просветительскую роль университе-

---

Древнего Рима ключевые события, например, «первую научную попытку внести критический элемент в историю», предпринятую Перизонием, «знаменательный момент» выхода в свет исследования Бофора, «переворот» в изучении римской истории, связанный с деятельностью Нибура (там же. Л.д. 18, 37об., 60).

та в интеллектуальной жизни города, в котором он находится. Эти вопросы, поднятые в своё время Герье, не утратили актуальности и в наши дни, что ещё раз доказывает необходимость уделить особое внимание взглядам Герье относительно «университетского вопроса».

Весьма интересна предпринятая Т. Н. Ивановой попытка реконструировать «некий общий алгоритм действий, позволявший Герье планомерно готовить из студентов профессиональных учёных» (С. 223-230), что вполне отвечает актуальному интересу многих современных российских историков к проблематике зарождения и функционирования научных школ. В этом отношении монография Т. Н. Ивановой продолжает исследования школы Герье, предпринятые за последнее десятилетие Е. С. Кирсановой⁵, Д. А. Цыганковым⁶, А. В. Антощенко⁷, В. П. Золотарёвым⁸, В. А. Филимоновым⁹ и др.

Четвёртая глава книги посвящена деятельности Герье в Московской городской думе, особенно на посту руководителя Комиссии о пользах и нуждах общественных, и как организатора высшего женского образования. Отраднo, что Т. Н. Иванова уделила особое внимание роли учёного в становлении высшего женского образования в России и организации им Высших женских курсов в Москве (С. 125-128, 242-269), правопреемником которых является Московский педагогический государственный университет, по праву считающий его своим отцом-основателем. Тот факт, что не только передовая российская общественность, но и органы власти Российской Империи довольно скоро по основании курсов 1 ноября 1872 года признали их несомненную пользу, лишнй раз доказывает ключевую роль В. И. Герье не просто в становлении, но и в развитии отечественного высшего женского образования. Так, в итоговом докладе межведомственной комиссии министерства внутренних дел, министерства народного просвещения, III отделения собственной Его Величества императорской канцелярии и товарища главноуправляющего IV отделением собственной Его Величества императорской канцелярии от 2 июля 1875 г. курсы Герье характеризуются как имеющие «пользу»¹⁰ «профессорские курсы», как «особые курсы, читаемые профессорами университета в объёме университетского образования»¹¹.

⁵ Кирсанова. 2003. С. 14-22.

⁶ Цыганков. 2008. С. 176-233.

⁷ Антощенко. 2008. С. 105-151.

⁸ Золотарёв. 2008. С. 152-173.

⁹ Н. И. Кареев и В. И. Герье... 2008. С. 174-188.

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 292. Л.д. 141, 141об.; л.д. 181, 181об.

¹¹ Там же. Л.д. 180, 180об.

В пятой главе монографии рассматриваются последние годы жизни Герье и пережитый им жизненный кризис, к которому привели смерть сына в 1893 г., любимого ученика М. С. Корелина в 1899 г., изменение отношения к нему студентов и коллег, болезни и кончина любимой жены, революционные потрясения 1905 и 1917 гг. Особое внимание уделено политическим взглядам и политической деятельности В. И. Герье в начале XX в. При этом, что не менее важно, проводятся постоянные параллели между политическими идеалами и принципами Герье и его научными идеями и мировоззренческими установками. В качестве одного из примеров Т. Н. Иванова приводит мнение Герье о необходимости усиления роли государства в направлении исторического движения общества, в том числе посредством усиления охраны общественного порядка, проведения путей сообщения, стимулирования промышленности (С. 309-323). Важным также представляется проведённый в книге анализ последней незавершённой работы Герье «О необходимом условии прочности государства» (он писал ее в университетской клинике в апреле 1919 г.), с рассуждениями проблемного характера о частной собственности как о главном залоге стабильности государства и общества.

Т. Н. Иванова предельно корректно рассматривает интересные факты и сюжеты из частной жизни В. И. Герье на разных этапах его научной, педагогической и административной карьеры, показывая их прямую или косвенную взаимосвязь с его деятельностью как учёного и как педагога. Само по себе изучение частной жизни учёного является делом деликатным, и эту деликатность по отношению к Герье автору вполне удалось выдержать. Например, рассматривая первые опыты его преподавания Е. И. Токаревой, ставшей впоследствии его супругой, и воспитанницам пансиона г-жи Брок, Т. Н. Иванова показывает, как зарождались у молодого учёного идеи организации высшего женского образования в России (С. 105-114). Другой пример — исследование влияния печальных обстоятельств семейной жизни Герье рубежа веков на эволюцию тематики и направленности его научных исследований (С. 291-296).

Монография Т. Н. Ивановой представляет собой современное актуальное, глубоко фундированное исследование, представляющее читателю В. И. Герье как основателя научной школы, как новатора в системе высшего образования своего времени и как интересную личность.

Вместе с тем, даже уже изученные и введённые в научный оборот архивные материалы, прежде всего лекционные курсы, неопубликованные отдельные исследования учёного, а также его статьи о проблемах университетского и женского образования, оставляют широкое поле

возможностей для новых их интерпретаций и оценок. Во-вторых, до сих пор остаётся довольно много архивных материалов по общественной, преподавательской и научной деятельности В. И. Герье, которые не введены в научный оборот. В частности, это историографические лекционные курсы, содержание которых лишь частично вошло в опубликованные в виде отдельных книг работы «Очерк развития исторической науки» (1865 г.) и «Философия истории от Августина до Гегеля» (1915 г.). Особенно хотелось бы отметить курсы «Римская история. Лекции заслуженного ординарного профессора В.И. Герье, читанные в 1893–94 году в I, II, III и IV семестрах. Историография до Моммзена» (ОР РГБ. Ф. 70. К. 3. Ед. хр. 3) и «Обзор историографии и археологии. Лекции по римской истории заслуженного ординарного профессора В. И. Герье, читанные на 1 и 2 курсах историко-филологического факультета в 1895–96 ак. году» (ОР РГБ. Ф. 70. К. 3. Ед. хр. 4).

В названных, как и в ряде других, лекционных курсов Герье можно проследить эволюцию подходов учёного к изучению и освещению наиболее важных фактов и проблем истории исторической науки в целом и истории изучения тех или иных вопросов из разных разделов всеобщей истории. Кроме того, интересны черновые материалы учёного к его лекциям, поскольку далеко не все его исследовательские подходы нашли отражение в литографированных лекциях, статьях и монографиях. Например, в черновом автографе лекций «ПроPILEI римской истории» на первом же листе дан их план, в котором в качестве отдельных пунктов в части обзора истории изучения Древнего Рима выделены внутри эпохи Возрождения «первая эпоха», «эпоха комментаторов» и «эпоха монографических изданий» (ОР РГБ. Ф. 70. К. 2. Ед. хр. 3. Л.д. 1, 1об.); вместе с тем, тезис об эпохах в изучении римской истории весьма мало отражён в публикациях лекционных курсов и в монографиях Герье.

Несмотря на то, что вопрос о влиянии европейских и отечественных историков на формирование философско-исторического мировоззрения В. И. Герье в значительной мере изучен, остаётся не до конца исследованным влияние идей и взглядов разных учёных Европы и России конца XVIII – первой половины XIX вв. на отдельные концептуальные положения Герье относительно конкретных вопросов и событий античной и средневековой истории (в меньшей мере истории Нового времени, что хорошо изучено Е. С. Кирсановой, А. В. Малиновым, Л. П. Лаптевой, В. В. Носковым, С. Н. Погодиным и др.), а также истории религии, государства и права.

Ввиду названных обстоятельств остаётся пожелать Т. Н. Ивановой продолжить исследование в этом направлении. Вместе с высказанными пожеланиями заметим, что монография Т. Н. Ивановой призвана вызвать интерес у широкого круга специалистов, занимающихся как историей исторической науки, так и конкретными проблемами всеобщей истории, к личности Герье и к изучению его научной, преподавательской и общественной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антощенко А. В.* Учитель и ученик: В. И. Герье и П. Г. Виноградов (к вопросу о московской исторической школе) // История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье / под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008.
- Бороздин И. Н.* К вопросу о современных направлениях в изучении древней истории // Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков: Типография «Печатное дело», 1914.
- Бузескул В. П.* Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. / Вступ. ст. и общ. ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005.
- Герье В. И.* Очерк развития исторической науки. М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1865.
- Золотарёв В. П.* В. И. Герье и Н. И. Кареев: к истории взаимоотношений // История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье / Под ред. Л. П. Репиной М.: ИВИ РАН, 2008.
- Кирсанова Е. С.* Консервативный либерал в русской историографии. жизнь и историческое мировоззрение В. И. Герье. Северск, Изд. СГТИ, 2003.
- Н. И. Кареев и В. И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций // История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008.
- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 70.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 191. Д. 292.
- Цыганков Д. А.* В. И. Герье и Московский университет его эпохи. Вторая половина XIX – начало XX века. М.: Изд-во ПСТГУ, 2008.

Юдин Алексей Владимирович, к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Московского педагогического государственного университета; alexuyudin@bk.ru.

Н. Г. ЛИСЕВИЧ

МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КОМИ В XX В.

СЕРИЯ «ЛЮДИ НАУКИ» КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА УРО РАН

Ключевые слова: мемуаристика, история Коми, серия «Люди науки».

Одна из актуальных тем в исторической науке последних лет — история повседневности. Изучение ее разных аспектов необходимо, поскольку кажущиеся незначительными детали жизни представителей разных социальных групп, на самом деле, играют чрезвычайно важную роль при попытках реконструкции досуга, быта, трудовой деятельности в ту или иную историческую эпоху. Увлечение глобализацией научных исследований нередко приводило к тому, что за раскрытием основных направлений развития общества забывалась обыденная жизнь человека. История повседневности имеет важное значение для понимания проблемы преемственности поколений, сохранения и возрождения традиции — возможно, в несколько модернизированном виде.

Мемуары или воспоминания — это записки современников, повествующие о событиях, в которых автор принимал участие или которые известны ему от очевидцев. В отличие от дневника мемуары подразумевают обращение к достаточно отдаленному прошлому и переоценку событий с высоты накопленного мемуаристом опыта. Воспоминания становятся новой возможностью выразить свое видение происшедшего, дать собственную оценку событиям, определить свое место в них.

Данное сообщение преследует цель более подробно охарактеризовать как явление региональной культуры серию книг «Люди науки», которая издавалась в 1992–2001 гг. в Коми научном центре Уральского отделения РАН. Созданный в 1944 г., к настоящему времени, Коми НЦ является крупнейшим академическим центром на европейском северо-востоке страны. В его структуре насчитывается семь специализированных институтов, более 100 отделов и лабораторий, уникальные комплексы оборудования. В центре города Сыктывкар построен своеобразный академический городок с собственной типографией, амбулаторией, общежитием и пр. В стенах учреждения работают около 1,5 тыс. чел. Научный центр стал одним из важнейших центров формирования интеллигенции Республики Коми. Во многом благодаря научному центру, республика превратилась в развитый индустриальный регион¹.

---

¹ Самарин. 2006. С. 196.

Решение об издании работ в серии «Люди науки» (с утверждением Положения о серии) было принято 14 января 1993 г. на заседании Президиума Коми НЦ УрО РАН. После продолжительных споров члены Президиума пришли к мнению, что очерки должны быть посвящены сотрудникам, ушедшим из жизни, и издания необходимо дополнить библиографией научных трудов, а также включить в публикации воспоминания современников. Одной из главных причин появления серии именно в этот период была смена идеологии в стране. Если в советский период главной политической установкой было коллективное развитие, судьба конкретного отдельного человека отодвигалась на второй план, то с падением коммунистического режима появилась возможность рассматривать историю с персонифицированных позиций. Серия «Люди науки» создавалась для всесторонней и объективной оценки вклада ученых Коми НЦ в развитие народного хозяйства, науки, культуры и искусства Республики Коми и Российской Федерации; с целью воспитания у молодежи интереса и уважения к науке, ее деятелям, их благородному труду. Руководителям научных учреждений было поручено обсудить на заседаниях ученых советов предложения для формирования перспективного плана выпуска книг в серии «Люди науки»².

Всего опубликовано 34 очерка, посвященных ветеранам, работавшим в Базе АН СССР в Коми АССР (преобразована в 1949 г. в Коми филиал АН СССР, в 1989 г. — Коми НЦ УрО РАН). Анализ творческого и жизненного пути ученых позволяет увидеть два объединяющих начала: научные достижения отдельных сотрудников и их роль в формировании творческого, дееспособного и перспективного коллектива³.

Динамика издания книг серии «Люди науки» (1992-2001 гг.)

Год	Кол-во изданий
1992	1
1993	4
1994	3
1995	4
1996	8
1997	7
1998	2
1999	1
2000	1
2001	2
2009	1

² НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 501. Л. 12, 21.

³ Самарин. Указ соч. С. 19.

Как видно из таблицы, не существует строгой системы в последовательности появления биографических очерков. Издания рассказывают о сотрудниках Коми НЦ, стоявших у истоков новых направлений науки, ориентированных на Коми регион⁴.

Среди героев книг 12 имели звания докторов наук: Г. В. Канев⁵, В. И. Чальшев⁶, Н. Е. Кочанов⁷, П. П. Вавилов⁸, А. С. Сидоров⁹, К. А. Моисеев¹⁰, В. И. Лыткин¹¹, В. А. Космортов¹², А. К. Микушев¹³, А. И. Толмачев¹⁴, В. А. Дедеев¹⁵, Е. Н. Иванова¹⁶, 21 были кандидатами наук: М. А. Плотников¹⁷, А. Н. Лашенкова¹⁸, А. И. Першина¹⁹, Б. И. Гуслицер²⁰, А. А. Дедов²¹, О. С. Зверева²², Н. А. Лазарев²³, Е. С. Кучина²⁴, Л. А. Братцев²⁵, О. А. Польшцева²⁶, Л. Н. Жеребцов²⁷, Н. И. Непомилуева²⁸, В. И. Маслов²⁹, П. И. Чисталев³⁰, В. М. Болотова³¹, Ю. П. Юдин³², И. С. Хантимер³³, В. Н. Охотников³⁴, Р. Г. Тимонина³⁵.

⁴ К примеру, ботаник И. С. Хантимер первым стал заниматься темой борьбы с сорняками на колхозных полях республики; П. П. Вавилов и В. И. Маслов впервые занялись исследованиями радиационного фона. *Подоплелов В. П.* 1993. Вып. 2.

⁵ *Подоплелов В. П.* 1993. Вып. 2.

⁶ *Елисеев А. И.* 1993. Вып. 3.

⁷ *Иванова Г. М.* 1993. Вып. 4.

⁸ *Забоева И. В.* 1994. Вып. 7.

⁹ *Жеребцов И. Л.* 1995. Вып. 9.

¹⁰ *Мишуров В. П.* 1995. Вып. 10.

¹¹ *Жеребцов И. Л.* 1997. Вып. 21.

¹² *Мишуров В. П.* 1997. Вып. 23.

¹³ *Демин В. Н.* 1998. Вып. 28.

¹⁴ *Мартыненко В. А.* 1998. Вып. 29.

¹⁵ *Елисеев А. И.* 1999. Вып. 30.

¹⁶ *Забоева И. В., Караваяева Н. А.* 2009. Вып. 34.

¹⁷ *Молин В. А.* 1992. Вып. 1.

¹⁸ *Котелина Н. С.* 1993. Вып. 5.

¹⁹ *Цыганко В. С.* 1994. Вып. 6.

²⁰ *Лосева Э. И.* 1994. Вып. 8.

²¹ *Забоева И. В.* 1995. Вып. 11.

²² *Гецен М. В.* 1995. Вып. 12.

²³ *Забоева И. В., Бобкова К. С.* 1996. Вып. 13.

²⁴ *Забоева И. В.* 1996. Вып. 14.

²⁵ *Подоплелов В. П.* 1996. Вып. 16.

²⁶ *Забоева И. В.* 1996. Вып. 17.

²⁷ *Жеребцов И. Л.* 1996. Вып. 18.

²⁸ *Котелина Н. С.* 1996. Вып. 19.

²⁹ *Попова О. Н.* 1996. Вып. 20.

³⁰ *Кудряшова В. М.* 1997. Вып. 22.

³¹ *Котелина Н. С.* 1997. Вып. 25.

³² *Забоева И. В.* 1997. Вып. 26.

Н. Н. Кузькокова³⁶. Одно издание посвящено М. М. Чарочкину, не имевшему ученого звания. Михаил Михайлович Чарочкин — известный дендролог, проработал в Коми филиале АН СССР в должности младшего научного сотрудника с 1945 по 1976 гг. Его вклад в развитие науки в Коми трудно переоценить. По его инициативе была заложена основа нынешнего ботанического сада Института биологии Коми НЦ. Многие улицы, скверы и парки г. Сыктывкара и его окрестностей, озеленены под руководством и при личном участии М. М. Чарочкина³⁷.

17 очерков посвящены сотрудникам Института биологии; по шесть очерков — ученым Института геологии и Института языка, литературы и истории; два очерка рассказывают об ученых-экономистах. Наибольшее число публикаций о сотрудниках Института биологии объясняется следующими обстоятельствами. Институт был образован одним из первых (1962 г.)³⁸ У истоков его создания стоял крупный ученый-биолог, талантливый организатор науки, чл.-корр. АН, академик ВАСХНИЛ — Петр Петрович Вавилов (1918–1984), с 1956 г. ставший председателем Президиума Коми филиала АН СССР³⁹. В Институте биологии сложился сильный научный коллектив, с большим творческим потенциалом.

Структура изложения материала однотипна. Вначале приводится краткая биография ученого, названы его научные интересы. В следующем разделе более подробно описывается его деятельность. Затем следуют разделы: «Основные даты жизни и деятельности», перечень научных трудов, список литературы об ученом. Составной частью серии являются помещенные в книгах воспоминания современников. С даты кончины до выхода в свет очерка о научном работнике проходит довольно много времени (20–45 лет). Для написания книг использовались воспоминания сотрудников, лично знавших ученых, учеников, воспоминания героев очерков, а также материалы, предоставленные родственниками: личная переписка, фотографии из семейных альбомов.

Все ученые, о которых рассказывается в серии, были ровесниками одной эпохи. Многие родились до Октябрьской революции, в семьях крестьян и служащих. Выходцы из низших социальных слоев получили возможность учиться в высших учебных заведениях страны. Им при-

---

³³ Котелина Н. С. 1997. Вып. 15.

³⁴ Фишман М. В. 2000. Вып. 31.

³⁵ Фишман М. В. 2001. Вып. 32.

³⁶ Фишман М. В. 2001. Вып. 33.

³⁷ Волкова Г. А. 1997. Вып. 24.

³⁸ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³⁹ Забоева И. В. 1994. Вып. 7. С. 4, 7.

шлось пройти нелегкий путь к науке, через Гражданскую и вторую мировую войны, через голод и лишения. Ученые начинали работу в Базе АН СССР в Коми АССР в период, совпавший с Великой Отечественной войной и послевоенным восстановлением хозяйства. Обстановка того времени требовала максимального использования природных ресурсов. Это определяло направленность исследований: изучение рек и озер, возможности строительства на вечномёрзлых грунтах, приспособляемости человека к северным условиям жизни, разработке новых месторождений и добыче полезных ископаемых (в том числе золота и алмазов), по проблемам растениеводства и животноводства в северных районах.

Многие, кому посвящены издания, принадлежали к тому поколению, юность, надежды и мечты которого перечеркнула Великая Отечественная война. Становление ученых происходило довольно трудно. Композитор, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Прометей Ионович Чисталев получил высшее математическое образование, имел большой опыт педагогической работы, но математика не стала его призванием. Будучи преподавателем Сыктывкарского музыкального училища, П. И. Чисталев обучался в этом же училище по классу баяна⁴⁰. В воспоминаниях о геологе и археологе Борисе Исааковиче Гуслицере отмечается, что когда он учился после войны в Крымском пединституте (с 1947 г.), то был старше однокурсников почти на 10 лет. В очерке о геологе Антониде Ивановне Першиной рассказывается о студенческой жизни в годы войны: «Надолго отрываясь от занятий, они, в основном девочки, стоговали сено, убирали урожай, сплавляли лес. [...] успевала поработать в колхозе и помочь пожилым родителям»⁴¹. Некоторые ученые подвергались репрессиям (филологи В. И. Лыткин и А. С. Сидоров, ботаник И. С. Хантимер). Тем не менее, пройдя различные жизненные испытания, они не сломались, смогли сохранить тот внутренний стержень, который помог им в дальнейшем научном творчестве. Василий Ильич Лыткин, осужденный в 1933 г., защитил докторскую диссертацию в 1946 г., реабилитирован в 1956 г.; Исмаил Сыдыкович Хантимер (осужден в 1929 г.) смог защитить кандидатскую диссертацию в 1976 г., уже после выхода на пенсию, реабилитирован в 1990 г.⁴² Оторванность ученых, на продолжительное время от исследований, несомненно, тормозила развитие науки, но идеи, в конечном итоге, становились достоянием специалистов.

---

⁴⁰ Кудряшова В. М. 1997. Вып. 22. С. 4.

⁴¹ Цыганко В. С. 1994. Вып. 6. С. 3.

⁴² Котелина Н. С. 1997. Вып. 15. С. 5.

Ученые работали в маленьком провинциальном городке. В Сыктывкаре не было других (кроме педагогического института) научных учреждений. Одна из характерных особенностей научных сотрудников: потребность работать в команде. Принятие совместных решений сформировало способность коллективистского мышления. Опубликованные в серии мемуары отражают становление нового типа советских ученых.

Воспоминания содержат все особенности мемуарной литературы. В них присутствует субъективность, так как рассказывается только о достижениях ученых и отсутствует скептическая или негативная оценка. Воспоминания богаты деталями повседневной жизни, дают представление о жилищных условиях, одежде, питании, досуге работников.

В очерках отражена не только научная, но и широкая общественная деятельность сотрудников Коми филиала. Они руководили научными семинарами в институтах; были агитаторами, читали лекции в школах и на предприятиях республики, выступали по радио, писали статьи в газеты; руководили шефской работой в колхозах и школах. Многие были активными коммунистами.

Сотрудники Коми НЦ не останавливались только на одной области научных изысканий. Борис Исаакович Гуслицер (геолог) и Вячеслав Ильич Канивец (археолог) совместно открыли и изучали несколько археологических памятников. Б. И. Гуслицер играл в шахматы, ходил на лыжах, участвовал в спортивных состязаниях, пел в хоре филиала и ансамблях. Нередко в экспедициях, после трудового дня, отдыхая у костра, напевал романсы и задушевные песни, знал массу стихов и нередко их цитировал. Гидробиолог Ольга Степановна Зверева писала стихи, музицировала. Она происходила из интеллигентной семьи. Ее отец Стефан (Степан) Егорович Зверев основал Воронежский краеведческий музей и стал его первым директором. Брат О. С. Зверевой — Митрофан Степанович Зверев (астроном, зам. директора Пулковской обсерватории, член-корр. АН СССР) окончил Московскую консерваторию и наряду с профессиональной деятельностью, периодически давал концерты в конференц-зале обсерватории, в доме-музее А. Н. Скрябина в Москве⁴³. Семейные традиции имеют непосредственное отношение к формированию личности и дальнейшему общественному становлению конкретного человека.

Работы ученых Коми филиала высоко ценились и признавались современниками, что подтверждается высказыванием американского палеонтолога о геологической коллекции Антонида Ивановны Перши-

---

⁴³ Гецен М. В. 1995. Вып. 12. С. 35.

ной, собранной на севере Урала: «Коллекция [...] — первый сорт, шедевр, Коми академия может гордиться такой коллекцией. Она украсила бы институт палеонтологии любой из стран, которые мне довелось посетить»⁴⁴. Научный уровень монографии Леонида Александровича Братцева о переброске стока северных рек Печоры и Вычегды в бассейн Каспия превосходил аналогичные зарубежные разработки, а ее практическая значимость выходила за рамки рассматриваемого района. Его монография была переведена на английский язык и издана в Канаде⁴⁵.

Интересная черта межнационального общения научных сотрудников отражается тем, что люди приезжие стремились выучить язык местного населения. Поучителен и любопытен в этом плане факт, приведенный И. В. Забоевой в воспоминаниях о Л. А. Братцеве: «Он при встрече обратился ко мне на коми языке [...] Была приятно изумлена тем, что он знает коми язык. А потом я узнала, он знает более 20-ти языков»⁴⁶.

Из воспоминаний можно судить об экстремальности экспедиционной работы в Коми крае. В воспоминаниях об А. И. Першине рассказывается, что в 1960-е гг. основным транспортом в экспедициях были деревянные лодки (подвесных моторов не было), вверх по течению иногда приходилось передвигаться по-бурлацки — «бечево́й», женщины тянули груженные лодки наравне с мужчинами. К.и.н. Вячеслав Ильич Канивец трагически погиб во время очередной экспедиции.

Рассказывается в воспоминаниях и о нелегкой повседневной жизни ученых. Ия Васильевна Забоева — д.с.-х.н., работавшая вместе с Михаилом Михайловичем Чарочкиным, вспоминала о нем: «После войны в 1946 г. в Коми базе АН СССР появился сотрудник, который долгое время ходил в шинели...»⁴⁷. М. А. Плотников писал своему другу писателю Борису Лунину в Москву: «Купи мне ботинки, если сможешь. Бог знает, как обтрепался. В город стыдно выйти...»⁴⁸. Оставляло желать лучшего и медицинское обслуживание в г. Сыктывкаре, как и по всей стране. В 1920-е гг. О. С. Зверева писала в письмах полных тревоги о братьях: «Ради бога будьте осторожны, слышала, что в городе холера!». К этому времени инфекционные болезни скосили почти всю, некогда большую семью (из семи человек в живых остались трое)⁴⁹. Любомир Николаевич Жеребцов (к.и.н., коми этнограф) в 1936 г. тяжело заболел

---

⁴⁴ Цыганко В. С. 1994. Вып. 6. С. 9.

⁴⁵ Подоплелов В. П. 1996. Вып. 16. С. 10.

⁴⁶ Там же. С. 17.

⁴⁷ Волкова Г. А. 1997. Вып. 24. С. 19.

⁴⁸ Молин В. А. 1992. Вып. 1. С. 4.

⁴⁹ Гецен М. В. 1995. Вып. 12. С. 5.

туберкулезом, необходимых лекарств в городе не было, и врачи думали, что он не выживет. Более полугода мать Любомира боролась за жизнь сына, и он поправился⁵⁰. К концу 1950-х годов материальное положение ученых заметно улучшается. Н. И. Остроумова (дочь О. С. Зверевой) вспоминала: «В Сыктывкаре дома у нас был проигрыватель, пластинки, часто звучала классическая музыка. Сестра много играла на пианино. [...] У нас было много книг — полки до потолка с художественной, а еще более — со специальной литературой»⁵¹.

Освещают быт ученых колоритные фотографии, взятые из фондов Научного архива Коми НЦ и семейных альбомов. На снимках, мы видим, как со временем меняется одежда сотрудников, какая используется техника и оснащение в экспедициях, как модернизируется научное оборудование институтов и лабораторий Коми НЦ.

Прекращение издания серии «Люди науки» не говорит о потере интереса к мемуарам сотрудников Коми НЦ. Скорее появилась необходимость сменить форму изложения материала, структуру работы.

Работа по изданию очерков об ученых, стоявших у истоков научных исследований в Коми крае, продолжается. Уже на следующий год, после завершения издания серии «Люди науки», была запущена серия книг акад. М. П. Рощевского «Воспоминания XX век»⁵², которая содержит разнообразный материал справочного и аналитического характера вкпе с воспоминаниями. К воспоминаниям коллег добавились воспоминания людей, не связанных с деятельностью ученого, но характеризовавшие его как гражданина, общественного деятеля⁵³. Много разноплановой уникальной информации содержится в журналах Коми НЦ УрО РАН «Вестник Института геологии» (выходит с 1995 г.) и «Вестник Института биологии» (с 1996 г.). Наравне с сообщениями о жизни институтов, научных достижениях и конференциях, публикуются статьи по истории научных направлений, биографии ученых.

Серия книг «Люди науки» уникальна. Ее материалы позволяют сопоставить исследования разных лет, проследить динамику развития науки в Коми НЦ УрО РАН, формирование научной интеллигенции в регионе в контексте ее идеологических, общественно-политических, профессионально-функциональных условий.

---

⁵⁰ Жеребцов И. Л. 1996. Вып. 18. С. 3.

⁵¹ Гецен М. В. 1995. Вып. 12. С. 35.

⁵² Валентина Васильевна Турьева...

⁵³ Самарин А. В. Указ. соч. С. 19.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Валентина Васильевна Турьева / Ред. акад. М. П. Рощевский. Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, 2001 («Вспоминания XX век». Серия акад. М. П. Рощевского; Вып. 7).
- Волкова Г. А. Михаил Михайлович Чарочкин: страницы биографии известного дендролога Республики Коми / Г. А. Волкова, В. П. Мишуров. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 24).
- Гецен М. В. Ольга Степановна Зверева: страницы биографии ученого-гидробиолога / М. В. Гецен, Т. А. Власова. Сыктывкар, 1995. (Сер. «Люди науки»: Вып. 12).
- Демин В. Н. Анатолий Константинович Микушев / В. Н. Демин, Н. А. Бурилова, В. В. Филиппова. Сыктывкар, 1998. (Сер. «Люди науки»: Вып. 28).
- Елисеев А. И. Василий Иванович Чальшев / А. И. Елисеев, В. А. Молин, Я. Э. Юдович. Сыктывкар, 1993. (Сер. «Люди науки»: Вып. 3).
- Елисеев А. И. Владимир Алексеевич Дедеев / А. И. Елисеев, Н. А. Малышев, М. В. Фишман. Сыктывкар, 1999. (Сер. «Люди науки»: Вып. 30).
- Жеребцов И. Л. Алексей Семенович Сидоров / И. Л. Жеребцов, Е. А. Цыпанов. Сыктывкар, 1995. (Сер. «Люди науки»: Вып. 9).
- Жеребцов И. Л. Василий Ильич Лыткин / И. Л. Жеребцов, Г. А. Некрасова, В. Н. Демин. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 21).
- Жеребцов И. Л. Любомир Николаевич Жеребцов / И. Л. Жеребцов, Ю. П. Шабаев. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 18).
- Забоева И. В. Андрей Алексеевич Дедов / И. В. Забоева. Сыктывкар, 1995. (Сер. «Люди науки»: Вып. 11).
- Забоева И. В. Елизавета Степановна Кучина: страницы биографии ученого-ихтиолога / И. В. Забоева. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 14).
- Забоева И. В. Ольга Афанасьевна Полынцева: страницы биографии почвоведа – основоположника почвенных исследований в Республике Коми / И. В. Забоева. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 17).
- Забоева И. В. Петр Петрович Вавилов / И. В. Забоева, О. Н. Попова [и др.]. Сыктывкар, 1994. (Сер. «Люди науки»: Вып. 7).
- Забоева И. В. Юрий Павлович Юдин: страницы биографии геоботаника, одного из основоположников исследований растительности Республики Коми / И. В. Забоева. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 26).
- Забоева И. В., Бобкова К. С. Николай Александрович Лазарев: страницы биографии ученого-лесоведа / И. В. Забоева, К. С. Бобкова. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 13).
- Забоева И. В., Караваева Н. А. Евгения Николаевна Иванова / И. В. Забоева, Н. А. Караваева. Сыктывкар, 2009 (Сер. «Люди науки»: Вып. 34).
- Иванова Г. М. Николай Егорович Кочанов: страницы биографии ученого - физиолога / Г. М. Иванова, Н. И. Чувьорова. Сыктывкар, 1993 (Сер. «Люди науки»: Вып. 4).
- Котелина, Н. С. Ариадна Николаевна Лашенкова: старейший геоботаник Севера / Н. С. Котелина. Сыктывкар, 1993. (Сер. «Люди науки»: Вып. 5).
- Котелина Н. С. Валентина Михайловна Болотова: страницы биографии ученого-геоботаника / Н. С. Котелина, Е. С. Болотова. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 25).

- Котелина Н. С.* Наталья Ивановна Непомилуева: страницы биографии ботанико-географа / Н. С. Котелина. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 19).
- Котелина Н. С.* Исмаил Сыдыкович Хантимер / Н. С. Котелина, И. Б. Арчегова. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 15).
- Кудряшова В. М.* Прометей Ионович Чисталев / В. М. Кудряшова, А. Г. Горчаков [и др.]. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 22).
- Лосева Э. И.* Борис Исаакович Гуслицер: страницы биографии ученого-геолога / Э. И. Лосева, В. А. Кочев, П. Ю. Павлов. Сыктывкар, 1994. (Сер. «Люди науки»: Вып. 8).
- Мартыненко В. А.* Александр Иннокентьевич Толмачев / В. А. Мартыненко, Н. С. Котелина. Сыктывкар, 1998. (Сер. «Люди науки»: Вып. 29).
- Мишуров В. П.* Василий Александрович Космортов: страницы жизни известного биолога-растениоведа / В. П. Мишуров, В. М. Швецова, Н. П. Караваева. Сыктывкар, 1997. (Сер. «Люди науки»: Вып. 23).
- Мишуров В. П.* Константин Алексеевич Моисеев: страницы биографии ученого-биолога / В. П. Мишуров, Л. А. Скупченко. Сыктывкар, 1995. (Сер. «Люди науки»: Вып. 10).
- Молин В. А.* Михаил Алексеевич Плотников: страницы биографии ученого-геолога / В. А. Молин. Сыктывкар, 1992. (Сер. «Люди науки»: Вып. 1).
- Научный архив Коми Научного центра Уральского Отделения РАН (НА Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1, 3.
- Подоплелов В. П.* Гений Васильевич Канев: страницы биографии ученого экономиста-аграрника / В. П. Подоплелов, В. В. Терентьев. Сыктывкар, 1993 (Сер. «Люди науки»: Вып. 2).
- Подоплелов В. П.* Леонид Александрович Братцев: страницы биографии / В. П. Подоплелов, Г. А. Астафьев [и др.]. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 16).
- Попова О. Н.* Всеволод Иванович Маслов: страницы биографии ученого-радиоэколога / О. Н. Попова, Н. П. Фролова. Сыктывкар, 1996. (Сер. «Люди науки»: Вып. 20).
- Самарин А. В.* История Коми научного центра Уральского отделения АН СССР: становление и развитие (1944–1991 гг.) / Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, 2006.
- Фишман М. В.* Виталий Николаевич Охотников / М. В. Фишман. Сыктывкар, 2000. (Сер. «Люди науки»: Вып. 31).
- Фишман М. В.* Нина Николаевна Кузькокова / М. В. Фишман. Сыктывкар, 2001. (Сер. «Люди науки»: Вып. 33).
- Фишман М. В.* Римма Гавриловна Тимонина / М. В. Фишман. Сыктывкар, 2001. (Сер. «Люди науки»: Вып. 32).
- Цыганко В. С.* Антонида Ивановна Першина: страницы биографии ученого-геолога / В. С. Цыганко. Сыктывкар, 1994. (Сер. «Люди науки»: Вып. 6).

Лисевич Нина Григорьевна, главный архивист отдела «Научный архив и энциклопедия». Коми научный центр РАН; lisevich@presidium.komisc.ru.

SUMMARIES

IONOV IGOR N. *Logical and linguistic zigzags of the concepts of civilizations in contemporary Russia*

The article analyses contradictory status and tendencies of the development of civilizational approach of the last 25 years, from pioneering works by M. A. Barg, to studies of Russian civilization by A. S. Akhiezer and to contemporary historical and sociological studies. It demonstrates the tendencies to problematization and partial relativism of the formation images of historical process in works by Barg, and creation of apodidactic images of civilization, logocentric models of history by Akhiezer. The author also shows contemporary ways of secondary problematization of these concepts and of the use of research field that had been shaped by them.

Keywords: *historical consciousness, discourse, civilization, formation, prior knowledge, inversion, logocentric, dogmatic, problematization, horzont of knowledge, universal, local, dialogue.*

JACQUART DANIELLE. *Problems of lethal prognosis*

The advice to not treat incurable cases, present already in certain texts of the Hippocratic Collection, was repeated by medieval authors of surgery treatises. But what was the physicians' attitude? This paper analyses the utterances of two prolix authors, who actively practiced medicine: Bernard of Gordon (late 13th –early 14th c.) and Jacques Depars († 1458), and it is evident that their reticence had less to do with the giving of a death prognosis than with the curing of incurable cases. The fatal signs were indeed not easy to recognize, except if when death was really close. And in a physician's opinion, it was more dishonorable to give a wrong prognosis of death than the opposite. Yet at the end of the Middle Ages, the recurrence of plague epidemics strengthened the reticence of the physicians, and forced them to give this loathed prognosis more often.

Keywords: *medicine, prognosis, death, disease, signs.*

STOGOVA ANNA V. *Friendship in the medical discourse of the late 16th – early 17th cc.*

The author has focused her attention on the representations of friendship in early Modern medical and natural philosophic treatises and on the ways of medical assessment of friendship. The article analyses the specific of representation of friendship in medical texts as well as historical conditions for the rise and eclipse of such representations.

Keywords: *friendship, history of medicine, history of natural philosophy, Francis Bacon, Robert Burton.*

KORZUN VALENTINA P., KOLEVATOV DMITRIY M. *Image of historical discipline in the first post-war decade: the transformation of historiographic coordinates*

This article is dedicated to the transformation of the image of the historical discipline in Russia in 1945-1953. The authors consider the process of changing historiographic coordinates (1980s-2000s) which had several directions: 1) actualization of the problem of social context in the development of the discipline and of relationship between scholars and authorities; 2) anthropologization of historiography, which was reflected in personification and humanizing of the image of historical science; 3) consideration of cognitive principles of the discipline and finding out the patterns of its development; 4) correlation of historiographical interpretations with the deep foundations of national cultural tradition, with "puzzle of cultural identity symbols".

Keywords: *image of historical discipline, anthropological paradigm, social order, post-war period, cosmopolitanism, translation of historical consciousness.*

VOYTENKO ANTON A. **Millenarist ideas in Egypt in the 1st–4th cc.**

The article presents a study of the development of millenarist ideas in Egypt in the 1st–4th cc. The author analyses various types of sources (Patristic texts, apocrypha and hagiography) as the papyri and concludes that millenarism was widespread in Egypt and did not disappear in the second half of the 3rd c. as it had been suggested before.

Keywords: *millenarism, origenism, papyrology hagiography, early Christianity, history of monasticism.*

BUGROV KONSTANTIN D., KISELEV MIKHAIL A. **“Law” and “Council”:**

the Conceptual Field of the Political Reform Projects

prepared by the Russian Bureaucratic Elite (late 1750s – early 1760s)

The article deals with key elements of the conceptual field of political reforms projects prepared by the Russian bureaucratic elite of late 1750s and early 1760s. The authors analyze the projects of A. Bestuzhev-Ryumin, D. Volkov, N. Panin, Ia. Shakhovskoy and the others to show the existence of concepts shared by all these projects, regardless of the court “parties” struggle for power. The common concepts of “law” and “council” allowed the political actors to analyze the possible directions of reforms, put them on paper and attempt to put them into practice. The authors of the projects were striving for improvement of legislation process in order to promote greater legality. These projects also include the proposal of an advisory council to guarantee the correspondence of sovereign’s law-making to the “common good”.

Keywords: *political history of 18th century Russia, history of concepts, Imperial Council, palace coup of 1762, A. Bestuzhev-Ryumin, D. Volkov, N. Panin, Peter III, Catherine II.*

SHNEIDER KONSTANTIN I. **Early Russian liberalism: power of freedom or freedom of power?**

The author studies the views of early Russian liberals of the mid-19th c. The problem of understanding various conservative meanings of the initial concept of Russian liberalism is the most difficult to interpret. It is seen in the connection between the notions of ‘freedom’ and ‘power’, ambiguous for classical liberal traditions. The article deals with various connotations of these key categories found in the works of early Russian liberals.

Keywords: *Russia, liberalism, early Russian liberalism, freedom, power.*

GORELOV MAXIM M. **Encomium Emmae Reginae: historical memory or political propaganda?**

The article is dedicated to the narrative of the 11th c. English historiography. It glorifies foreign (Danish) dynasty that ruled England 1017–1042 after the Danish conquest by Canute the Great and demonstrates a great deal of medieval rhetoric and subjectivity in issuing the political situation and a problem of succession to the English throne. The article poses a question, whether one could consider this narrative as an evidence of historical memory of Anglo-Saxons about Danish rule, or not.

Keywords: *encomium, Emma, Canute, Danish, Anglo-Saxon, throne.*

BARLOVA YULIA YE. **‘Surveillance and profit’: poor relief and social care in theoretical constructs by Jeremy Bentham**

The article highlights the Jeremiah (Jeremy) Bentham’s views on poverty, pauperism and poor relief. Analyzing Bentham’s works on poor relief, the author concludes that his thesis

and recommendations on the subject were part of his utilitarian ideology and the maximization theory, as well as of his work on the Panopticon project. Bentham insisted on the moral character of poverty, explaining the latter by personal deficiencies of the poor, on the unattractive and painful character of social assistance, proposing the substitution of the outdoor relief system by the economically profitable indoor relief under inspection. His views, in many respects, influenced the nature of the Poor Law Amendment Act of 1834.

Keywords: *Jeremy Bentham, utilitarianism, poverty, poor relief, Poor Laws, inspection, workhouse, 1834 reform.*

MIRONOVA ELENA M. *Russian diplomatic thought at the late 1917*

After the events of October 1917 the entire Central Department of the Ministry of Foreign Affairs of Russia went on strike. The Diplomatic Corps abroad, having lost the guidance, had to work out independently its own attitude towards the circumstances. The problems of ideological grounds for further autonomous activities of the Russian missions abroad, particularly the theory of two Russias, Bolshevik and National, on the basis of analysis of the complex of telegraph diplomatic correspondence from the last months of 1917 till the beginning of 1918 are considered for the first time. The discussions concerning the creation, leadership and means of activities of the Council of Ambassadors, established in November 1917 are investigated.

Keywords: *Russia, revolution, diplomacy, Council of Ambassadors, antibolshevism, year 1917.*

SOKOLOV ANDREY B. *Body as a way to identify the 'Other'*

The article analyses the ways of describing bodies used by the authors of travelogues as a way to construe the 'other' which works not only through the description of appearance but also through descriptions of bodily practices. The author shows widespread use of body as a way to construe the 'Other' in colonialist discourse and in propaganda and concludes that construing 'inner Other' is based on the 'exploitation' of the same positions that actualized in connection with cultural 'Other'.

Keywords: *body, bodily practices, image of the Other, travel literature, colonialist discourse, visual propaganda.*

MOISEEVA EKATERINA N. *Nationalist rhetoric and confessional factor in the French Imperial discourse of the late 19th c.*

This article analyzes the imperial discourse of France in the last third of the XIX century and its close relationship with the discourse of nationalism. More attention is focused on studying the confessional factor of French imperial propaganda. Emphasis is placed on the study of the texts of French journalist G. Sharma, devoted to the colonial expansion of France in the last third of the XIX century, in particular missionary work of France in Africa and in the East. By means of actualization of the similar propaganda texts, we can better understand the intellectual culture of France in the period that followed its defeat in the war with Prussia.

Keywords: *nationalism, imperial discourse, colonial expansion, religious propaganda, Catholic protectorate.*

LIPKIN MIKHAIL A. *Marquis de Custine in 1957?*

A note of a French intellectual on his three-weeks journey to the USSR

The article is based on analysis of new evidence from the French Ministry of Foreign Affairs' Archive "A note on 3 weeks journey to Moscow in August 1957". It introduces a

note of unknown French participant of the Moscow Youth Festival with a wide analysis of inner and external situation in the USSR and worldwide in 1957. The article reveals cultural and geopolitical perceptions of the French about USSR, USA and France in both regional and global scale and raises the issue of a link between the August 1957 journey to Moscow and a development of European integration (creation of EEC and Euratom in March 1957).

Keywords: *USSR, France, USA, Europe, arms race, cold war, European integration, civilization, culture, imperialism.*

KLENYASHEVA NATHALLA D. *Childbirth in a Roman family: gods and rituals*

The article analyses the attitude of Ancient Roman society to pregnancy, infants and their socialization in the context of religious beliefs and rituals. The evidence of gods helping at childbirth and gods-protectors suggests that for all great value of new-born babies the Romans were more concerned with survival and good health of their mothers. Roman infants became members of human society only after they had acquired names recorded both on private and on state levels.

Keywords: *Roman family, private Roman cults and rituals, pregnancy, labour, socialization of children in Ancient Rome, Roman gods helping at childbirth and gods-protectors of new-born babies.*

VIN JURIY JA. *The motives of the acts of the land alienations of Late Byzantine Peasants*

The article of Ju. Ja. Vin examines the reasons for land alienation (exchanges and sales of lots) given by peasants. The author of the article concludes that all the deeds were determined by medieval mentality of Byzantine peasants.

Keywords: *land alienation, grant, will, exchange, buying and selling, motives, medieval mentality, psychology, Byzantine peasantry, natural economy.*

SUKINA LIUDMILA B. *On the so-called "posadsky" (trade) element of social and cultural environment of Russian city of the 17th century*

The article considers and corrects the scope of the concept "posadsky" (trade) in the historiography of the 17th century Russian city. It is used in order to determine typical phenomena of the culture of the trade people: "posadsky" literature, "posadsky" art, "posadsky" architecture etc. But we ought to use the term "posadsky" carefully. It has particular social and cultural semantics and can not define all phenomena of the culture of Russian city of that time. It is shown through the analysis of the Code of the 1649 and the sources related to the building of churches in Russian cities.

Keywords: *historiography, culture, society, Russian city, trade people historiography.*

SHEMYAKINA OLGA D. *Contradictions between Russian Modern-project and traditional culture: historical heritage in contemporary context*

The article analyses contradictions inherent to the Russian Modern-project on various stages of its development ('St Petersburg Russia', Soviet Union, post-Soviet period) and is focused on contemporary problems. The author pays a good deal of attention to scientific discourse, and its shaping, potential and limitations since it was always at the core of any Modern-project. It is shown that it was the interaction with traditions that demonstrated the potential and limitations of the scientific discourse. Therefore the author's second object of study is traditional culture (especially the one of Old Believers) and its responses to the challenges of modernization.

Keywords: *traditional culture, Old Believers, Modern-project, scientific discourse, academic corporation, Utilitarianism, 'poor rationalism' culture of word, culture of silence.*

OSIPOV EVGENY A. *European ideas of Georges Pompidou*

The article analyses the ideas of 'completion, strengthening and enlargement' of European Economic Community proposed by the second president of the Fifth Republic.

Keywords: *the President of France, European Президент Франции, European Economic Community, European Common Market, confederation.*

PUPYKIN NIKOLAY I. *From Gaullism to Neo-Gaullism: evolution of ideology and politics*

The article is dedicated to the analysis of the evolution of Gaullism ideology at the late 20th – early 21st cc. In the article such questions as the basic postulates of Gaullism ideology, features of Neo-Gaullism as ideological and political current, social, economic and political evolution of ideological principles of Gaullist party in different spheres of the state development are examined.

Keywords: *RPR, UMP, Gaullism, Neo-Gaullism, Ch. De Gaulle, J. Chirac, N. Sarkozy, Constitution of France, OTAN, EU.*

GAVRILOVA SVETLANA M. *Russian scholars on contemporary Italy*

The article presents an overview of Russian studies of political life of Italian Republic in 1991-2008. It demonstrates main trends of Russian historiography of the period preceding the transition from the First to the Second Republic in Italy, its reasons and consequent structural changes in political, social and cultural life of the country.

Keywords: *republic, parliament, party system, economics, integration, constitution, election, referendum.*

BODROV OLEG V., SHARIFZHANOV IZMAIL I., YAGUDIN BULAT M.

Historiographical revolution of the late 20th c. (Review: B. G. Mogilnitsky. History of historical thought of 20th c.)

Keywords: *B. G. Mogilnitsky, history of historical thought, historiographical revolution, methodology of history.*

Yudin Alexey V. *A portrait of the historian*

(Review: T. N. Ivanova. Vladimir Ivanovich Gerie: a portrait of Russian pedagogue and educationalist. Cheboksary. Shuvash University publishing House, 2009, 382p.)

Keywords: *V. I. Gerie, Russian historians, teaching of world history in the 19th c.*

LISEVICH NINA G. *Memoir sources on the history of Komi Rehon in the 20th c.*

Series 'People of science' in Komi academic centre URO RAS

Keywords: *memoirs, history of Komi, academic centre of Komi URO RAS, series 'People of science'.*

СОДЕРЖАНИЕ

К 95-летию М. А. Барга

И. Н. Ионов

Кризис исторического сознания и логико-лингвистические зигзаги цивилизационных концепций.....	5
---	---

Из истории науки

Danielle Jacquart

Трудности летального прогноза.....	22
------------------------------------	----

А. В. Стогова

Дружеские отношения в медицинском дискурсе в конце XVI – начале XVII вв.....	34
--	----

В. П. Корзун, Д. М. Колеватов

Образ исторической науки в первое послевоенное десятилетие: трансформация историографических координат.....	59
---	----

История идей и понятий

А. А. Войтенко

Идеи миллениаризма в Египте I–IV вв.....	86
--	----

К. Д. Бугров, М. А. Киселев

«Закон» и «Совет»: концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.)	110
---	-----

К. И. Шнейдер

Ранний русский либерализм: власть свободы или свобода власти?.....	140
--	-----

Идеология и политика

М. М. Горелов

«Панегирик королеве Эмме»: свидетельство исторической памяти или политическая пропаганда?.....	151
--	-----

Ю. Е. Барлова

«Надзор и прибыль»: общественное призрение и социальная помощь в теоретических конструктах Иеремии Бентама.....	166
---	-----

Е. М. Миронова

Русская дипломатическая мысль в конце 1917 г.....	187
---	-----

Образ Другого

А. Б. Соколов

Тело как способ идентификации Другого.....	213
--	-----

Е. Н. Моисеева

Националистическая риторика и конфессиональный фактор во французском имперском дискурсе последней трети XIX в.....	233
--	-----

М. А. Липкин

Маркиз де Кюстин в 1957 году? Записка французского интеллектуала о трехнедельной поездке в СССР.....	251
--	-----

История, религия, культура

<i>Н. Д. Кленьшева</i>	
Рождение ребёнка в древнеримской семье: боги и ритуалы.....	260
<i>Ю. Я. Вин</i>	
Мотивации актов поземельных отчуждений византийских крестьян...	274
<i>Л. Б. Сукина</i>	
О так называемом «посадском» элементе в социокультурной среде русского города XVII в.....	284
<i>О. Д. Шемякина</i>	
Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура: историческое наследие и современный контекст.....	298

История настоящего

<i>Е. А. Осипов</i>	
Европейские идеи Жоржа Помпиду.....	321
<i>Н. И. Пупыкин</i>	
От голлизма к неоголлизму: эволюция идеологии и политики.....	331
<i>С. М. Гаврилова</i>	
Современная Италия глазами российских ученых.....	342

Читая книги

<i>О. В. Бодров, И. И. Шарифжанов, Б. М. Ягудин</i>	
Историографическая революция последней трети XX века (рец. на кн.: <i>Могильницкий Б. Г.</i> История исторической мысли XX века)	361
<i>А. В. Юдин</i>	
Портрет историка (рец. на кн.: <i>Иванова Т. Н.</i> Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования).....	374
<i>Н. Г. Лисевич</i>	
Мемуарные источники по истории Коми в XX в. (Серия «Люди науки» Коми научного центра УрО РАН).....	382
Summaries.....	392
Содержание.....	397
Contents.....	399

CONTENTS

95th anniversary of M. A. Barg

Ionov Igor N.

- Logical and linguistic zigzags of the concepts of civilizations
in contemporary Russia..... 5

History of science

Jacquart Danielle

- Problems of lethal prognosis..... 22

Stogova Anna V.

- Friendship in the medical discourse of the late 16th – early 17th cc..... 34

Korzun Valentina P., Kolevatov Dmitriy M.

- Image of historical discipline in the first post-war decade:
the transformation of historiographic coordinates..... 59

History of ideas and concepts

Voytenko Anton A.

- Millenarist ideas in Egypt in the 1st-4th cc..... 86

Bugrov Konstantin D., Kiselev Mikhail A.

- “Law” and “Council”: the Conceptual Field of the Political Reform Projects
prepared by the Russian Bureaucratic Elite (late 1750s – early 1760s)..... 110

Shneider Konstantin I.

- Early Russian liberalism: power of freedom or freedom of power?..... 140

Ideology and Politics

Gorelov Maxim M.

- Encomium Emmae Reginae: historical memory or political propaganda?... 151

Barlova Yulia Ye.

- ‘Surveillance and profit’: poor relief and social care
in theoretical constructs by Jeremy Bentham..... 166

Mironova Elena M.

- Russian diplomatic thought at the late 1917..... 187

The Image of the Other

Sokolov Andrey B.

- Body as a way to identify the ‘Other’..... 213

Moiseeva Ekaterina N.

- Nationalist rhetoric and confessional factor in the French Imperial discourse
of the late 19th c..... 233

Lipkin Mikhail A.

- Marquis de Custine in 1957? A note of a French intellectual
on his three-weeks journey to the USSR..... 251

History, religion, culture

<i>Klenysheva Nathalia D.</i>	
Childbirth in a Roman family: gods and rituals.....	260
<i>Vin Juriy Ja.</i>	
The motives of the acts of the land alienations of Late Byzantine Peasants....	274
<i>Sukina Liudmila B.</i>	
On the so-called “posadsky” (trade) element of social and cultural environment of Russian city of the 17 th century.....	284
<i>Shemyakina Olga D.</i>	
Contradictions between Russian Modern-project and traditional culture: historical heritage in contemporary context.....	298

Contemporary History

<i>Osipov Evgeny A.</i>	
European ideas of Georges Pompidou.....	321
<i>Pupykin Nikolay I.</i>	
From Gaullism to Neo-Gaullism: evolution of ideology and politics.....	331
<i>Gavrilova Svetlana M.</i>	
Russian scholars on contemporary Italy.....	342

Reading books

<i>Bodrov Oleg V., Sharifzhanov Izmail I., Yagudin Bulat M.</i>	
Historiographical revolution of the late 20 th c (Review: <i>B. G. Mogilnitsky</i> . History of historical thought of 20 th c.).....	361
<i>Yudin Alexey V.</i>	
A portrait of the historian (Review: <i>T. N. Ivanova</i> . Vladimir Ivanovich Gerie: a portrait of Russian pedagogue and educationalist. Cheboksary. Shuvash University publishing House, 2009, 382p.).....	374
<i>Lisevich Nina G.</i>	
Memoir sources on the history of Komi Region in the 20 th c. Series ‘People of science’ in Komi academic centre URO RAS.....	382
Summaries.....	392
Содержание.....	397
Contents.....	399